

ИНДЕКС УСТОЙЧИВОСТИ /
sustainability index

XVII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
ЗОДЧЕСТВО-2009

Москва, Центральный выставочный зал «Манеж»
15-18 октября 2009 г.

**ИНДЕКС
УСТОЙЧИВОСТИ**

Главный приз фестиваля –
Российская национальная премия
в области архитектуры

«Хрустальный Дедал»

Учредитель фестиваля – Союз архитекторов России
www.zodchestvo.com

Спонсоры номера

события	
Интерарх-2009	3
Решение II пленума правления Общероссийской общественной организации «Союз архитекторов России»	5
Томск приглашает иркутских специалистов для участия в конференции по деревянному зодчеству	6
Фестиваль «ДВ Зодчество-2009»	7
Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО	8
Молодежный архитектурный фестиваль «Города»	9
Зеленым городам говорят: да!	11
образование	
Дипломные проекты по архитектурным специальностям Института градостроительства, управления и региональной экономики Сибирского федерального университета (Красноярск): итоги и перспективы	20
Защита дипломов в ТГАСУ. Впечатления и размышления	
Дипломные проекты факультета изобразительного искусства: впечатления архитектора	22
Методические направления дипломного проектирования	
по градостроительству на архитектурном факультете ИрГТУ выпуска 2009 года	25
О результатах защиты дипломных проектов и работ по специальностям «Архитектура» и «Дизайн архитектурной среды» в ИнАрхДиз АлтГТУ в 2009 году	30
Музей горного дела в составе многофункционального комплекса «Змеиная гора» в городе Змеиногорске Алтайского края	
Организация архитектурной среды международного туристического маршрута на трансграничной территории Большого Алтая	32
Архитектурный диплом 2009 года в новых предлагаемых обстоятельствах	33
выставки	
Тысячелетнее дитя. Заметки по поводу живописи Сергея Элояна	38
Нужен лишний человек	40
новостройки	
Реконструкция здания аэровокзала в Иркутске	42
квартирный вопрос	
Принципиальность в зоне сна	44
Формирование жилья и жилой среды как современная попытка самоуправления в России	48
Концепция жилой среды микрорайона повышенной этажности: многоэтажный двор	51
сибирь	
Разработка схемы территориального планирования. Республики Хакасия	58
агломерация	
О стратегии и политике развития ЦНИИП градостроительства	62
наследие	
Ресурс или проблема?	64
Продолжающаяся жизнь деревянного города. Городец, Экфьё, Иркутск	66
Наследие и вертикаль	76
Средневековый город: памятник обольщения	78
Реставрация Успенской церкви в селе Оёк	80
Церковь усупения в селе Оёк. Восстановление деревянных покрытий и купольных конструкций	82
SOS	
Покровская церковь в селе Авдюшино, Тайшетский район	84
интернет-дайджест	85
наследие XX	
Марко Петрус – «Очевидец незримого». Образы Милана середины XX века	86
Яков Черников: чужой среди своих	91
Архитектура иркутского конструктивизма	95
интернет-дайджест	100
Зодчество Восточной Сибири	102

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала главному редактору журнала проект россия Барту Голдхоорну и издательству А-Фонд

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.10.2007.

руководитель проекта
Елена Григорьева

выпускающий редактор,
корректор
Инесса Бражникова

литературный редактор
и редактор раздела
«События»
Марина Ткачева

редактор раздела
«Наследие»
Алексей Чертилов

редактор раздела
«Интернет-дайджест»
Артем Ольшевич

арт-директор
Жанна Измайлова

Выражаем благодарность
за участие в подготовке
номера
Инне Улзикишиг,
Татьяне Анненковой

печать
ООО «Репроцентр А1»,
Тираж 3000 экз.

Подписано в печать 11.09.08
периодичность
4 раза в год

Использование текстовых
и фотоматериалов,
опубликованных в
настоящем издании,
допускается только с
письменного разрешения
редакции. За содержание
рекламной информации
редакция ответственности
не несет. Мнение редакции
не всегда совпадает с
мнением авторов

адрес редакции
г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3 952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru

Интерарх-2009

С 17 по 20 мая в столице Болгарии Софии прошла 12-я Всемирная архитектурная триеннале «Интерарх-2009». Организаторами форума стали Международная академия архитектуры, Союз архитекторов Болгарии и Софийский университет архитектуры, строительства и геодезии. Темой триеннале стала архитектура XXI столетия.

Среди участников конференции, выступивших с докладами, прозвучали громкие имена Доминика Перро и Альваро Сиза, Андрея Бокова и Юрия Платонова, свои взгляды на архитектуру третьего тысячелетия высказали известные теоретики Денис Шарп, Юхани Палласмяз, Ричард Ингланд. Национальные школы архитектуры были представлены в докладах Ки

Чжоу (Китай), Ахмета Вефик Альпа (Турция), Вахтанга Давитая (Грузия), представителей Мальты, Австралии, Финляндии, Италии, Болгарии, США и т.д.

Важным и радостным событием для всех авторов, сотрудников и читателей журнала «Проект Байкал» стало вручение нашему журналу Золотой медали «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания». Жюри признало нас лучшими среди более чем двадцати архитектурных изданий из многих стран Европы.

В рамках триеннале прошла выставка-конкурс архитектурных проектов и (отдельной номинацией) выставка студенческих проектных работ. Количество выставленных работ не позволяет подробно остановиться на

каждой, но общее впечатление таково, что подавляющее большинство авторов продолжает ориентироваться на эстетические идеалы «звездной» архитектуры. Объемные решения, скорее приближенные к скульптуре Генри Мура и Осипа Цадкина, чем к классическому ордеру, новейшие технологии офор-

холма, а с другой – крупной автострадой. В проекте предложено несколько смелых и оригинальных решений: так, парковка и часть служебных помещений расположена прямо под дорожным полотном. Сложная и асимметричная форма здания весьма скульптурна и выразительна. Белый бетон, сверкающий

Президент Международной академии архитектуры Георги Стоилов вручает Золотую медаль триеннале и диплом лауреата журналу «Проект Байкал». От имени журнала награду получает Константин Лидин. Фото Марка Мееровича

мления фасадов и дерзкие конструкционные решения – все это продолжает отсылать зрителя к нормам «эпохи архитектурно-строительного бума».

Ярким примером такого подхода стало здание фонда имени бразильского художника Ибере Камарго в Порту-Алегре, Бразилия. Проект начат Альваро Сиза еще в 1998 году, строительство завершено в 2008. Здание вписано в крайне неудобный ландшафт: с одной стороны площадка ограничена крутым склоном

под жарким бразильским солнцем, выглядит празднично и нарядно. Конструкция здания включает множество световых колодцев сложной формы, что позволяет снизить проемность до удивительно низкого уровня (во всем здании имеется два окна). Многократно отраженный свет теряет избыточную яркость тропического солнца и заливает интерьер мягким, ровным потоком.

Следует отметить, что большинство докладов архитекторов-практиков рассказывало о реализован-

В кулуарах конференции. Представители теоретической мысли современного архитектурного сообщества – Георги Станишев (Болгария), Ричард Ингланд (Мальта), Кеннет Фрамpton (США), Деннис Шарп (Великобритания)

Световое решение интерьеров. Сложная, скульптурная форма здания позволяет организовать оптимальный световой поток при очень низкой проемности.

Макет к проекту София-Сити. Автор Заха Хадид

Открытие выставки. Слева направо: директор Галереи Ирина Мутафчиева, вице-президент ICIF Георги Станишев, президент Международной Академии Архитектуры Георги Стоилов, президент ICIF Андрей Черников

На церемонии закрытия триеннале. Президент МАА Г. Стоилов вручает награду победителям студенческого конкурса

Презентация проекта группы лорда Норманна Фостера

ных проектах именно в данном направлении – ярком, праздничном, приближающем архитектурный объект к произведениям декоративных искусств.

В то же время лекции теоретического направления объединяла новая концепция, к которой посткризисная архитектура, по-видимому, только еще готовится перейти. Так, большой интерес вызвал доклад финского архитектора Юхани Палласмяэ. Доклад фактически представлял собой краткий пересказ недавно опубликованной книги Палласмяэ «Думающие

руки» (The Thinking Hand), опубликованной в апреле 2009 года. Книга представляет собой сборник эссе – тематическое продолжение предыдущей книги того же автора «Глаза кожи» (The Eyes of the Skin, 2005). Центральной идеей обеих книг стала критика сложившегося положения, когда в практической архитектуре сильнейший перевес получило зрение. Для проектировщика важно лишь то, как его здание будет выглядеть. Такому декоративному подходу Палласмяэ предлагает противопоставить более сбалансированный по каналам

восприятия подход, учитывающий и кожное, и мышечное восприятие архитектуры – восприятие здания как жеста и прикосновения. Весьма контрастно с докладами «звезд» прозвучал в лекции Палласмяэ ностальгический призыв к идеалам маленького, скромного и уютного дома, мягкого, теплого и привычного, похожего по восприятию на старые домашние тапочки.

В рамках триеннале также прошла выставка проектов комплексной застройки центра болгарской столицы «София-Сити-21». В выставке участвовали многие имени-

тые авторы: Норманн Фостер, Заха Хадид, Максимилиано Фуксас, Доминик Перро, студии G3 (Георги Стоилов) и ADAIS (Г. Бакалов). В связи с глобальным кризисом перспективы реализации проектов выглядят смутно, однако проекты были выставлены в здании Центрального дома болгарской армии.

Также к проведению триеннале была приурочена выставка номинантов премии «Вызов времени», которую вручает Международный благотворительный архитектурный фонд имени Якова Чернихова. Выставка открылась 19 мая и включила большое количество работ за 2006–2008 годы. География участников впечатляет: Европа, обе Америки, Азия... Премия вручается молодым архитекторам (до 44 лет) один раз в два года за работы концептуального характера, имеющие социальную направленность. Как сказано в Положении о премии, «проектная концепция... должна сочетать новаторский ответ архитектора современности и одновременно профессиональный вызов будущему». Медаль победителя конкурса и чек на пятьдесят тысяч евро получил японский архитектор Джунья Ишигами (Junya Ishigami+associates).

Следующий форум в Софии планируется через три года. Мы надеемся, что к 2012 году наш журнал достигнет новых успехов и Золотая медаль нынешней «Интерарх» будет подтверждена новыми наградами.

Решение II пленума правления Общероссийской общественной организации «Союз архитекторов России»

Обсудив материалы конференции «Проблемы градостроительства в Российской Федерации», участники пленума отметили следующее.

В отсутствии стратегии пространственного развития страны развивается дисбаланс между отдельными регионами, что ведет к усилению нежелательных миграционных процессов, к дезинтеграции единого экономического и социального пространства.

В органах государственной власти России отсутствует понимание важности градостроительной политики страны, обеспечивающей её территориальную целостность и механизм формирования. В сфере градостроительной деятельности не развита традиция и практика диалога профессионалов с обществом и властью, отсутствуют общественные институты, способные выступить в роли партнеров градостроителей.

В городах нарастают противоречия, вызванные, с одной стороны, процессом повышения разнообразия архитектурно-строительной деятельности в условиях рыночной экономики, а с другой – ухудшением качества городской среды, неспособностью поддержания исторической застройки и невозможности культурными утратами. Высокая строительная активность при недостаточно выверенной городской политике обернулась тяжелейшими последствиями для городов, обострением транспортных проблем, разрушением общественных и общедоступных пространств, нарушением и частичной утратой природных ландшафтов, ускорением процессов износа инженерной инфраструктуры.

Продолжается деградация значительной части малых городов и сельских населенных мест. Отсутствие экономической стратегии оборачивается серьезными негативными социальными последствиями, прежде всего для монопрофильных поселений. Необратимыми стано-

вятся обезлюдивание сел и деревень, упадок сельского производства, сельского уклада жизни.

Градостроительный кодекс Российской Федерации ввел новое понимание градостроительства как единства территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории. Вместе с тем Градостроительный кодекс РФ требует совершенствования, необходимо усилить его взаимосвязь с другими федеральными законодательными актами. Отсутствие нормативно-методических документов, сборников цен снижают возможность объективной оценки качества документов территориального планирования, градостроительного зонирования и проектов планировки. Неэффективен отбор исполнителей на разработку этих документов и проектов. Острый недостаток квалифицированных кадров, отсутствие системы их воспроизводства ставят профессию градостроителя на грань полного уничтожения.

Участники II пленума правления Общероссийской общественной организации «Союз архитекторов России» решили:

1. Поддержать инициативу Союза архитекторов России (САР) и Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН) создания Совета по градостроительной деятельности при Президенте Российской Федерации.

2. Проинформировать полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах, высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и глав крупных муниципальных образований о принимаемых Союзом архитекторов России и РААСН мерах по совершенствованию работы в области градостроительства.

3. Одобрить создание Союзом архитекторов России Совета по территориальному планированию и градостроительству, а также группы экспертов.

4. Союзу архитекторов России в трехмесячный срок разработать Положение о негосударственной экспертизе документов территориального зонирования, градостроительного зонирования и планировки территории. Обратиться в Правительство Российской Федерации с предложением о поддержке данной инициативы и проинформировать регионы о возможности проведения экспертизы.

5. Союзу архитекторов России продолжить работу по внесению поправок в Градостроительный кодекс Российской Федерации (в частности, ввести понятие «агломерации»), а также в другие федеральные законы. Активизировать работу по подготовке подзаконных актов и иных первоочередных нормативных документов, в том числе связанных с охраной исторической среды городов.

6. Совету по территориальному планированию и градостроительству Союза архитекторов России сформировать рабочую группу с целью разработки научно-методических основ в области градостроительства, а также системы оценки стоимости создания данной документации. Обратиться в Правительство Российской Федерации о рассмотрении возможности финансирования данной работы, изыскать другие источники финансирования.

7. Рекомендовать исполнителям и заказчикам внесение в качестве обязательных разделов в градостроительную документацию:

- социально-экономического обоснования;
- обоснования сохранения исторического и культурного наследия, в том числе топонимов, местных традиций, праздников и т.д.;

8. Союзу архитекторов России совместно с Российской академией архитектуры и строительных наук:

8.1. Продолжить усилия по привлечению внимания руководства страны к проблемам градостроительства, подготовить в этих целях доклад Председателю Правительства Российской Федерации о текущем положении в градостроительстве России.

8.2. Организовать общественное обсуждение мировоззренческих основ градостроительной деятельности, теории управления пространственным развитием, методов разработки градостроительной документации, способствующих внутрипрофессиональному развитию.

8.3. Организовать мониторинг и профессиональное обсуждение разрабатываемых документов территориального зонирования и градостроительного зонирования с целью выявления и поддержки лучших работ, накопления банка успешных проектных решений, данных по созданию качественной среды обитания. Рекомендовать региональным организациям САР, в соответствии с требованиями Градостроительного кодекса Российской Федерации и по согласованию с соответствующими органами государственной власти субъектов Российской Федерации, проводить обсуждение готовящейся конкурсной документации и технических заданий на ее разработку, а также самих документов, прежде всего схем территориального зонирования, генеральных планов и пр.

8.4. Создать рабочую группу по разработке концепции образования и повышения квалификации специалистов в области территориального зонирования и градостроительного зонирования, активизации деятельности курсов подготовки и переподготовки специалистов соответствующего профиля, разработать предложения по системе профессиональной подготовки кадров для занятия должности главного градостроителя (архитектора) субъекта Российской Федерации.

г. Москва
29 мая 2009 года

Федерации, муниципального образования и других ведущих специалистов градостроительного профиля.

9. Союзу архитекторов России:

9.1. В связи с фактами недобросовестной конкуренции взять под общественный контроль организацию конкурсов на подготовку документов территориального планирования, правил землепользования и застройки, наладить работу с органами местного самоуправления

по вопросам подготовки конкурсной документации и проведения конкурсов.

9.2. Способствовать формированию общественно-профессионального объединения, которое могло бы представлять интересы специалистов разных профессий, работающих над проблемами поселений, а также общественных организаций, органов местного самоуправления и представителей местных сообществ, заинтересованных в созда-

нии качественной среды обитания в городах и сельских поселениях.

9.3. Обеспечить проведение специального смотря-конкурса в области градостроительства (по документам территориального планирования, градостроительного зонирования и иным компонентам градостроительной деятельности).

9.4. Организовать информационное обеспечение профессиональной деятельности, в частности созда-

ние специализированного сайта в сети Интернет, с возможностью проведения интернет-конференций по наиболее острым градостроительным проблемам.

9.5. Опубликовать материалы конференции «Проблемы градостроительства в Российской Федерации» в средствах массовой информации и разместить их в сети Интернет.

Томск приглашает иркутских специалистов для участия в конференции по деревянному зодчеству

20 июня 2009 года в администрации Томска состоялась встреча первого заместителя мэра Евгения Паршуто с работающим в составе государственной аттестационной комиссии ТГАСУ и находящимся в Томске членом-корреспондентом Российской академии архитектуры и строительных наук, членом-корреспондентом Международной академии архитектуры, доктором исторических наук, профессором Марком Мееровичем.

В рамках встречи первый вице-мэр Евгений Паршуто и главный архитектор Томска Владимир Корнев представили профессору Марку Мееровичу городскую программу сохранения деревянного зодчества. Профессор поделился своими впечатлениями о Томске и озвучил собственные взгляды на процесс сохранения деревянных объектов культурного наследия в России в целом и в Сибири в частности.

Так, Марк Меерович отметил, что Томску удалось в более целостных формах сохранить историческую застройку и городскую среду деревянного Томска, нежели в Иркутске. И это несмотря на то, что в городе на Ангаре деревянных памятников больше, чем в Томске. По его мнению, основная задача городов, обладающих уникальным архитектурным наследием, — не только сохранить целостные фрагменты исторической застройки, но и вернуть им традиционную функцию

жилой усадебной застройки. Это требует разработки специфических программ регенерации исторических кварталов и инвестиционных проектов, которые позволят расселять ветхое и неблагоустроенное жилище, инженерно оборудовать территорию и осуществлять комплексное восстановление исторической среды. Но не в музеефицированном виде, а в виде реставрированных, реновированных памятников, воспроизведения средовой и фоновой аутентичной среды, переноса сооружений с тех мест, где окружающая их среда уже уничтожена, и даже новостроя, но в соответствии с традиционными технологиями и в полном воспроизведении внешнего вида исторических зданий.

Подход, при котором памятник получает право на реставрацию лишь в том случае, если он превращается в музей, должен быть заменен на совершенно иной: «Прорабатывая проекты развития городов, мы выделяем специальные зоны, куда переносим ценные объекты (памятники федерального или регионального значения), превращаем их в музейные комплексы, у которых потом нет ни денег, ни посетителей, — пояснил Марк Меерович, — такой подход должен быть исключен».

Еще одной из главных проблем ветхости и «запущенности» исторической застройки российских городов иркутский архитектор считает такое наследие

советской эпохи, как «коммунальный менталитет»: «До революции деревянные дома находились в частной собственности. После революции усадебная деревянная застройка принудительно уплотнялась и целенаправленно превращалась в коммунальное жилище — квартиры с покомнатно-посемейным заселением. Как неизбежное следствие, эти дома тут же утрачивали каждодневную заботу хозяев о постоянном мелком самостоятельном ремонте, потому что обитатели коммунальных квартир, не имея ни права собственности, ни чувства ответственности о «не своем» жилище, переложили всю заботу о домах, в которых обитали, на власть. Люди перестали своими руками забивать гвозди, прибивать половицы, вставлять стекла, подправлять штакетники, чинить кровлю и т.п. То есть перестали проявлять то попечение о домах, которое жизненно необходимо для поддержания деревянных домов в нормальном состоянии», — сказал Марк Меерович.

За долгие годы во многих исторических городах России деревянная застройка пришла в ветхость. И рассматривается сейчас не как объект капитального ремонта, благоустройства, технического обеспечения — водоснабжения, канализования и прочее, а как помеха в развитии города, которую следует как можно скорее снести для того, чтобы на

этом месте построить что-то современное.

После восстановления, считает Марк Меерович, объекты деревянного зодчества должны передаваться в управление одному собственнику, либо вообще менять жилую функцию зданий на иную, определяемую проектами регенерации кварталов исторической застройки.

Как сообщили в пресс-службе томской мэрии, по итогам встречи стороны приняли решение провести в Томске конференцию, посвященную вопросам сохранения объектов деревянного зодчества, и пригласить к участию в ней специалистов из Иркутска.

Как подчеркнул в заключение встречи Евгений Паршуто, «бюджетный механизм» реализации программы сохранения деревянного зодчества в нынешней экономической ситуации не приемлем, а потому администрация Томска разрабатывает новые инструменты реализации подобных проектов, и опыт восстановления объектов деревянного зодчества в других исторических городах будет, безусловно, полезен томичам.

По материалам пресс-службы томской мэрии

Фестиваль «ДВ Зодчество-2009»

Дальневосточный архитектурный фестиваль в Хабаровске проводился в канун Дня рождения города, 30–31 мая, уже в тринадцатый раз. Празднование Дня города всякий раз обеспечивает фестивалю солидную публику: на открытии присутствует высокое начальство, многочисленные жители и гости города, а также участники фестиваля, съехавшиеся из Приморья, Якутии, Амурской и Сахалинской областей. Не стал исключением и нынешний архитектурный вернисаж. На выставке работ можно было видеть и архитекторов из Комсомольска-на-Амуре, Биробиджана и других населенных мест края. Всех привлек сюда обычный интерес, любопытство: чем же на сей раз удивят дальневосточные зодчие? Нельзя не сказать и о том, что за все эти годы так ни разу не приняли участие в фестивале ни Магаданская, ни Камчатская области. Нет работ и из Еврейской автономной области. Очень робко и с малым количеством работ выступают Амурская и Сахалинская области.

Теплая погода сопровождала участников и гостей фестиваля все дни, поэтому многие посетители старались долго не задерживаться на выставке. Кое-как утолив свое любопытство, они спешили из манежа к Амуре, на набережную и городские улицы. Фестиваль, как известно, был организован в 1997 году по инициативе заслуженного архитектора России Александра Сергеевича Ческидова и теперь носит его имя. По сложившейся традиции в фестивале принимали участие не только профессиональные архитекторы, но и студенты вузов, в которых осуществляется подготовка архитекторов и дизайнеров, а также детские художественные школы, гимназии и лицеи. Участники фестиваля, архитекторы из Амурской и Сахалинской областей, Хабаровского и Приморского краев, а также Республики Саха (Якутия) представили на суд зрителей и компетентного жюри 175 работ. Среди них значительно преобладали проекты (112 работ). По разделу «Постройки»

жюри рассматривало 59 осуществленных объектов, а по разделу «Пропаганда архитектуры» всего 4 публикации, и это свидетельствует о том, что пропаганда архитектурных достижений ведется в регионе далеко не на высоком уровне. В состав жюри, которое возглавлял А.И. Селеменев, входили представители всех территорий, представивших работы на фестиваль. Современное положение, сложившееся в российских регионах, не могло не сказаться на проектно-строительном деле. Анализ последних лет показывает нам, что практически исчезли крупные градостроительные работы, все больше и больше архитектура уходит в сферу частных заказов. И здесь опять же практика последних лет демонстрирует нам, что далеко не каждому архитектору уготована безбедная жизнь и интересная работа. Оказалось, что свои способности надо доказывать, заказы надо искать и добывать, бороться за них. Умение бороться и подтверждать на практике свой профессионализм выдерживают

далеко не все. И в данном случае выбор у молодого архитектора невелик – или быть «на подхвате» у мастера, или уходить из профессии, искать что-то иное. Такова, как говорится, проза жизни. Об этом и многом другом приходится сегодня говорить педагогам-архитекторам своим студентам, беседуя с ними «по душам».

Из года в год удивительное постоянство высокого уровня своих творческих достижений демонстрирует архитектурная мастерская «АКАНТ» А. Мамешина, в которой плодотворно работают его жена Алеватина Васильевна и сын Алексей. Вот и на этот раз они удостоились Золотого диплома в номинации «Архитектура культовых зданий» за последний по их проекту православный храм Преподобного Серафима Саровского в Хабаровске, Золотого диплома за памятник первостроителю Хабаровска Якову Дьяченко (соавторы скульпторы А.И. Рукавишников, В.А. Рукавишников, архитектор С.В. Сергейчук), а

также Бронзового диплома за комплекс построенных в Хабаровске 25-этажных жилых домов по ул. Волочаевской (соавтор архитектор С.С. Вялкина). Золотой диплом в номинации «Архитектура жилых зданий и комплексов» достался архитекторам из Южно-Сахалинска (рук. мастерской М.П. Сплав), а два Серебряных – группе приморских архитекторов во главе с А.В. Карповым и архитектором из института «Хабаровскпромпроект».

В 2008 году в исторической части Хабаровска к краеведческому музею был пристроен новый корпус, автором которого стал один из ведущих архитекторов города А.П. Редькин. Именно этот объект и получил на фестивале Золотой диплом в номинации «Архитектура общественных зданий и комплексов». Якутские архитекторы, всегда выступавшие на фестивале активно и успешно, в этом году более всего проявили себя в разделе «Проекты», получив Золотые дипломы сразу в двух главных номинациях – и

жилые, и общественные здания и комплексы. Проекты «Шумозащитный жилой дом с соцкультбытом в Якутске» (рук. Г.О. Карамзин, автор и ГАП Н.И. Румянцев) и «Здание пассажирского терминала аэропорта в Якутске» (рук., соавтор И.И. Шишигин, автор И.А. Николаев, соавтор А.Н. Толстяков) не только вызвали интерес у публики, но и получили всеобщее одобрение и самую высокую оценку у компетентного жюри. В этом же разделе проектных работ якутские архитекторы удостоились и Серебряного диплома за проект «Офисно-торговый ком-

плекс с гостиницей БАЙДАМ в 74-м квартале Якутска», а также дипломов более низких номинаций еще за несколько представленных работ.

Фестиваль продемонстрировал отношение архитекторов и к реставрационной практике. В этой номинации было представлено 12 работ из Хабаровска, Владивостока и Комсомольска-на-Амуре. В последние несколько лет все больше и больше работ появляется и в номинации «Дизайн интерьеров и городской среды». Прошедший смотр также продемонстрировал неослабевающий

интерес архитекторов к данной тематике. Из 21 представленной работы жюри удалось выявить лучшие и по достоинству оценить их. Как уже отмечалось выше, мало работ, всего 11, было представлено в разделе «Градостроительство». Золотого, Серебряного и Бронзового дипломов в этой номинации удостоились архитекторы из Владивостока. И наконец, в номинации «Пропаганда архитектуры» Золотой диплом был вручен коллективу авторов во главе с В.И. Лучковой за книгу «Панорама избранных проек-

тов студентов, 2008». В этой книге опубликованы лучшие проекты двух архитектурных школ – Тихоокеанского государственного университета и Харбинского архитектурного института. По традиции общение дальневосточных архитекторов продолжилось уже вечером в кафе.

Николай Крадин
Фото Николай Крадин

Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО

Тринадцать объектов были добавлены в Список Всемирного наследия во время 33-й сессии Комитета по Всемирному наследию ЮНЕСКО в Севилье (Испания). Представителем МСА на сессии была Луиза Кокс. Дворец Стоклет в Брюсселе, признанный бельгийскими властями к историческим памятникам, был занесен в список ценностей. Построенный в 1911 году австрийским архитектором Джозефом Хоффманом, дворец вмещает в себя основные работы таких авторов Венского сецессиона, как, например, Густав Климт, Коломан Мозер и Фернан Кнопф.

С момента принятия Конвенции по Всемирному наследию в 1972 году Комитет во второй раз удаляет объект из Списка Всемирного наследия. Комитет пришел к выводу, что Долина Эльбы в Дрездене не сохранила свою мировую ценность, которая ранее послужила основанием для внесения долины в Список Всемирного наследия. Причина этому – строительство моста в самом сердце культурного ландшафта долины.

Полный перечень объектов всемирного наследия приведен на вебсайте whc.unesco.org/fr

Строительство моста в Дрездене.
Фото Андрея Ляпина

Молодежный архитектурный фестиваль «Города»

Кто: Союз московских архитекторов, архитектурная мастерская А. Асадова. Куратор – Овчинников

Где и когда: Алтай, июль – август 2009 года.

Что: Натуральное экологическое жилище – своими руками!

Концепция фестиваля
Фестиваль «Города» проходит с 2005 года. Два раза в год, зимой и летом, молодые архитекторы собираются вместе и строят свой «Город». За 5 лет «семейный» фестиваль московских мастерских вырос в большое молодежное движение. География «Городов» простирается от Калининграда до Владивостока, захватывая страны ближнего зарубежья. Во многих уголках нашей страны появились аналоги

«Городов» – «БухАрт» в Иркутске, «Другое значение» в Ярославле, «О'Город» в Нижнем Новгороде. За эти годы собрались сплоченные команды, опыт возведения арх-объектов своими руками неуклонно растет.

Пройдя путь от задачи по реконструкции пристани и создания детского городка в Суханово, создавая «места для медитаций» на Байкале и инсталляции для «Города мечты» в Крыму, фестиваль логично пришел к теме жилого пространства и создания модели архитектуры, гармонирующей с окружающей средой.

Выбирая уникальное место в горах Алтая, мы заранее поставили перед собой непростые задачи. Строить планировалось только из тех материалов, которые можно найти на месте. Это один из принципов эко-архитектуры и новое

КМА. Иркутск

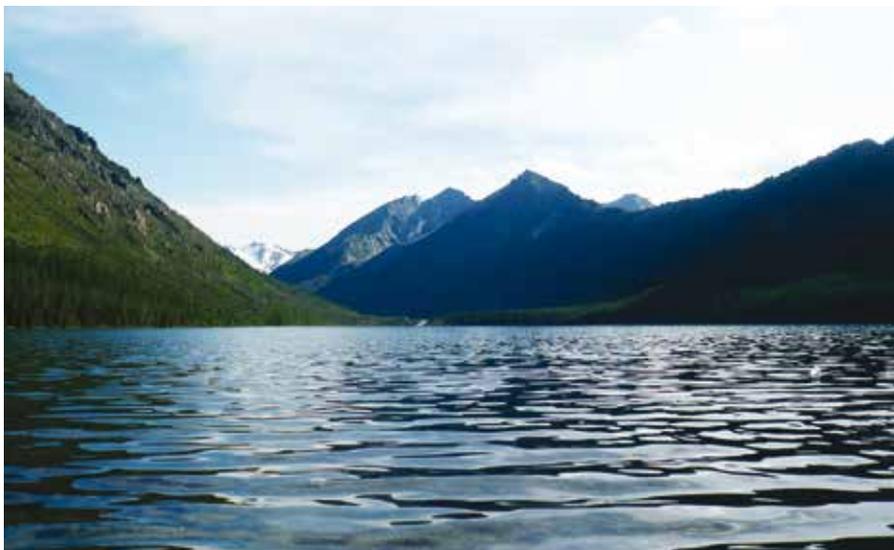
испытание для участников. Результатом работы каждой команды должно было стать автономное энергоэффективное сооружение, а общим итогом Города – экологическое

поселение, созданное по всем законам эко-архитектуры.

Итак, в это непростое для профессии время мы предложили молодым архитекторам собраться в окружении первозданной природы, чтобы ощутить истоки архитектуры и осознать пути ее будущего развития.

Молодежный архитектурный фестиваль «Города» – фестиваль-кочевник, фестиваль-путешественник, он кочует по долам и весям земли Русской в поисках умов молодых и пытливых, людей работающих, труда ручного не сторонящихся и ремеслу архитектурному обучающихся. Возводят эти люди города деревянные и всегда со смыслом глубинным: то о снежной стихии, то о водной, то детство помянут, а то и таинства шаманские...

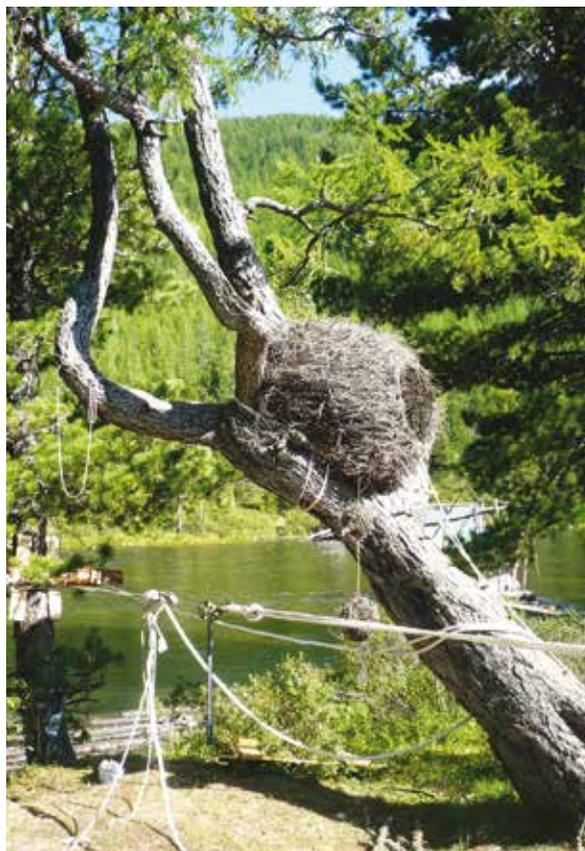
Цель таких «городов» – развить у молодых архитекторов умение реализовывать свои объекты в определенном

Мультиинские озера

«Зал бракосочетаний»

ограниченном по площади пространстве со всей его данностью и в то же время научить вписывать свои проекты в цельную, постоянно развивающуюся и трансформирующуюся архитектурную среду, ведь никогда заранее не известно, какое сверхстроение замыслил твой сосед по застройке и как в дальнейшем уживутся ваши творения. В то же время именно здесь зарождается это ощущение общности, которое и позволит сегодняшним студентам и выпускникам архВУЗов через 5–10 лет называться архи-

тектурным сообществом...» («SALON» 2007–2008)

Конкурс
Внимание! В целях поощрения фантазии всех участников и достижения качественного результата оргкомитет фестиваля объявил конкурс на лучший объект фестиваля в нескольких номинациях:

1. Самый «зеленый» объект – за экологический подход.
2. Самый «натуральный» объект – за максимальное использование натуральных материалов.
3. Самый экономичный

объект – за рациональную конструкцию.

4. Самый автономный объект – за применение лучшего энергоисточника.

5. Самый интерактивный объект – за лучшую эко-функцию.

6. Самый полезный объект – наиболее востребованный участниками фестиваля.

7. Самый комфортабельный объект – самое удобное для проживания эко-жилище.

(Список номинаций предварительный и будет уточняться по ходу фестиваля.)

Объявление результатов конкурса состоится 9 августа

во время презентации Города. Все отобранные объекты войдут в состав экспозиции фестиваля на ведущих выставочных площадках страны, а также будут широко опубликованы в прессе.

Возможные варианты дальнейшего использования объектов Города:

- парк-музей архитектуры и современного искусства под открытым небом;
- место для проведения различных фестивалей и семинаров;
- киноплощадка.

PLOT, команда «Хат энд секси», Москва

Зеленым городам говорят: да!

С 1 по 9 августа Усть-Коксинский район Республики Алтай принял в своих заповедных зонах участников архитектурного фестиваля «Зеленый город XXI века». Это масштабное мероприятие ежегодно с 2005

года организует Союз московских архитекторов и Архитектурная мастерская А. Асадова.

В этом году фестиваль поставил собственный рекорд по количеству участников. На строительство эко-города съехались более 700 архитек-

торов из 20 городов России и ближнего зарубежья.

Темы построек предлагались самые разнообразные: дома на земле, дома под землей, дома на деревьях, дома на воде, мосты, свободные формы. Главное, чтобы в результате получил-

ся город, отвечающий всем законам эко-строительства. Это в свою очередь означает применение современных инженерных технологий, новейших разработок в области создания архитектурных форм из природных материалов.

Таким образом, за несколько дней силами молодых архитекторов на берегу Нижнемультинского озера выросло большое экологическое поселение. Александра Козак и Алексей Сергеев, постоянные участники подобных фестивалей, рассказали журналисту ПБ Марине Абдуллиной о том, как на этот раз иркутская команда справилась с поставленной задачей.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Молодые иркутские архитекторы каждый год принимают участие в этом фестивале. Какая команда отправилась строить город на этот раз?

АЛЕКСАНДРА КОЗАК

Команда КМА-Иркутск состояла из 13 человек. Это сборная солянка из молодых архитекторов, которые уже принимали участие в подобных мероприятиях, и тех, кто приехал на фестиваль «Города» впервые. Основной костяк нашей команды – «ОРКи», а помогли нам творческий коллектив «Любовники» и несколько новых участников. Изначально мы не были одной компанией, но, приехав туда, смогли стать единым творческим коллективом.

ПБ

Чем фестиваль «Зеленый город» отличается от других «Городов»?

АК

Это самый масштабный фестиваль. Увеличение численности участников до 700 человек произошло после фестиваля «Шаман-город», который проходил на Байкале два года назад. Тогда приехало неожиданно большое количество архитекторов. После этого с каждым годом фестиваль становится все более крупным. В этом году большому наплыву участников не помешал даже тот факт, что территория, на которой мы строили в этот раз, располагается в совершенно диких местах. Участниками было построено 70 композиций. И организаторы фестиваля могли с радостью отметить этот неожиданный положительный скачок.

ПБ

Сооружением какого эко-жилья занималась команда из Иркутска?

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВ

На этот «Город» было выполнено несколько эскизов предполагаемой композиции. В эти варианты вкладывались разные смыслы и функции. Но, приехав на место, я пришел к выводу, что не нужно строить там сооружение, наполненное идеей, сложное по конструкции. Лучше сделать композицию, которую захочется созерцать. В итоге мы создали место, где можно посидеть, расслабиться, пообщаться. Это две площадки, расположенные на высоте пяти метров от земли, очень воздушные и напоминающие форму деревьев.

ПБ

Сложно было строить из подручных материалов?

АК

Да, процесс строительства был сложным. Нам нужно было идти в лес, искать материалы, срубать деревья, приносить их, распиливать, собирать. Таким образом, мы прошли все стадии строительства и полностью собрали объект своими руками.

АК

Масштаб сложности композиции зависел от опыта команды и ее амбиций. Кто-то приехал в первый раз и даже не знал, за что взяться. Мы были уже не раз в таких условиях, поэтому считались подготовленными. Свою роль сыграли погодные условия и сложный ландшафт. Каждый день – облачность, дожди, это создавало определенные трудности при строительстве. Также мешало то, что для строительства не было плоских поверхностей. Но наша компания была дружной, поэтому мы со всем справились.

Была предусмотрена площадка для строительства в контексте леса. Каждый, как мог, пытался вписаться в эту среду. У кого-то получилось, у кого-то нет. Некоторые добились такого эффекта от своих сооружений, что на первый взгляд их строения выглядели природными, не искусственного происхождения. За счет того, что входение в природную среду было одним из определяющих факторов, постройки получились очень необычными.

ПБ

Чем этот фестиваль важен для вас?

АК

Мы поехали туда для получения новой информации, опыта, для того чтобы что-то построить, проследить весь процесс. Кроме этого, нам представилась отличная возможность встретиться с друзьями и завести новые знакомства. Ведь скопление 700 архитекторов бывает лишь раз в год и такое нельзя пропускать.

АК

У каждой команды были свои причины ехать на этот фестиваль. Для команды Иркутска это обязательное мероприятие, более того, мы организуем свой фестиваль БухАрт, и опыт участия в таких масштабных мероприятиях нам очень полезен. Делясь своими идеями с другими участниками, сделал презентацию своего фестиваля, мы зажгли этим настроем другие команды. Нас заметили, и, я думаю, мы можем подавать молодым архитекторам хороший пример. Кроме непосредственного строительства мы активно принимали участие во всех мероприятиях, которые там проходили. Организовывались спортивные соревнования, выступления отдельно взятых команд. В походном кинотеатре были показы различных научно-популярных фильмов и интересного игрового кино. Также демонстрировались презентации работ архитектора Асадова, презентации об эко-жилище, анонсы предстоящих мероприятий по этой тематике.

ПБ

Тема эко-жилья в архитектуре очень актуальна. Насколько вам интересно заниматься этим?

АК

С эко-жильем все не так-то просто. В архитектуре нельзя заниматься решением определенной экологической проблемы без предварительного детального изучения. Молодые архитекторы на данном этапе могут создавать только пробные, рабочие варианты того, что могло быть построено в дальнейшем. Конечно,

в практике уже есть опыт строительства экологического жилья, но это единичные случаи. Определенные архитекторы таким образом высказывают свои взгляды, предпочтения в строительстве. Безусловно, это очень интересная тема, но пока мы можем заниматься ею только для саморазвития, самокопания.

АК

Конечно, это актуально. Мы должны использовать природные материалы в своей работе. В России до сих пор остается популярным жилье маломасштабного плана. Каждый хочет дачу на природе, вдали от пыльных мегаполисов. Поэтому необходимо заниматься этой темой, развивать ее. Как архитекторы мы создаем не только красивую оболочку, но и саму среду существования человека. Об этом надо задумываться.

ПБ

Как можно использовать сооружения Зеленого города после фестиваля?

АК

Организаторы изначально предполагали устроить музей под открытым небом. Тема «меняющийся музей в меняющемся мире» сейчас очень актуальна. Музей – это определенный след поколения для будущего. Это своеобразная попытка делать новейшую культуру, которая потом станет опорой для последующих поколений. Фестивальная работа была направлена на перспективу. Мы построили этот город, а как эту культуру примут и почувствуют другие – это вопрос времени. Я уверена, что полученные композиции интересны по структуре и материалам, они вписаны в окружающую среду, поэтому останутся там надолго и послужат для привлечения туристов в этот край.

Что касается нашей постройки, то она уже проверена на прочность. В один вечер к нам пришли 25 человек, и изящное сооружение выдержало этот вес. Таким большим количеством посетителей и определяется популярность нашей композиции.

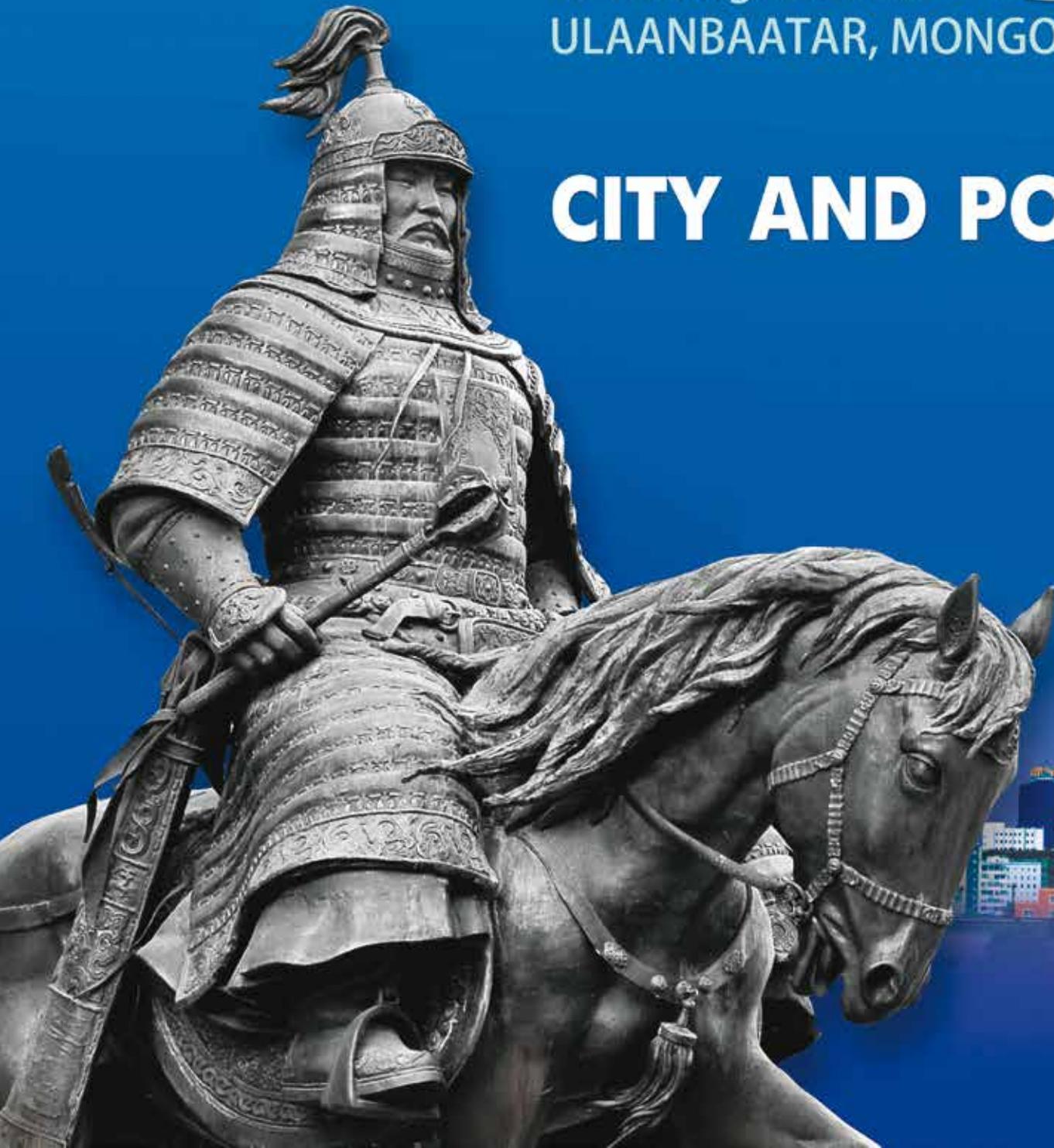
ARCASIA Forum 15

21-22 August 2009

ULAANBAATAR, MONGOLIA

CITY AND POLITICS

Совет открывает президент АРКАЗИИ Мубашар Хусейн (Бангладеш) в центре.

История «Проект Байкал» не в первый раз пишет о мероприятиях Азиатского союза архитекторов (АРКАЗИЯ). Три года назад в ПБ10 НАШИ СОСЕДИ мы рассказывали о 12-м пекинском конгрессе, в котором принимала участие и делегация СА России.

Среди различных мероприятий АРКАЗИИ каждые два года проводится форум АРКАЗИИ, чередуясь с Азиатским конгрессом архитекторов (АКА), где доклад-

чики, широко известные в своей сфере деятельности, выступают на различные темы, связанные с архитектурой. Азиатский конгресс архитекторов (АКА) является главным международным собранием АРКАЗИИ с участием иностранных и местных делегатов и почетных докладчиков. Во время сессии АКА созывается также Слет студентов, где двое студентов по приглашению и при поддержке соответствующей организации – члена

АКА присутствуют на сессиях, которые представляют собой видоизмененный вариант форума АРКАЗИИ. Слет проходит под контролем Азиатского комитета по архитектурному образованию.

Присуждение Золотой медали АРКАЗИИ за высокое мастерство в области архитектуры проходит раз в два года. Этой наградой отмечаются выдающиеся архитектурные проекты региона АРКАЗИИ в рамках сотрудничества АКА и АРКАЗИИ. В

эту дополнительную самофинансируемую деятельность АРКАЗИИ вовлечены активные члены организаций – либо бывшие сотрудники, либо их представители, участвовавшие в деятельности АРКАЗИИ не менее двух лет.

Задачи АРКАЗИИ:
– объединить на демократической основе национальные организации архитекторов по всему Азиатскому региону для укрепления дружественных,

Комиссия АРКАЗИИ по образованию. Ведет заседание Джей Ук Юнг (Корея), председатель комиссии, первый справа.

интеллектуальных, художественных, образовательных и научных связей;

- положить начало и сохранить профессиональные контакты, сотрудничество и взаимопомощь среди организаций-членов АРКАЗИИ;
- представить архитекторов организаций-членов АРКАЗИИ на национальном и международном уровнях;
- содействовать признанию роли архитектора в обществе;
- способствовать образованию архитекторов и развитию архитектурной профессии на службе обществу; а также
- продвигать научно-исследовательские и технические достижения в области застраиваемой среды.

СТАТИСТИКА
Организации – члены АРКАЗИИ:

- ААМ – Ассоциация архитекторов Макао
- АСА – Ассоциация сиамих архитекторов
- АОК – Архитектурное общество Китая
- ГИА – Гонконгский институт архитекторов
- КИЗА – Корейский институт зарегистрированных архитекторов
- ИАБ – Институт архитекторов Бангладеш
- ИАИ – Институт архитекторов Индонезии
- ИАП – Институт архитекторов Пакистана
- ИИА – Индийский институт архитекторов
- ЯИА – Японский институт архитекторов
- МИА – Малазийский институт архитекторов
- СИА – Сингапурский институт архитекторов
- ШИА – Шриланкийский институт архитекторов
- ОНА – Общество непальских архитекторов

- ОАФ – Объединенные архитекторы Филиппин
- СМА – Союз монгольских архитекторов
- ВАА – Вьетнамская ассоциация архитекторов

Президент избирается каждые два года. Сейчас АРКАЗИЮ возглавляет президент из Бангладеш Мубашар Хусейн. Паст иммидиат президент – Кун Чанг И из Кореи. А до него была президентом Иоланда Райс, Филиппины. Следующая встреча АРКАЗИИ состоится в Лахоре (Пакистан) во второй половине октября 2010 года. В 2011 – в стремительно развивающемся Вьетнаме.

Совет АРКАЗИИ
Открылся в столице Монголии Улан-Баторе и работал в течение двух дней 18 и 19 августа параллельно с комиссией по образованию АСЕА в конференц-залах бизнес центра отеля «Чингисхан».

Выставка
Открылась 20 августа в совсем новом выставочном комплексе, подаренном соседями – Китаем. Открывали выставку президент МСА Луиза Кокс, министр строительства и урбанистики Монголии, президент Союза монгольских архитекторов Б. Баджав. Выставка достойная, много работ очень высокого уровня, Экспозиция организована без затей вокруг лекционного пространства

Экскурсия
Улан Батор, Красный Богатырь, – столица, в которой живет больше половины населения страны – по официальным данным миллион, на самом деле уже под полтора, а по некоторым данным, даже 1 миллион 700 тысяч жителей. Цифры сильно разнятся, потому что ежегодно из провинций подтягиваются еще по 20–30 тысяч.

Монумент на горе Зайсан, посвященный героям Халкин-Гола

Население Монголии 50 лет назад было около миллиона человек, в 1996 – 2,4 млн. Площадь 1 531 (1 566) тыс. кв. км. В 2008 году население Монголии достигло 2 717 млн человек, 60,9% из них живут в традиционных жилищах – юртах, в неблагоустроенных кварталах городов, либо в сельскохозяйственных районах (последние данные из доклада Намжилмы Санджордж). Улан-Батор, Красный Богатырь, до 1924 – Урга, основан в XVII веке как ламаистский монастырь Оргоо (Ставка). Население в 1993 – 619 тыс. жителей. Население столицы Монголии на 31 мая 2008 года составляло 1 044 500 человек (данные Государственной счетной комиссии).

Отель «Чингиззан»

Городу трудно справляться с таким притоком не только из-за неготовности инфраструктуры, но и просто потому, что менталитет прибывающих кочевников далек от городского. Они продолжают мыслить другими расстояниями, не понимают необходимости считаться с соседями, прибирать мусор в специально отведенное место и т. д. Для того чтобы выработалась привычка жить в плотно заселенном пространстве, требуется время.

Точечная застройка явилась следствием неправильного понимания демократии как свободы делать, что хочешь. Соревнование застройщиков – кто ярче, необычнее, заковыристей – тоже не украсило столицу. Впрочем, и Иркутск последнего десятилетия не удивишь, увы, такими явлениями, как точечная застройка и безудержное соревнование застройщиков и обслуживающих их архитекторов.

Генеральный план, разработанный в советские времена Гипрогором, представлял ясную структуру с

прямоугольной сеткой улиц и главной осью, раскрывающей вид на гору Зайсан с главной площади столицы. Сейчас эта перспектива довольно беспорядочно заполняется зданиями в основном повышенной этажности. Концепция нового видения была в постперестроенный период предложена японцами, но следовать ей трудно из-за дырок в законодательстве. Кочевые граждане, переходя на оседлое существование и пополняя число столичных жителей, ставят юрту там, где им хочется, и согнать их практически невозможно. Холмы, окружающие столицу, заполняются юртами, дым от них в зимнее время концентрируется в котловине, образуя тяжелейший смог.

Есть еще одна серьезная экологическая проблема, которую не разрешить запретами и наведением порядка. Запас подземных вод ограничен, реки стремительно мелеют и по прогнозам специалистом через 50 лет воды в Улан-Баторе не будет.

Встречаются перво-

лексы и общественные здания, построенные по проектам архитекторов из Гонконга и Кореи.

Район Москва продолжает застраиваться при активном участии мэра нашей столицы Юрия Лужкова (см. статью Светланы Середенкиной в ПБ10 НАШИ СОСЕДИ).

Монумент Зайсан, посвященный воинам Халкин-Гола, – на высоком холме неподалеку от гостевого комплекса, где останавливаются первые лица государств. У подножья холма, на постаменте, – танк, дошедший до Берлина. А рядом – новый парк с золотым Буддой.

Чингисхан вернул себе статус национального героя и гордости Монголии. Его исполинские изображения смотрят на город с горы, его многочисленные скульптурные изображения украшают скверы, его именем названы аэропорт и новая гостиница.

Статуя Чингисхана, представленная на плакате АРКАЗИЯ-2009, уже обрастает легендами. Расположенная неподалеку от столицы, она имеет высоту 28 метров и сделана из чистого серебра, а скоро ее покроют золотом.

Открытие форума состоялось 21 августа в главном

здании страны – Дворце правительства.

Церемониальная процессия с главной площади Сухэбатора в несколько приемов перешла непосредственно во дворец. Поклон символу государства – девяти Белым государственным стандартам – обязательная часть церемонии перед встречей с главой государства.

Президент Монголии пожал руки президентам Международного союза архитекторов и АРКАЗИИ и почетным гостям. А затем выступил перед Форумом архитекторов Азии с обстоятельной речью.

Вообще АРКАЗИЮ принимали на самом высоком уровне. Архитектор в Монголии – профессия уважаемая. И проявляя традиционное гостеприимство, руководители страны демонстрируют стремление к сотрудничеству и интерес к инвестициям.

Каждый день Конгресса заканчивался обедом – в первый день под звездным небом на берегу реки, во второй – в юрте, затем последовали званные

обеда, которые устраивали министр строительства, мэр Улан-Батора и президент Монголии.

Монгольский союз архитекторов. Немногочисленная организация, насчитывающая около 400 членов. Впрочем, для страны с населением 2,7 млн не так уж и мало. Для сравнения в Иркутской области (население 2,5 млн) меньше 200 членов САР в трех организациях области – Иркутской региональной, Братской и Ангарской местных.

При этом у иркутян с работой полный кризис, а монгольские коллеги его ощущают в значительно меньшей степени.

Офис Союза монгольских архитекторов временно расположен в первом этаже жилого дома. Настоящий, еще не отремонтированный после пожара во время неудавшейся оранжевой революции, расположен в самом центре, практически на главной площади столицы. Среди членов Союза много выпускников российских вузов, в том числе МАРХИ. Президент Б.

Открытие форума. В центре – президент Монголии

Батжав, раньше работал в государственном проектно-институте, сейчас он, как и большинство его коллег, имеет собственную фирму, сотрудничает с международными организациями и инвесторами, Всемирным банком. Русский язык знают архитекторы среднего и старшего поколений, среднее поколение прекрасно владеет и русским и английским, молодежь – преимущественно английским, за исключением тех, кто окончил русскую школу и побывал на иркутских воркшопах. Монгольские студенты с преподавателем Оулуной уже пять лет участвуют в сессиях Байкальского Зимнего градостроительного университета.

В планы президента Союза архитекторов Монголии входит укрепление ослабших за последние два десятилетия связей с СА России. В преддверии второго за короткое время визита Дмитрия Медведева в Монголию это модная тема. Однако, судя по участвовавшим поездкам иркутских

архитекторов на рыбалку на озеро Хубсугул и в пустыню Гоби, тема вполне может получить свое развитие естественным образом. В конце августа запланирована встреча президентов СА России и Монголии в Москве.

Конкурс «Награда Арказии»

Конкурс проводится регулярно. Количество представленных работ в этом году – 95, представлены они 13 союзами архитекторов из 17 членов АРКАЗИИ по 12 категориям (номинациям):

А-1 отдельно стоящие частные жилые дома, А-2 блокированные и многоквартирные, А-3 экономичное жилье, массовое, социальное;

В-1 коммерческие здания, офисы, торговые центры, шоурумы, В-2 здания для отдыха, отели, спа, В-3 общественные здания: часовни, церкви, крематории, общественные центры, В-4 общественные здания: школы, медицина, музеи, В-5 специальные здания: спорткомплексы, стадионы, аэропорты,

В-6 здания смешанного использования: здания с двумя и более функциями; С-1 промышленные здания;

Д-1 проекты консервации: чистая реставрация архитектурного наследия азиатской культуры, Д-2 реставрация: здания наследия с реставрацией и приспособлением с расширением и модификацией.

Состав жюри формируется из президента и паст президентов, представителя принимающего союза – члена Арказии, представителя союза архитекторов не-члена Арказии и одного не-архитектора из принимающей страны. Присутствует архитектор, наблюдающий за правильностью процедуры, соответствием правилам и оформлением документов.

Состав жюри-2009:

Мубашар Хусейн, президент АРКАЗИИ (Институт архитекторов Бангладеш),

Кун Чан И (Корейская организация зарегистрированных архитекторов),

Иоланда Райс (Объединенные архитекторы Филиппин),

Ганболд Улзибурен (Союз архитекторов Монголии),

Елена Григорьева (Союз архитекторов России),

Байасгалан (крупный бизнесмен из Монголии, президент Голомт банка, возглавляет национальный олимпийский комитет).

Саид Джаффери (институт архитекторов Пакистана) – наблюдатель

Конкурс АРКАЗИИ проводится исключительно среди построек, при этом обязательное условие – не менее двух лет эксплуатации и положительный отзыв клиента.

До работы жюри была проведена подготовительная работа референтуры, работы проверены на соответствие условиям. При этом референты делают специальные пометки в списках для жюри, но не снимают работу с конкурса, это компетенция жюри. В каждой номинации должно быть не более двух работ от одной национальной организации архитекторов, при наличии большего числа предварительный отбор проводит национальный союз архитекторов.

Работа жюри

Жюри сначала формирует шорт-лист по каждой категории, затем выявляются лидеры по предпочтениям членов жюри, при этом два президента на золото в категории, как правило, обсуждаются. Наблюдатель записывает в протокол победителя и аргументы членов жюри.

Процедура жюри подробно описана как одна из приемлемых для наших конкурсов, она полностью соответствует международным правилам. Следует особо отметить, что соотношение архитекторов и не-архитекторов 5 к 1.

В целом работы производят очень хорошее впечатление. Высокий уровень подавляющего большинства работ внес интригу в процесс обсуждения. Почти в каждой категории спор шел вокруг двух лидеров. До обидного мало (2) построек было представлено в категории А3 – массовое жилье. К публикации работ-победителей и материалов по форумам АРКАЗИИ ПБ планирует вернуться в следующих номерах.

Текст и фото
Елена Григорьева

Открытие выставки.

Дипломные проекты по архитектурным специальностям Института градостроительства, управления и региональной экономики Сибирского федерального университета (Красноярск): итоги и перспективы

Дипломное проектирование является заключительным этапом процесса обучения, на котором закрепляется специализация будущего архитектора, дизайнера. На архитектурном факультете Института градостроительства, управления и региональной экономики Сибирского федерального университета (ИГУиРЭ СФУ) большое внимание уделяется тематике дипломных работ. Кафедра, приближая тематику дипломных работ к практическим требованиям и реальным заданиям СФУ, города, края, стремится не сдерживать фантазию студентов в поисках новых смелых идей.

Среди тем дипломных работ этого года значительное количество занимают проекты, посвященные СФУ: «Конгресс-центр СФУ», «Экспоцентр СФУ», «Студенческий центр СФУ», «Спортивный комплекс СФУ», «Архитектурный факультет. Firmenный стиль. Интерьер»; социальные

проекты: «Детский сад в Красноярске», «Дом престарелых», «Санаторий Енисей», «Идентификационный стиль Железнодорожного района Красноярска», градостроительные проекты: «Концепция планировочного развития города Дудинки», «Реконструкция центральной части поселка Шушенское», «Западный деловой район в Красноярске» и др. Ряд дипломных проектов связан с тематикой общественных зданий и сооружений: «Аэропорт Емельяново», «Аэропорт в Якутске», «Ледовый дворец в Красноярске», «Станция метро «Вокзальная» в Красноярске».

Краткий обзор по результатам защит выпускников архитектурного факультета Института градостроительства, управления и региональной экономики Сибирского федерального университета сделан по отчетам председателей ГЭК и ГАК: по специальности «Архитектура» – Панова Эдуарда Михайловича,

заслуженного архитектора РФ, главного архитектора института Востокагропромпроект, по специальности «Дизайн архитектурной среды» – Пилипенко Артура Александровича, архитектора, руководителя персональной мастерской «Первая линия».

Эдуард Панов
Уровень профессиональной подготовки выпускников этого года по специальности «Архитектура» (особенно 80% из их числа), несомненно, оправдывает консолидированное решение ГАК о присвоении авторам дипломных работ квалификации «архитектор». Некоторые из них способны заниматься практическим проектированием, вполне подготовлены к самостоятельной творческой деятельности.

К сожалению, как и прежде, для многих работ характерно неумение синтезировать приобретенные знания смежных учебных дисциплин: экономики, социологии, транс-

порта, инженерной подготовки территорий, статистики сооружений, теплофизики и др.

Представляется, что это застарелое упущение – следствие отсутствия методических требований к заданиям на проектирование, «эталонного» состава и содержания разделов дипломной работы (графической части и пояснительной записки), а также «либерального режима хода разработки проектов где-то «на дому», на стороне, без должного систематического «консалтинга» руководителей работы и смежных консультантов.

Тематика всех без исключения дипломных работ обусловлена профилем архитектурной специальности как синтетического искусства, цель которого – формирование гуманного, эстетически полноценного пространства обитания и жизнедеятельности людей. По профилирующим жанрам представленные работы распределились

Результаты защиты выпускных квалификационных работ выпускников архитектурного факультета ИГУиРЭ СФУ

Показатели	Кол-во		%	
	Архитектура (специалитет)	Дизайн архитектурной среды (специалитет)	Кол-во	%
1. Количество обучавшихся (выпускной курс)	39	23	100	100
2. Принято к защите выпускных работ	41	23	100	100
3. Защищено выпускных работ, всего	41	20	100	86,9
4. Оценки защиты выпускных работ:				
отлично	22	10	53,6	50
хорошо	14	10	34,1	50
удовлетворительно	5	-	12,1	-
неудовлетворительно	-	-	-	-
5. Количество выпускных работ, выполненных:				
5.1 по заявкам предприятий и организаций	5	3	12,1	15,0
5.2 по заявкам подразделений СФУ	2	2	4,8	10,0
5.3 по темам, предложенным студентами	10	10	24,3	50
5.4 в области приоритетных направлений развития науки	-	-	-	-
5.5 в области приоритетных направлений развития техники и технологий	-	-	-	-
5.6 в социальной сфере	-	4	-	20,0
5.7 с использованием математического моделирования	5	-	12,1	-
5.8 с применением программных средств, разработанных исполнителем	-	-	-	-
5.9 с реальным внедрением (обязательно наличие акта о внедрении)	-	-	-	-
5.10 с использованием сети Интернет	-	-	-	-
5.11 на иностранных языках	-	-	-	-
6. Количество выпускных работ:				
– рекомендованных к внедрению	2	-	4,8	-
– по которым имеются публикации	-	-	-	-
– рекомендованных к опубликованию	-	-	-	-
– по которым сделаны доклады на конференциях	-	-	-	-
7. Число рецензентов из внешних организаций	10	7	24,3	35,0
8. Количество выпускников, рекомендованных к поступлению в аспирантуру	1	-	-	-
9. Количество дипломов с отличием	4	3	9,7	15,0

поровну: градостроительная тематика и архитектура общественных комплексов и зданий. Видимо, эта пропорция весьма близка к оптимальному соотношению необходимых специалистов на рынке проектировщиков.

Общий уровень защищенных работ достаточно высок: почти 90% были защищены на «хорошо» и «отлично». Однако надо оговориться, что ярких, впечатляющих работ среди них весьма мало. Резко выделяется блестящая работа «Туристическая система Красноярского края» (автор П. Прыгун, руководители: профессор С.М. Герашенко, доцент О.Н. Блянкинштейн). Глубина исследования, обширный фактический материал, подкрепляющий актуальность темы, диапазон проблем, связанных с оптимизацией всех форм туризма в крае, убедительные выводы и рекомендации по организации развития этой индустрии отдыха делают этот труд по степени разработанности равным проектным предложениям специализированных институтов, занимающихся вопросами территориального планирования регионов. ГАК рекомендовала кафедре

ГРАДО найти возможность ознакомить Министерство туризма и спорта правительства Красноярского края с этой работой.

Столь же высоко были оценены великолепная защита дипломной работы «Экопоселок в структуре г. Красноярка» (автор Д. Марков, руководитель доцент И.В. Кукина) с рекомендацией выпускнику продолжить образование в аспирантуре и проект «Реконструкция Свято-Успенского монастыря в г. Красноярске» (автор А. Романова, руководители: профессор А.В. Слабуха, ст. преподаватель А.В. Высокский) с предложением передать эту работу Епархии для реализации.

Заметно повысилась содержательность презентации проектов: как правило, студенты для доклада подготавливают тезисы, что позволяет им максимально полно в отведенное время изложить главную суть их работ. Многие не уклоняются от дискуссий, стремятся аргументировать принятые ими решения, которые членов комиссии по каким-либо соображениям смущают. Все выпускники свободно владеют

средствами компьютерного проектирования.

Защиты показали, что в целом теоретический и практический уровень подготовки студентов специальности 270301.65 «Архитектура» соответствует требованиям, предъявляемым к выпускникам. Содержание дипломных проектов в большей степени отражают современный уровень отечественного архитектурного творчества.

Артур Пилипенко
 Результаты государственного экзамена и защиты выпускной квалификационной работы по специальности «Дизайн архитектурной среды» по мнению председателя следующие. Уровень подготовки хороший. Основные навыки соискателями получены. Тематика представленных к защите работ соответствует профилю подготовки. Глубина проработки теоретических вопросов переменная – от низкой до удовлетворительной. В целом преобладает стилистически вкусовой подход к принятию проектных решений, который во многом обусловлен «модой» на приемы и клише. Многие дип-

ломники не сильны в профессиональной риторике и часто затрудняются отвечать на вопросы, тем более дискутировать, не хватает навыка публичной презентации.

Недостаточное внимание в дипломных проектах уделяется предпроектной работе (это касается в основном методологии выработки «правильной» концепции, нацеленной на вскрытие и устранение проблем и противоречий).

Креативность соискателями понимается, как перерисовывание «модной линии» из знаменитых проектов, а не выработка путем поиска нестандартного выхода из ситуации.

Отсутствуют макетные поиски, и работа ведется только в плоскости мониторинга, а это неизбежный ущерб результату.

Слабая подготовка по предметному дизайну и графическим комплексам. Поэтому предлагаемые решения малых архитектурных форм и знаков чаще выглядят сырыми и провинциальными.

Несмотря на замечания, защита соискателями своих работ в целом оставляет достаточно приятное впечатление, видна прогрессивная динамика роста качества работ.

Защита дипломов в ТГАСУ. Впечатления и размышления

19–20 июня на архитектурном факультете (декан В.Г. Залесов) Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ) проходила защита дипломных проектов по специальности «Дизайн архитектурной среды» (зав. кафедрой И.И. Колосова). Этот крохотный срок (на фоне десятидневной защиты проектов в ИрГТУ) объясняется тем, что защищалось всего 15 дипломников.

Первое впечатление – ощущение праздника: большая аудитория, каждый день плотно заполненная слушателями – студентами старших курсов, которые внимательно, как следует выступают, впитывают нюансы детального разбора проектов членами ГАК, учатся на чужих ошибках.

Второе – высокий уровень «профессионального представительства» ГАК, который состоит из 13 человек, включая первого вице-мэра, главного архитектора города, главного художника города, главного дендролога, декана факультета, всех заведующих выпускающими кафедрами, представителей кафедр конструкций, экономики, руководителей ведущих частных проектных фирм и

главных архитекторов крупных проектных институтов.

Защиты дипломных проектов на разных кафедрах разнесены по времени (на одной заканчиваются, на другой начинаются), что позволяет заведующим кафедрами присутствовать на защитах друг друга и невольно соотносить и координировать уровень требований к проектам (чтобы не получалось, что на разных защитах одинаковые по проработанности и качеству проекты получают разные оценки, только потому, что в одной из комиссий уровень требований в этом году строже).

Третье – требовательная оценка и детальный разбор: дипломный проект оценивается с разных позиций: в отношении концептуальности, с точки зрения реализуемости, в отношении соответствия предлагаемых решений реалиям места и времени (наличие соответствующих технологий, сравнительная стоимость тех или иных решений и т.п.), функциональных требований, которые на стадии разработки задания на проектирование формулируют сами дипломники, художественно-образных характеристик и т.д.

Не допускаются множественные повторения одной и той же трехмерки в разных поворотах. Тематика проектов предельно нацелена на собственно дизайнерские проблемы города и региона (обустройство рекреационных зон, в которых город испытывает острую нужду; благоустройство улиц и площадей города; интерьеры значимых и совсем обычных объектов, решение вопросов обеспечения доступности среды людьми с ограниченными возможностями и т.п.).

Четвертое – четкая и ответственная организация работы над дипломным проектом. Работа над темой дипломного проекта начинается в весеннем семестре пятого курса: студенты размышляют над общим списком предложенных им тем и определяют с выбором собственной темы. На летнюю практику они уходят с заданием сбора материала по теме и к завершению имеют законченный реферат. В котором, помимо собранных за лето исходных данных и обобщения опыта проектирования аналогичных объектов, сформулирована актуальность темы для данного места и определено задание на проектирование. Поэтому с первого дня осен-

него семестра шестого курса, студенты осмысленно и целенаправленно берутся за дипломный проект и к окончанию семестра имеют серьезно проработанный проект.

Каждая работа сопровождается очень обстоятельно и критически непредвзято написанной рецензией.

Пятое – высокое качество проектов, реферативного материала и пояснительных записок. Пояснительная записка подготовлена старательно и вдумчиво. Seriously проработаны разделы конструкций и экономики (например, подсчитана сметная стоимость проекта, что является одним из критериев оценки эффективности принятого дипломником решения). Реферативный материал представлен в систематизированном и упорядоченном виде с собственными выводами, которые затем кладутся в основу принятия самостоятельного решения (и оценки его правильности).

Проект разработан в соответствии с существующими нормами и рекомендациями по проектированию соответствующего типа объектов и доведен до вида законченных архитектурных чертежей.

Марк Меерович

Дипломные проекты факультета изобразительного искусства: впечатления архитектора

В течение последних трех лет мне довелось работать в государственной аттестационной комиссии факультета изобразительного искусства Иркутского государственного технического университета. Мне было любопытно сравнить опыт проведения защит дипломных проектов на этом факультете и факультете архитектуры и дизайна, где я преподавал на протяжении 14 лет.

В отличие от архитектурного факультета, где в настоящее время ежегодно выпускается более ста молодых специалистов, на факультете изобразительного искусства количество

выпускников колеблется от шести до десяти человек. Воистину штучный товар! Дипломников столько же, сколько и преподавателей, привлеченных к руководству ими. И как неизбежное следствие высокой «плотности» внимания руководителей – отличное в целом качество дипломных работ.

Особо следует отметить значительный объем работы, выполняемый выпускниками факультета в процессе создания дипломного проекта. Это и внушительный предпроектный анализ, включающий исследование контекста, или, как у них это называется, «анализ средового образова-

ния», и изучение аналогов. Далее раздел композиционных поисков, затем проработка технологии исполнения. Ну и конечно, как венец всех усилий, впечатляющий размах выполнения дипломной работы в натуре.

Реализация в натуре дипломной работы – характерная особенность подавляющего большинства работ. Это обстоятельство, на мой взгляд, очень важно для молодого специалиста, находящегося в начале творческой карьеры. Есть и другой положительный эффект выбранной формы воплощения дипломной работы. На сегодняшний день в результате таких защит дип-

ломов большинство наиболее значимых коммуникационных пространств здания ИрГТУ оформлено монументально-декоративными произведениями. С уверенностью могу утверждать, что немного зданий в Иркутске может похвастаться такой плотностью произведений на единицу общей площади. Но тем не менее хочу высказать одно пожелание. По понятным причинам качество материала, применяемого в мозаичных работах, отнюдь не лучшее. В то же время после отделочных работ на дорогостоящих интерьерах в отходы выбрасываются обрезки роскошных плиток из керамического

гранита, натурального камня, мозаики – великолепное и в то же время бесплатное сырье, которое может существенно поднять эстетику дипломных работ. Организовать передачу этих «отходов» на факультет изобразительного искусства было бы хорошим подспорьем в благом деле.

Замечательное тому подтверждение – дипломная работа Евгения Богомолова – витраж «Цветущее дерево» в мебельном салоне «Байкалит», выполненная под руководством профессора В.Г. Смагина. Заказчик – коммерческая организация, качественные и дорогие материалы – те, которые необходимы, а не те, которые есть под рукой. Плюс ко всему выше сказанному – профессиональное исполнение, и как результат – великолепное произведение декоративного искусства, ставшее украшением амбициозного интерьера.

Защита прошла в 2008 году. И на моей памяти это первая, которая является образцовой по своей реализации. Подавляющее большинство работ воплощено в так называемых бюджетных интерьерах технического университета со всеми вытекающими последствиями.

Одно из них – это не достаточный учет архитектурного контекста в некоторых работах. Как правило, в условиях

интерьеров университета сделать это полноценно сейчас невозможно, так как отдельные элементы их сложились в разное время, вне какого-либо проекта, из того, что было. Они полны противоречий и диссонансов. Органично вписать в них любое произведение практически невозможно. То же самое относится к открытым уличным пространствам, над которыми работают дипломники. Примером тому служит дипломный проект 2009 года Марии Пупыкиной – «Садово-парковая декоративная форма с мозаичным набором на территории корпуса факультета изобразительного искусства ИрГТУ», выполнен под руководством доцента Л.Н. Малкиной и профессора В.Г. Смагина. Ее декоративную форму предполагается установить в цветочную клумбу партера перед центральным входом в здание факультета. Территория находится в запущенном состоянии, а автор не дает никаких предложений по ее организации. Отчасти это объяснимо, ведь ландшафтный дизайн не их специализация. И что же делать?

На мой взгляд, ответом может служить дипломный проект 2009 года Натальи Ивановой – декоративная композиция, мозаика, сграффито «Истоки алфавита» в библиотеке факультета изоб-

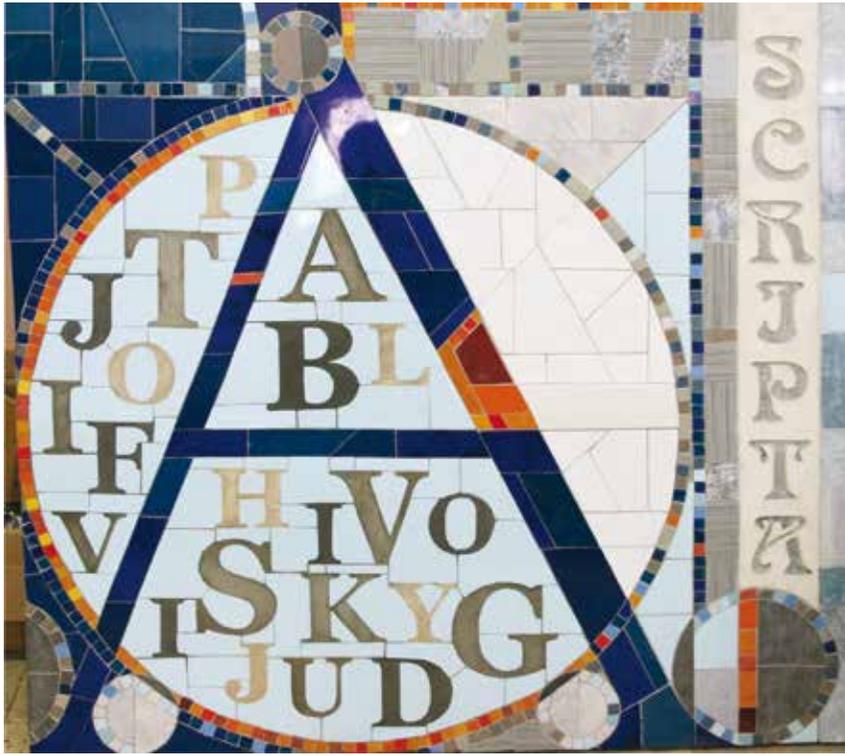

разительного искусства ИрГТУ, выполненный под руководством старшего преподавателя Н.В. Малышевой и профессора В.Г. Смагина. В проекте предложены самые общие принципы функциональной, пространственной и цветовой организации интерьера. И этого уже достаточно для гармонизации архитектурного контекста и предлагаемого произведения монументально-декоративного искусства.

Появление в стенах университета произведений искусства начинающих художников-монументалистов обязывает доводить интерьеры этих помещений до соответствующего им уровня. И это замечательная «провокация».

Но проекты должны указывать и направление, в котором над ними нужно работать. В тех случаях, когда это, по объективным причинам, не могут сделать дипломники факультета изобразительного искусства, целесообразно организовывать совместный проект с выпускниками факультета архитектуры и дизайна. Я полагаю, они могли бы профессионально проработать архитектурный и градостроительный аспекты совместного проекта. А результат сотворчества можно защищать на совмещенном ГАКе двух факультетов. Хотя в случае каких-либо организационных трудностей не исключена защита отдельно.

Все выше сказанное не относится к дипломным работам, выполненным во вновь отремонтированных помещениях и залах университета, где исполненная на высоком профессиональном уровне мозаика убедительно и гармонично преобразила эти пространства, сделав их индивидуальными и запоминающимися. Таковой является дипломная работа Алексея

Сидорова – мозаика и роспись «Познание» в читальном зале технической литературы библиотеки ИрГТУ, выполнена под руководством старшего преподавателя Е.В. Сергейчук и профессора В.Г. Смагина, а также искренне подкупившая меня свое безупречностью в 2007 году дипломная работа Григория Свердлова – мозаика «Спорт» в спортивном зале ИрГТУ, выполнена под

руководством профессора В.Г. Смагина.

Хочу отметить еще одну наметившуюся положительную тенденцию. В связи с тем что количество дипломных работ на стенах университета с каждым годом увеличивается, они появляются уже в непосредственной близости друг от друга. Актуальной становится задача гармонизации их соседства – создания ансамблей, с чем, на мой взгляд, преподаватели факультета и их подопечные пока успешно справляются. Ярким примером тому служит дипломная работа Александры Антоновой – витраж на третьем этаже «К»-корпуса «Метаморфозы», выполненная под руководством ассистента М.А. Быковой и профессора В.Г. Смагина. Автор проявила высокий уровень корректности по отношению к своим предшественникам, соблюдая преемственность в лаконичных художественных средствах и сомасштабность, создала исключительно выразительный витраж, логично композиционно завершая перспективу коридора.

В качестве новых перспективных тем для дипломных работ может быть принят перечень предложений о возведении произведений монументально-декоративно-го искусства и монументаль-

но-декоративной живописи на территории Иркутска из постановления мэра от 21 октября 2008 года, № 031-06-2376/8. Такие темы, на мой взгляд, опять же целесообразно разрабатывать совместно дипломиками факультета архитектуры и дизайна. Несмотря на то что данные темы могут быть выполнены только как проекты, они интересны своей актуальностью, грандиозностью масштаба и сложностью поставленных задач.

Подтверждение правильности своих выводов относительно высокого уровня дипломных работ выпускников факультета изобразительного искусства я увидел на стенах кафедры монументально-декоративного искусства. Это дипломы Российской академии художеств и всероссийских выставок дипломных работ художественных вузов, среди которых Санкт-Петербургский.

В заключение хочу выразить благодарность профессору Виталию Георгиевичу Смагину, заведующему кафедрой монументально-декоративного искусства, за ставшие уже традиционными приглашения поучаствовать в работе ГАКа, за создание доброжелательной атмосферы защиты дипломных проектов и получение исключительно позитивных эмоций.

Александр Картопольцев

Методические направления дипломного проектирования по градостроительству на архитектурном факультете ИрГТУ выпуска 2009 года

1. Школа устойчивого развития. Резервные территории. Мотивации и стратегии развития. Пешеходные улицы (Рудакова, Сафронова).

2. «Острова» селитебных территорий в окружении зеленых «проливов» и «коридоров» (Филимонова).

3. Реконструкция прибрежных промышленно-коммунальных территорий. Общественно-рекреационные узлы. Соответствие потенциалу прибрежных (Чупракова).

4. Концепция развития Ботанического сада как международного экологического технопарка (Морозова).

5. Решение конфликтных ситуаций в среде исторического центра путем создания зеркальных фасадов новой застройки (Жушман, Исакова).

В дипломном и курсовом проектировании на архитектурном факультете ИрГТУ уделяется серьезное внимание градостроительной тематике. Характерными чертами градостроительной политики в Иркутске последнего десятилетия стало катастрофическое исчезновение из городской структуры открытых пространств, пренебрежение сохранением объектов культурного наследия и развитием социальной инфраструктуры. Стихийное формирование рынка недвижимости поставило профессиональное сообщество перед необходимостью искать пути устойчивого развития городских территорий. То есть такой урбанизации, при которой сохраняется экологическая безопасность городской среды, природное и культурное наследие, комплексно формируется социальная инфраструктура города. В данной работе представлены пять направлений решения этой проблемы, намеченные в дипломных работах, выполненных на архитектурном факультете под руководством проф. А.Г. Большакова:

1. Выявление взаимосвязей между мотивациями развития города и планировочными стратегиями реструктурирования его пространства.

2. Разработка моделей расчлененного формирования городской структуры, когда «острова» селитебных территорий разделяются широкими и непрерывными «проливами» открытых озелененных пространств.

3. Методика восстановления природного каркаса города и его ландшафтно-рекреационной подсистемы путем реконструкции и перепрофилирования промышленно-коммунальных объектов на прибрежных территориях.

4. Разработка моделей упорядочения развития периферии города с решением задач создания лесопаркового защитного пояса и развития социальной инфраструктуры спальных микрорайонов.

5. Создание экологических технопарков междугородного уровня на базе ботанических садов и природных городских заказников.

Представлена также работа, выполненная под руководством доцента Н.П. Жуковского. Это разработка методики разрешения конфликтов новой застройки с объектами культурного наследия в историческом центре города. Ниже рассматриваются некоторые положения по этим направлениям на материале дипломных проектов по градостроительству выпуска 2009 года.

Мотивации развития и стратегии реструктурирования Октябрьского административного округа в городе Иркутске рассмотрены в проектах И.А. Рудаковой и А.В. Сафроновой (рис. 1–4). Территория округа около 36 кв. км; численность населения по состоянию на 01.01.2006 года 136 тыс. человек. При этом озелененных территорий общего пользования в округе было 60 га, или 1,7%. Средняя обеспеченность 4,5 кв. м на человека. К концу 2008 года введено столько новой жилой застройки и начато строительство такого количества жилья, что если бы не кризис и эти дома были бы сданы в эксплуатацию, то

численность проживающих в округе приблизилась бы к 200 тыс. человек, то есть возросла бы на более чем 50 тыс. человек. Застроено жильем, промышленными и коммунальными объектами, отчасти объектами социально-бытового обслуживания около 32 кв. км. 4 кв. км приходится на пригородные леса и другие природные территории, расположенные на периферии города. Сама же территория жительство и приложения труда представляет, по сути, каменный мешок. При этом округ, в силу срединного положения в городе, непосредственной связи с центром, развитой торговой сети, оказался весьма притягателен для жилищного строительства, причем исключительно в форме точечной уплотнительной застройки. Новая коммерческая застройка появилась на придомовых территориях существующих кварталов и микрорайонов, на участках, предназначенных для школ и детских садов, на прибрежных защитных территориях, на территориях памятников истории, культуры и архитектуры. На красных линиях магистральных улиц. Все это, понятно, в нарушение градостроительного законодательства.

В представленных студенческих работах И.А. Рудаковой и А.В. Сафроновой рассмотрены общие мотивации развития округа и отвечающие им планировочные стратегии. Экологическая мотивация состоит в создании благоприятных гигиенических условий городской среды. Установлено, что продолжительность жизни людей, которые проживают возле крупных парков и городских лесов, на 9 лет больше, чем у жителей плотно урбанизированных территорий. Соответственно, экологическая планировочная стратегия заключается в том, чтобы расчленить застроенную территорию широкими зелеными разрывами. Социальная мотивация состоит в том, чтобы, во-первых, обеспечить людей доступным

жильем с необходимыми придомовыми территориями, во-вторых, необходимым пакетом социальных услуг: учреждениями дошкольного и школьного образования, поликлиниками, учреждениями физкультуры и спорта. Соответственная планировочная стратегия предусматривает жилые кварталы и микрорайоны с нормативной плотностью для Иркутска не выше 300 чел/га, (соответствует пятиэтажной застройке с долей застройки квартала 25–30%); нормативную обеспеченность детскими садами (в каждом квартале), школами (в каждом микрорайоне), поликлиниками и универсальными спортивными залами и бассейнами (в каждом жилом районе). Обеспеченность районными парками 6 кв. м/на чел, городскими парками 10 кв. м /чел. Историко-культурная мотивация состоит в том, чтобы обеспечить условия сохранности и визуального присутствия в городской среде памятников истории, культуры и архитектуры. Соответствующая планировочная стратегия предусматривает выявление территорий памятников и определение территорий охранных зон таким регулированием застройки, которое позволит максимально сохранить бассейны видимости памятников. Наконец, коммерческая мотивация состоит в том, чтобы в результате застройки территории получить максимальную прибыль от строительства и продажи на рынке жилья и другой недвижимости. Эта мотивация в основном отражает интересы участников градостроительной деятельности, которые называются девелоперами. Кроме того, это отвечает интересам той части населения, которая желает и готова приобрести жилье и другую недвижимость. Планировочная стратегия, как показывает опыт, состоит в максимальном уплотнении жилой застройки и в создании деловых и торговых объектов и центров на примыкающих территориях и на пересечениях магистралей.

Итоговые концепции планировки округа представляют баланс мотиваций, со смещением ориентиров на устойчивое стратегическое развитие, то есть на создание благополучной среды, экологически безопасной, социально защищенной, исторически насыщенной и интересной. Коммерческие механизмы рассматриваются как инструменты достижения такого развития, а не как самоцель. Для осуществления такого стратегического планирования территории на 50 лет выявлены крупные территориальные резервы: общая площадь резервных территорий – 744 га. Численность населения проживающих на резервных территориях – 53 тыс. человек. В состав резервных территорий включены: ветхая и малоценная малоэтажная деревянная застройка (в основном парковый район и Колай, вдоль улицы Пискунова) – 191 га. Застройка 60-х годов (панельные пятиэтажные дома), неблагоприятная застройка – 137 га. Новая застройка, не отвечающая нормам (ж.к. «Династия» на территории 76-й школы, ж.к. «Красный квадрат» в Лисихе, ж.к. «Водопад» на Волжской,

ж.к. «Зеон» на Байкальской, ж.к. «Петровский», «Крылатый»), – 16 га., территории аэропорта – 456 га. В состав опорной застройки включены территории: капитальная застройка («Иерусалимской решетки»), микрорайоны Солнечный и Байкальский, ценная историческая застройка.

Поэтому итоговая стратегия развития городского округа, рассчитанная на перспективу 50 лет, представляет собой следующие конфигурации. Существующая территория и улично-дорожная сеть развиваются за счет территории аэропорта и приведения транспортных коридоров в соответствие нормативам по красным линиям. Территория расчленяется коридорами открытых озелененных пространств и пешеходных озелененных улиц. Зеленые коридоры – природный каркас города – формируются на основе прибрежных водоохранных территорий рек Ангары и Ушаковки, а также сети долин ручьев и временных водотоков, являющихся притоками названных рек. Межмагистральные территории и кварталы обеспечиваются необходимой социальной инфраструктурой. Придомовые террито-

рии нормальных размеров и плотности населения жилой застройки не превышает 300 чел/га. На примыкающих и узловых территориях развиваются деловые и торговые центры. На кварталы с памятниками и окружающие их кварталы наложены регламенты по этажности, обеспечивающие сохранность самих памятников и бассейнов их видимости.

Развитию положений о расчлененной планировочной структуре периферийного района города – предместья Марата на Знаменской – горе посвящена дипломная работа Н.Е. Филимоновой. Знаменская гора в границах проекта представляет площадь 8,7 кв. км. Гора возвышается над Ангарой на более чем на 100 м. Имеет достаточно крутой Нестеровский уступ – над поймой реки Ушаковки – и уступ над пойменной террасой Ангары, у подошвы которого проходят улицы Петрова и Рабочего Штаба. Территория застроена преимущественно малоценной деревянной индивидуальной застройкой, не имеющей инженерного благоустройства. Проект основывается на нескольких концептуальных положениях. Во-первых,

Знаменская гора, как планировочный район, делится на три жилых района – между улицей Нестерова и улицей Радищева; между улицами Радищева и Шевцова (проектируемый жилой район); между улицей Шевцова и улицей Рабочего Штаба. Эти улицы практически образуют радиальную планировочную структуру. Кольцевая магистраль прокладывается в створе улиц Ушаковская (от среднего Ушаковского моста) – Северная – Пшеничная падь – Полевая – Челябинская и Жилкинский мост. При этом внутри означенных трех районов протекают три ручья – падь Каштак, Пшеничная и Ключевая. Долины этих ручьев образуют внутренние широкие парковые коридоры, которые разделяют жилые районы на микрорайоны. То есть первый принцип планировки – поляризация урбанизированных осей и природных осей.

Второй принцип заключается в последовательности этапов реконструкции территории. Подобный принцип В.Л. Глазычев называл катящейся реконструкцией. Для того чтобы реконструкция произошла, должно быть обеспечено переселение жителей небла-

гоустроенной малоэтажной застройки в благоустроенное жилье средней этажности, с последующим перепрофилированием территории на другие виды использования. Всего выделяется три этапа: 1. Застройка свободных периферийных территорий, выделение парковых зон, резервирование территорий под магистрали; 2. Застройка примагистральных территорий, высвобождение парковых зон от застройки, строительство магистралей на высвобожденных от строений коридорах; 3. Застройка внутренних межмагистральных территорий (микрорайонов), снос малоэтажной застройки.

Третий принцип касается внутренней планировки жилого района. Как уже было сказано, общественно-рекреационным ландшафтным стержнем крупной межмагистральной территории является долина речки (в данном случае Пшеничной). Эта долина разбивает жилой район на три микрорайона. Школы каждого из этих микрорайонов выходят на ландшафтный стержень, который планируется как крупный линейный парк, со зданиями общественно-рекреационного назначения: настольных

игр, общественно-досуговый центр, торговый павильон. Ресторан, кафе, спортивный зал, пункт охраны, административное здание. На границе между микрорайонами и линейным парком проложены трамвайные пути и велосипедные дорожки экологически безопасного транспорта.

Важнейший аспект темы устойчивого развития – реконструкция и перепрофилирование городских прибрежных территорий с промышленно-коммунальными функциями в социально-ориентированное экологически благополучное пространство. В развитых странах мира перепрофилирование прибрежных промышленных территорий является наиболее важной и интересной тенденцией к устойчивому развитию. Дипломница Е.В. Чупракова изучила такие примеры темы, как реконструкция района Диагональ-Бесос в Барселоне, конкурс на реконструкцию района складов «Новая Голландия» в Петербурге, формирование Нижегородской ярмарки на стрелке реки Оки и Волги, реконструкция района электростанции «Баттерси» в Лондоне и другие. Выявила общие характеристики трех

подходов к решению проблемы: экологического, социально-ориентированного, архитектурно-эстетического. Социальные задачи состоят: в организации функциональных связей общественных центров и селитбы, снижение роли промышленности на прибрежных территориях, реорганизация и перепрофилирование производства, пространственное объединение различных видов деятельности, формирование городских общественных центров. Экологические задачи реконструкции промышленных прибрежных территорий состоят в следующем: рекультивация нарушенных ландшафтов, формирование безопасной и благоприятной для человека среды, создание предприятий с замкнутыми технологическими циклами и безотходных производств, применение эффективных очистных сооружений, качественная перестройка промышленно-производственной сферы. Эстетические задачи реконструкции сводятся к следующему: активное использование эстетического потенциала ландшафта, активное включение существующих промышленных зданий в новую композицию

набережной, формирование прибрежной панорамы, защита от визуального загрязнения и улучшение эстетического качества внутренней среды предприятия и стыковых зон.

Далее в проекте были изучены конфликтные ситуации на прибрежных промышленных территориях в городе Иркутске: 1) центрального узла, включающего сквер Кирова, территорию ТЭЦ-1, Богоявленский собор, хлебозавод и педагогический университет. 2) территория Глазковской стрелки, занятой предприятиями РЭБ флота, складами и предприятиями пиломатериалов и мебельного производства, складами железной дороги, частично жилым неблагоустроенным поселком, 3) территорию устья реки Ушаковки с бывшим заводом тяжелого машиностроения, перепрофилированным в торговый комплекс «Фортуна» и в деловой центр «Иркутск-сити» на левом берегу, и со складами и оптово-розничными рынками на правом берегу.

Общий подход к реконструкции этих объектов – создание социально-ориентированной экологически безопасной и благоприятной в эстетическом отношении

среды. Так, для центрального узла, 22 га площадью, было предложено восстановление Казанского кафедрального собора, разрушенного в 1936 году, создание общественно-культурного центра на 1 500 чел., музейно-выставочного комплекса на 500 чел., научно-экспериментального реставрационного центра, медиатеки и гостинично-спортивно-оздоровительного комплекса на 900 чел. Эти здания появляются на площадках заброшенной валяющей фабрики и ТЭЦ-1, а также на месте здания областной администрации – кафедральный собор. Кроме того, устраивается широкая озелененная и благоустроенная набережная. Для устья Ушаковки предложена следующая структурно-функциональная программа: набережная реки высвобождается из-под складов и площадок оптово-розничной торговли, озеленяется и благоустраивается. В развитие темы делового центра Иркутск-сити на правом берегу вместо вынесенных площадок размещается компактно офисная застройка. Между ТЦ «Фортуна» и «Иркутск-сити» на левом берегу предлагается торгово-рекреационный центр, включающий паритет-

но, как торговые площади, так и досуговые помещения для отдыха семьи, игр детей, для физкультуры и спорта. Меняется транспортная схема. Маратовская развязка и ранее спроектированная диагональная городская магистраль возвращаются в створ улицы Баррикад, отодвигая тем самым от берега Ушаковки и сохраняя прибрежную территорию как природный каркас. На Глазковской стрелке функциональная программа перепрофилирования заключается в создании делового и гостиничного комплекса в совокупности с двумя транспортными узлами – речным вокзалом и железнодорожным вокзалом для связи с новым аэропортом, который планируется разместить в нескольких десятках километрах от города Иркутска. Структурно на полуострове высвобождаются широкие открытые пространства рекреационных набережных, гребенка железнодорожных путей помещается под платформу, под которой предлагается упомянутый терминал для связи с аэропортом, а на платформе располагаются бульвар по плавной дуге, огибающей Глазковскую гору, и вдоль него здания

общественного назначения. Перпендикулярно к этой дуге на полуострове выстраивается главная транспортная ось делового района, завершающаяся зданием речного вокзала. Набережные защищаются от затопления и благоустраиваются.

Таким образом, в перепрофилировании прибрежных промышленных узлов предлагается достигнуть большего соответствия экологическому, рекреационному, общественному и эстетическому потенциалу прибрежных ландшафтов.

Еще одна тема, которой традиционно уделяется внимание на архитектурном факультете, – развитие Ботанического сада Иркутского государственного университета. По этой теме мы сотрудничаем с дирекцией сада, с видным специалистом, имеющим международное признание, В.Я. Кузевановым. Дипломный проект выполнила М.С. Морозова. На этот раз сад рассматривается как экологический технопарк международного значения. Будет развиваться как производственная (выращивание растений), так и научная (ботаника, роль растений в естественных ландшафтах, в городской среде, в цивили-

зации) и образовательная и просветительская деятельность, услуги населению и туристам. В программу включается проектирование крупной оранжереи, образовательного центра, офисных помещений, административно-хозяйственных построек, досугового центра для посетителей, визит-центра с планетарием. Рядом с садом располагается кладбище. Над ним проектируется часовня.

Концепция организации открытого ландшафта сада заключается в создании таких членений территории (27 га), которые, во-первых, дадут разбивку поверхности на несколько десятков микро-садов – дисплеев, во-вторых, обеспечат биогосударственное разнообразие микроландшафтных условий территории на монотонном склоне, которым сейчас располагает сад, в-третьих, послужат как организации движения посетителей, так и для полива растений. Эта комплексная задача решается с помощью сети невысоких насыпей, по вершине которых прокладываются пешеходные дорожки и устраиваются открытые водопроводы – арыки, по которым вода поступает к растениям. Ленты насыпей шириной порядка 1,5–3 м и высотой от

0,5 м до 1,5 м создают необходимую дифференциацию в освещении, в увлажнении и в проветривании земной поверхности и соответственно, это используется в подборе светолюбивых, теневыносливых, влаголюбивых, засухоустойчивых растений. Эта геопластика заложена в основу генплана сада. Магистральные ленты начинаются от зданий, где в арыки подается вода, и извилистыми траекториями спускаются вниз по склону. От магистральных лент идут боковые ответвления, как от главного ствола отходят ветви. В итоге получается живописная система членений большой парковой территории на участки микросадов. Здание оранжереи решается в виде центрального купола диаметром порядка 50 м и примыкающих к нему двух крыльев, общей длиной 250 м. В куполе стержневой конструкции (Букминстера Фуллера) располагаются входной и экспозиционный залы с высокой растительностью, в правом (от центрального входа), восточном (в ориентации по странам света) крыле сочетаются оранжерея и офисные помещения. В левом крыле конференц-зал, учебные аудитории, детский игровой зал, ресторан, библиотека, зимний сад. В зависимости от условий освещения и увлажнения помещения оранжереи дифференцированы на специальные ботанические зоны: южная сторона – суккулентный сад (тепло и сухо); северная сторона – субтропическая растительность; водная зона – сад магнолий и рододендронов – располагается в малом куполе, пристроенном к глав-

ному куполу с северо-востока; правое (восточное крыло) – сад с водоемом, сад папоротников и орхидей (высокая влажность, тепло); фондовая зона – фондовые коллекции – располагаются в конце восточного крыла. К торцу восточного крыла пристроен объем, в котором располагается музей и гербарий.

Проблеме взаимодействия новой застройки с объектами историко-культурного наследия посвящена дипломная работа Е.В. Жушман и А.С. Исаковой, руководитель доцент Н.Л. Жуковский. Предлагается в качестве инструмента снятия диссонанса между новой застройкой и исторической средой зеркальные фасады новых зданий. Проанализированы и типизированы конфликтные ситуации диссонансов на материале города Иркутска. В качестве конфликтных рассматриваются следующие типические ситуации:

1. Историческая застройка и новое здание. Оказывается «давление» на историческую среду.
2. Историческая среда и типовая застройка советского периода. Нарушение сомасштабности. Отсутствие взаимодействия между объектами разных периодов.
3. Историческое здание и новая среда. Утрата среднего значения объектом культурного наследия.
4. Ориентиры историческая среда. Уничтожены церкви, служившие ориентирами в центральной части города. Появляются необоснованные доминанты.

В качестве одного из средств разрешения этих конфликтов предлагается

зеркальный фасад для нового здания. При этом в связи с тем, что здания в исторической части Иркутска преимущественно деревянные одно-, двухэтажные, то в новой застройке для создания сомасштабного визуального взаимодействия можно говорить о зеркале для части фасада – либо в пределах первого этажа, для того чтобы отражать исторические здания, либо о зеркальных верхних этажах для того, чтобы отражая небо, верхние этажи как бы визуальнo дематериализовались, стали бы невидимыми, и это позволило бы привести к сомасштабности противоположные стороны улицы – историческую и первый этаж нового здания в плотном материале. Тема ориентиров в необходимых местах в исторической среде раскрывается таким образом, что зеркальными предлагаются нижние и средние этажи многоэтажного здания. Верхние этажи исполняются в плотном материале, и ориентир как бы висит в небе, поскольку нижние и средние этажи «дематериализуются» в силу своей зеркальности, не мешая восприятию исторической среды непосредственно на месте расположения нового высотного здания.

Авторами проекта разработана матрица задач разрешения конфликтных ситуаций взаимодействия исторической и новой застройки на трех масштабных уровнях – камерном, уличном и городском, для четырех типов вышеуказанных конфликтов. Результаты решения задач формулируются следующим образом. Для камерного уровня: сомасштабность первого плана, концентрация внимания

на деталях, приобретение дополнительной глубины пространства, разноплановость пространства. Для масштаба улицы: восстановление пространственной связи между объектами, объединение разрозненной среды в единый уличный ансамбль, целостно воспринимаемый силуэт. На городском уровне речь идет о создании ориентиров без конфликта с исторической средой в уровне первых этаже и о создании таким путем упорядоченного целостного образа города в восприятии потребителя. В качестве иллюстраций методы авторы разработали проекты застройки двух кварталов – в примыкании к развязке проектируемого моста в створе улицы Декабрьских Событий и по переулку Пугачева с реконструкцией первого этажа пятиэтажного здания описанным методом. Первый этаж становится зеркальным, отражает памятники деревянного зодчества на противоположной стороне переулка и таким образом гасится конфликт. В случае с примыканием к мосту ставится внутри квартала с периметральной деревянной застройкой новое высотное здание – ориентир. Плотные этажи – только два верхних. Зеркальность нижних и средних этажей позволяет в уровне пешехода создавать визуальные образы – отражения исторической малоэтажной застройки. Правда, в данном случае в этом квартале историческая застройка – памятники, зеленные сюда из других мест города, где их по каким-то причинам не удается сохранить на месте.

Андрей Большаков

О результатах защиты дипломных проектов и работ по специальностям «Архитектура» и «Дизайн архитектурной среды» в ИнАрхДиз АлтГТУ в 2009 году

В Институте архитектуры и дизайна Алтайского государственного технического университета (ИнАрхДиз АлтГТУ) государственные аттестационные комиссии по защите дипломных проектов и работ специальностей 270301 «Архитектура» и 270302 «Дизайн архитектурной среды» работали с 15 по 18 июня 2009 года.

Председатель ГАК: Аулов Валерий Васильевич – заведующий кафедрой «Архитектура общественных зданий» Московского архитектурного института (Государственной академии), профессор Международной академии архитектуры.

По специальности 270302 «Дизайн архитектурной среды» защищено 29 дипломных проектов, из них 15 проектов, как отмечено ГАК, – на особо высоком уровне. В области поисковых научных исследований выполнено 9 дипломных проектов. Наиболее глубокая проработка научной темы в следующих дипломных работах и проектах:

- «Организация архитектурной среды международного туристического маршрута на трансграничной территории Большого Алтая»;
- «Дизайн-концепция информационно-остановочных объектов вдоль Чуйского тракта»;
- «Дизайн-концепция пространственного решения экспериментальной автономной усадьбы-фермы на основе ВИЭ с разработкой оборудования».

По специальности 270301 «Архитектура» защищено 22 дипломных проекта, из них 13 проектов, как отмечено ГАК, – на особо высоком уровне. В области поисковых научных исследований выполнено 7 дипломных проектов. Наиболее интересные из них:

- «Музей горного дела в составе многофункционального Комплекса «Змеиная гора» в г. Змеиногорске Алтайского края»;
- «Учебно-оздоровительный комплекс для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата»;
- «Музейный комплекс «Алтайская этническая деревня» в ОЭЗ «Алтайская долина».

Дипломные проекты в целом разработаны с учетом достижений технических и гуманитарных наук, выполнены на актуальные темы проблематики Барнаула и региона Алтайского края. Интерес, как отмечено в отчете председателя ГАК, представляют дипломные проекты научной среды исследовательской направленности, имеющие новаторский характер и философское осмысление проблемы.

9 дипломных проектов специальности «Архитектура» и 11 дипломных проектов специальности «ДАС» рекомендованы к внедрению в производство Комитету по строительству и архитектуре Алтайского края, Главному

управлению архитектуры и градостроительства Барнаула.

Все проекты и работы выполнены с использованием ЭВМ и компьютерной графики, сопровождаются исчерпывающими пояснительными записками и макетами, позволяющими полнее увидеть замысел и качество рассматриваемого материала.

Графическая часть многих проектов выполнена на высоком профессиональном уровне, с хорошим композиционным расположением основных проекционных чертежей, тонкой графикой или мягкой передачей цветового решения фасадов, интерьеров, атрибутики.

Особенность проектов специальности ДАС – разработка архитектурной составляющей как части комплексного фирменного стиля.

Все проекты сопровождаются макетами. Макетирование рассматривается я неотъемлемой и обязательной составной частью проектного метода, и такую позицию алтайская школа последовательно отстаивает. В некоторых дипломных проектах представлено по два-три макета. Макеты выполнены в масштабе и объеме, необходимом для раскрытия основного замысла проектного решения. Многие из проектных макетов были представлены в цвете, включая макеты мебели в натуральную величину.

Дипломники показали убедительную профессиональную

подготовку по специальным, художественным и общетехническим дисциплинам. Особо надо отметить знание студентов и ориентацию их в области социальных и архитектурно-градостроительных проблем города, региона, края.

Замечания и пожелания, высказанные государственными аттестационными комиссиями по защите дипломных проектов и работ:

- Необходимо более лаконично представлять существо проектных материалов, больше обращать внимание на разработку чертежей в основных ортогональных проекциях, их масштаб и графическое наполнение. Избегать увлечения 3D-моделированием в части демонстрации эффектов, сократить количество дополнительных, не раскрывающих содержание 3D проекций.

– Необходимо обратить внимание на анализ и понимание градостроительных условий при решении объемной архитектуры.

– Желательно больше разрабатывать жилищную тематику, более глубоко анализировать планировку квартир, жилых секций в зависимости от современной социальной ситуации, от демографического состава семей.

– Важно научить студента защищать свой проект и более кратко излагать существо проекта.

Подготовил Сергей Поморов
на основе отчетов
председателя ГАК

Результаты защиты выпускных квалификационных работ по специальности «Дизайн архитектурной среды» за 2009 год

Результаты защиты выпускных квалификационных работ по специальности «Архитектура» за 2009 год

Показатели	Кол.	%
Принято к защите дипломных работ, дипломных проектов	29	100
Защищено д. р'д. п.	29	100
Оценки д.рЛд.п:		
отлично	16	55
хорошо	11	38
удовлетворительно	2	7
неудовлетворительно	–	–
количество д.р'д.п	29	100
по темам предложенным студентами	16	55
по заявкам предприятий	13	45
в области фундаментальных и поисковых научных исследований	9	31
Количество д.рЛд.п., рекомендованных		
к опубликованию	29	100
к внедрению	10	34
внедренных	1	3
количество дипломов с отличием	8	28

Показатели	Кол.	%
Принято к защите дипломных работ, дипломных проектов	22	100
Защищено д. р'д. п.	22	100
Оценки д.рЛд.п:		
отлично	13	59
хорошо	7	32
удовлетворительно	2	9
неудовлетворительно	–	–
количество д.р'д.п	29	100
по темам предложенным студентами	15	68
по заявкам предприятий	7	32
в области фундаментальных и поисковых научных исследований	5	23
Количество д.рЛд.п., рекомендованных		
к опубликованию	22	100
к внедрению	9	41
внедренных	1	5
количество дипломов с отличием	6	27

Алтайский государственный технический университет им. И.И.Ползунова Институт архитектуры и дизайна Кафедра архитектуры и дизайна
Диплом 2009

Музей горного дела в составе многофункционального комплекса «Змеиная гора» в городе Змеиногорске Алтайского края

Выполнила
Е.В. Утц

Руководитель
С.Б. Поморов

Расположение любого населенного пункта предопределяется такими природными факторами, как геологические, географические, планировочные и другие. Для Змеиногорска исключительную роль сыграли геологические факторы.

Ему самой природой была отведена роль города горнорудного производства, и он отстаивал это право на протяжении около 260 лет. Изучив историю города, понимаешь его уникальность и значимость не только в истории Алтайского края, но и в истории России.

В дипломной работе последовательно решались две задачи, одна исследовательская, другая проектная. Исследовательская часть включает выявление «объектов показа», имеющих историческую ценность и выступающих в качестве памятников архитектуры, истории и техники. В результате анализа информации по тематике проекта был сделан

вывод, что сейчас остро стоит вопрос о сохранении и восстановлении исторического наследия города Змеиногорска. Одним из вариантов решения данной проблемы видится создание музея горного дела на базе промышленной архитектуры XVIII–XIX веков.

Проектные предложения предполагают и включают: консервацию и восстановление исторического инженерного и архитектурного наследия, а также архитектурно-пространственную организацию многофункционального комплекса «Змеиная гора». В этом комплексе детальную проработку получил музей горного дела, который по уникальности объектов музеефикации, расположенных как в надземной, так и в подземной части города, может составить хорошую конкуренцию аналогичным объектам в мировой и отечественной практике.

Концепцией проектирования данного комплекса явля-

ется частичное восстановление облика Змеиной горы, разрушенной в процессе добычи руды открытым способом. Планировочная схема комплекса также выбрана не случайно. В упрощенном виде Змеиногорский рудник представлял собой узловые точки (стволы), к которым подходила разветвленная коммуникативная сеть (штольни, гезенги, квершлагги). Центральную часть комплекса занимает музей горного дела, являющийся доминантой всей композиции комплекса, а уже от него проложены переходы к блокам общественного питания, торговому центру, кинотеатру, парковке, гостинице, офисам.

Имея широкий набор функций, предложенный в рамках дипломного проектирования, комплекс может стать культурно-досуговым и научно-познавательным центром города и будет излюбленным местом отдыха горожан и туристов.

«Музей горного дела в составе многофункционального комплекса «Змеиная гора» в г. Змеиногорске Алтайского края» (студентка Е.В. Утц, руководитель д. арх., проф. С.Б. Поморов).

Алтайский государственный технический университет им. И.И.Ползунова Институт архитектуры и дизайна Кафедра архитектуры и дизайна
Диплом 2009

Организация архитектурной среды международного туристического маршрута на трансграничной территории Большого Алтая

Работу выполнила
О.А. Черникова

Руководитель
С.Б. Поморов

Консультанты
Т.М. Поползина,
М.Ю. Шишин

Алтай – особая трансграничная территория с уникальным биоразнообразием. Для того чтобы сохранить ее уникальность, следует регламентировать рекреационную деятельность данного региона. Проект организации туристического маршрута на трансграничной территории Большого Алтая и его архитектурной среды призван помочь в решении данной проблемы.

В ходе работы были изучены теоретические основы организации рекреационной среды и туристических маршрутов, проведен анализ отечественного и зарубежного опыта, дан комплексный анализ территории Большого Алтая с точки зрения физико-биологических, климатических, социально-демографических, культурно-этнических характеристик.

Учитывая характеристики региона, а также памятники природы, истории и культуры, особо-охраняемые природные территории и

существующую автодорожную сеть была предложена организация разных по продолжительности маршрутов, направленных на длительный, продолжительный и кратковременный отдых.

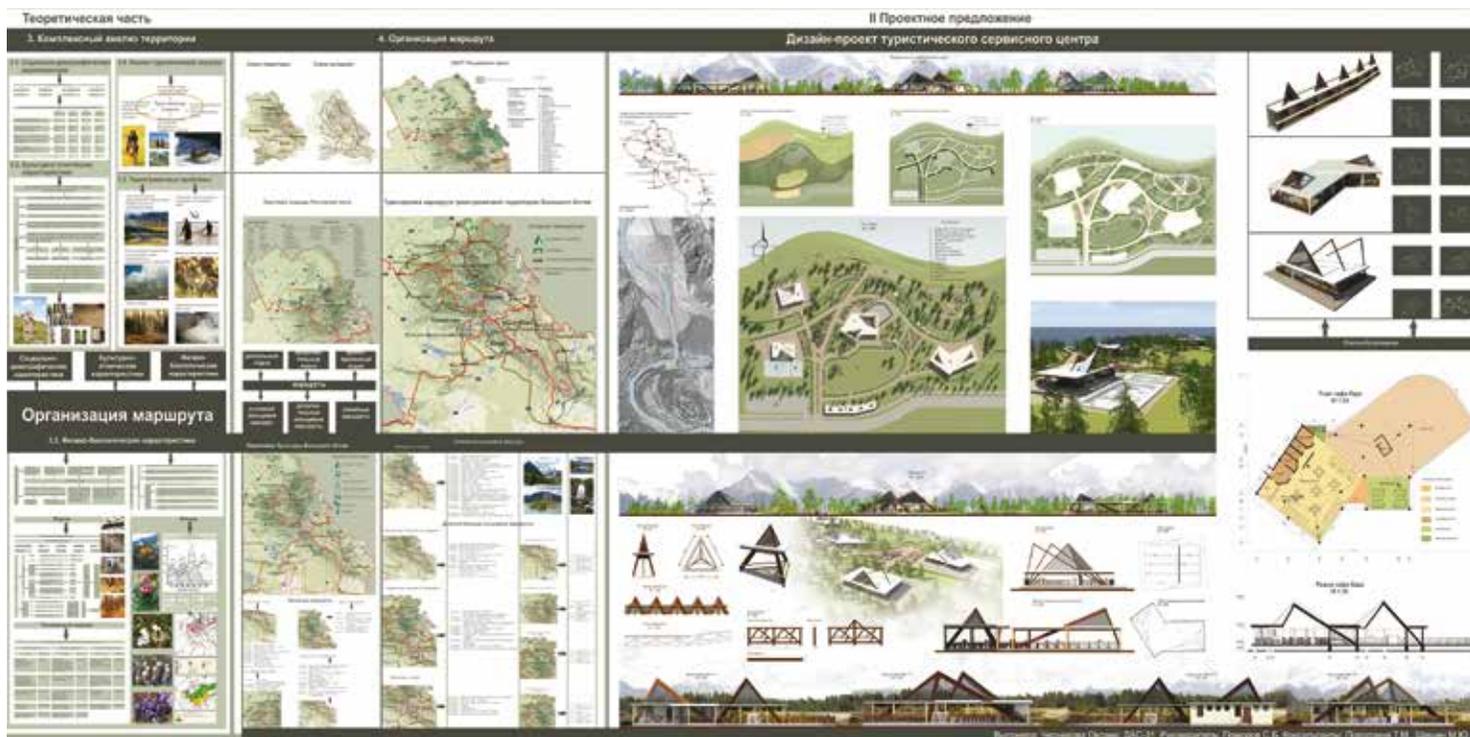
На протяжении всего маршрута предложено размещение туристических сервисных центров, основными функциями которых являются отдых, питание, развлечения. Дизайн-концепция направлена на деликатное введение сервисных центров в природную среду.

За основу архитектурного формообразования взят образ гор. Принцип врезания друг в друга простых объемов позволяет компоноваться элементам сооружения и создавать разнообразные композиции, что облегчает вписывание объемов в ландшафт. Поворот элементов позволяет создать дополнительные формы, придать динамичность и задать определенный ритм.

В рамках предложенной концепции были разработаны основные архитектурные объекты туристического сервисного центра и организована его архитектурная среда.

Организации туристического маршрута на трансграничной территории Большого Алтая и его архитектурной среды помогает в решении давно назревшей проблемы неконтролируемого туризма; является дополнительной предпосылкой для решения трансграничных проблем и активизации трансграничного сотрудничества четырех стран; является дополнительным шагом к устойчивому экономическому и социальному развитию четырех стран; является помощью в продвижении туристического продукта на мировом рынке.

«Организация архитектурной среды международного туристического маршрута на трансграничной территории Большого Алтая» (студентка О.А.Черникова, руководитель д. арх., проф. С.Б. Поморов, Консультанты Т.М. Поползина, М.Ю. Шишин)

Архитектурный диплом 2009 года в новых предлагаемых обстоятельствах

У 2009 года есть все основания со временем стать исторически значимым, знаковым годом, открывающим новый этап, новую полосу в архитектурном творчестве в нашей стране. Слишком много разнообразных преобразований, имеющих долгосрочную и весьма радикально меняющих направление общего движения перспективу, сошлись в этом году. Назову основные из них, начиная, разумеется, с того, что напрямую связано с учебным процессом воспитания архитектора и, как следствие, реализуется в дипломном проекте:

1. Подошла к завершению разработка обучающего стандарта третьего поколения с учетом требований и условий Болонского процесса, к которому, как известно, наша страна примкнула со всеми вытекающими из этого правовыми обязательствами. Согласно правилам Болонской конвенции уже через год во все архитектурные школы начнется прием на вновь сформированных основаниях и спустя 5–6 лет практически все новые поколения архитекторов в нашей стране будут выпускаться из вузов с дипломом бакалавра. Получение магистерской степени (как неотъемлемой

составляющей двухступенчатой системы подготовки архитектора) представляет осознанный интерес в основном для тех, кто готовит себя к университетской (вузовской) карьере, и вряд ли рассчитано на большое число вступающих в профессиональную жизнь начинающих архитекторов. Понятие «дипломированный специалист» в юридическом смысле изживает себя, в обиходном — обретает новое содержание, соответствующее уровню подготовки бакалавра, таким, как сегодня, он (этот уровень) понимается и программируется на будущее, разумеется, в содержательных границах (рамках) положений, требований и ограничений Болонской методологии формирования обучающихся стандартов.

2. С этого же года качественно меняется организация архитектурно-проектного дела в нашей стране. Переход на саморегулирование и формирование на этой основе соответствующих объединений архитектурных мастерских радикально меняет не только структуру проектирования, но и перераспределяет меру и границы ответственности за результаты и качество архитектурной деятельнос-

ти между государством и профессиональным цехом. Передавая в руки архитекторов возможность самим решать весь круг возникающих проблем, государство сформировало, по существу, одно, но при этом вполне обоснованное требование к проектировщикам и строителям, в первую очередь, архитекторам: гарантированно обеспечить безопасность и физическую надежность вновь создаваемых сооружений. Безопасность, в логике выстраиваемой при этом системы самоограничений, должна достигаться в том числе и за счет решения многообразных творческих проблем и, возможно, в ущерб профессиональным интересам архитектора. Креативные новации, формотворческие, художественные обретения, если они впрямую не касаются обеспечения безопасности зданий и серьезной экономии средств на их создание, вряд ли будут отвечать «злобе дня» и соответственно — приветствоваться заказчиками, инвесторами и «потребителями» архитектуры. С таким трудом выстраиваемый в последние два десятилетия профессионально заинтересованный для архитектуры диалог цивилизационных

возможностей и культурологических требований, фиксирующий динамику понятия «современность» и только начавший буквально на наших глазах обретать пока хрупкую гармонию взаимоотношений, адекватных современному состоянию архитектуры в мире, разрушается, ломая на ходу систему профессиональных приоритетов, диапазон и конструкцию творческих предпочтений.

Только один пример. Последний на сегодня этап многолетней эпопеи создания, пока на стадии проектирования, нового здания Мариинского театра оперы и балеты в Санкт-Петербурге предполагалось завершить еще одним, «дополнительным» конкурсом, поскольку было принято решение сменить и архитектора (креативщика) и команду генерального проектировщика. Обсуждая результаты и продиктовавшие их «правила игры» творческого соревнования, министр культуры в телевизионном интервью, как показалось, несколько смущаясь, признал: пригласили архитекторов к участию в творческом конкурсе, а провели, по существу, тендер на проектно-подрядные работы. Без сомнения, последовательность вытекающих

из этого следствий сформирует и «актуальные» требования к учебному процессу.

3. И еще одно, по сути суммирующее предыдущие, обстоятельство, все более осознанно закрепляющееся в наши дни, – профессиональные возможности архитектуры начинают устойчиво ориентироваться на массовые ценности. Почему тем не менее я обозначаю его как рядоположенное уже перечисленным и, без сомнения, также понижающее качество подготовки архитектора? Только потому, что в процессе обучения архитектуре оно (это обстоятельство) выступает вполне самостоятельно и закономерно начинает предопределять будущее архитектуры и стратегию воспитания нового поколения профессионалов не в меньшей мере, нежели те, о которых речь шла перед этим.

К чему сводится суммарное влияние перечисленных «нововведений» последнего времени? Оно реализуется в полной незаинтересованности всех сопредельных архитектуры участников инвестиционного процесса в строительстве в творческом внимании ко всем проявлениям индивидуальной креативности и маэстрии в профессиональной деятельности архитектора. Крепкое ремесленное качество архитектуры, способное надежно обеспечить безопасность сооружения, намного «безопаснее» и при обучении будущего архитектора в сте-

нах вуза. И если современные тенденции в образовании, тем более в творческих профессиях, настойчиво переориентируются с обучения на самообразование и саморазвитие в атмосфере творчески активной школы, то суммарное положение дел в архитектуре, очевидно, не будет способствовать этому процессу уже в ближайшее время.

На воспитание креативного мышления и развитие творческого потенциала попросту не будет хватать времени и заинтересованных стимулов, да и востребованы они окажутся, по-видимому, в минимальной степени. И по этой причине анализ дипломных проектов 2009 – рубежного в этом отношении года – представляет значительный интерес. Со временем работы этого года обретут все больший авторитет как своеобразная «точка отсчета», возможно – «обратного отсчета», при любых обсуждениях качества образования архитектора. Они будут обременены ореолом «эталона креативности», профессионально активного проектирования уже на уровне диплома (или) получения исследовательского опыта в рамках магистерской диссертации.

Достаточно вспомнить наиболее широко известные работы студентов и публикации дипломов в журнале «Современная архитектура» или в сборнике студенческих работ ВХУТЕМАСа, чтобы еще раз осознать, сколь

важно выявление мотивации дипломников, их подлинно творческой активности, уровня и содержательности персональных, авторских архитектурных школ-мастеровских, в которых и присходит, должно происходить, в основном, устойчиво последовательное воспитание будущих мастеров архитектуры, практически независимо от текущих изменений содержания (или) толкования текущих особенностей архитектурного профессионализма, а также требований образовательных стандартов. Скорее, независимо, дополнительно к ним.

Я хочу познакомить читателей журнала «Проект Байкал» с шестью выпускными работами 2009 года. Это четыре дипломных проекта и две магистерские диссертации. Они выполнены в трех архитектурных школах: Московском архитектурном институте (Государственной академии), Белгородском государственном технологическом университете им. В.Г. Шухова и в Самарском государственном архитектурно-строительном университете.

О том, что дает мне основание объединить эти работы вместе для общего в связи с ними разговора, ниже. Перед тем последовательно представлю их:

Тему дипломного проекта выпускник МАрХИ А. Воробьев (руководители: проф. В.А. Шульрихтер, проф. А.А. Великанов) обоз-

начил еще на первых курсах института, постепенно сводя в единую проектную задачу, с одной стороны, свой интерес к театру, а именно – к оперному искусству, и, с другой – серьезную озабоченность архитектурной судьбой родного города – подмосковного Щелково на берегу реки Клязьмы. В результате автор сумел сформировать полноценную программу преобразования бывшей промышленной территории вдоль реки, учтя при этом разработку генерального плана развития города Щелково и поставив перед собой задачу создать уникальный, единственный в своем роде городской оперный камерный театр с развитой сопутствующей ему инфраструктурой, с производственной, интеллектуально-просветительской, учебной, музейной и другими функциями, размещающимися в стенах бывших ткацких фабрик на прилегающих городских территориях. Объединив весь многофункциональный комплекс в единую живописную композицию парка, создав попутно целостную систему зеленых насаждений, позволяющих организовать удобные аллеи – выходы горожан к реке на пешеходно доступную (по проекту) набережную. Иными словами, Воробьеву удалось, опираясь на Генплан города, создать концепцию формирования в Щелково уникального музыкально-просветительского,

общественно-культурного центра мирового уровня. Такой центр мог бы дать импульс для качественного скачка в урбанизированном развитии еще одного подмосковного города, у которого, кстати, есть для этого и серьезные исторические основания. Шелково обрело статус города только в 1925 году, но известно, что «еще в конце XVIII века в Шелково и округе было сосредоточено 63% губернского крестьянского промышленного производства, 71% – уездного» (цитирую по пояснительной записке к дипломному проекту А. Воробьева). Автору удалось не только выявить черты единичности, уникальности города, но и возродить их проектными средствами, привнеся свое видение в современное прочтение градостроительного будущего своего города.

Не приходится удивляться тому, что городская администрация Шелково заинтересовалась дипломным проектом Воробьева, и МАрХИ передал эту работу для возможного ее продолжения, разработки и детализации в реальном проектировании. Не лишне сказать и о том, что этот диплом высоко оценили и члены Государственной комиссии, что позволило автору работы получить Золотую медаль лучшего выпускника МАрХИ 2009 года.

Три других дипломных проекта выполнены на кафедре архитектуры и дизайна Белгородского тех-

нологического университета (зав. кафедрой проф. В.П. Мироненко).

В дипломе Н. Безменовой (руководитель ст. преп. Н.В. Алейникова) предлагается авторская концепция – метод реновации нарушенных в процессе урбанизации городских территорий, в основном в многочисленных для нашей страны районах добывающей промышленности. Белгород не стал исключением. И в настоящее время поиски рационального использования и возвращения городу брошенных, обработанных земель – действительно актуальная и для него задача.

Автор на месте мелового карьера «Полигон» ЗАО «Белгородцемент» на левом берегу реки Везелки в городе Белгороде, то есть на конкретной, адресной территории, создает полноценный жилой район площадью 410 га, из которых 109 га – площадь мелового карьера. Район рассчитан на 50 тысяч жителей.

Нелишне вспомнить, что в середине 20-х годов прошлого века, то есть тогда, когда подмосковное Шелково только обрело городской статус, 50 тысяч населения было той предельной численностью, вокруг которой разгорались страсти дискуссий между урбанистами и дезурбанистами.

Безменова поднялась над дискуссиями. Она заинтересованно обсуждает и формирует проектными средствами на этой, пока брошенной

территории, небывалое в настоящее время качество городской жизни, и не только для Белгорода. Автор разрабатывает концепцию – метод реновации, формируя не только образ своего города в будущем, но и создавая необходимые градостроительные основания для формирования и (или) развития самосознания и самоуважения горожан.

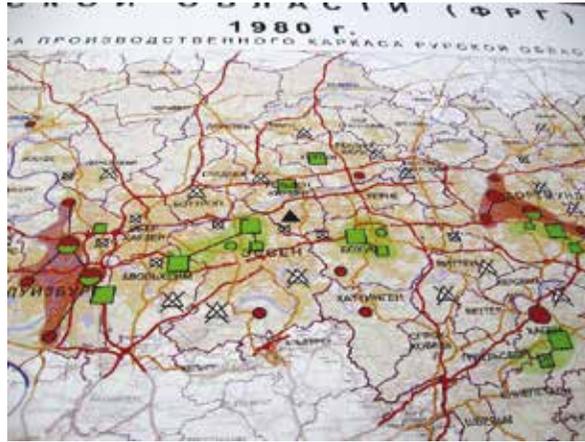
Стоит обратить внимание, сколь искусно и значимо вкомпонованы в структуру дипломной экспозиции сделанные рукой автора «картинно-образы», создаваемой в проекте городской среды. И то, что они предъявлены не в машинной графике, не только подчеркивает их индивидуальность, но и демонстрирует решимость автора взять на себя личную ответственность за предлагаемые архитектурные решения.

Дипломный проект О. Иволги (руководитель проф. Н.П. Радоминова), по сути, развивает ту же тему – повышение качества и культуры городской жизни в Белгороде. Автор разрабатывает транспортно-пересадочный узел (терминал) скоростной дороги, позволяющей разгрузить главную магистраль города – улицу Богдана Хмельницкого. Он размещается на пересечении направлений аэропорт – вокзал – пригород – наиболее крупные жилые районы города. Такой набор объектов притяжения для транспортной развязки достаточно очевиден. Индивидуальность

и концептуальную определенность проекту приданию О. Иволги придает размещение терминала на склоне Харьковской горы, вблизи Белгородского технологического университета им. В.Г. Шухова. БГТУ, без сомнения, один из авторитетных и значительных центров интеллектуального притяжения и для Белгорода, и для всей страны. Отсюда, выбор тематики дипломного проектирования на кафедре архитектуры и дизайна опирается и на реальные возможности, и на авторитет университета, обеспечивающий их появление в обозримом будущем, в том числе – технологических, системно-конструктивных и естественно-научных разработок специалистов-смежников и других, инженерных кафедр БГТУ. Комплексность строительных разработок и имя университета позволяют архитекторам (пусть, и начинающим) формулировать такую постановку творческих проблем градостроительства, при которой город Белгород обретает устойчивую перспективу и реальную возможность стать одним из наиболее заметных и значимых университетских городов страны.

Дипломный проект Е. Кузиной «Концепция мостового транспортного перехода материк – о. Сахалин» (руководитель доц. С.И. Доценко) также развивает это направление – концептуальное проектирование на ближайшую перспективу. Место строительства – граница РФ,

мную цель своей работы в аннотации к проекту.

Допускаю, что в иных случаях такая постановка проектной задачи для дипломной разработки будущим архитекторам может показаться раздражающе чрезмерной, лишенной всякой меры ответственности за результат, но в Белгороде она выглядит вполне органично и притягивает к себе профессионально заинтересованное внимание на инженерных кафедрах. Это, строго говоря, осложняет дело, вынуждая автора относиться к реализации поставленной проектной проблемы как к повседневно «будничной», наделенной прагматическими свойствами реального проекта. Сегодня уже появляется обоснованная возможность говорить о том, что между кафедрой архитектуры и инженерными кафедрами БГТУ устанавливается устойчивый творческий диалог. Масштаб разработок строительно-технологических проблем позволяет архитекторам рассматривать действительно уникальные проектные задачи как практически доступные и, в свою очередь, предлагать инженерам для осмысления и разработки новые по постановке форматовворческие и иные задачи.

Одна из анонсированных вначале магистерских диссертаций подготовлена выпускником МАрХИ В. Володиным (руководитель проф. В.Л. Глазычев). Ее тема – «Стратегия регионального развития Рурской области Германии в 1950–80-х

годах и ее современное состояние». Автор самым внимательным образом, тщательно аргументируя и подтверждая документально, прослеживает последовательность и содержание формирования в Рурском регионе полицентрической агломерации и переосмысление ее функционального назначения. Статус одного из основных индустриальных центров страны Руру за несколько десятилетий целенаправленных усилий удалось изменить на интеллектуально-культурный. Но автор диссертации не ограничивается этим наблюдением. Его интерес существенно глубже. Он исследует механизмы перерастания индустриальных территорий в новое качество. В задачи исследования входит также осмысление закономерностей инновационного развития региона, технологий общественного участия в планировании, реновации и реабилитации промышленных территорий. Автор сумел поэтапно (по десятилетиям) реконструировать и внятно предъявить стратегию развития земли Северной Рейн-Вестфалия. Академическое по своей постановке, методологии и результатам магистерское исследование оказывается созвучным актуальной проблематике осмысления аналогичных ситуаций в нашей стране. Практическое значение работы Володина (как принято заявлять в диссертационных работах, зачастую, достаточно формально) в данном случае очевидно и наполнено содержанием.

Японское море, Татарский пролив, остров Сахалин – выглядит в стенах БГТУ вполне органично, также как и попытка принять реальное профессиональное архитектурное участие в соединении материка и острова Сахалин, то есть формировании значительного отрезка в межконтинентальной сети дорог.

«Данный проект – лишь первый шаг к более глобальному проекту, который предусматривает строительство моста между Сахалином и Японией. Его реализация позволит создать транспортный коридор из Европы через материк, далее на Сахалин и уже потом в Японию» – так автор представляет програм-

Как известно, магистерскую диссертацию можно представить в трех жанрах: научное исследование, концептуальный проект (с элементами предпроектного исследования) и эксперимент. Диссертация П. Данилова «Модернистская архитектура и «другая архитектура XX века» (руководитель проф., чл-корр. РААСН Е.А. Ахмедова) подготовлена и защищена в Самаре. Она содержит все три возможные «силовые линии» магистерской квалификации. И методически такое слияние исследовательских технологий оказалось весьма продуктивно, так как позволило автору более содержательно и емко вникнуть в объект исследования и буквально «вылепить» его предмет, на котором и сосредоточить свое внимание. Способствует такой сосредоточенности и многогранная трактовка автором понятия «другой». В одних случаях «другой» – это партнер в творческом или концептуальном диалоге с модернизмом, в иных – «другой» – это альтернатива, в данном случае модернизму, в допустимо возможном повороте темы – контркультура. Именно в многообразии интерпретаций «другой архитектуры» открылась методологическая работоспособность исследовательского подхода в этой работе. Он оказался полезным потому, что модернистская и тем более «другая» архитектура анализируются Даниловым применительно к городу. Все разнообразие концепций, начиная с рубежа 1910–20-х годов и до «финальных» – в хронологических границах этого исследования, в основном итальянских групп Архизум, Суперстудии – на рубеже 60–70-х годов прошлого века – концентрируется в тематических и содержательных рамках градостроительного искусства. Город стал главным персонажем исследовательских интересов Данилова. Но при этом не возникает ощущения модернизации предмета исследования, его ненужного осовременивания, приближения к нашему времени.

Модернизм и «другая архитектура» в анализируемой работе вступают в разнообразные взаимоотно-

шения, что позволяет автору закономерно прийти к необходимости и потребности выстроить свою систему взаимоотношений урбанистики, градостроительной науки и градостроительного искусства. И так же как в работе Данилова «другая архитектура» не отменяет модернизм, а взаимодействует с ним, так и научно-проектное изучение города не отменяет его творческого осмысления в границах градостроительного искусства.

Автор попытался подобрать к изучаемому материалу свой собственный исследовательский инструментарий, и ему это удалось. Это и сделало работу Данилова представляющей несомненный интерес. В предложенной трактовке она имеет серьезную научно-исследовательскую перспективу.

Взаимоотношения модернизма и его антагонистов автор рассматривает как активную форму «жизнеустройства общества». И этот прием емко объемлет анализируемый в диссертации материал, с одной стороны, с синхронным ему распространением жизнеустроительных концепций в нашей стране, а с другой – расширяет хронологические границы исследования в будущем, так как надо согласиться с автором – проблематика жизнеустройства представляет несомненный интерес и в наши дни.

Данилов подтвердил серьезность и целеустремленность своих намерений, проведя в смысловых границах своего исследования концептуальный предпроектный эксперимент, реализовавшийся в выставочной экспозиции, созданной автором совместно с группой подопечных ему студентов. Его концепция Different city – не только сфокусирована на городских проблемах современного общества, но и «практике» показала неразрывность его «многогранного» жизнеустройства в необходимом при этом совмещении научных подходов к осмыслению города и построения его образов в границах градостроительного искусства.

Все представленные в статье работы, при очевидной их индивидуальной значи-

мо общий для них «прибавочный элемент»: творческие интерес и исследовательские (предпроектные) усилия авторов нацелены на осмысление градостроительных проблем, при этом в диапазоне от возможностей градостроительного искусства до строгости исследовательской проблематики в границах урбанографии и в целостно сформулированном предмете дипломной работы, устроенной по принципу объемно-пространственной композиции, воспитанному годами обучения в архитектурной школе.

Я ограничился шестью работами, о которых рас-

сказано здесь, выбрав их из числа тех, что хорошо знаю (принимая участие в их обсуждении на заседаниях ГАКов или рецензируя некоторые из них). Полагаю, дипломов, обладающих схожими качествами и выполненных в других вузах больше, и они также будут представлены на смотре дипломных работ в Саратове и уверен – не останутся там без признания¹. Это важно и потому, что они вбирают в себя опыт предшествующих двух десятилетий профессионального творчества и его осмысления.

1. Статья написана и передана в редакцию до того времени, когда должен состояться Смотр-конкурс дипломных работ архитектурных вузов и факультетов и будут подведены его итоги.

Юрий Волчок

ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ ДИТЯ

Заметки по поводу живописи Сергея Элояна

1. Мень А. Библиологический словарь : в 3 т. М. : Фонд им. Александра Менья, 2002. Т. 3 : Р-Я. 527 с.

В 2005 году в список Всемирного нематериального наследия ЮНЕСКО был внесен музыкальный инструмент. Инструмент, скажем прямо, не простой, а один из древнейших на Земле. Его возраст оценивается от полутора до трех тысяч лет: первые упоминания о чем-то похожем можно найти на глиняных табличках шумеро-аккадской культуры. За десятки веков варианты этого инструмента прижились в самых разных национальных культурах, сохраняя, впрочем, что-то общее в названиях. По-русски оно звучит как «дудка», по-турецки – «дюдюк», по

а в текстах Ветхого завета стал одним из имен Бога. Впрочем, есть и другие версии: например, что корень этот финикийского происхождения. Дело темное, уж очень много времени прошло. Но несомненно смысл божественной высоты и силы¹. Позже, вместе с Ветхим заветом, имя Бога Элохим пришло в европейские и славянские культуры.

Художник Сергей Элоян – армянин по отцу. Имя высшей силы звучит в его фамилии. Голос армянского дудука, бархатистый и проникающий прямо в душу, звучит в его работах. Но в них же можно услышать и дудочку, жизнерадостную и наивную.

Ремесло художника не относится к массовым профессиям. Художников мало. Есть среди них некоторый процент несомненно талантливых. Не будем обсуждать величину этого процента, все равно она меньше, чем хотелось бы. Но еще меньше таких талантливых мастеров, которые создают собственный метод. Даже самые что ни на есть титаны далеко не всегда методологически плодотворны. Могучая фигура – Пабло Пикассо, но из всех бесчисленных поворотов его индивидуальной манеры лишь один кубизм стал методом. Кстати, ровно столько же художественных

методов (один) породил самодеятельный художник, бывший матрос Ив Танги, который изобрел сюрреализм.

Вообще-то способность видеть мир уникальным, неповторимым способом (талант) имеется у каждого человека. Все люди потенциально талантливы. Однако большинство о своих талантах ничего не подозревает, да и не очень-то хотелось. Неудобная штука этот талант, как нестандартная фигура или любая другая нестандартность. Prestижно, конечно, иметь рост двести двадцать сантиметров, но как в маршрутку влезать? Тем не менее среди художников попадаются люди, которые все-таки видят мир по-своему, несмотря на бытовые проблемы. Иногда же этот уникальный способ мировидения оказывается достаточно широк и разнообразен, чтобы внутри него поместились, кроме автора, и другие талантливые люди. Не подражатели, а именно таланты, каждый со своим, но внутри общего. Вот это общее и есть метод.

Сто лет назад художники стремились создавать методы. Футуристы, супрематисты, конструктивисты... Был такой запал, кураж – не просто самовыразиться, а открыть новые горизонты, новые направления, области изобра-

зительного осмысления вселенной. Потом, в течение XX века, все это как-то остыло, и художник стал воспринимать коллег в основном в качестве конкурентов. Зачем же делиться творческими находками, когда мы все на рынке и идет борьба за покупателя? Горизонты сузились и превратились в точки зрения. Нет школ, нет направлений – есть раскрученные «звезды», их безымянные подмастерья и бездарные подражатели. Искусствоведам нынче особенно трудно. Совершенно стало невозможно сопоставлять художников друг с другом – обижаются. Каждый хочет быть неповторимым и ни на кого не похожим. В результате как раз сильно вырос уровень вторичности. На многих выставках (в том числе – весьма престижных) ходишь и думаешь: «А ведь я все это уже где-то видел...» Когда все хотят выделиться, то стремление выделиться делает таким, как все.

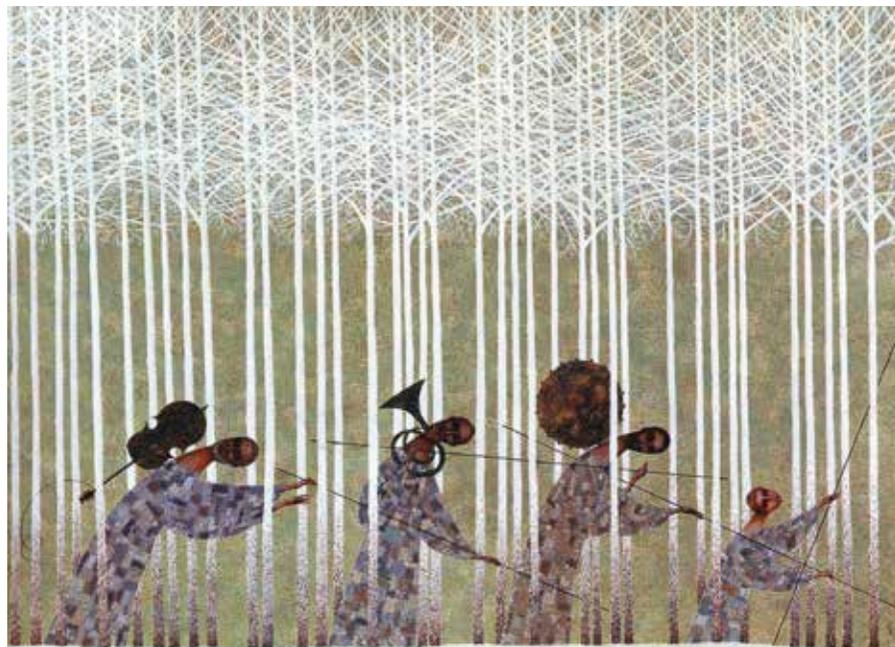
Художник Сергей Элоян как раз не пытается выделиться одиноким творцом. Открыто, даже как-то просто душно в его работах выставлены напоказ прототипы и аналоги. Раздельный мазок, почти растр – от пуантилистов. Плоскостная композиция и бестелесные фигуры – от Феофана Грека. Постигиванная повседневность – от «суровых» семидесятников прошлого века. Детский, любопытно-доверчивый взгляд – от Таможенника Руссо и Нико Пиросмани. Художник смешивает все эти совершенно разнородные элементы в невообразимый винегрет: а что, разве нельзя?

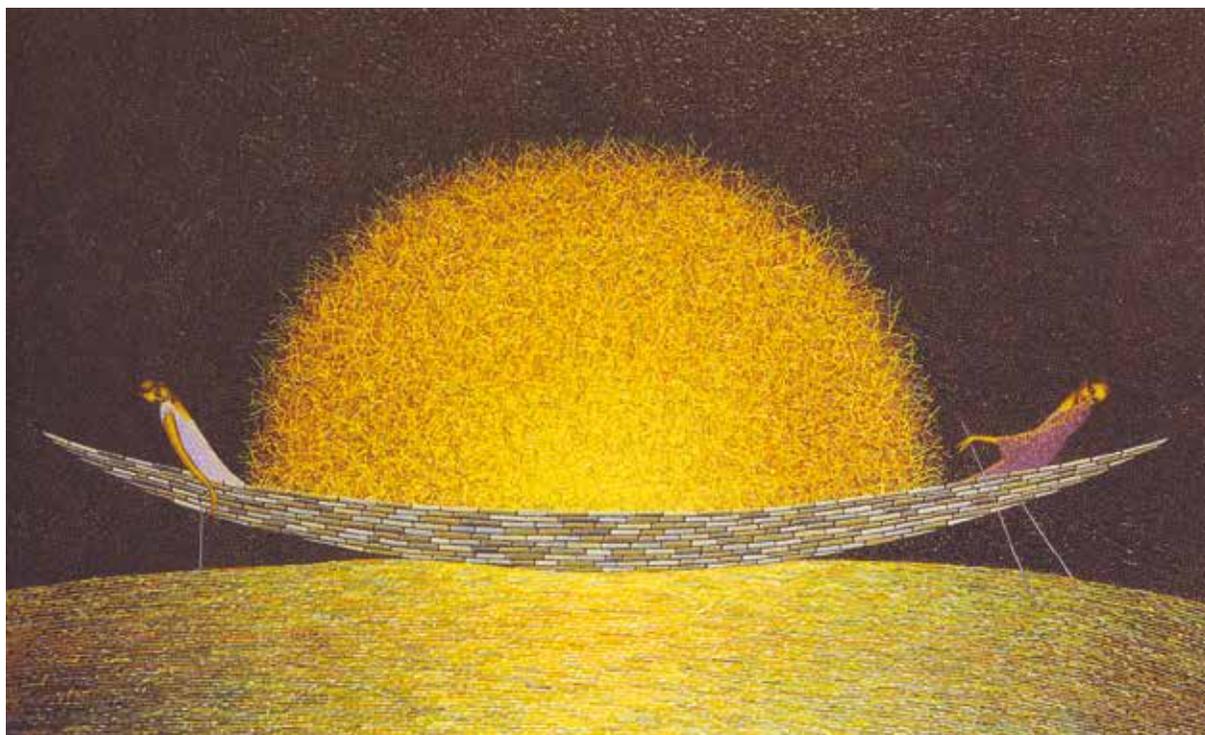
Оказывается, можно. Если смотреть на сегодняшний день сквозь три тысячи лет.

В советские времена было такое речевое клише: от имени того-то и того-то и от себя лично. Вот художник говорит со зрителем не только от себя лично, а и от имени тридцати веков. И сквозь эту прозрачную толщу ему видно, что нет ничего важнее игры в песок. Велики были города Лагаш, и Ур халдейский, и Вавилон, город крепкий – и все засыпало песком. Мелкий, как песчинки,

он означал высшую силу,

мазок Сергея Злояна создает ощущение чудовищной трудоемкости: кажется, художник должен писать каждую картину десятилетиями. А куда ему спешить? Что такое десять лет в сравнении с тремя тысячами?

И тихое сияние красок – совсем неярких, пастельных, разбеленных. Нежное их звучание приобретает силу только в сочетаниях – синего с красным, красного с зеленым, желтым... Были бы краски чуть темнее, ярче – резало бы глаза. Но промытые, чуть выцветшие тона как сон или воспоминание. Не зря же так много спящих фигур в картинах: в пустыне – Иоанн Креститель, в лодке – рыбак, в небе – космонавты и ангелы. День сегодняшний приснился кому-то тысячу лет назад, или прошлое привиделось нам, сегодняшним, – без гнева, без страха. Что нам злоба любого дня в масштабе тысячелетий?

Плоскостная композиция и фигуры как из бумаги вырезанные. Не нужна пространственная глубина художнику, у него другие глубины. И полное пренебрежение анатомией – это все не иконописцы придумали. Все уже было много веков назад, как мозаики были раньше пуантилистов. Вдруг понимаешь, что эта вот ходячая горсть праха получает форму только своей одухотворенностью. Если душа повернута к небу, то и голова туда же, а как иначе? При чем тут шейный отдел позвоночника? Крошечные руки у

людей и ангелов: не руками, а мыслями и душой преобразуется мир и люди в нем.

Медитативный покой и сосредоточенность в фигурах людей и животных, даже в движении. Короткие, слабые и хаотичные диагонали, мощные и властные горизонтально-вертикальные конструкции, – но статичность преодолевается мелкой множественной динамикой мазка. Нет четких локальных цветовых акцентов. Взгляду трудно остановиться, поверность картины плывет в неспешном, непрерывном потоке, как текучая вода. Как река течет в своих берегах, а присмотришься – и берега текут, и вся эта реальность плывет, и неизменно только движение.

Пространство, в котором живет художник, устроено очень странно. Чтобы двигаться вперед, в нем порой надо отправиться назад. Оттуда, из ветхозаветной перспективы, становятся видны наивные истины и детские открытия. В небе, оказывается, горят звезды. Раковина чудесным образом шумит прибоем. Камушки, простые серые камушки на самом деле живые и шевелятся нежной радугой. А если посмотреть вверх, то станут видны ангелы с дудочками. За тысячи лет ничего более удивительного и важного люди так и не открыли.

В картине «Слепые музыканты и мальчик-поводырь» за мальчиком идут трое мужчин – молодой, средних лет и

седобородый. Все трое очень похожи лицом на автопортрет. Может быть, это признание? Молодость грохочет в барабаны, зрелость трубит в медные трубы, старость наигрывает на скрипке. Но путь видит только ребенок с лицом, запрокинутым к небу.

Армянский циранапох звучит, как ни странно, во многих голливудских фильмах. Причем в самом широком диапазоне – от «Последнего искушения Христа» Скорсезе до какой-нибудь «Зенны – королевы воинов». Творческий метод Сергея Злояна, его способ видеть мир глазами тысячелетнего ребенка, – вполне прикладной. Станковая картина, лишенная прагматического предназначения, показывает метод в чистом виде. Но есть еще и книжная графика, и дизайнерские проекты, построенные тем же методом. И тоже пронзительные, ясные, несуетные. Единственное, чего до сих пор нет, и непонятно почему, – нет учеников и последователей. Ярких, своеобразных, каждый со своим, но внутри общего. А ведь могли бы и быть. Метод настолько широк и глубок, что места в нем хватило бы на множество индивидуальных талантов. Таких, знаете, разнообразных – с трубами, с барабанами и скрипочками, или даже с компьютерными синтезаторами. А впереди чтобы – ребенок с дудочкой. И лицом к небу.

Константин Лидин

Нужен лишний человек

Много поколений советских школьников писали сочинения, посвященные образу лишнего человека. С тех пор как Иван Сергеевич Тургенев напечатал «Дневник лишнего человека» (1850), в отечественной литературе было опознано множество таких – от Евгения Онегина до Сергея Довлатова. Это люди, богато одаренные от природы, умные, талантливые, но отчего-то не востребованные. Почему-то не нужны они, ни интеллект их, ни способности. То есть не то, чтобы совсем никому. Друзья их ценят, женщины даже любят, но все это как-то жалеючи, с легким оттенком снисходительности. Ценят, а в серьезные проекты не зовут. Любят, но изводят попреками в бытовой неспособленности. Заедает среда, быт, мелочевка, безденежье, капающий кран...

Дореволюционных лишних людей угнетал царизм. Автобиографичных героев Довлатова, Аксенова, Венечки Ерофеева, Юрия Полякова давил развитой застой. Лишнего человека всегда что-то давит, плющит, привычная для большинства среда для него – как глицерин под большим давлением – вязко сопротивляется каждому движению.

Лишний человек защищается. В девятнадцатом веке популярным средством от среды были байронические скепсис и сплин. В брежневские времена – саморазрушительная тоска, идейное пьянство, бытовой цинизм. Но – всегда – доспехи, щит и копье лишнего человека составляла и составляет ирония. Насмешка над собой и над окружающей реальностью, то едкая, то робкая.

Вагрич Бахчанян как-то написал Некролог № 4: «НЕКРОЛОГ № 4

Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Академия Наук СССР с прискорбием сообщают о том, что академик САХАРОВ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ чувствует себя нормально и продолжает заниматься своей деятельностью»¹.

Лишний человек раздражает. Ну что он, в самом деле? Нет, чтобы делом заняться! А ему совершенно искренне непонятно, как это мы, нелишние люди, можем тратить себя на суету, которую по инерции полагаем каким-то делом. Он, как марсианин, не видит величия в общепринятых кумирах, ему и странно, и смешно от пустой пиететности. Зато он видит, что «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». Живя в Советском Союзе, он зачем-то подмечает: «Бумажник – оружие пролетариата!» Или так: «Искусство принадлежит народу и требует жертв!» Но и переселившись в другую империю, он и там невпопад восклицает: «Всеми правдами и неправдами жить не по лжи!» – и опять всех злит. Ничего святого!

Иногда, если лишний человек попадает в «хорошие руки» – к умному, даже мудрому руководителю, он может быть и блестящим, и плодоносным. Правда, изобретает он тоже всё какие-то странности – вроде шоколадного супа, копченого вина, кремль-брюле... Или, скажем встроенный в стены потолок (Бахчанян). Или теорию сверхтекучести, как Ландау, или термоядерную бомбу, как Сахаров.

Изобретения и даже самую речь лишнего человека порой приходится расшифровывать, как стихи Велимира Хлебникова (вот, кстати, еще один такой). И довольно часто расшифровка того стоит. Лишний человек, со своей перпендикулярностью к привычному, бывает удивительно продуктивен в открытии нового. Но только до тех пор, пока его оберегают от повседневности. Столкнувшись же с условностями обыденного, он сникает, слабеет и теряет волю к действию. И уже может только иронически усмехаться.

Архитектор Сергей Алексеев принадлежит к первому призыву иркутских архитекторов – тех, кто поступил на свежесозданный факультет в 1973 году. Однако первое соприкосновение с архитектурой для него произошло раньше, в 1966-м, когда в Иркутское художественное училище

пришел Владимир Азаревич Павлов. Художники-декораторы в ту пору изучали такой предмет – «Декоративное оформление интерьеров». Павлов превратил этот предмет в полноценный курс архитектурно-дизайнерского проектирования. Окончив училище, лучшие студенты попали на работу в институт Иркутскгражданпроект, а высшее архитектурное

образование получили на десяток лет позже.

Сергей Алексеев азартно и увлеченно учится все эти годы. Он на виду. Любимый ученик Павлова. Автор настолько блестящих учебных работ, что его графика до сих пор служит образцом для студентов-архитекторов. Участник масштабных, новаторских, дерзких проектов. Подающий большие надеж-

ды теоретик архитектуры. И вдруг все кончилось.

Уехал Павлов. Закрылась героическая страница в истории иркутской архитектуры – те семидесятые, которые всерьез претендовали даже не на всесоюзный, а на всемирный уровень значимости². Опустело место вождя и учителя, и лучшие его ученики стали превращаться в лишних людей.

То есть нельзя сказать, что жизнь кончилась. Что-то проектируется, как-то строится. Пишутся тексты, своей концентрированностью похожие на бульонный кубик. Вот, скажем, такая фраза: «Импринтинг, означающий вид промежуточного опыта перехода знания в умение, к сожалению, не избавляет от стилевых интерференций и вполне наглядно иллюстрирует социальную энтропию,

которую в данном контексте следует воспринимать как эмоционально-духовное энергосодержание системы, достигшей апофеоза взаимодействия административно-командного давления с деятельностью энтропией общества»³. На самом деле фраза вполне осмысленная. Если перевести ее в более общечеловеческий вид – раскрыть термины, восстановить опущенные логические связки – получится

пара страниц содержательного текста. Но за то время, пока мысль обдумывалась с самим собой, варилась и вываривалась внутри себя, вся вода испарилась. Сухой остаток неудобен для прямого использования.

Конферюшки Сергея Алексеева – ироничные шаржи, почти карикатуры. Обычные люди, увиденные марсианскими глазами лишнего человека. Лица серьезные, напряженные, исполненные

значительности, и от этого смотреть на них смешно и немножко неловко. Это ведь про нас, это мы такие – нелишние, нужные и значимые. Как говорится, от великого до смешного – шаг вперед, два шага назад (Бахчанян).

Может быть, для того и нужен лишний человек, чтобы посмотрел на нас перпендикулярно и усмехнулся иронически. Хотя бы иногда.

Константин Лидин

1. Все цитаты из Вагрича Бахчаняна взяты из его книги: Бахчанян В. Мух уйма (Художества). Не хлебом единым (Меню-коллаж) / Предисл. А. Гениса. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 512 с.
2. Именно так это явление оценил Андрей Бокон. См.: Бокон А. Владимир Павлов // Проект Байкал. 2005. № 5. С. 2–4.
3. Алексеев С. Рефлексия мимоходом. Моему коллеге // Проект Байкал, № 2, 08. 2004. – С. IX

Пока площадку для нового аэропорта министерства и ведомства перекидывают с места на место, тем самым затягивая его проектирование и откладывая строительство еще на годы и десятилетия, строители завершили, наконец, реконструкцию здания аэровокзала существующего в черте Иркутска аэропорта. И хотя в интернете мелькнула трагически воспринятая патриотами региона информация о понижении с 28 октября сего года статуса иркутского аэропорта до поселенческого (www.irk.ru/news/people/20090728/8179), жители города и агломерации рады вводу в эксплуатацию отремонтированного и даже расширенного здания. Пусть технологическая схема осталась несовершенной, пассажиры не удостоились рукавов для попадания из здания прямо на борт самолета и лифтов, связывающих три уровня, однако контраст с холодным «сарайчиком прибытия и выдачи багажа», которым пользовались иркутяне и гости региона в течение нескольких лет, – налицо.

Реконструкция здания аэровокзала в Иркутске

Авторский коллектив:
С.В. Гладков,
А.Е. Кузьмин,
А.Г. Борщенко
при участии:
Г.Г. Зильберман,
С.Э. Политова,
конструкторы:
Ю.А. Сутырин,
В.В. Безделев.

Проектирование:
ОАО «Иркутский
Промстройпроект»

10 апреля 2009 года состоялось официальное открытие здания аэровокзала в Иркутске. Болезненная тема «Аэропорт в черте города» не будет исчерпана еще энное

количество времени. Но тема эта, в первую очередь, градостроительная, а значит долгоиграющая. И если суждено Иркутскому аэровокзалу оставаться на своем привычном месте еще какое-то время, то и мы не можем обойти его своим вниманием.

Проект реконструкции начинался с того, что власти осознали необходимость «красивых фасадов, чтобы не стыдно было перед гостями города». Авторы смогли убедить заказчиков, что одними фасадами архитектура не ограничивается. Благодаря чему эскизный проект реконструкции был защищен перед руководством аэро-

порта, а затем и перед администрацией города.

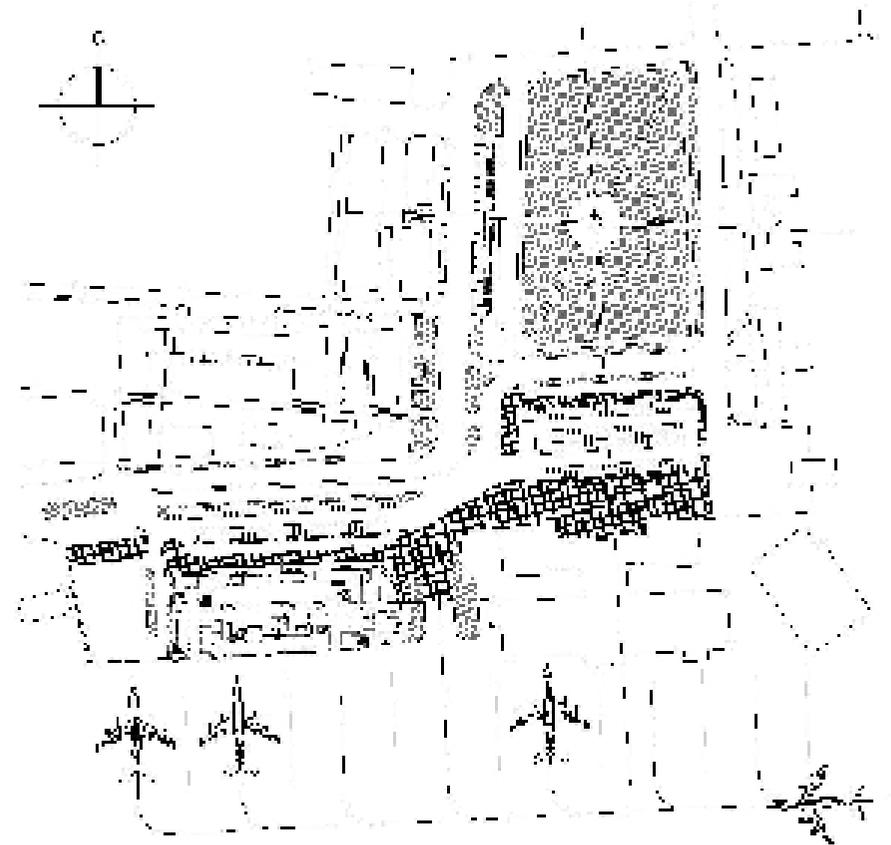
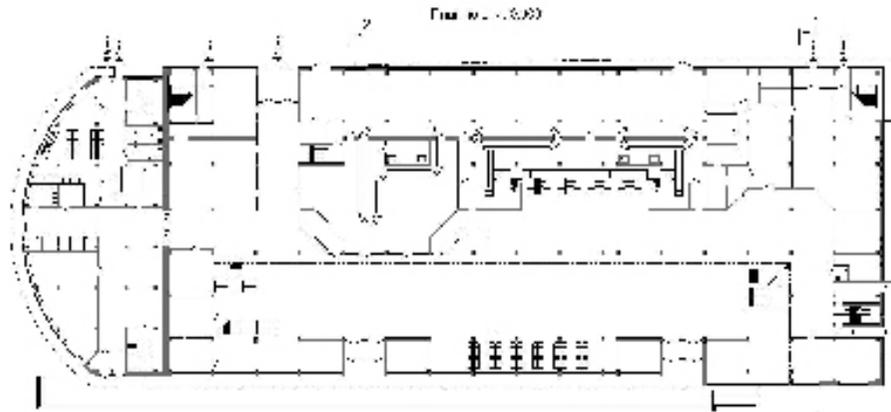
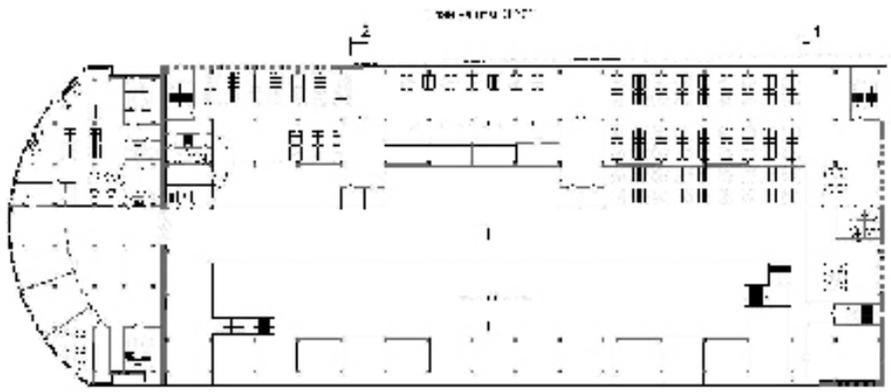
Одним из переломных моментов проектирования стал отказ от громоздких диафрагм жесткости. Идею заменить их демпферами подал конструктор Юрий Алексеевич Сутырин. Благодаря этому увеличилось внутреннее пространство. Демпферы были разработаны в Германии и используются по сей день в промышленном строительстве. Их задача гасить сейсмические толчки, что в нашем регионе более чем актуально. В Иркутске на сегодняшний день это единственный объект,

использующий подобную технологию.

В результате реконструкции были увеличены площади почти в два раза, в том числе за счет расширения контура здания на 4 м в сторону города и на 9 м в сторону летного поля. Был пересмотрен и усовершенствован технологический процесс, насколько это позволяли условия. Выход на посадку для маломобильных групп населения осуществляется из зоны вылета местных авиалиний на 1-м этаже. Кроме того, увеличилась пропускная способность.

Ирина Теплякова

Принципиальность в зоне сна

Третьего декабря 1913 года в петербургском Луна-парке состоялась премьера футуристической оперы композитора Михаила Матюшина «Победа над солнцем». В прологе на сцену выходил автор либретто Алексей Крученых и читал стихи Велимира Хлебникова:

Воин, купец и пахарь. За вас подумал грезнический пес-нило и знахарь.

Беседни и двойры певирьы пленят вас.

Силебен заменит хилебен.

1-е созерцины – тогда-то созерцавель есть преображавель.

Далее занавес не расходился, а грубо разрывался двумя будетлянскими силачами. На сцене появлялись движущиеся декорации и актеры (в основном студенты) в костюмах по эскизам Казимира Малевича. Студенты под аккомпанемент нарочито расстроенного рояля вразнобой пели:

Кюльн сурн дер
Ехал налегке
Прошлом четверге
Жарьте рвите что я не допек.

Почти сразу после начала оперы в зале начался скандал и потасовки. Шум,

выкрики и свист сопровождали весь полуторачасовой спектакль, добавляя хаоса в и так беспорядочное действие. В конце первого действия солнечный круг заслонял черный квадрат: это было первое явление знаменитого впоследствии супрематического символа.

Солнце старой эстетики было побеждено:

Мы вырвали солнце со свежими корнями

Они пропахли арифметической жирные

Вот оно смотрите.

Финал оперы (явление Нового мира) был оформлен трубами, колесами и прочей машинерией.

На крики публики «Автора, автора!» администратор спектакля Фокин объявил, что автора уже увезли в сумасшедший дом. Тем не менее Алексей Крученых пробрался на сцену и стал кланяться. Его никто не заметил¹.

Абсурдность происходящего была не случайна. Бессмысленность (включая скандал среди зрителей) была спланирована и весьма эффективно спровоцирована авторами оперы. Так требовала идеология футуризма (будетлянства в русском

варианте Хлебникова): нагнетание бессмыслицы и «зауми» в конце концов выворачивается наизнанку и становится новым смыслом.

Почти одновременно с футуризмом и нарождающимся внутри него супрематизмом появлялись и первые ростки конструктивизма. Метод конструктивизма, прославивший русский авангард, вроде бы движется в прямо противоположном от футуризма направлении. Идеологи конструктивизма настаивают на сугубой разумности своего метода. Четкая и ясная постановка задачи – привлечение последних достижений науки и техники – проектное решение – его реализация. Таков, в самых общих чертах, алгоритм действий. Скандалы, эпатаж и дразнение пассажиров (прошляков) не входит в программу конструктивизма – зачем?

Но, удивительным образом, прямо противоположные идеологические установки будетлян и конструктивистов приводят к сходным результатам.

Опера «Победа над солнцем» была показана еще один раз – 5 декабря. Повторно оперу поставила в 1920 году в Витебске преданная ученица Малевича Вера

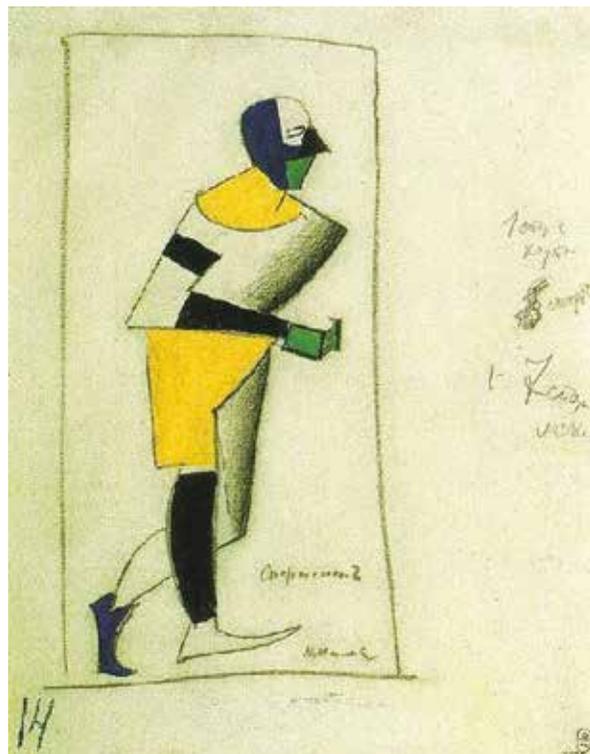
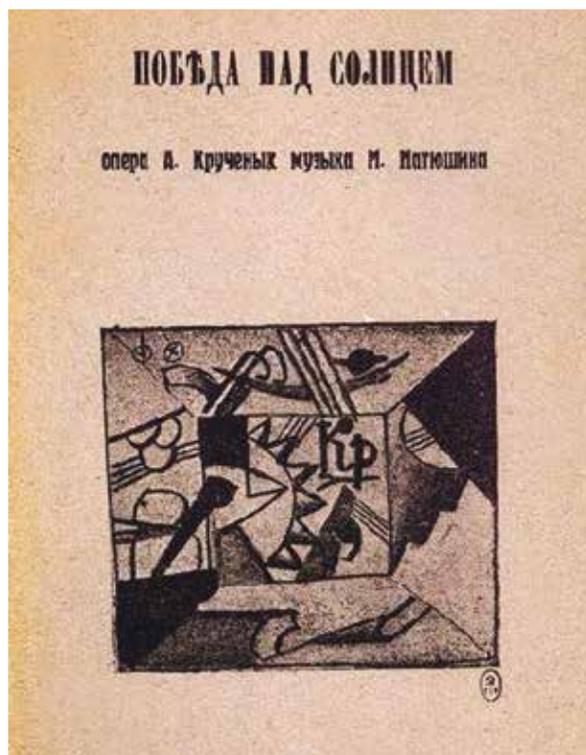
Ермолаева. А в 1921–1922 годах Эль Лисицкий (один из ярчайших лидеров конструктивизма) разработал проект, в котором опера исполнялась электромеханическими марионетками. Альбом с его эскизами «фигурин» и декораций был издан в Ганновере в 1923 году. В эскизах Лисицкого особенно заметно, насколько идеи построения новой жизни (по заумно-интуитивным озарениям или по законам разума) родственны сценическому мышлению и сценическому пространству, открытому для зрителя. «Единица – вздор!» – писал Маяковский, и новый человек социалистического завтра должен был стать крайним коллективистом, живущим как бы на сцене, под непрерывным и пристальным взглядом.

Особенно любопытно наблюдать, как реализуются принципы радикального коллективизма в самой интимной и скрытной зоне жилья – в спальне.

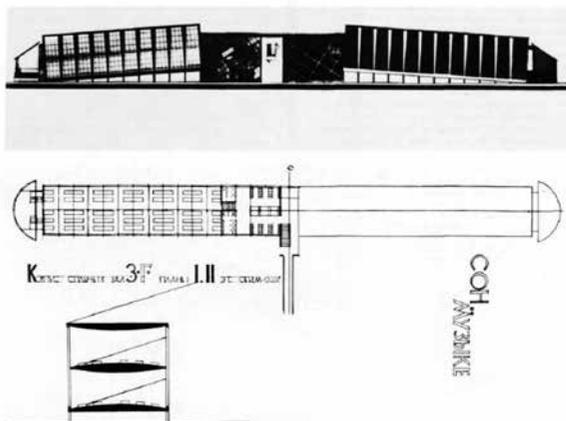
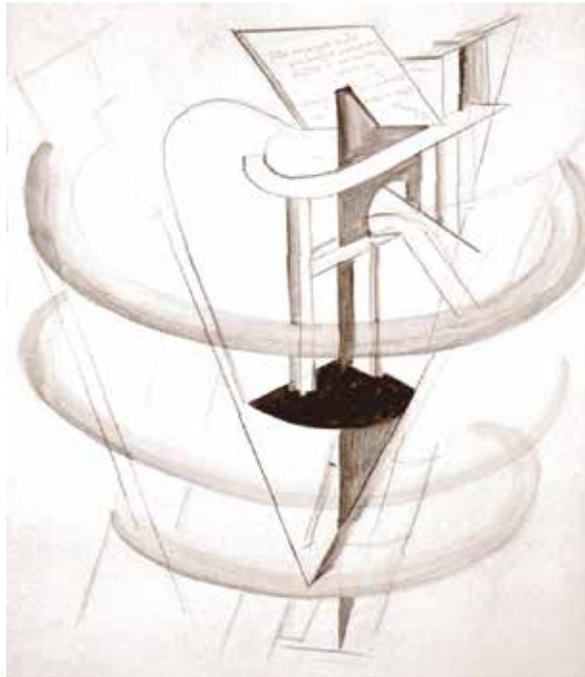
В 1923 году в «Нашей газете» вышел большой рассказ Андрея Платонова «Рассказ о многих интересных вещах». Написанный в жанре крестьянской утопии, текст

1. Матюшин М. Русский кубофутуризм: отрывок из неизданной книги «Творческий путь художника» // Наше наследие. 1989. № 2 (8). С. 130–133.

К. Малевич. Обложка либретто оперы «Победа над солнцем» и эскиз костюма Спортсмена

неожиданно включает весьма разумные и реалистичные фрагменты касательно землепользования (А. Платонов работал мелиоратором в начале 1920-х) и организации быта. Среди прочего, в повести содержится описание новой деревни – Суржи. Деревня представляет собой «один большой дом на всех людей. Строился он круглый, кольцом. А в середине сажался сад. И снаружи также кольцом обсаживался дом садом. Так что окна каждой отдельной обители-комнаты выходили в сады»². В доме предусмотрена приточная вентиляция («духогоны») и центральное отопление. Деревянные детали конструкции пропитаны антипиреном: «Доски, промоченные этой жидкостью, делались несгораемыми. Пожар, выходит, был не страшен большевицкому

дому»³. Жанр научно-технической пасторали.

В последующих главах описан поход главного героя в город, где он знакомится с методами лечения сном и даже достигает бессмертия за счет электрического воздействия на тело.

Электрическое бессмертие – явный отзвук популярных в то время теорий А.Л. Чижевского о воздействии отрицательных аэрионов на организм. Снолечение тоже было в большой моде, что связано с распространением фрейдизма и с изобретением новых снотворных барбитуратного ряда. От сочетания этих двух новейших открытий – лечения сном и электричеством – ждали буквально чудес.

30 января 1929 года популярный и влиятельный журналист и общественный деятель Михаил Кольцов опубликовал в газете «Правда» фельетон «Дача так дача» и этой публикацией инициировал проект Зеленого города. В ближнем Подмосковье (в Пушкинском районе) предлагалось построить «город рационализированного отдыха» – огромный комплекс на пятнадцати тысячах гектаров вместимостью до ста тысяч трудящихся столицы⁴. Проект вызвал оживленный общественный резонанс⁵. В 1930 году был объявлен заказной конкурс проектов Зеленого города.

Проекты были заказаны четырьмя архитекторами – М. Гинзбургу, К. Мельникову, Н. Ладовскому и авторскому дуэту Д. Фридман – М. Барц.

Самым необычным и смелым стал проект Константина Мельникова «Город сонной архитектуры». Идея проекта заключается в том, что трудящиеся в Зеленом городе в основном будут спать. Сон предлагалось поставить на промышленную основу: «Торжествующему СНУ я проектирую Дворцы – палаты из пяти видов воздействия через: ФИЗИКУ – давления и влажности воздуха, водяных потоков с массажем до чесания пяток; ТЕРМИЧЕСКИХ палат – от жары русских каменок до ледяных морозов; ХИМИЮ – ароматы лесных массивов, лугов душистого сена, весны, осени; МЕХАНИКУ – с ложами в движениях кручения, дергания, качания, опрокидывания; ПСИХИКУ – шум листьев, морского прибоя, грозы, соловьи, чтение, музыку»⁶.

Центральные здания проекта – сонно-концертный корпус «СОНная СОНата» вместимостью до 4 тысяч спящих одновременно. В нем «неорганизованные шумы» от ходьбы, разговоров и храпа спящих заглушались организованным шумом симфоний и природных звуков.

В конкурсе победил гораздо более сдержанный и реалистичный проект

Эль Лисицкий. Эскиз сценографии и фигурины Спортсменов

2. Платонов А. Рассказы. Т. 6. М. – Аугсбург: Im Werden Verlag, 2004. С. 63.
3. Там же. С. 64.
4. Кольцов М. Зеленый город. (Идея и проект) // Революция и культура. 1930. № 2.
5. Эфрос А. Как строить Зеленый город? // Зеленый город. 1930. № 2; Наппельбаум Л. Зеленый город // Искусство в массы. 1930. № 6. Мельников К. Город рационализированного отдыха // Строительство Москвы. 1930. № 3.
6. Из воспоминаний К. Мельникова. Цит. по: Хан-Магомедов С.О. Константин Мельников. М.: Стройиздат, 1990. С. 206–207.

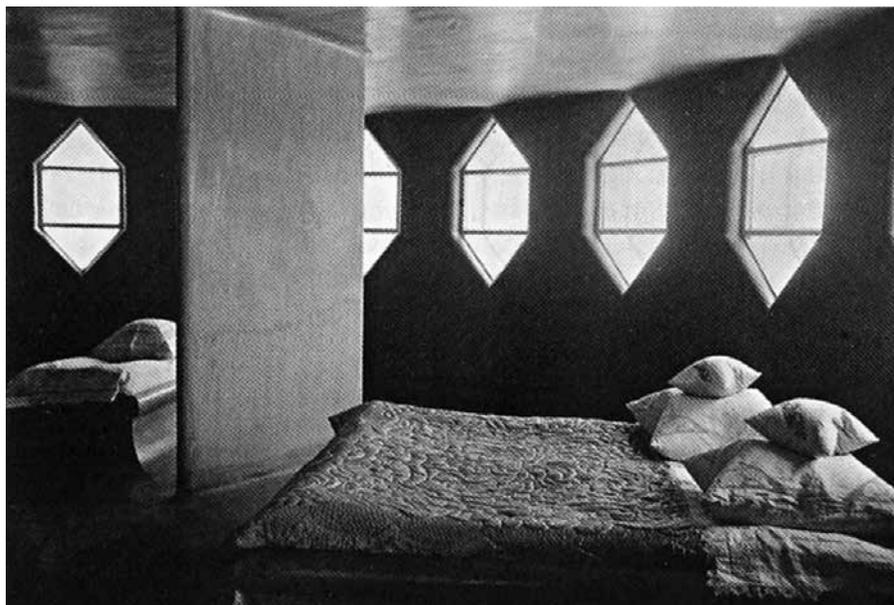
Константин Мельников. Проект Зеленого города. Общий план и вид корпуса СОНной СОНаты

Спальня в доме-студии
Константина Мельникова

Н. Ладовского, он же и возглавил строительство летом 1930 года. Впрочем, уже в 1931 году стройка начала сворачиваться. Средства были переброшены на строительство московского метро, а объекты Зеленого города подверглись массивной критике как расточительные и неоправданно дорогие. Михаил Кольцов пытался снова и снова привлечь внимание общественности к проекту, но тщетно. К 1934 году строительство было остановлено, и после ареста М. Кольцова в 1938 году проект был окончательно заброшен. Трагедия в стиле абсурда, как и положено по законам жанра, закончилась смертью главного героя.

По странной гримасе судьбы, однако, именно фантастический проект Константина Мельникова оказался хоть в какой-то мере реализован. Мечты о коллективистском сне воплотились в собственном доме архитектора – знаменитом доме-мастерской в Кривоарбатском переулке.

Трехэтажный особняк построен Мельниковым на участке, который ему выделил Моссовет в 1927 году. Само по себе строительство частного дома в центре Москвы в период актив-

ного свертывания НЭПа выглядело чем-то исключительным. Только Константин Мельников, с его громкой славой, мог рассчитывать на подобное. И форма постройки в виде врезанных на треть пары разновысоких цилиндров с шестью десятками шестиугольных окон начала привлекать внимание и служить пищей для споров еще в процессе строительства. Стройка была завершена в 1929 году.

Из примерно двухсот квадратных метров полезной площади дома 43 м² занимает единственная спальня. В ней двенадцать окон и три вделанных в пол кровати – двуспальная для супругов и односпальные для дочки и сына. Кровати отделены друг от друга только визуально – стационарными ширмами, не касающимися стен. Другой мебели нет.

Массивные формы кроватей, напоминающие этрусские саркофаги, торжественная череда окон и общее аудиальное пространство формируют образ серьезный и несколько тяжеловесный. В подобных декорациях могла бы идти драма или даже мистерия.

В петербургском интернет-журнале «Форма» опубликована статья В.Н. Щербина «В гостях у Мельникова». В конце шестидесятых годов молодые архитекторы посетили пожилого мэтра в его доме и были поражены его жизнерадостием и молодой энергией. Естественно, зашел разговор и о доме-студии. По поводу спальни Мельников сказал следующее: «Рассеянный свет – это для жилых помещений, например спальни. Человек ведь во сне как бы парит в пространстве, это ощущение теперь космонавты знают по своим путешествиям в невесомости, но я и тогда чувствовал, что во сне человек как бы находится в невесомости, и для него нет ни верха, ни низа. Поэтому пол, стены, потолок в спальне одного цвета и материала. Мягкий коричневатый

тон. Хорошо бы это была ткань, вроде ворсового ковра. Но и окраска дает тот же эффект»⁷. Правда, в саму спальню посетителей не пригласил.

Спальне в жанре научно-фантастической утопии в те же годы были противопоставлены проекты совершенно иной стилистики.

В ноябре 1929 года правление Московского бюро Пролетстуда вынесло решение: вместо студенческих общежитий в Москве отныне будут строиться только дома-коммуны. Учащаяся молодежь должна была стать испытателем и носителем нового, обобщественного быта. В том же году трест Текстильстрой (вскоре преобразованный в Стальстрой) начал разработку проекта четырех студенческих домов-коммун на 10 тысяч жителей каждый.

То, что питомники передового образа жизни проектировались именно в области текстильного производства, не случайно. В начале XX века мануфактурное и обувное производство считалось передним краем технологического развития, наравне со сталелитейным и автомобильным. Да и европейский функционализм во многом отталкивается от комплекса фабрики «Фаргус» в Альфельде (1911–1916, архитектор Вальтер Гропиус).

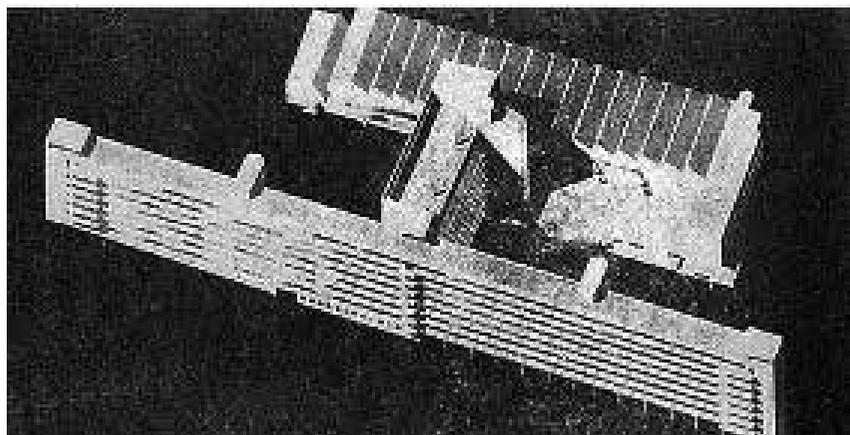
Дом-коммуна Текстиль-строля проектировал молодой (1901 года рождения), но уже известный архитектор Иван Николаев. Ученик братьев Весниных, в своем проекте

7. www.forma.spb.ru/magazine/articles/7_01/main.shtml

Дом-коммуна по улице Лестевой, 18. 1925–1927, архитекторы С. Айзикович, Г. Вольфензон

Макет дома-коммуны на ул. Дзержинского. Фото 1930 года

он активно использовал технические изобретения Ле Корбюзье: стальной и железобетонный каркасы, безбалочные перекрытия, горизонтальные окна, верхний свет, свободный план, здание на столбах, плоская кровля. Заметим, что сам Ле Корбюзье смог осуществить их лишь в 1952 году в Марселе.

Здание стоит на улице Дзержинского, в те времена бывшей глухой окраиной Москвы. Огромный комплекс вместимостью 2 тысячи студентов планировался как «вещь в себе», самодостаточное пространство, в котором можно жить годами, независимо от окружающей инфраструктуры.

Помещения для сна спроектированы предельно аскетично. Это даже не комнаты, а кабины площадью 6 квадратных метров на двух человек. И это при утвержденной тогда строительной норме в 7 м² на одного человека! Обоснование четкое: для сна не нужна площадь, не нужен даже объем – нужен лишь достаточный поток свежего воздуха. При активной вентиляции для полноценного сна довольно ячеики минимального размера. Все остальные функции вынесены в общественные пространства, которые в доме-коммуне выглядят просторными, светлыми и даже роскошными.

Подобного аскетизма по отношению к зоне сна не достигает ни один дом-коммуна – начиная со знаменитого дома-общезития Наркомфина (М. Гинзбург, 1928)⁸ и заканчивая уже послевоенными экспериментами (например, Дом нового быта, больше известный как Дом аспиранта и стажера МГУ, архитекторы Н. Остерман и др., 1969)⁹. Суровый минимализм, достойный «бедного театра» Бертольда Брехта.

В течение пятидесяти лет И. Николаев преподавал в МАРХИ, причем двадцать из них он был ректором этой ведущей школы архитекторов России. Его ученики, последователи и единомышленники сегодня прилагают много усилий для того, чтобы реконструировать и восстановить Дом-коммуну¹⁰. И это притом, что современного человека подобный «норматив» для сна шокирует и пугает¹¹.

Героический период рус-

ского авангарда начала XX века был и будет предметом гордости и восхищения. За прошедшие сто лет становится все яснее, что конструктивизм – это высочайшее достижение отечественной и мировой культуры. И, при всем разнообразии и даже противоречивости проявлений конструктивистского метода, в работах его классиков заметно нечто общее. Это беспощадное, упорное следование единожды выбранному принципу. Идея или образ, будучи сформулированными или пережитыми, становятся главным и неотменяемым фундаментом для всего процесса проектирования. Наверное, наиболее заметен этот подход как раз в проектировании зоны сна – от мистического преклонения до минималистического пренебрежения, но всегда предельно последовательно.

Наверное, отсюда и некоторая театральность. Впрочем, рубеж XIX и XX веков в области философской мысли принес такое своеобразное явление, как «радикальный конструктивизм». Это философское течение, опирающееся на последние достижения наук на границе естественных и гуманитарных областей – психологии, биологии, нейрофизиологии. Проще всего пояснить суть радикального конструктивизма на знаменитой платоновской метафоре. Платон пишет, что наше восприятие мира подобно тому, как если бы люди сидели в темной пеще-

ре и наблюдали лишь тени от реальных предметов, скользящие по стене. Реальный мир платоновских эйдосов (идей) недоступен напрямую восприятию. Тысячелетиями основной задачей познания было реконструировать «подлинный» мир, выяснить, как эта реальность устроена «на самом деле». Новый конструктивизм отказывается от разгадывания законов «подлинной» реальности и сосредотачивается на изучении феноменов восприятия. Ну и пусть они субъективны, но их тоже можно изучать, моделировать, прогнозировать и, следовательно, – управлять ими¹². Если весь мир – театр, и все мы играем роли, то и не стоит доискиваться, каковы мы «на самом деле», – будем изучать и конструировать роли.

Композитор Матюшин пишет: «Тот, кто видел Малевича с большой деревянной ложкой в петлице, Крученых с диванной поду-

шечкой на шнуре через шею, Бурлюка с ожерельем на раскрашенном лице, Маяковского в желтой кофте, часто не подозревал, что это пощечина его вкусу. Его радость перешла бы в ярость, если бы он уразумел, что мы этим осмеивали пошлость мещанско-буржуазного быта»¹³.

Разрушительный пафос будетлячества сыграл свою историческую роль и покинул сцену. После этого об опере забыли на несколько десятилетий. Однако в восьмидесятых-девяностых годах ее снова начали ставить – в Англии, Австрии, Германии, в США и, наконец, в России¹⁴. Наверное, пришло время что-то очень глубоко и сильно разрушить. А затем снова строить – упорно и последовательно, с полным напряжением воли и творческой фантазии. Как это делали конструктивисты – даже в спальне.

Константин Лидин
Марк Меерович

Будетлянский силач. Постановка оперы «Победа над солнцем» в венском театре K&K, 1993 год.

Через восемьдесят лет разрушительный пафос футуризма снова востребован

8. Первым домом-коммуной в конструктивистском стиле, по-видимому, стал Дом-коммуна кооперативного товарищества «1-е Замосворечье» на улице Лестевой, 18 (1925–1927, архитекторы С. Айзикович, Г. Вольфензон). П-образное здание с сорока трёхкомнатными квартирами объединялось с общежитием, где размещались 230 жилых ячеек, столовая, клуб, ясли, детский сад, а также соларий и душевые (на крыше). Здание не сохранилось.
9. Мышковский Я.И. Жилища разных эпох. Вчера, сегодня, завтра. М.: Стройиздат, 1976.
10. Совместный проект коллектива преподавателей МАРХИ под руководством профессора В. Кулиша, archi.ru/events/extra/event_current.html?eid=1550&fl=2
11. Ревзин Г. Три квадратных метра на человека // Коммерсантъ. 2001. № 128/П (2258).
12. Кезин В.А. Радикальный конструктивизм – познание «в пещере» // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2004. №4. С. 3–24.
13. Матюшин М. Русский кубофутуризм: отрывок из неизданной книги «Творческий путь художника» // Наше наследие. 1989. № 2 (8). С. 133.
14. Andrew Clements. Victory over the sun in Barbican centre, London // The Guardian, Tuesday 22 June 1999. О гастрольях венского театра K&K с оперой *Sieg über die Sonne* см.: Поспелов П. Европейские будетляне победили русских футуристов // Коммерсантъ. 1993. № 199 (422). Рецензию на постановку оперы в Московском академическом молодежном театре в 1997 году см.: www.theatre.ru/review/ramt.html
О постановке оперы в 2007 году силами студентов Вассарского колледжа, США, см.: www.hlebnikov.ru/news/simposium_pobeda.doc

Формирование жилья и жилой среды как современная попытка самоуправления в России

Бремя рабства зависит от терпения несущих его.
О. Тьерри. История французских коммун

В России близится к завершению реформа ЖКХ, основной смысл и пафос которой направлен на самоустранение государства из коммунальной сферы и развитие самоуправления и самоорганизации населения.

Как и все предыдущие реформы, начиная с Городовой грамоты о городском бессловном самоуправлении, изданной Екатериной II 21 апреля 1785 года, данная реформа потерпела крах и не привела к желаемым результатам. Можно искать и перечислять множество причин очередной неудачи, но очевидна одна, объединяющая все эти преобразования: они невозможны, так как проводятся сверху, а не являются самодвижением активных социальных слоев и групп. Невозможно навязать самостоятельность и свободу сверху – и это показывает и европейская история, и история Америки. Получить свободу и самостоятельность невозможно, их можно только взять.

В настоящее время нам предоставлен историей весьма скромный шанс зарождения самоуправления снизу, в ходе самостоятельного формирования людьми своего жилья и жилой среды.

Прежде чем попытаться найти пути к муниципализации городов и развитию местного самоуправления в городах России, или – прежде чем утверждать, что муниципализация и местное самоуправление в России невозможны, необходимо рассмотреть исторические корни сегодняшнего состояния дел в данной сфере с целью выявления механизмов организации городской жизни. Этому исследованию и посвящена данная работа.

Деэкономизация городской жизни
Материальной основой муниципализации и самоуправления является коммерческая оправданность действий

и отношений субъектов городской жизни, экономическая рациональность их поведения. Процесс деэкономизации жилья и городской жизни начался еще до Октябрьской революции: летом 1917 года муниципальная программа партии эсеров принимается как правительственная. Ключевым пунктом этой программы является «социализация земли, понимаемая как изъятие ее из товарного оборота и обращение в состояние народа»¹. С этого, по сути, началась подмена экономической действительности политической, где доминанта государства стала тотальной.

Сразу после захвата власти большевиками начата планомерная и многолетняя кампания по превращению социокультурного пространства жилья в кубатурно-квadraticные фикции жилищ введением различного рода норм и нормативов.

Все началось с уплотнения по следующим нормам: 20 квадратных аршин (10 м²) пола на одного человека и ребенка до 2 лет, а также 10 квадратных аршин на ребенка от 2 до 12 лет. При этом уплотнение сопровождалось реквизицией мебели по странной норме: каждого наименования – не более одного предмета: если с одним столом на семью еще можно примириться, то с одним стулом или одной постелью – с трудом.

Дальнейшее нормирование распространяется на количество ванн и туалетов и т.п.

С середины 20-х годов квартплата устанавливалась с учетом следующих обстоятельств:

- размер занимаемой площади,
- местонахождение (в Москве за пределами Камер-Коллежского вала, то есть на окраинах, устанавливалась 10-процентная скидка),
- размер заработка (примерно 1% от зарплаты за одну квадратную сажень полезной площади в месяц),
- социальное положение (в 1923 году рабочие в среднем имели по 4,7 м² на человека и платили 0,27 копейки

за метр, служащие – соответственно 7 и 36 копеек, так называемый нетрудовой элемент – 5,75 и 1,85 рубля: грубо говоря, при столь же стесненных метражом обстоятельствах эти изгои платили в семьсот раз больше, чем класс-гегемон².

Уже тогда появляется так называемая «голодная норма» как критерий для постановки в очередь на получение бесплатного государственного жилища. В некоторые годы (прежде всего, послевоенные) эта норма достигала двух квадратных метров на человека. Даже в благополучной Москве в период строительного бума 60–70-х годов она равнялась трем квадратным метрам на человека.

Уничтожение структур общественной жизни и общественных институций
Ровно через год после принятия правительственной муниципальной программы, в июле 1918 года, за подписью секретаря МГК Каменева выходит постановление Московского совета рабочих и красноармейских депутатов о советизации (муниципализации) жилищ и земель в Москве³. К советским зданиям и землям причислены:

- бывшие городские,
- бывшие мещанского общества,
- бывшие купеческого общества,
- бывшие ямского общества,
- бывшие дворянского общества,
- бывшие банковские,
- бывшие церковные и монастырские,
- доходные владения, принадлежавшие ранее комиссариату социального обеспечения,
- бывшие акционерного общества «Верхние торговые ряды»,
- переданные подотделу советских зданий специальными постановлениями.

Аналогичные постановления были приняты по всей стране. Фактически все общественные структуры, бывшие до революции, оказываются нелегальными.

Именно с этого момента начинается государственное генерирование общественной жизни и общественных организаций, по сути являющихся не общественными, а государственными, подчиненными государственным и партийным органам власти и контролируемым ими.

Несколько позже, уничтожив духовенство, Сталин создает новую, карманную для НКВД «живую церковь», РПЦ, послушную и преданную, терпеливо и регулярно стучащую на себя и своих прихожан.

Перевод жилья в жилище
Стремление сделать человека винтиком социалистического способа производства, семью – ячейкой общества, а весь народ – строителем коммунизма требовало решения ряда исполнинских задач, одной из которых являлось разрушение общественной, частной, семейной и личной жизни и переплав жизни в одну – государственную форму.

Для этого, прежде всего, потребовался перевод жилья в жилище, понятийные различия между которыми представлены следующей схемой:

- жилье: социокультурная среда обитания, стиль и образ жизни, жизненный путь, продукт и процесс дизайна и автопоэзиса, уникальный элемент коммуникации, самодостаточная единица биологического, социокультурного и хозяйственного воспроизводства
- жилище: геометрическое пространство или площадь временной или постоянной прописки, метрический стандарт, производственный продукт, унифицированный элемент учета, контроля и управления населением, функциональная ячейка общества

С современной точки зрения можно утверждать, что жилище – продукт проектирования и строительства, жилье – процесс обживания иживания человека в свое жилище.

Если жилище может быть представлено объектно, то жилье – процессуальный продукт (или товар): жилье есть в значительной степени жизненный путь, way of life,

1. Данилов Л.Ф. (Ачадов). Взгляды социалистических партий на общественное самоуправление. М.: Земля и воля, 1917.
2. Настольный справочник домоуправлений г. Москвы. М., Известия, 1925; Финансовое положение домового хозяйства гор. Москвы по категориям домовладений в 1926/27 гг. М., Мосстатотдел, 1929.
3. Постановление Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов по жилищному и земельному вопросам. М., 1918.

вехами которого являются сменяющиеся друг друга образы жизни. Это означает, что:

а) материальная составляющая и духовная составляющая жилья – финансовые, интеллектуальные и духовные вложения потребителя жилья, являющегося одновременно и его создателем;

б) цена жилья непредсказуема и апостериорна, в отличие от цены жилища, которая устанавливается априорно и вполне предсказуема.

Жилье, будучи инфраструктурой, не имеет конкурентов или заменителей, но у человека на его жизненном пути может и должен быть выбор в распределении своих средств между жильем, образованием, туризмом (путешествиями), автомобилем и другими подобного рода товарами и услугами.

Жилище как инфраструктура должно быть избыточным, жилье как сервис – достаточным. Дефицит жилья и жилища приводит к тоталитаризму и свертыванию демократии и институтов самоуправления.

Жилище как средство социальной политики государства

Жилище оказалось самой vitalной «струной», на которой игралась самая трагическая и заунывная мелодия советского строя.

По мнению М.Г. Мееровича⁴, перед советскими архитекторами и градостроителями была поставлена задача создания пространства, формирующего образ жизни советского человека – коллективиста, пролетария (то есть неимущего), лишенного чувства собственного достоинства и частной собственности, героического альтруиста и патриота-интернационалиста (что само по себе невозможно, но оказалось совместимым в советском человеке). Жилище стало мерой наказания и поощрения, вплоть до награждения.

В 1922 году на жилтоварищества был наложен 10%-ный натуральный жилищный налог. Для целей изъятия жилья была создана ЧЖК (Чрезвычайная жилищная комиссия, ее сотрудники тут же москвичами были прозваны чижиками), которая совместно с ВЧК реквизировала из примерно 150 тысяч

московских квартир 12 668. Жилищный психоз, о котором писали тогда газеты и который обсуждал булгаковский Воланд на сеансе в Варьете, был вызван, однако, не самим актом изъятия, а распределением изъятого⁵:

выделено рабочим – 5 658 (44,7%), совслужащим – 1 524 (12,0%), слушателям курсов – 942 (7,6%), партам – 707 (5,6%), РОНИ (образовательная структура) – 223 (1,8%). Остальные 3 614 квартир (28,3%) перешли в ведение ВЧК

Бывшие владельцы этих квартир и комнат, перейдя в подвал или в ставшую коммунальной квартиру соседа, ежедневно видели, что в их родном гнезде происходит нечто невероятное и запломбированное: все это стало явочными, допросными и прочими помещениями ВЧК. Более того, так был начат специфический фонд для привлечения извне чекистских и партийных кадров. Ценой преступлений и предательства человек мог вырваться в центр (страны, области или района – масштаб неважен), получить казенную квартиру, в которой он не хозяин, которая не только место проживания, но и рабочее место. Человек вырывался из круга родных, друзей и знакомых в вакуум специфических внутрипартийных или внутричекистских отношений, становился заложником этой засекреченной круговой поруки и агентом, погруженным в чуждую ему социальную среду. Его мироощущения ничем не отличались от сознания шпиона, заброшенного в чужую страну, на вражескую территорию. И он вел себя соответственно, вызывая страх и одновременно распространяя вокруг себя ауру и заразу недоверия и ступора. Лишь много десятилетий спустя органы ВЧК-КГБ и партаппарат начали создавать себе привилегированное спецжилье⁶.

Несмотря на огромное количество строительных контор и трестов (только в Москве действовали такие мощные бюрократические структуры, как Госстрой, Жилстрой, Мосстрой, Госстройконтроль⁷), никакого жилищного строительства, по сути, не велось, хотя численность населения Москвы за

первые два года нэпа увеличилась вдвое. В 1923 году были построены первые тридцать 8-квартирных барачков в Богородском для рабочих и служащих завода «Красный богатырь». На митинге открытия поселка тов. Подвойский назвал это явление пролетарской культуры (квартиры по 22 квадратных метра выдавались на пятерых первооселенцев, удваивавших свою численность за год-полтора).

Вместо жилищного строительства шли либо экспроприации различных видов, либо занятие под жилье тех или иных жилых и нежилых помещений. Так, авиационный завод «Салют» занял в 1923 году помещения бывшей Измайловской военной богадельни, построенной архитектором Тоном в 30-е годы XIX века. До того инвалидов разогнали и расселили по домам окрестных сердобольных старушек, а при въезде заводских каждый жилой этаж поделили пополам, просторные палаты разделили на клетушки-пеналы. В результате было расселено около пяти тысяч человек там, где раньше проживало 500 совсем не барствующих и одиноких людей.

Вся идеология жилищного строительства держалась на сугубо пролетарских идеях нищеты – удешевления жилищ донельзя, в том числе путем искусственного краха цен на землю. ЦИК и СНК РСФСР постановлением от 25 августа 1924 года устанавливали цену на землю в Москве в размере трех копеек за одну квадратную сажен (4,55 квадратных метров). При этом темпы строительства на фоне огромного потока новой рабочей силы оставались смехотворно низкими: в 1925 году по всей стране было истрчено 10 миллионов рублей, что позволило дать жилье 30 тысячам человек; в 1932 году в Москве было построено всего 120 стандартных 16-квартирных барачков на 10 тысяч жителей при среднегодовом приросте численности населения за 1931–1938 годы в размере 220 тысяч человек в год. Потребность в новом жилье удовлетворялась на сотые и тысячные доли процента (в 1925 году – из 27 тысяч заявок было удовлетворено 50–60 или

0,2%)⁸. Проведенный в том же году конкурс Моссовета в строительном техникуме имени тов. Каменева (70 отечественных и 34 иностранных архитектора) отверг 80% проектов как не соответствующие идеям удешевления. Лучшими были признаны система Галахова (обшивка деревянного каркаса досками с заполнением пространств опалубки городскими отбросами), система Мосдрева (деревянный каркас снаружи облицовывается в полкирпича, а изнутри обшивается соломитом – смесью соломы с алебастром) и система «Герард» (полтора кирпича снаружи, один изнутри, а между ними – шлак)⁹.

Жилище превратилось в мощное средство государственного управления людьми, вплоть до государственного террора. Очереди на получение жилья растягивались на десятилетия и требовали от очередников послушания, непротивления и абсолютной лояльности. Так воспитывалась и насаждалась полная зависимость человека и общества от государства. Жилище превратилось также в наказание и стало недоступным.

Понятие «доступное жилье» Современный социальный проект муниципализации и местного самоуправления с неизбежностью и необходимостью может начаться только с превращением жилья в доступное.

Жилье как инфраструктура должно быть доступно всем – но не любое жилье любому: для бомжа должны быть доступны ночлежные дома, для студентов – общежития, для солдат – казармы, не оскорбляющие человеческое достоинство солдат, для начинающих семей – скромное жилье, для людей, твердо ставших на ноги, – комфортабельная квартира или отдельный дом, для пенсионера – жилье в благоустроенном пансионе (например, в обмен на занимаемое ранее собственное жилье).

Доступность жилья определяется не только ценовой доступностью, но также такими формами доступности, как пространственная (огромные дискомфортные и экстремальные пространства

4. Меерович М.Г. Жилищная политика в СССР и ее реализация в архитектурном проектировании. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2003. 217 с.; Жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. Рождение и смерть жилищной кооперации. Социально-культурный и социально-политический аспекты. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2004. 274 с.; Рождение и смерть города-сада. Градостроительная политика в СССР 1917–1926 гг. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2008. 340 с.; Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР 1926–1932 гг. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2008. 472 с.
5. Гуревич С.А. Обзор жилищно-коммунального дела в Москве и деятельность Московской жилищно-коммунальной инспекции и секции коммунальной санитарии в 1922 г. М. : Изд-во Санчасти МОЗ, 1923.
6. Подробнее об этом см.: Левинтов А.Е. Реальность и действительность истории. М., АГРАФ, 2006. 384 с.
7. Меерович М.Г. Рождение и смерть города-сада. Градостроительная политика в СССР 1917–1926 гг. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2008. 340 с.; Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР 1926–1932 гг. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2008. 472 с.
8. «Вечерняя Москва» (подшивка за 1923, 1925 и 1927 гг.).
9. Настольный справочник домоуправлений г. Москвы. М. : Известия, 1925.

10. Определение рыночной стоимости земель в г. Москве на основании удельной рыночной стоимости земельных участков и плотности застройки: www.ocenchik.ru/docs/84.html

11. Гольц Г.А. История и современные проблемы уличного и дорожного хозяйства в России // Бюллетень транспортной информации. 2006. Авг.

нашей страны должны быть объявлены недоступными для жилья: речь идет об арктических островах, высокогорьях, районах, пораженных радиацией, экологически и тектонически опасных или экстремально загрязненных), транспортная (изохрона транспортной доступности должна быть равна одному часу в одну сторону или двум часам в раунд-трип; микрорайон «Г» в Южном Бутове, застроенный как коттеджный поселок, находится на изохроне пятичасовой доступности в раунд-трип и потому должен быть признан недоступным до тех пор, пока сюда не проведут метро) и другие формы доступности.

Кроме того, из понятия «доступное жилье» должно быть исключено также дотационное государственное и муниципальное жилье, недоступное по тем или иным причинам для тех контингентов, которым оно предназначено, но непособно для них ни для приобретения, ни для аренды, ни для оплаты жилищно-коммунальных услуг. Обилие в нашей стране разного рода льгот для различных групп населения (инвалидов, пенсионеров, хронических больных, военнослужащих, депутатов разных уровней и т.п.) свидетельствует о том, что для этих групп нет доступного их доходам жилья, что они находятся в униженном положении зависимости от муниципальных и государственных властей и, говоря более общо, от гуманности, сострадания и терпимости к ним общества.

Далее рассматриваются основные (но не все) критерии доступного жилья.

В СССР квартплата строилась из расчета 1% от средней зарплаты за квадратную сажень или примерно 4–5% от доходов семьи. В СССР после Второй мировой войны и вплоть до распада квартплата составляла примерно 8% от средних значений зарплаты, однако парадокс заключался в том, что наиболее неимущие платили за жилье относительно своих доходов больше, чем богатые: при пенсии в 60 рублей (минимальная пенсия) на квартплату уходило 15–20%, а при зарплате в 500 рублей (типичный номенклатурный оклад) – 2–3%.

В США нормальным и доступным считается: для среднего класса и «бедных богатых» – около 40% доходов, для малоимущих и пенсионеров (8-я Программа) – до 25%, для очень богатых – 10–20%, при этом худшее по качеству жилье принадлежит среднему классу или основной части населения.

Критерием экономической доступности жилья может быть также соотношение стоимости жилья и годового совокупного семейного дохода на момент приобретения жилья: цена на жилье не должна превышать десятикратный размер годового семейного дохода на момент покупки жилья.

Исторически доказано, что цены на жилье и на труд растут с одинаковым темпом. Это значит, что если цена на жилье не превышает десятикратной суммы годового дохода, то семье гарантирована доступность именно этого жилья. Но если за этот расчетный десятилетний период предполагается или реализуется карьерный или профессиональный рост членов семьи, то семья вправе считать для себя доступным примерно через десять лет более дорогое жилье – в том же или другом жилище.

В настоящее время уровень цен на жилье в Москве таков, что нормальная средняя семья, состоящая из трех человек (двое работающих) имеющая суммарный годовой доход в 15 тысяч долларов, для покупки стандартной двухкомнатной квартиры (54 кв. метра) стоимостью в 300 тысяч долларов, должна потратить на это 20 лет, а с учетом реальных необходимых расходов на уплату налогов, квартплаты, коммунальных услуг, на питание, образование, здравоохранение и здравоохранительную культуру, отдых и развлечения, транспорт и связь не менее ста лет¹⁰.

Сокращение этого срока в десять раз, то есть до доступного среднему классу предела, вполне реалистично: подлинная себестоимость строительства жилья не превышает 500 долларов за квадратный метр, остальные 90% цены уходят на взятки и сверхприбыли (по другим экспертным оценкам соотношение цены и себестоимости равно 7:1).

К этому следует добавить: цены на землю в Москве, как, впрочем, и во всей стране, устанавливаются не в ходе торга между продавцом и покупателем, а устанавливаются госорганами весьма произвольно: один квадратный метр земли в 3 километрах от МКАДа оценивается в 1 200 долларов, но в престижном районе Рублевского шоссе Абрамовичу было продано около 400 га по цене 900 рублей за сотку (90 копеек за квадратный метр).

Доступность жилья определяется, в общем виде, степенью обобществления (открытостью жилья) и совместностью использования пространства и времени: чем доступней жилье, тем больше мест общего пользования, тем индивидуальное (семейное) жилье чаще пересекается с другими и в формах владения и в формах использования. Например, наличие мини-прачечных самообслуживания в большинстве жилых комплексов США делают жилье более доступным – отпадает необходимость покупки и монтажа дорогостоящей техники в каждой квартире.

Доступность возрастает и становится экономически заметной по мере включенности в формирование жилья на стадии проектирования и перепроектирования (автопоэзис), речь идет прежде всего не о проектировании жилища, а о проектировании среды обитания вплоть до формирования ее сферности (то есть полноты, законченности, совершенства). Можно даже утверждать, что в совместном проектировании архитектор и власти обеспечивают логику и организацию жилья, а человек и семья – онтологию жилья. Иными словами – архитектурно-планировочные и строительные решения, а также принятое в городе или поселке законодательство определяют формальные ограничения (запрет на изменения, касающиеся несущих конструкций, законодательный запрет на использование дизгармонирующих красок, ограничения по высоте дома и окружающих его деревьев и т.п.), но не содержания жилья (интерьера, планировки и функционализации помещений, традиций и уклада жизни).

Чем более трансформируемо жилое пространство,

чем больше образов и стилей жизни оно может в себя включать (актуально и потенциально), тем доступней жилье. Чем меньше трудовых, временных, материальных и финансовых усилий требует любое преобразование, тем доступней жилье.

Чем более социально однородна жилая среда, тем, в общем, более она доступна для представителей этой социальной страты: жить бедному среди богатых также неуютно и недоступно, как богатому среди бедных. Разумеется, это не означает профессиональной однородности: чем разнообразнее профессиональный состав, тем богаче жилое пространство, тем более оно коммуникативно насыщено.

Жилье считается доступным, если в нем безопасно для жизни и здоровья жить. Следует только заметить, что показатели этого критерия становятся все тоньше и разнообразнее: еще 10 лет тому назад никто не говорил об электромагнитном загрязнении среды, а в нашей стране еще никто не выдвигает требование присутствия в жилой среде диких птиц и животных, как это принято в США и Западной Европе.

Считается, что критической для транспортной доступности является часовая изохрона ежедневных трудовых поездок. Согласно теории Г.А. Гольца¹¹, среднее значение ее сферности (то есть полноты, законченности, совершенства). Можно даже утверждать, что в совместном проектировании архитектор и власти обеспечивают логику и организацию жилья, а человек и семья – онтологию жилья. Иными словами – архитектурно-планировочные и строительные решения, а также принятое в городе или поселке законодательство определяют формальные ограничения (запрет на изменения, касающиеся несущих конструкций, законодательный запрет на использование дизгармонирующих красок, ограничения по высоте дома и окружающих его деревьев и т.п.), но не содержания жилья (интерьера, планировки и функционализации помещений, традиций и уклада жизни).

Требования к муниципализации городов и развитию местного самоуправления:

1. Самоуправление и самоорганизация жизни должны начинаться снизу: с частной и семейной жизни, с организации жилья, соорганизации общественного жилого пространства (лестничные площадки, подъезды, дома, группы домов, микрорайоны и поселки).

2. Соорганизация должна включать в себя налоговое

самообложение и наем инфраструктурных и сервисных служб.

3. Ядрами самоуправления и самоорганизации станут имущественно обеспеченные слои общества, представители зажиточных и средних слоев, которые и должны взять на себя миссию низового самоуправления и городской муниципализации. Естественно, что самоуправляемыми будут небольшие компактные ареалы проживания обеспеченных людей, даже при полном развитии самоуправления оно захватит не более 15% населения страны – такова доля среднего класса в России сейчас и на ближайшие 30–40 лет.

4. Становится очевидным формирование структур самоуправленческого и социального образования (главным образом, само-

образования) населения. Муниципальная безграмотность населения в нашей стране, затаившаяся уже на столетия, может быть преодолена в исторически короткие сроки.

5. Необходима отмена всех правительственных постановлений и федеральных законодательных актов, регулирующих и регламентирующих общественную жизнь и существование общественных организаций. Разумеется, должен быть отменен как антиконституционный и унижительный для чести городского жителя закон № 131.

6. Необходима отмена всех остатков феодальной зависимости граждан: прописки и регистраций граждан страны и иммигрантов как ущемляющих их права на жилье и свободу перемещения.

В заключение необходимо признать:

- существующий в стране режим не заинтересован в выполнении перечисленных выше требований, боится их реализации и имеет совершенно иные цели относительно городского населения, видя в нем послушный, управляемый, лишенный политических идей и инициатив, хорошо прогнозируемый электорат, а также исправно платящую налоги дееспособную массу и демографическую массу, по возможности трудоспособную и не обременяющую собой государственную машину;
- основная масса населения не имеет опыта самоорганизации и самоуправления, пребывает в вечном ожидании решений и приказов сверху;
- одновременно имеет место исторически устойчивый

и непреодолимый уровень взаимного недоверия между властными государственными структурами и населением, усугубленного цинизмом отношений между ними и коррупцией;

- рынок жилья в России не имеет под собой экономических оснований, а потому в значительной своей части вышел за пределы нормального функционирования, превратившись в один из сегментов инвестиционного рынка;
- политические структуры в стране отражают не сегментацию интересов различных социальных слоев и групп, зоны влияния и интересов отдельных политических лидеров: гражданское общество в нашей стране будет формироваться не партийным образом, а исходя из структур и ареалов самоуправления.

Александр Левинтов

Концепция жилой среды микрорайона повышенной этажности: многоэтажный двор

В своем общем понимании двор жилого дома является переходной ступенью от личного пространства квартиры к территории общегородского пользования. Формирование жилого двора происходило одновременно с появлением жилой застройки, под влиянием изменяющихся социально-экономических отношений на разных этапах развития общества в целом. Соответственно, на каждой стадии развития дворовая территория, как часть жилой среды, имела свой собственный характер и отвечала потребностям своего времени. Времена меняются, во двор врываюся новые функции, вызванные современными потребностями человека, однако «вечные» жизненные функции остаются неизменными. О трансформации потребностей современного жителя, переходном пространстве и о способах отражения их в архитектуре дворовой среды и пойдет речь.

Раскрывая понятие «жилой двор» следует отметить, что это полисоциальный организм, равноценно включающий в себя жизни всех слоев населения. Это слож-

ная по своей структуре система ежедневного и круглогодичного соприкосновения и взаимодействия индивидов. Можно сказать, что это общее среди множества частного, личного, что накладывает на конструкцию дворового пространства колоссальное значение. Жилая среда вне дома объединяет множество разобщенных людей, общим, для которых является соседство в их придомовой территории. На территории жилого двора формируются временные социальные группы, связанные общим интересом: владельцы автомобилей, которым необходимо организовать места постоянного и временного хранения своих автомобилей; матери и бабушки с детьми, нуждающиеся в ежедневных безопасных прогулках со своими питомцами; люди пенсионного возраста, ищущие тихого места для общения; не говоря уже о шумной ребятне, жаждущей активных игр на воздухе, и подростков, ищущих укромные места для общения. По определению

А.В. Крашенинникова, «жилая среда рассматривается как внешняя, дополнительная часть собственно жилища и охватывает территорию не только в непосредственной близости от дома, но и скверы, улицы, переулки, на которых реализуются повседневные бытовые и рекреационные потребности человека». Если последние: скверы, улицы, переулки – стали «понятными» для проектирования и строительства объектами, то двор – «территория... в непосредственной близости от дома», через которую принято «переступать» в процессе проектирования и строительства или ограничиваться формальным благоустройством в виде замощенных проездов. Являясь функциональным продолжением жилища, на самом деле двор – та самая сложная и быстро реагирующая на изменения в быту человека территория. Действительно, на протяжении десятилетий двор являлся и является неотъемлемой частью самого жилища, а вот вопрос об архитектурно-планировочном решении дворового пространства как никогда носит актуальный характер.

Подходя к разговору о новейших принципах формирования жилой среды, имеет смысл ретроспективно рассмотреть эволюцию дворового пространства в нашей стране.

Со второй половины 30-х годов в укрупненных жилых кварталах (5–6 га), двор был довольно компактным и замкнутым. Школы размещались внутри отдельных кварталов и были рассчитаны на обслуживание населения еще нескольких прилегающих кварталов. Поэтому дети были вынуждены по пути в школу пересекать улицы с большим движением городского транспорта, а детские дошкольные здания, располагаясь внутри дворов, подчас занимали всю их территорию. Это затрудняло выполнение условий их инсоляции и одновременно лишало жителей прилегающих домов дворовой территории. Так характеризовал дворовое пространство того времени А.Э. Гутнов: «Четко фиксированное, замкнутое пространство городского двора было соразмерно человеку. Замкнутость не означала изоляции: как правило, дворы соединялись между собой с помощью арок или сквозных проходов, образуя сложную

систему внутривартовых пространств, пронизывающих в отдельных случаях обширные участки городской территории. Однако именно пространственная обособленность двора, являлась мерой человеческого масштаба, чем-то вроде естественного модуля застройки, одновременно выполняет важнейшую социальную функцию. Двор был простейшим, самым элементарным и поэтому особенно важным типом универсального пространства общественного назначения. Двор был местом общения, и это знает каждый, кто жил в старых городских кварталах. Это было отгороженное от внешнего мира, интимное, наполненное конкретным социальным содержанием и поэтому индивидуализированное «свое пространство». Оно имело свою историю, свои мифы и легенды, а в чем-то диктовало свои правила поведения. Здесь больше чем где-либо ощущалось чувство безопасности, уюта – своего рода «чувство дома», возникающее, однако, не на почве личной собственности («мой дом – моя крепость»), а на почве коллективной принадлежности к определенному месту. Двор, таким образом, становился для горожанина первой ступенью перехода от «я» к «мы», от собственной квартиры к необъятному пространству города, от семьи, как элементарной социальной ячейки, к гигантской и сложноорганизованной человеческой общности».

Дальнейшие поиски в 1940-х – начале 1950-х годов

не привели к каким-то значительным переменам в системе организации застройки и пошли по пути еще большего укрупнения квартала и группы кварталов (от 7–8 до 12–16 га) с дифференциацией их территорий по функциональному назначению. Затем, в середине 1950-х – начале 1960-х годов после Всесоюзного совещания строителей и ряда постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР началась перестройка градостроительного дела на прогрессивных основах. Быстрыми темпами создается индустрия панельного домостроения, развиваются мощные комбинаты для строительства жилищ из укрупненных элементов промышленного производства, что в значительной мере определило темпы и методы строительства, характеристики и качество новой городской среды.

Дворовая территория жилых домов хрущевского времени также представляла собой набор унифицированного оборудования детских и спортивных площадок, что, безусловно, делало дворовое окружение довольно-таки однообразным. Но, стоит отметить, среда данных периодов отвечала потребностям своего времени. «Всего это пятнадцать лет, между 1960-м и серединой 70-х годов, слово «стандартный» полностью сохранило смысл, но поменяло значение. Сначала его произносили с гордостью и воодушевлением, потом – равнодушно и, наконец, – с раздражением и даже негодованием. Сама одина-

ковость пятиэтажных домов, расчерченных швами между квадратными бетонными панелями, лишенных привычного карниза и завершенных обрезом плоской кровли, вызвала поначалу восхищение. Стремление поскорее перебраться в новую квартиру «со всеми удобствами» было так велико, что именно однотипность квартир и одинаковость домов воспринимались как ценность, как достижение желанного и, наконец, доступного стандарта. Вроде бы оно несправедливо: вслед пятиэтажным панельным домам пришли девятиэтажные из крупных блоков, потом появились девятиэтажные панельные, двенадцати- и шестнадцатиэтажные, появились поставленные группами «пластины» и «башни». Более того, все заметнее было изменение и улучшение планировки квартир. Они становились больше и просторнее. На фасады жилых домов пришел цвет. Лоджии и балконы придали поверхности фасада некоторую глубину, подчеркнутую светотенью... но «все везде одинаково!» Такая «одинаковость» и по сей день объединяет жилую среду застройки периода 50–70-х годов. Исследуя дворовые пространства этого периода в Красноярске, можно отметить, что они утратили чувство собственности, для многих двор превратился в транзит между остановками общественного транспорта и собственной квартирой. Оборудование детских и спортивных площадок за истечением эксплуатационного срока утратили свою привлекательность и функциональность. И что осталось во дворе сегодня? Лишь пара скрипучих качелей, догнивающих песочниц, отсутствие хозяйственных площадок, не говоря уже о «туче» люков овощехранилищ, что само по себе сегодня вызывает недоумение современного жителя, при мысли о том что «тогда» это явление было необходимо. Сегодня эти дворы уже не отвечают актуальным требованиям жизнедеятельности, быта. Совершенно очевидно, что жизненная среда в них не является полноценной и привлекательной.

В период 80–90 годов получил распространение блок-секционный метод формирования застройки, при котором создавались не типовые здания, а типовые секции. Набор секций – рядовых, угловых, поворотных, различной конфигурации и этажности – позволял компоновать из них дома и жилые группы различной планировки с соответствующими пространствами дворовых территорий. В Красноярске получили распространение дома серии 111-97. Зачастую дворы имеют непропорциональную форму, вследствие чего теряют чувство принадлежности, ведь комфортно для человека пространство – пространство осязаемости (рис. 1).

Как известно, не контролируемая среда является потенциально опасной. «В безликой «казармоподобной» среде вырастает безликий, примитивный человек, отвечающий на вызов такой среды бегством от нее или вандализмом. Следствием отчуждения человека от среды его обитания является «средовой вандализм» (Дридзе, 1996, с. 3). Один из трех главных врожденных механизмов поведения любого живого организма в неблагоприятной среде – это инстинкт агрессии, который требует социокультурного сдерживания. «Там, где улицы являются «живыми», где они полны людей, где люди могут наблюдать за жизнью и занятиями других людей, там они начинают чувствовать ответственность за то, что происходит в их дворе. Они начинают вести себя так, как будто двор становится их собственным пространством, и это помогает поддерживать порядок и мирную жизнь», – совершенно точно определяет Л.В. Анисимова в своем труде «Городской ландшафт. Социально-экологические аспекты проектирования».

Можно сделать вывод, что архитекторам ранее, в связи с активными темпами строительства, ровным счетом некогда было задумываться о психоэмоциональном восприятии человеком пространства, о циркуляции движения, о поведенческом аспекте человека, о всех тех принципах, о которых не стоит забывать, планируя жизненное пространство.

Рис. 1. Дворовая территория застройки серии 111-97. Микрорайон Солнечный, Красноярск

В микрорайонах современной эпохи двор также представляет собой набор унифицированного оборудования, но, стоит отметить, качественно поменялся материал изготовления. На смену неуютным железным турникам и качелям приходят комфортные из прочного пластика игровые городки (рис 2).

Квартиры первых этажей жилых домов перепланировываются в учреждения обслуживания. Другими словами, система предприятий повседневного пользования буквально «втискивается» в структуру жилой среды, влача за собой уйму припаркованных автомобилей. Сегодня это одна из основных проблем жилого двора: конфликт между автомобилем и человеком. Стихийная парковка автомобилей внутри двора создает не только визуальный дискомфорт, но и затрудняет доступ жителям к озелененным пространствам. Эту проблему смело уже можно назвать глобальной, поскольку за последнее десятилетие уровень автомобилизации вырос в пять раз. На сегодняшний день, по данным ГИБДД, в Красноярске зарегистрировано 323 539 объектов транспорта (для сравнения: в 1991-м было зарегистрировано 68 600). При такой цифре автомобильного транспорта зафиксировано 87 814 объектов хранения (учет гаражных кооперативов). Следовательно, огромная часть машин ночует прямо во дворе, а именно на пешеходных тротуарах, на газонах, на детских площадках, а все потому, что двор не обеспечивает достаточное количество мест не только парковки, но и хранения автомобильного транспорта.

Полноценного комфорта жизни так и не получилось. Анализируя новейшие дворы пространства Красноярска можно сделать следующее заключение: современное состояние дворовой среды не отвечает не только актуальным потребностям жителя, но и не обеспечивает жизненно важные человеческие функции кратковременного отдыха, хозяйствования, воспитания и общения на ближайшей территории.

На рубеже XX–XXI веков появляется множество проектов микрорайонов повышенной этажности. И совершенно логично, что при повышении

этажности пропорционально должна увеличиваться территория дворового пространства. Согласно нормативным показателям (СНиП 2.07.01-89 градостроительство, положение 7), невозможно разместить необходимый перечень площадок, процент озеленения и объектов обслуживания на разумной территории, когда идет речь о повышенной плотности населения (из расчета чел/м²). Стоит заметить, на сегодняшний день у современного потребителя начинает меняться отношение и требование к выбору своего жилья, он становится более разборчивым, а критериев, влияющих на его выбор, становится больше.

Если раньше одним из основных критериев выбора были цена, местоположение, этаж и площадь квартиры, то сейчас одним из немаловажных критериев становится качество жилой среды микрорайона – социальная инфраструктура, объемно-планировочное решение, благоустройство дворовой территории, обеспечение парковочными местами. Назревает вопрос: как должен формироваться двор в микрорайоне повышенной этажности? Какими принципами должен руководствоваться архитектор, планируя жизненное пространство в такой агрессивной среде?

«Многоэтажный двор» в микрорайоне «Слобода Весны» в активно развивающемся районе Красноярска на стадии реализации находится микрорайон повышенной этажности «Слобода Весны», проектную и рабочую документацию которого выполняли проектная мастерская «А-2» (1-й и 3-й кварталы), Промстройпроект (Иркутск) (2-й квартал) (рис 3). Именно на этом микрорайоне в эскизном проекте, дипломной работе и, в дальнейшем, в рабочем проекте оттачивалась концепция «Многоуровневый двор». Стояла задача на довольно-таки ограниченной и в то же время гипертрофированной территории создать оазис комфортной, функциональной

жизни дворового пространства: угодить и нормам проектирования и нуждам населения, решить проблему «пешеход – транспорт», совместить «личное» с «общественным».

Как уже отмечалось ранее, микрорайон находится в активно развивающемся районе города, обрамленный городскими магистралями, по соседству с крупным торговоразвлекательным комплексом, что добавляет пешеходную «транзитность» по территории дворов микрорайона. По словам Л.В. Анисимовой, «любая территория имеет свой собственный характер, и прежде чем преступать к проектированию, необходимо понять этот характер, а затем усилить его или видоизменить. Пространства жилой территории проектируются

Рис. 2. Дворовая территория застройки начала XXI века. Микрорайон Иннокентьевский, Красноярск

Рис 3. Ситуационный план микрорайона «Слобода Весны»

Рис 4. Макет эскизного проекта «Слобода весны». Проектная мастерская «А-2»

в соответствии с текущими линиями движения, которые должны обеспечивать свободу выбора. Необходимо учитывать транзитное движение по наикратчайшим расстояниям, а также возможность остановок и отдыха».

Эскизный проект Эскизный проект создавался ландшафтным архитектором проектной мастерской «А-2» Н.А. Унагаевой под руководством генерального директора Б.Б. Шаталова и главного инженера мастерской В.Э. Якобчука, а также группой архитекторов мастерской. Первым этапом в проектировании многоуровневого дворового пространства был заложен в эскизный проект 1-го квартала микрорайона, где формулировалась необходимость решения в нескольких уровнях. Мотивация проста: отсутствие возможности разместить необходимый процент озеленения, требуемые квадратные метры площадок и необходимое количество

мест хранения и парковки автомобилей.

На этом этапе уровни представляли собой:

Подземный – технический уровень. Здесь расположился паркинг и помещения обслуживания автомобиля.

Наземный – система функционального зонирования территории тематическими площадками и озеленением.

Надземный – галерея второго уровня, выраженная «транзитным» пешеходным путем.

Особое внимание было уделено решению наземного уровня – компоновке требуемых СНиПом площадок. Архитекторы разработали сценарий дворовой жизни, не оставив без внимания ни одного из 2 500 жителей квартала, учли «потребности» автомобилей, но процент озеленения обеспечить не удалось. Решено было часть покрытий поднять над нулевой отметкой и осуществить прямой выход из подъездов на галерею второго уровня. Как известно, в спешке человек движется по прямой, отсюда и идея второго уровня – обеспечить «транзитность» пешеходного движения, не нарушая покой нижнего яруса. Но, как оказалось позже, идея «транзитности» второго уровня не осуществима по одной простой причине: транзит – это исключение препятствий.

В 2008 году выпускницы архитектурного факультета Сибирского федерального университета Я.В. Викторова и И.Г. Позднякова под руководством доцента кафедры градо-

строительства И.В. Кукиной, старшего преподавателя кафедры градостроительства Н.А. Унагаевой и генерального директора проектной мастерской «А-2» Б.Б. Шаталова разработали дипломный проект на тему «Концепция жилой среды микрорайона повышенной этажности».

Перед началом проектирования был проведен целый ряд исследований разного рода, без которых, по мнению авторов, невозможно спланировать жизненное пространство для человека. Были изучены дистанционные пределы видимости человека, дистанционные пределы общения, циркуляция и психология движения, соотношения пропорций человеческого роста и высоты зданий, а также соотношения высоты здания к прилегающей территории, характеристики пространства по психоэмоциональному восприятию (рис.1).

В аналитической таблице показаны проблемы организации жилого пространства, теоретические способы их решения.

Также был проведен анализ наложения инсоляции на поведенческий аспект человека во дворе. Было установлено, в какое время мамы и бабушки гуляют с младенцами, во сколько

детвора дошкольного возраста начинает шуметь во дворе, где и в какое время люди преклонного возраста собираются для общения, где любят собираться компании подростков, в какое время автолюбители начинают разогревать свои машины утром и во сколько обычно двор заполняется паркующимися автомобилями. А также на композиции плана отразилось движение школьников, родителей, ведущих своих детей в детский сад, и транзитный поток жильцов к остановкам общественного транспорта и к точкам притяжения. Это позволило грамотно скорректировать расположение площадок с учетом пребывания солнца во дворе и пешеходное движение относительно направления следования.

Концепция «многоуровневости» на этапе дипломного проектирования выразалось в трехмерном понимании среды, многоуровневой функциональной цельности.

Предлагаемая концепция «Многоэтажный двор», состоит из разнофункциональных технологических уровней: подземный, наземный и надземный.

– Подземный уровень – технический. Может быть выражен в нескольких уровнях (в зависимости от грунтового

Рис 5. Фрагменты эскизного проекта. Проектная мастерская «А-2»

Рис 6. Генеральный план дворовой территории. Проектная мастерская «А-2»

общие данные

- этажность переменная: 7, 20, 26 этажей (критическая высота застройки 75 м от 0.00 отм.)
- численность населения исходя из нормы обеспеченностью жильем 32 м²/чел.:
- 1-й квартал – 2 579 человек
- 3-й квартал – 2 670 человек
- площадь
- 1-й квартал
- Граница участка в красных линиях – 38 800 м²
- Площадь застройки – 10 339.4 м²
- 3-й квартал
- Граница участка в красных линиях – 40 900.00 м²
- площадь застройки 11 136.61 м²

состава территории). Сюда входят объекты хранения, парковки и обслуживания автомобильного транспорта. А также объекты, не требующие инсоляции (согласно СНиП и СанПиН).

– Наземный уровень – территория максимального озеленения и благоустройства тематическими площадками.

Система общедворовых территорий, зонированная по возрастному признаку, сопровождающаяся соответствующим оборудованием. Наземный уровень представляет собой систему

приватных и полуприватных пространств, разнофункционален. Площадки выстроены по системе возрастного разграничения, таким образом, снижается вероятность конфликтов. Сетка дорожек выражена согласно сценарию пешеходного и велосипедного движения, также запроектированы транзитные направления пешеходного движения.

– Надземный уровень – пешеходная прогулочная галерея.

Заданный сценарий движения по второму уровню сопровождается приватными

Рис. 7. Фрагмент дипломного проекта. Авторы: Я.В. Викторова, И.Г. Позднякова, рук. И.В. Кукина, Н.А. Унагаева, Б.Б. Шаталов

Рис 8. Предпроектные исследования

Циркуляция движения

Антропометрические данные человека

Дистанционные пределы зрительного восприятия

Дистанционные пределы общения

Характеристики пространства по психоэмоциональному восприятию

Соотношение пропорций человеческого роста и высоты здания

Отношения высоты здания к территории

Психология оси

Функции экрана

Функции ограждения

Функции мощения

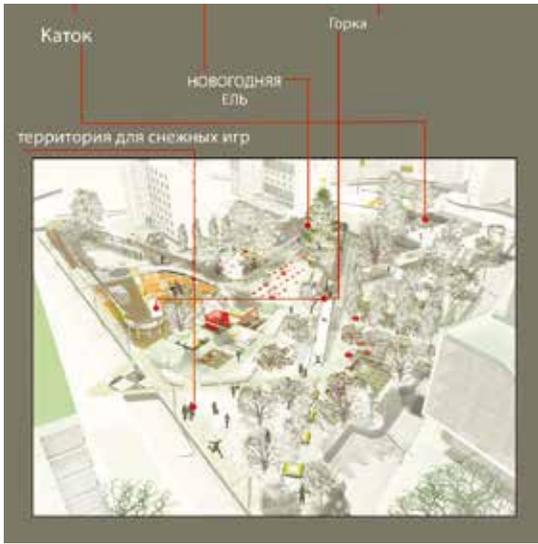

Рис. 9. Схема использования дворовой территории в зимнее время

Рис. 10. Фрагменты дипломного проекта. Авторы Я.В. Викторова, И.Г. Позднякова, рук. И.В. Кукина, Н.А. Унагаева, Б.Б. Шаталов

местами общения, видовыми точками на территорию двора в целом.

Эпизодично наземный и надземный уровень соединяются коммуникациями, а также элементами оборудования детских площадок, горок-пандусов (круглогодичное использование). Второй уровень «обвивает» композиционный центр и социальное ядро-площадь с елью, где проходят коллективные мероприятия жильцов – главный узел пересечения всех направлений движения, вокруг которого сконцентрированы площадки с повышенной активностью: для детей среднего, старшего школьного возраста.

Это переходный масштаб между плоской поверхностью земли и агрессивной многоэтажной жилой застройкой. Галерея второго уровня решается конструктивной системой перфорированного металла, опорой которой служат несущие конструкции подземного паркинга.

Дворовое пространство – территория круглогодично-

пользования. Можно привести много примеров современных дворов, где в зимнее время года двор замирает.

В системе «Многоэтажный двор» галерея второго уровня служит площадкой для проведения новогодних хороводов, а пандусы с него используются как ледяные горки.

Известно, что человеку комфортно в ощущаемом им пространстве, поэтому на больших территориях следует создавать визуальное разграничение пространства, выраженное легкими перегородками, живыми изгородями, вертикальными фонтанами и другими композиционными приемами, создающими комфорт в дворовой среде.

Сегодня, наверное, одним из основных условий комфортного проживания является возможность хранения и парковки личного транспорта в непосредственной близости от квартиры. Подземный технический уровень в «многоэтажном» дворе позволит решить проблему парковки. Архитекторами проектной

Рис. 11. Эксплуатируемая крыша въезда в паркинг

мастерской «А-2» было предложено решение организовать сквозные подъезды жилых домов, что позволит осуществить временное паркование автомобильного транспорта с внешней стороны жилых домов, а внутреннее дворовое пространство избавить от припаркованных машин.

Еще одним довольно-таки любопытным моментом в проекте «Многоэтажный двор» является организация спортивной площадки на поверхности въезда в подземный паркинг. Спортивная зона композиционно завязана с галереями второго уровня.

Проведенные исследования были отражены авторами уже

в рабочем проектировании дворовых территории микрорайона «Слобода Весны» в проектной мастерской «А-2».

Рабочий проект Из дипломного проекта в рабочий проект полностью перешли идеи «многоэтажного двора», но с некоторыми коррективами. Галерея второго уровня принимает характер статики, по контрасту с динамикой первого уровня. Она представляет собой систему частных пространств для отдыха, исключен транзит по второму ярусу. В свою очередь, первый, наземный уровень соответствует сценарию прогулочного отдыха, а также сохранилось

Рис. 12. Фрагменты дипломного проекта. Авторы: Я.В. Викторова, И.Г. Позднякова, рук. И.В. Кукина, Н.А. Унагаева, Б.Б. Шаталов

транзитное движение человека к точкам притяжения – школе, детскому саду, остановке, магазину. Неизменным остался подземный технический уровень – паркинг.

Изменилось формообразование второго яруса: он принял форму связанных между собой пластин с пронизывающими овальными отверстиями – балконами. Это делает среду разнородной, в определенном смысле разбивая вакуум дворового пространства на детали, тем самым пространство становится сомасштабным человеку. Вводя человеческий масштаб в дворовое пространство жилых домов повышенной этажности, мы делаем среду гуманной и комфортной для жителя. Также следует отметить замысел архитекторов разбить колористическое решение дворовых фасадов на две композиционные части: 1–7 этажи решены в ярких контрастных цветах (зона воспринимаемая чело-

веком), а 7–26 этажи решены в нейтральных тонах.

В целом можно отметить, что такая система позволяет:

- полноценно обеспечить всеми требованиями современного жителя;
- создать многофункциональную среду;
- развести конфликтные потоки «пешеход – транспорт»;
- решить проблему социального разграничения территории путем создания системы частных и полупричастных пространств;
- дублировать площади территории дворового пространства, решая проблему нехватки размещения нормативных объектов дворовой территории;
- вводить новый масштаб в окружение, что решает проблему агрессивности среды (при застройке свыше 25 этажей, а это примерно 75 метров, тогда когда человек способен воспринимать и ощущать пространство лишь в пределах 20 метров.)
- создать разнообразное,

многогранное, воспитывающее и развивающее благоустройство дворовых территорий.

В ходе исследования был выявлен качественно новый уровень средового проектирования, проектирования в агрессивной среде. Найдены решения ряда актуальных проблем благоустройства микрорайонов повышенной этажности.

Двор – это динамически развивающаяся часть жилой среды, зависящая от многих факторов, в том числе и от экономически-материального благосостояния общества и современных потребностей жителей. В первую очередь, это неотъемлемая часть жизненного пространства, с соответствующими требованиями и условиями. При этом административно-правовая база градостроительства и проектирования корректируется крайне медленно, что сказывается на реальном формировании жилой среды.

Двор – это объект постоянного творчества архитектора,

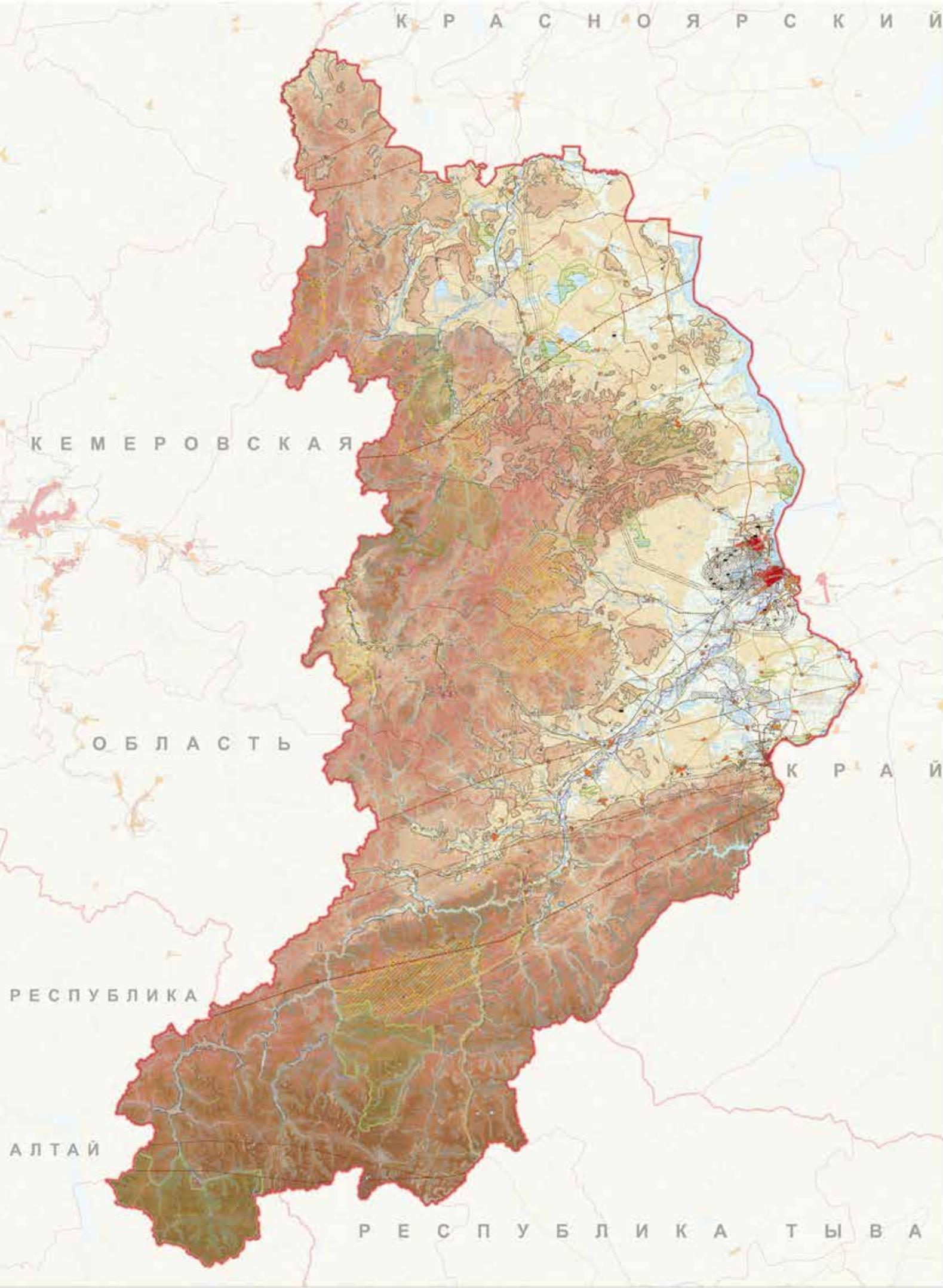
поиск компромиссных решений между потребностями жителей, «разрешенным» проектировщику и технологичной оснащенностью строительной базы. Все более полное осознание необходимости тесного взаимодействия человека и природы приводит к поискам новых приемов ландшафтной организации городских территорий, в том числе территорий жилой застройки. Благоустройство жилого двора должно отражать как современные направления в архитектурном творчестве, так и изменения в образе жизни современного человека. Важно помочь людям ощутить, что «дом» не заканчивается за порогом собственной квартиры, которую многие обустроят с такой любовью и старанием. Отражая новые жизненные стереотипы, архитектор в какой-то мере может сам формировать их, создавая в жилой среде уют, красоту и аккуратность.

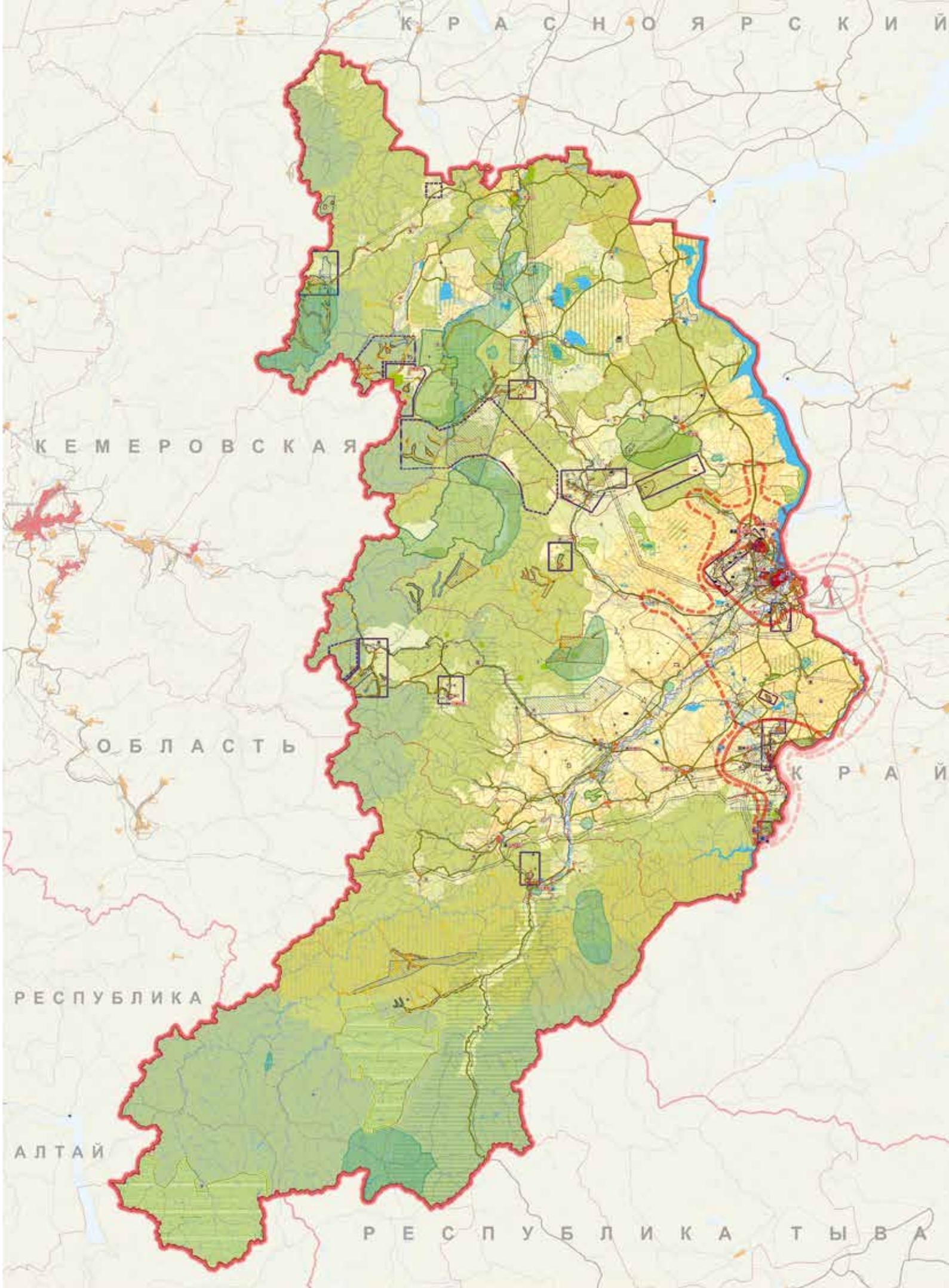
Ирина Позднякова

Рис. 13. Фрагменты рабочего проекта. Проектная мастерская «А-2»

территории, сбалансированный учет интересов широкого круга хозяйствующих субъектов являются залогом устойчивого развития Республики Хакасия и благополучия ее граждан на долгосрочную перспективу.

Основные направления экономического развития Хакасии
Сегодня валовой экономический потенциал Хакасии значительно уступает потенциалу крупных сопредельных регионов – Красноярского

края и Кемеровской области, но превосходит потенциал южных соседей – Республики Тыва и Республики Алтай.

Благодаря наличию на территории республики таких объектов, как Саяно-Шушенская ГЭС, Саяногорский и Хакасский алюминиевые заводы, Сорский горно-обогатительный комбинат и ферромолибденовый завод, Хакасия занимает ведущие позиции в стране в области гидроэнергетики и цветной металлургии. В то же время на территории республики имеется большое

количество минерально-сырьевых и прочих природных ресурсов межрегионального значения. В первую очередь речь идет о разрабатываемых рудных месторождениях Минусинского бассейна, месторождениях железных руд в Абазе и Вершине Теи. Республика обладает высоким агроклиматическим потенциалом для развития высокоэффективного сельского хозяйства, богатыми лесными ресурсами, привлекательными ландшафтами для развития туризма.

По мнению специалистов Института урбанистики, долгосрочные перспективы экономического развития Республики Хакасия определяются следующими направлениями:

1. Развитие (доразвитие) существующих отраслей экономики республики до уровня межрегиональных. В первую очередь речь идет о пищевой промышленности, добыче угля и железной руды, машиностроении, производстве строительных материалов, добыче золота, сельском хозяйстве, туризме.

2. Привлечение в республику новых крупных и средних перерабатывающих производств за счет наличия свободных территориальных, топливно-энергетических, трудовых ресурсов, благоприятных условий для проживания и развития производства.

3. Стабилизация численности населения республики на существующем уровне за счет благоприятной демографической ситуации и развития социальной инфраструктуры.

Развитие экономики республики Хакасия до 2025 года будет сконцентрировано в основных территориальных зонах опережающего развития:

1. Развитие Абакано-Черногорской агломерации на основе кластеров пищевой промышленности, машиностроения и инноваций при сохранении существующей угловой специализации.

2. Развитие Саяногорской агломерации на основе кластеров переработки алюминия, строительных материалов и других трудоемких энергоемких отраслей промышленности.

3. Развитие города Сорска, со специализацией на глубокой переработке полиметаллических руд цветных металлов.

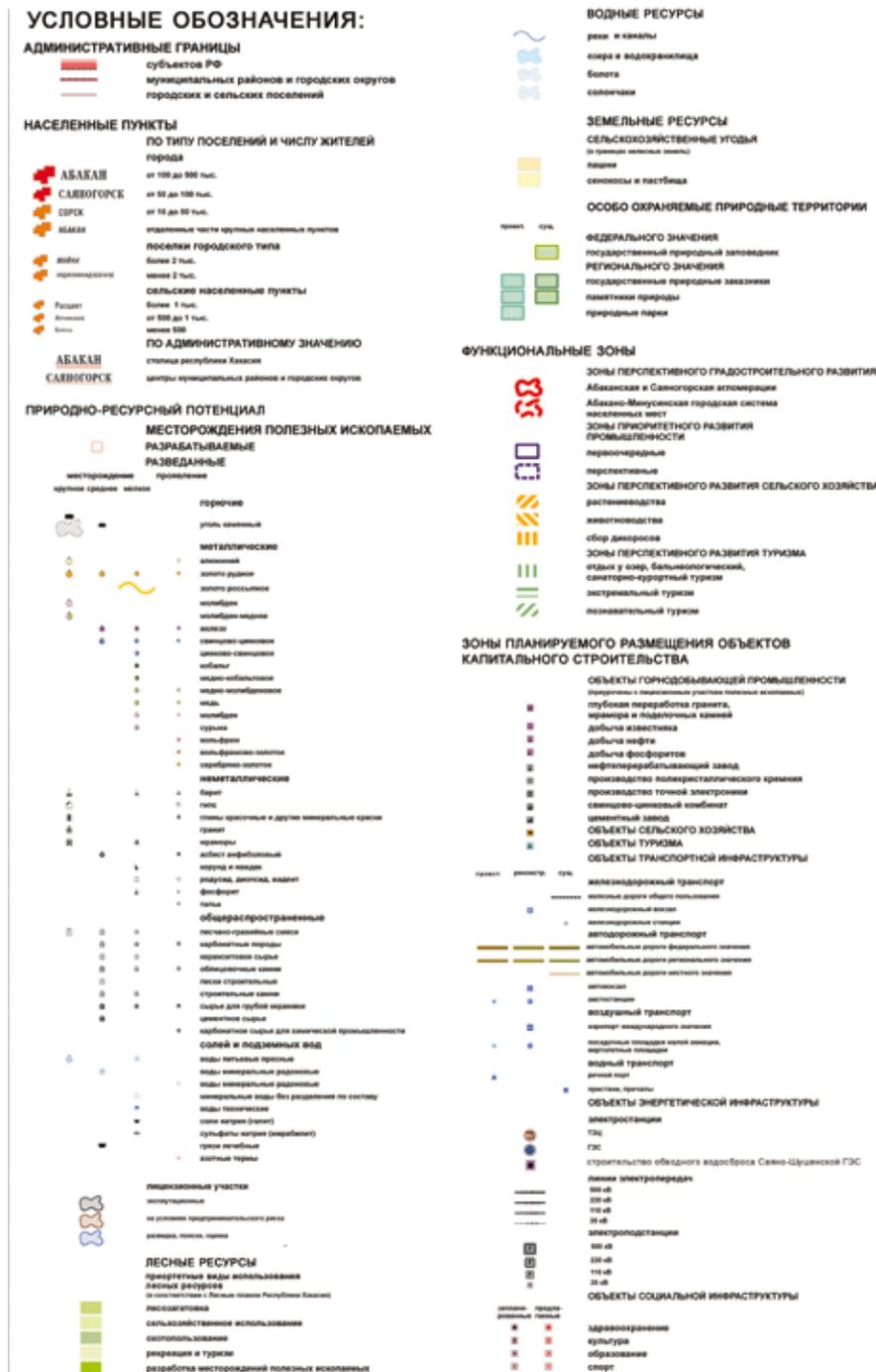
4. Сохранение и развитие центров добычи железной руды в Абазе, Вершине Теи.

5. Развитие зон лесозаготовки и деревообработки в Таштыпском, Аскизском, Усть-Абаканском, Бейском и Орджоникидзевском районах.

6. Развитие интенсивного сельского хозяйства в Усть-Абаканском, Алтайском, Ширинском, Аскизском, Бейском районах.

7. Развитие туристической зоны межрегионального значения в Ширинском районе.

Концептуальное предложение по территориальному планированию

Абаканская агломерация – территория опережающего роста
Перспективы пространственного развития Республики Хакасия, повышение конкурентоспособности территории региона в значительной степени связаны с комплексным развитием городских агломераций – Абакано-Черногорской и Саяногорской. На перспективу до 2025 года может идти речь о формировании на территории Минусинской котловины единой городской системы населенных мест общей численностью населения в 500 тысяч человек с центром в городе Абакане и подцентрами в Черногорске, Минусинске, Саяногорске, Шушенском, Белом Яре и Усть-Абакане.

Под городской агломерацией подразумевается совокупность близко расположенных населенных пунктов, объединенных общим рынком, тесными экономическими, социальными и инфраструктурными связями. Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года именно городские агломерации признаются на федеральном уровне в качестве центров опережающего экономического развития.

К основным эффектам от развития агломераций относятся:

- опережающее развитие сферы услуг, качественное преобразование городской среды;

- привлечение инвесторов, квалифицированных специалистов;
- оптимизация использования территории;
- повышение качества жизни, проявляющееся в сочетании экономических возможностей на уровне 500-тысячных городов (например, Кемерово), избегая проблем, характерных для больших городов.

Развитие агломерационных связей позволит Абакану стать центром агломерации, сочетающей в себе следующие функции федерального и межрегионального значения:

- крупнейший на юге Центральной Сибири расселенческий узел;
- важнейший транспортный узел распределения грузовых и пассажирских (в том числе, туристических) потоков на юге Центральной Сибири;
- крупнейший и передовой энергометаллургический кластер России;
- важнейший агропромышленный кластер Центральной и Восточной Сибири;
- центр освоения новых ресурсно-сырьевых районов юга Красноярского края и Республики Тыва.

Территория Абакано-Минусинской агломерации имеет все основания для того, чтобы стать лучшим местом для жизни в Центральной Сибири, сделав акцент на следующих факторах:

- благоприятный климат;
- широкие возможности для работы и отдыха;
- развитая городская среда;

- современная инфраструктура;
- благоприятная экологическая обстановка.

Инвестиционная привлекательность Абакано-Минусинской агломерации определяется следующими факторами:

- наличие свободных площадок;
- близость ресурсной базы;
- дешевая электроэнергия;
- наличие образованных кадров и рынка сбыта;
- хорошая транспортная доступность.

Превращение города Абакана в центр агломерации возможно при выполнении следующих условий:

- развитие межмуниципальной и межрегиональной кооперации;
- развитие транспортной инфраструктуры, повышение доступности территории;
- привлечение внимания федерального центра для реализации проектов по созданию крупных объектов социальной инфраструктуры республиканского, межрегионального и федерального значения;
- проведение целенаправленной кластерной и инвестиционной политики, поддержка малого бизнеса.

Необходимо отметить, что пространственное развитие Республики Хакасия должно осуществляться при соблюдении следующих базовых условий:

- сохранение экологического баланса территории, что выражается как в защите

уникальных природных комплексов, так и в ограничении развития «грязных» производств в зонах компактного проживания людей с неблагоприятными условиями рассеивания выбросов;

- сохранение многочисленных памятников историко-культурного наследия древности, которые превращают обширные участки хакасских степей в музей под открытым небом.

Направления дальнейшей работы

Важно отметить, что разработка схемы территориально-градостроительного планирования Республики Хакасия находится еще на начальном этапе. Институтом урбанистики подготовлена Концепция схемы территориального планирования, которая размещена на официальном сайте Правительства Республики Хакасия.

Специалистами института проведена работа по обсуждению концепции с министерствами и ведомствами Республики Хакасия, органами местного самоуправления, крупнейшими естественными монополиями, градообразующими предприятиями, научными организациями региона. По итогам выполненной работы и исходя из поставленных задач есть все основания рассчитывать, что к концу 2009 года Хакасия получит обоснованный стратегический документ территориального планирования, который станет основой устойчивого развития республики на ближайшие 15 лет.

О стратегии и политике развития ЦНИИП градостроительства

Стратегия и политика института должны отвечать требованиям и задачам, которые выдвигают процессы урбанизации и градообразования в стране, окружающем европейском пространстве и мире в целом. С начала проведения реформ в стране произошло разрыхление городских процессов, а одновременно и ослабление интереса к городским проблемам как таковым. Крупнейшие города, бывшие столичные центры союзных республик перестали взаимодействовать, отчуждались друг от друга, что сыграло ключевую роль в распаде СССР.

Значение ЦНИИП градостроительства в стране как инициатора нового в градостроительной науке, характеризовавшегося комплексом исследований «Прогнозы развития и формирования советских городов на базе социального и научно-технического прогресса» (1, 2, 3, 1969–1970 гг.), дало импульс целому циклу новых подходов к городу как процессу, как социально-пространственному организму, требовавшему для своего исследования взаимодействия градостроителей, социологов и других специалистов. В эти годы были сняты

запреты с изучения процесса урбанизации, переставшего быть «буржуазным», канонизировалась эпоха Н.С. Хрущева, которой в градостроительной науке отвечало время В.А. Шкварикова.

В это время ЦНИИП градостроительства наука в институте напрямую взаимодействовала с институтами АН СССР, проводились конференции, в том числе молодых специалистов, выпускались сборники научных работ. Велось интенсивное систематическое сотрудничество с европейскими странами, построенное на совместной разработанных программах,

рабочие, а не визитерские поездки за рубеж и приезд иностранных специалистов были частью годовых планов института.

Особое место занимала практически повседневная связь с ЦНИИЭП жилища, ЛенНИИП градостроительства, ТашЗНИЭП и другими республиканскими исследовательскими центрами. Шла интенсивная научная работа по проблемам организации структуры городов, общественных центров, застройки районов и микрорайонов городов, проблем транспорта и т. д. При этом при всем разнообразии взглядов

вырабатывались и общие концепции института, кон-куррирование с концепциями других институтов и специализированных. Проводились натурные обследования городов, в первую очередь крупнейших республиканских столичных центров. Институт активно готовил научные кадры, работала аспирантура и докторский совет по защите диссертаций. В общем, ЦНИИП градостроительства имел не только высокий статус внутри страны, но и международный статус. Такое положение при всех проблемах сохранялось в 70–80-е годы.

Ситуация была резко сломлена в начале 90-х годов. И дело не только в трудностях общеполитической ситуации в стране, но и в смене курса руководства института. Был взят курс на регионально-территориальное планирование, которое практически начало размывать города. Эта тенденция особенно усилилась и получила подкрепление, когда на правительственном уровне была взята линия на приоритет губернаторского управления по сравнению с городским и было создано Министерство регионального развития в отсутствие правительственного органа, отвечающего за развитие городов. Города фактически оказались беспризорными.

Сегодня, и это назрело давно, необходим переход от градостроительства науки к урбанистике, в которой аналитическая деятельность в области закономерностей и механизмов урбанизации взаимодействует с практической разработкой принципов организации городской пространственной среды. В этом случае, социология, экономика, экология, география и другие науки, изучающие город, перестают быть «смежными» специальностями, а органически входят в урбанистику.

Теоретическим ядром урбанистики является урбано-логия как наука о городских процессах. Ее основанием становится комплекс гуманитарных дисциплин, включая политологию. При таком подходе урбано-логия является научным полем и инструментом реализации городской политики как

части внутренней и внешней политики страны.

Именно теоретическое ядро урбанистики – урбано-логия – составляет главное направление фундаментальных исследований в области городских процессов, именно разработка понятий и категорий урбано-логии и их проявлений в функционировании и развитии городских структур. Урбано-логия является естественным каналом включения исследования городских проблем в круг дисциплин большой академической науки, Российской академии наук.

Обскурантизм, невежество, проявляемое в стране по отношению к исследованиям урбанизации и городских процессов, сродни аналогичному отношению, слава богу, преодоленному уже у нас, к социологии, генетике и кибернетике. И по аналогии с этой ситуацией не исключено создание в будущем самостоятельного института урбано-логии в системе Российской академии наук. Теоретическим и эмпирическим наследием урбано-логии являются исследования, проведенные в 70–80-е годы XX века в ЦНИИП градостроительства и в уже упоминавшихся родственных институтах в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Тбилиси, Ереване, Тольятти, Новосибирске, Дзержинские,

Караганда, в Московской и Новосибирской агломерациях, а также комплекс исследований в Москве, проведенный под руководством автора настоящей записки в НИИПИ генплана Москвы в 80–90-е годы. Ведь еще почти двадцать лет назад автором записки методологические и методические принципы урбано-логии, а также результаты исследований и обследований крупнейших городов мира были опубликованы в специальной монографии, до сих пор, очевидно, неизвестной многим, отвечающим за развитие отечественной градостроительной науки (см.: Коган Л.Б. Что должна изучать урбано-логия // Быть горожанами. М.: Мысль, 1990. С. 170–182). В этой же монографии есть и специальная глава, которая посвящена тому направлению, которое должно быть веду-

щим в урбано-логии. Речь идет о городской политике (с. 182–195), что нашло свое развернутое продолжение в монографии Л. Б. Когана «Города и политика: российские уроки» (М., 2003).

Следует сказать о том, что в проводимых нами в 70-е годы социально-градостроительных, а по сути урбано-логических исследованиях была теоретически обоснована и эмпирически подтверждена необходимость «средового подхода», который в дальнейшем получил распространение.

Необходимо пересмотреть отношение к проектированию, разработке генеральных планов городов и других проектных документов как главной форме внедрения научных исследований. Такое внедрение должно охватывать постоянную публикуемость научных концепций городского развития страны и окружающих регионов в специальной и массовой печати (это особенно необходимо для развития повышения городского сознания не только в целом обществе, но и, к сожалению, среди научного сообщества, интеллигенции).

Ранг научных сотрудников должен определяться, и в «большой науке» так и происходит, не должностным положением, не объемом зарплат, а рангом и количеством публикаций, монографий и статей, участием в конференциях, симпозиумах на национальном и международном уровнях, вышедшие публикации должны обсуждаться в институтской среде.

Учитывая ограниченные кадровые возможности, убыль специалистов в области города и градостроительства, минимальные объемы финансирования, естественно строить структуру ЦНИИП градостроительства «под людей», исходя из наличия еще оставшихся специалистов высокого уровня, имеющих соответствующий опыт. Под их руководством на базе существующих отделов целесообразно готовить молодых специалистов через аспирантуру и докторский совет.

Постепенно нужно расширять тематический спектр исследований, сохраняя баланс между городской и региональной

тематикой, который за последние пятнадцать лет был явно нарушен в пользу региональных работ.

Остро необходимо возобновить комплекс натурных исследований и обследований населения крупнейших городов страны, проводившихся в ЦНИИП градостроительства в 70–80-е годы.

Необходимо войти в правительственные органы с аналитической запиской о состоянии и процессе развития городов в стране. Нужно объяснить, что продолжение растворения городов в регионах приведет к разрушению «центральных» структур структурами «периферийными», а значит, в конечном итоге к разрушению самих регионов в целом, к их дезинтеграции в масштабе страны.

Сохраняющие пока свое «центральное» значение несколько крупнейших городов, и в первую очередь Москва и Санкт-Петербург, не смогут долго выдерживать усиливающееся давление российской провинции и ближнего зарубежья. Этим процессам содействует и сырьевая ориентация страны, от которой зависит Западная Европа.

Все это непосредственно имеет влияние на городские процессы в общеевропейском городском пространстве, что до сих пор не осознано и не понято на государственном уровне ни у нас, ни в Европе. От общеевропейской городской политики, безусловно, зависят судьбы европейской городской цивилизации (Коган Л. Россия и Западная Европа: к политике взаимодействия городов // Городское управление. 2005. №4).

Важнейшим направлением является восстановление международного сотрудничества прежде всего с Францией, Германией, Италией и другими западноевропейскими странами, исторически более готовыми к этому. При этом речь идет именно о выработке концепций урбанистического взаимодействия в общеевропейском городском пространстве. Необходима разработка политики взаимодействия городов как городских сообществ.

Леонид Коган

Ресурс или проблема?

Иркутская региональная организация Союза архитекторов России, представители академической и вузовской науки, профессиональная общественность на протяжении последнего десятилетия постоянно высказывали свою озабоченность негативной градостроительной политикой, проводимой администрацией города Иркутска. Она выражалась в том, что средняя деревянная застройка, вопреки здравому смыслу и действующему законодательству, но в интересах частных инвесторов, лишалась статуса «выявленных объектов культурного наследия» и уничтожалась. Сносились даже стоящие на государственной охране памятники деревянного зодчества, в целях высвобождения площадок под новое строительство. Совсем недавние примеры: Сурикова, 9; Дзержинского, 42; Володарского, 3; Софьи Перовской, 15.

Многолетние попытки убедить руководство города в том, что историческое наследие иркутской деревянной архитектуры – не только памятники, но также и рядовая, фоновая застройка – является незаменимой ценностью российской культуры, и даже объектом мирового значения, оказывались безрезультативными. Все предложения мэрии принять решение о том, что на месте сгоревшего памятника или входящего в его окружение средового сооружения, может быть восстановлено исключительно то же самое здание – игнорировались. Критика предложений руководства города перенести памятники деревянного зодчества в несколько «архитектурных резерваций», а расширенную от них территорию центра города застроить современными многоэтажными домами осталась не услышанной.

В июле с.г. «ВостокСиб-Академцентр» – региональный академический научно-творческий и проектный центр Российской академии архитектуры и строительных наук выступил инициатором проведения серии экспертных семинаров по актуальным проблемам градостроительной политики

в Иркутском регионе. К участию были приглашены ведущие специалисты, ученые, политики, руководители проектных институтов, эксперты по отдельным вопросам.

Наиболее пристальное внимание было направлено на три ключевые для нашего региона темы:

1. Агломерационные процессы (агломерация контактно-расположенных городов Иркутск – Ангарск – Шелехов).

2. Байкальск и проблемы монопрофильных городов Иркутской области.

3. Историко-культурное наследие Иркутска.

Агломерационные процессы (агломерация городов Иркутск – Ангарск – Шелехов)

Факт, который сложно отрицать, – агломерация реально существует. Каждый день около 19 тысяч жителей из Шелехова и 20 тысяч из Ангарска едут в Иркутск и обратно на работу, учебу, в кино, в баню, на дискотеки. Подобные ежедневные маятниковые миграции – характерный признак сложившейся агломерационной структуры. Но, несмотря на этот очевидный факт, агломерация все же не существует, так как в документах территориального планирования она не узаконена и в реальных организационно-управленческих формах официально не закреплена.

Необходимо разработать единую схему территориального планирования собственно агломерации (в рамках схемы территориального планирования Иркутской области).

Предусмотреть:

– единую функционализацию территории,

– резервирование территории под будущие общие инфраструктурные проекты, – например, под индустриальные парки, которые сегодня невозможны, но в будущем будут реализованы, и земли под ними не должны быть растащены за годы кризиса;

– под зоны подземного водозабора, которые не должны быть застроены дачами,

– под единые межмуниципальные проекты очистки

бытовых стоков, которые должны быть увязаны с размещением рекреаций,

– под формирование рациональной межгородской дорожной сети, не исключая в будущем возможности строительства трасс скоростной связи (например, скоростного трамвая и т.п.).

Проекты устройства технической, инженерной, рекреационной и иной инфраструктуры, проекты повышения качества городской среды для контактно-расположенных городов Иркутска, Ангарска и Шелехова не имеют права быть «изолированными», «отдельными». Потому, что на раздельное осуществление проектов тратятся лишние деньги. А результат получается малоэффективным.

Агломерация – это, прежде всего, новый тип управления территориями, вызванный переходом от советской формы управления к рыночной, в результате которого местная власть в стремлении обрести максимально полную самостоятельность, «окуклилась» в своем мировосприятии и своих локальных действиях. А областная – оказалась законодательно лишена возможности влиять на местную, в целях «сборки» муниципалитетов на выполнение единых территориальных программ.

Агломерация – такой тип управления территориями, когда между уровнем федерального управления (субъекта федерации) и местного самоуправления (муниципалитетами) формируется промежуточный уровень – координирующий местные самоуправления и губернскую власть. Этот уровень законодательно позволяет координировать усилия и финансовые средства муниципалитетов и федеральной власти на решение общих задач, осуществлять контроль над использованием средств и над качеством исполнения.

Цель проекта агломерации – повышение конкурентоспособности региона. Три города, как единая зона развития качества жизни, значительно привлекательнее и для людей, и для инвесторов в условиях конкуренции

городов, нежели каждый в отдельности.

Отдельная и очень непростая тема – новый аэропорт. Поздняково – площадка для аэропорта неудачная и абсолютно нереалистичная. Это тот случай, когда политический вопрос сильно препятствует вопросам хозяйственно-экономическим.

Проблема монопрофильных городов Иркутской области. Монопрофильные города – поселения возводимые подле одного градообразующего предприятия. Их судьба, безусловно, не проблема одного только Иркутского региона. Это проблема 500 подобных «монофункциональных» городов в России.

И, как правило, это не только вопрос судьбы технологически устаревшего, подчас вредного производства, на инженерной инфраструктуре которого «висит» городская инфраструктура (теплоснабжение, очистные и т.п.). Это проблема «перепрофилирования» населения.

Необходимо не только в каждом конкретном случае решать вопросы утилизации производства и его отходов (рекультивация территорий, определение возможностей инновационного использования производственных площадей, разработка стратегии реформирования городской инфраструктуры и т.п.), но и осуществлять социокультурные проекты по «жизнеустойчивости» населения.

В отношении Байкальска необходимо разработать «эталонную» программу «перепрофилирования города», чтобы она служила образцом для осуществления подобного типа работ по изменению качества жизни во всех остальных «монопрофильных» городах России.

Для любого города самое главное – это такая городская среда, которая воспринимается его жителями как комфортная (собственно, это и является «качеством среды»), а также возможность людей самовыражаться в жизни и работе (это приносит «ощущение удовлетворенности»). В современном мире именно

качество населения (это называется «человеческий капитал») и качество городской среды определяют инновационный потенциал населенного места или региона. Инфраструктурная обеспеченность региона, эффективность и технологичность экономики – очень важны, но оцениваются только лишь как вторичные.

Задачи повышения качества среды обитания и человеческого капитала не ставились и не решались в советский период. Основным было, прежде всего, наращивание производственного потенциала и усиление градообразующей базы. Подобное представление до сих пор остается определяющим в менталитете современного городского менеджмента.

Причины оттока населения:

- поиск интересной работы в интеллектуальных, креативных сферах деятельности;
- поиск мест обитания со сбалансированными условиями оплаты труда и затратами на жизнеобеспечение;
- поиск мест, обеспечивающих возможность самореализации

– поиск мест, обеспечивающих личную безопасность и свободу коммуникаций.

Политика местной власти, основная цель городской экономической стратегии должны быть направлены на:

- повышение эффективности городских ресурсов;
- переход к инновационной экономике и экономике услуг;
- повышение «креативности» городов («креативные города» – те, в которых мотивом для жизни и работы является самореализация, интерес, утверждение индивидуальности, личного статуса и персональных амбиций);
- улучшение условий жизни горожан, в своем большинстве переставших быть работниками промышленных предприятий.

В логике этой стратегии необходимо кардинальное изменение городской политики, менталитета городского руководства, изменение ценностей в оценке эффективности городского управления. Это своеобразная «реструктуризация активов» (в том числе и интеллектуальных).

Историко-культурное наследие Иркутска До сих пор для городских властей приоритетным было и, к сожалению, остается осуществление административных, финансовых, ресурсных и прочих вложений в отрасль (например, строительную), а не в городскую историческую среду. Городская власть не понимает ценности исторической среды и воспринимает ее лишь как плацдарм под новое строительство. Стремление к повышению «качества городской среды» направлено лишь на стремление снести ветхое жилище или перенести в какую-нибудь музейную зону для того, чтобы возвести на его месте новые современные дома.

Главная для Иркутска проблема – неукоснительное исполнение градостроительной документации. Необходимо превратить Иркутск в общероссийский образец умного и твердого градостроительного регулирования, в сложных условиях деградирующей исторической среды.

Для этого необходимо прекратить такое «развитие» города, при котором старое беспощадно уничтожается новым. Необходимо реабилитировать уникальный мелкий масштаб и редчайший декор деревянной застройки. Причем реанимировать не просто отдельные здания-памятники (находящиеся, как правило, в чуждом окружении новостроек), а восстановить целостные фрагменты деревянной среды, сохранить функции жилья, мелкого обслуживания, индивидуального ремесленного предпринимательства и т.п.

Превратить Иркутск в полигон отработки государственной градостроительной политики для решения проблем исторического города, типичных для многих региональных центров.

В генеральном плане Иркутска приняты решения по оптимизации функционирования всей планировочной структуры города. Для частичного выноса ряда функций за пределы исторического центра были специально зарезервированы территории. Вынос обеспечивал ослабление давления

торговых, офисных, административных и других функций на историческую часть.

Сейчас, в условиях кризиса, вряд ли возможно быстрое практическое воплощение этого решения. Поэтому предлагается на несколько лет ввести мораторий на застройку всей центральной исторической части города. За это время обеспечить непреклонный надзор над исполнением Проекта зон охраны, разобраться в незаконных землеотводах и самовольных застройках, окончательно решить все вопросы с транспортной схемой в центральной части, расширить количество пешеходных зон, определить их конкретные места и т.п.

Но, что самое важное, провести проектную работу по «комплексной реабилитации объектов культурного наследия в границах «достопримечательного места». Эта работа позволит наметить места перемещения памятников культурного наследия, которые сегодня определены для «переноса» (но никто не знает, куда их следует переносить)

Осуществить кадровое укрепление Службы по сохранению объектов культурного наследия Иркутской области, которая за последние годы вывела из списка вновь выявленных памятников 250 объектов. И не ввела ни одного (!). Служба должна охранять, а не уничтожать!

Необходим жесткий контроль государственной власти (в лице субъекта Федерации) над использованием федеральных средств органами местного самоуправления. Над «закладыванием» денег в бюджеты будущих работ. А это значит – над разработкой градостроительной документации всех уровней.

Исторический центр Иркутска – один из ключевых ресурсов развития города. Его реконструкция – важнейшее направление. Новая градостроительная политика должна быть основана на переходе от стратегии регулирования притока инвестиций к стратегиям реструктуризации активов – выделению самых ценных активов и работе по их капитализации. Историческая среда является ценнейшим активом. Ее регенерация с

сохранением функций жилья, мелкого обслуживания, ремесленничества; с сохранением индивидуального усадебного типа застройки – способно дать приток мелких, но множественных частных инвестиций в реконструкцию исторической городской среды. Подобная направленность способна повысить капитализацию и территории, и недвижимости.

Необходимо прекратить старую градостроительную политику, при которой повышение капитализации территории исторических центров городов связывается исключительно с заменой старого неблагоустроенного жилого фонда на современные благоустроенные дома и крупные объекты обслуживания (торговые, офисные центры, гаражные кооперативы и т.п.). Необходим запуск процесса инвестирования в качество городской среды в целом, а не по отдельным объектам. Причем с обязательным сохранением внешнего облика старых зданий, их размеров, декоративного убранства, дерева как строительного материала, усадебного типа расположения на территории, объемов озеленения и т.п. – всего того, что определяет качество исторической среды.

Причем формирование новой градостроительной политики в отношении исторических центров городов должно быть направлено не только на реабилитацию отдельных зданий-памятников, а на восстановление целостных фрагментов деревянной среды с сохранением традиционных функций (жилья, обслуживания, индивидуального предпринимательства) и усилением современных функций (повседневного отдыха и досуга, самореализации, самостоятельности и т.п.).

Работа с природным и культурным наследием городов и региона в целом есть способ восстановления уникальных локальных преимуществ территорий. В современном мире, локальные культурные особенности – объекты культурного наследия, традиции, памятники являются основой для развития экономики и повышения оценки качества среды и жизни.

Цикл статей по деревянным городам и интервью с Андреем Ивановым, в свое время опубликованные в «Архитектурном вестнике», а затем в красноярском журнале «Красивый берег», не потеряли своей актуальности для Иркутска. ПБ благодарит автора за разрешение их опубликовать.

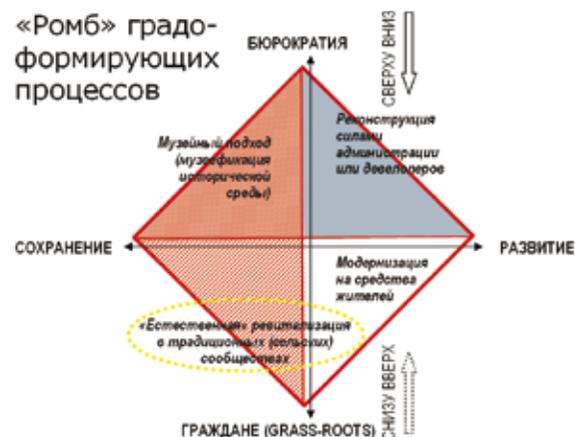
Продолжающаяся жизнь деревянного города. Городец, Экфьё, Иркутск¹

Историческая деревянная застройка (ИДЗ), главным образом жилые здания XIX – начала XX века, является одной из основных составляющих российского градостроительного наследия². Не будет преувеличением сказать, что сейчас она гибнет – из-за общественного непонимания ее ценности, естественных процессов старения, нежелания горожан жить в обветшавших зданиях без нормальных удобств. В последние годы возникла новая угроза – давление на занимаемые ИДЗ территории частных (или государственно-частных) девелоперов, стремящихся тотально перестроить старый жилой фонд независимо от его культурной ценности. С разрушением деревянного наследия мы прогрессивно теряем свою культурную идентичность и проигрываем в конкуренции на рынке мирового культурного туризма. Разрыв между «сжимающимися» российскими историческими городами и более творческими и привлекательными городами Запада и Востока становится все более глубоким.

В 2005 году автор выполнил работу по изучению практики ревитализации³ ИДЗ, движимой предпринимательской активностью на местном уровне и противодействующей названным тенденциям⁴. Сопоставлена ситуация в России и Швеции, где достигнуты общепризнанные успехи в сохранении деревянных городов.

Предметом настоящей статьи являются общая ситуация с ИДЗ в России, «низовая» (grass-roots) деятельность местных жителей по реновации старых деревянных зданий в малом городе Городец с живыми традициями предпринимательства и деревянного строительства, анализ одновременных государственно-частных усилий по возрождению и брендингу деревянных городов Швеции, и в частности Экфьё (Eksjö?), а также итоговые выводы сравнительного исследования.

Экспертный анализ положения дел в России Согласно многим публикациям в российских СМИ, ситуация с нашим городским деревянным наследием катастрофична вследствие преобладающего торгашеского подхода к собственности: инвесторы убеждены, что более выгодно снести старые деревянные здания в потенциально привлекательных местах и застраивать участки заново, чем вкладывать средства в ревитализацию обветшавших городских районов. Влияние других субъектов градостроительной деятельности на сохранение ИДЗ тоже нельзя назвать конструктивным. Городские власти и большинство планировщиков признают старую деревянную застройку «трущобами», разрабатывая специальные программы борьбы с «ветхим фондом». Архитекторы, вдохновленные ищущими прибыль заказчиками (неважно, государственными или частными), рады осуществить свои амбиции в исторических зонах. А обычные горожане (обитатели такого жилья) оказываются практически вне процесса, не имея ни достаточных средств на ремонт и поддержание зданий, ни опыта участия в управлении развитием собственной среды. Многие из них хотят перебраться в новые жилые районы с лучшим местоположением, но лучшими условиями жизни. Защитники исторического наследия, помимо отдельных «замораживающих» среду попыток ее музеефикации, предлагали для некоторых городов (Томск⁵, Кислово и др.) комплексные проекты восстановления деревянной застройки, используя «правильные» теории и прогрессивный зарубежный опыт. Но эти работы остались неосуществленными, будучи выполнены без специального внимания к проблемам реализации (средовому просвещению и участию населения,

рыночным механизмам градобразования и т.д.)⁶.

Экспертный опрос ведущих российских специалистов в области сохранения деревянной архитектуры⁷ подтвердил картину доминирования негативных процессов.

Однако в последние годы в отдельных, в основном небольших исторических городах можно наблюдать и положительную тенденцию – начало реновации отдельных старых деревянных зданий силами местных предпринимателей. Эти люди, достаточно обеспеченные по

локальным меркам, начинают чувствовать коммерческие преимущества такого типа городской застройки, основанные на его местоположении, экологических достоинствах, туристской привлекательности и культурно-символической значимости. Они восстанавливают принадлежавшие им или вновь приобретенные деревянные дома на собственные средства и используют их как небольшие кафе, гостиницы или жилье для самих себя. С другой стороны, эта почти неконтролируемая деятель-

«Ромб» градоформирующих процессов: положение дел в России

Мнение экспертов о доминирующих типах градостроительной деятельности применительно к ИДЗ российских городов, в %

Городец: деревянная среда.

ность ведет в ряде случаев к ущербу для наследия и городского облика в целом.

Кейс-стади: Городец
В качестве российско-го объекта детального

анализа выбран Городец Нижегородской области. Город обладает двумя важными особенностями: некогда богатое поволжское село никогда не было перепланировано по «эка-

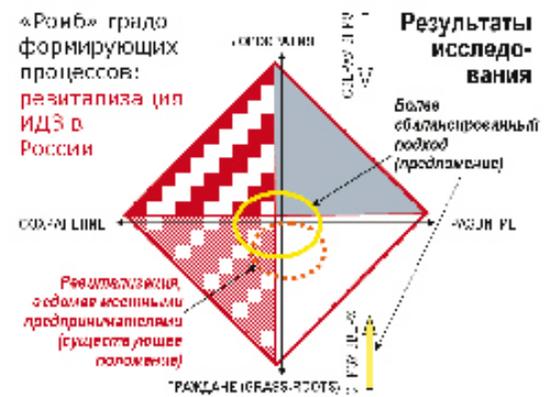
теринским» регулярным планам и, соответственно, избежало связанной с этим травмы поселенческой идентичности; кроме того, в нем с начала XVIII века не прерывалось проживание старообрядцев, сохранивших дух предпринимательства и традицию практичного и красивого обустройства своего быта, несмотря на все исторические перипетии.

Результат же очень интересен. В Городце имеются достаточно обширные участки старгородской среды, состоящие из деревянных зданий, отремонтированных (а иногда и реставрированных) в основном силами местных предпринимателей (лишь несколько общественных зданий – музей, редакция газеты – поддерживаются на бюджетные средства), выглядящие вполне сопоставимо с «образцовыми» деревянными городами Северной Европы. Хозяева, естественно, что-то добавляют к своим домам, встраивают/пристраивают ванны, туалеты, гаражи, но старое деревянное ядро дома сохраняют осознанно – там «дышится хорошо».

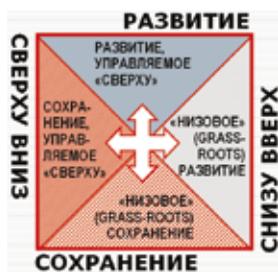
В ходе полевого исследования была выбрана терри-

тория с наилучшим образом сохранившейся деревянной застройкой⁸ и определены четыре характерных домовладения с историческим деревянным домом в основе (один из них – памятник истории и культуры федерального значения, один – регионального, и два так называемых «средовых» здания). Инновационным аспектом работы стали неформальные интервью с их хозяевами – местными предпринимателями. Полученная первичная информация представляется весьма важной для понимания реальных процессов «низовой» ревитализации, которые происходят в малых российских городах часто без какой-либо поддержки со

«Ромб» градоформирующих процессов: предложение по поддержке предпринимательской активности при ревитализации ИДЗ в России

Комплексная интегральная модель городской ревитализации

стороны местных властей и вопреки многим юридическим и организационным препятствиям (см. колонку «Четыре случая...»).

В разговорах с городчанами постепенно раскрывалась вся противоречивость такого типа обновления деревянной застройки: «нестрогое» отношение владельцев и соответствующих властей к памятников-охранному законодательству, житейски-практический подход к достройкам и перестройкам, выбору материалов и методов модернизации, собственноручная реставрация «по месту» без внятного бизнес-плана и проекта... и в то же время – искренняя любовь к старым деревянным домам как части своего собственного, живого наследия, которая, судя по всему, и является одной из основных движущих сил процесса неформальной городецкой ревитализации ИДЗ. При этом она идет не ради себя самой, но в контексте всего жизненного цикла хозяев, тесно связана с другими предпринимательскими инициативами этих людей и рассматривается ими как элемент наращивания своего символического капитала.

Российская ситуация:
Опыт городецких предпринимателей доказывает существование положительной

альтернативы доминирующим представлениям о неизбежной потере ИДЗ в наших городах и музеефикации как единственно возможном виде спасения ее наиболее выдающихся образцов.

Сохранить эту ценную часть российского градостроительного наследия на его исконных местах и жить в старых деревянных зданиях с нормальными современными удобствами возможно. Социальные предпосылки достижения этой цели существуют в реальности; необходимо лишь помочь их носителям надлежащей организаторской практикой.

Значимость практики «низовой» ревитализации ИДЗ – элемента повседневной средовой активности обычных горожан – говорит о необходимости существенного расширения традиционной для российского городского менеджмента практики управления «сверху вниз».

Авторское понимание механизма осуществимого сохранения градостроительного наследия отражено в предлагаемой интегральной теоретической модели: к осязательным позитивным результатам в наших условиях может привести только согласованное сочетание активностей задействованных участников (стейкхолдеров) во всех четырех квадрантах модели – обеспечиваемое «сверху» развитие и сохранение среды, а также движимое самими горожанами «низовое» сохранение и развитие.

«Горизонтальные» связи между местными бизнесменами и их окружением, желание некоторых из них жить в традиционной уютной атмосфере, которая ассоциируется с народным городским

деревянным жилищем, могут служить двигателем оживления районов старой деревянной застройки при условии облегчающей эти процессы политики местной власти – так называемого win-win подхода, равно выгодного для нее, предпринимателей и всех горожан. Частные владельцы старых деревянных зданий/домохозяйств и особенно местные предприниматели уже являются основными акторами в процессе ревитализации ИДЗ; другие участники процесса (чиновники всех уровней, эксперты, неправительственные организации) должны играть «облегчающую», поддерживающую роль в условиях ограниченных бюджетов и децентрализации власти. В этом случае катастрофический процесс исчезновения городского деревянного наследия в России может быть остановлен, по крайней мере в малых, средних и некоторых крупных городах с большой долей исторического деревянного фонда (возможно, это Вологда, Тюмень, Томск, Иркутск), где пока еще достижима самоподдерживающаяся ревитализация «снизу».

Ревитализация ИДЗ с использованием потенциала местных предпринимателей может сыграть роль и в более широком диапазоне, став одним из важных направлений новой жилищной политики администраций российских городов при переходе от универсального уравнительного подхода к адресной, разнообразной системе действий, нацеленных на учет рыночной действительности и сосредоточенных на конкретных людях. Такая политика должна помочь как муници-

пальным властям в решении части жилищной проблемы в их городах, так и гражданам, желающим жить в традиционной городской среде с современными удобствами. В то же время ревитализация ИДЗ силами местных предпринимателей может способствовать сохранению значительной части градостроительного наследия, которая все еще определяет облик и идентичность многих российских исторических городов.

Важно определить для самих себя, что мы хотим получить в наших исторических деревянных городах – неаутентичную псевдо-историческую застройку плюс несколько отреставрированных зданий-музеев на балансе города или участки нормально живущей самофинансируемой жилой среды, где сохраняются традиции деревянного города, но обеспечиваются приличные современные условия быта? И действовать в соответствии с выбранным ответом.

Четыре случая предпринимательского обновления ИДЗ (Выдержки из интервью с городчанами – владельцами исторических деревянных домов. Июль, 2005 г.)

СЛУЧАЙ 1

Дом по ул. А. Рублева, 1. А.К., предприниматель: – Сколько там, в Швеции, дома стоят? У нас дом стоит лет 150. Я вскрывал обшивку, когда делал ремонт – ни подоконники не менялись еще, ничего, дом не подрубался ни разу... Маленько пол опустил, пришлось тесать бревна, так он звенит, топор, отскакивает, и дерево красное такое...

Дом по ул. А. Рублева, 1.

Дом по ул. А. Рублева, 6.

Дом по ул. Набережная Революции, 8.

Мы когда купили этот дом, сделали отопление, водопровод, туалет, душ, это был 83-й год, сейчас не удивишь уже, а тогда к нам заходили, удивлялись.

А новые магазин и кафе (построенные на том же участке) – уже из кирпича, даже идеи не было деревянные сделать. Потому что дерево сейчас такое, что через 30–40 лет его уже надо подрубать... атмосфера плохо влияет на деревья, химии-то море, вот и вырастает синий, несозревший лес

...Раньше-то тут, на пруду – Церемоново болото называется, – проходили церемонии: катание на лодках, городской каток, духовой оркестр тоже был, и сквер рядом. С этим прудом тоже проблем много – только у нас такое может быть: три года не могли открыть кафе, стояло пустым готовое здание, слишком много бюрократов у нас, вот почему. Когда мы были нужны городу, давали денежки на все мероприятия, это было хорошо, а тут, лишь увидели, что люди что-то могут, стало им жалко нам землю отдать. Если мы бросим болото, его загадят. Стали забором обносить, чтоб меньше мусора кидали, нас захватчиками назвали, жалобу написали во-о-от такую. А мы 20 КамАЗов мусора вывезли... Нам, вроде, такие вложения делать не нужно, но жалко, что в помойку превратят, около кафе. Да и хочется после себя что-то оставить. Чтoб люди, может, вспомнили добрым словом.

СЛУЧАЙ 2

Дом по ул. А. Рублева, 6. В.М., предприниматель: – Я первый в области поменял квартиру в каменном доме в Заволжье на деревянный дом. Квартирка была четырехкомнатная, по советским меркам нормальная. А я самодельщик, хочется мастерскую, чтоб собака была, кошка и чтоб это никому не мешало и приносило всем какое-то удовольствие. И мы стали искать обмен. Здесь жила старушка-пенсионерка с сыном, у которого руки к дому абсолютно не причастны. Я предложил, они сразу согласились переехать в центр Заволжья...

Состояние дома было не очень – он 23-го года постройки... Ну, сразу перепланировал по-своему, пристрой сочинил. Удобства в каменной части сделал, баню, котелок, газ провели. Мастерскую, самое главное... А деревянный дом – здесь спи-и-ится... вот внуки у меня приезжают, спят – их не разбудишь. Здесь вроде вот жарко, а все равно вентиляция – он дышит.

...Конечно, поддерживать дом, даже когда имеешь более-менее средства и руки, все равно непросто. Вот, сайдингом отделал переднюю часть, сейчас надо кирпичом цоколь выложить.

– А почему же именно сайдингом, а не досками, не вагонкой?

– Красить замучился, на солнышке краска держится года три всего. Если хорошая – максимум 4–5.

– А вот в Швеции вам не разрешили бы сайдингом...

– Ну, пока мы тут хозяева, а не шведы... А ребята, кто деньги имеет, не особо идут пока в старинную часть, они по окраинам строятся, где не видно, но такие делают дурные дома – и НЕ ЖИВУТ В НИХ! Вот N. миллионов там не знаю сколько вбахал, построил. А потом купил деревянный дом на Загородной улице, вот там и живет, кайфует, огород у него, картошка, все. Но – кто как, кому-то нравится в 300 квадратных метрах ходить из угла в угол.

– Ну тут, в исторической части, ограничения, наверное, есть: нельзя здесь большой дом строить...

– Ну это же у нас все обходят, ограничения, все равно пристраивают... Вы поймите, не всякий согласится жить в том доме, который ему достался – столетней давности. Тут надо как-то думать, нельзя подходить так, допустим, строго. Шведы-то, они вон какие, и они строят...

(В гараже-пристройке показывает машину размером с микроавтобус.) Это мой самодельный автомобиль. Я и его сделал как часть дома. Вот, посмотрите – с резьбой, герб Городца, здесь – берегиня его охраняет... А снаружи дом маленький. Три окошка и все. А вы говорите, сохраняйте. Сохранишь тут, когда хочется и того, и другого, и третьего.

СЛУЧАЙ 3

Дом по ул. Набережная Революции, 8. В соответствии с официальным Справочником культурного наследия (памятников истории и куль-

туры г.Городца) дом является памятником федерального значения: «№ п/п 73. Дом Дементьевой. 1864 г.»

В.В., предприниматель, брат отсутствовавшего в городе владельца дома:

– А я вот каменный дом строю, но тоже в стиле Городца – то есть с русточками, с ширинками там... Прямо на место старого дома ставлю...

– А не хотели ли купить старый дом, так же, как брат?

– А купил-то я тоже деревянный... Но он странный был такой – земская больница, сруб, в 50-х годах поставили, то есть исторической ценности не представлял, гнилой был... И я решил новый строить... У брата ведь тоже дом относительно деревянный, он ведь какого года-то...

– Ну да, надпись эта непонятная там (на фасаде дома сохранилось резное обозначение года постройки – 1864, в котором по традиции старообрядцев цифры обозначены буквами).

– Ну как, она понятная: единичка – «А», четверка – «змейка»... У него рубленый дом, причем нижние венцы – до сих пор не гнилые, прямо звенят, неподсоченное дерево-то. А пристройку вот он сделал каменную. Там ворота старые деревянные были резные, предыдущие хозяева их сломали, построили обычный гараж из белого кирпича, брат его сломал и сделал уже из красного, поставил вот ворота эти кованые... Тоже с Нижним согласовывал...

– И что же у него там в деревянной части?

– А вся деревянная часть 20 м² всего. Там у него

Дом по ул. А. Невского, 20

только столовая, потолки низкие такие...

– А нам говорили, он этот дом ради вида на Волгу купил.

– Ну да, из-за этого и купил, но лучше-то вид на Волгу сейчас из библиотеки, из новой части...

СЛУЧАЙ 4

Дом по ул. А. Невского, 20. В соответствии с официальным Списком дом является памятником регионального значения; в комплекс включены давно утраченные деревянные ворота: «№ п/п 8. Усадьба Лукьянычева: 1. Жилой дом с резьбой; 2. Ворота. 1909 г.»

N.N., предприниматель:

– Дом это наш собственный, по наследству достался, от прабабушек... в 2006-м сто лет будет. Вот к столетию хотим его отремонтировать.

Сохраненные остатки деревянного Стокгольма. Район Бреда Гатан. Фото автора

Видите, дерево какое открытое, обтесанное – чистое – его изнутри натерали только, мыли – не красили. Плотник у нас работает, говорит: дереву 100 лет, но как сохранилось – белое, чистое. ...А печь какая замечательная! Первые хозяева богатые были, чаем занимались. Но печь восстановить нельзя, не работает – мы ее со временем разбирать будем... А вот там – винтовая лестница – прислуга жила... чтобы мусор в дом не носить...

– И как вы будете этот дом использовать, когда ремонт кончите?

– Когда-нибудь переедем.

Сын женится, квартиру ему отдадим – и переедем. ...А вот мы восстанавливаем, была резьба, и мы восстанавливаем... Вазочка с цветами... (Хозяин показывает несколько вариантов орнамента – новый режется точно по образцу старого.) Мы ведь не хуже шведов-то (смеется).

– Что же, у вас специальный резчик в городе есть?

– Да у нас их море, резчиков, в Городце-то...

– А резьба дорогая получается?

– Конечно – это же липа!

– А вы будете всю резьбу менять?

– А зачем же всю – только где отсутствует...

– А как с кровлей – оставите шиферную?

– Нет, железо будет, наверное... Видно будет...

– А вот вы не знаете, дом ваш – памятник архитектуры или нет?

– Не знаем, самим интересно, вот если была бы какая-то бумага... Ворота вот резные были...

– Вот вам сразу и скажут, если это памятник: восстановить.

– Ну да, не помогут – заставят... (с сарказмом).

Швеция: общая ситуация с сохранением ИДЗ и деревянных городов. Несколько десятилетий назад состояние деревянного (и градостроительного в целом) наследия в Западной Европе была вполне сопоставима с нашей сегодняшней⁹ ситуацией. Как реакция профессионалов и общества на значительные послевоенные разрушения исторической среды с начала 1970-х годов в Скандинавских странах, и в частности в Швеции, успешно реализуется программа сохранения так называемых деревянных городов. ИДЗ признана там существенным компонентом национального культурного достояния и отправной точкой для устойчивого развития общества¹⁰; старое деревянное жилье сохраняется, оборудуется современными удобствами и возвращается к использованию в ходе широкой партисипативной практики¹¹.

Цель шведской части диссертационного исследования автора состояла в том, чтобы изучить общую ситуацию с ИДЗ в Швеции, конкретизировать ее на примере одного деревянного города и сформулировать выводы, поучительные для российской практики.

Фон для ответов шведских экспертов¹² – прежнее пренебрежение к ИДЗ, последующий поворот к сохранению его остатков и сегодняшняя относительно хорошая ситуация при отдельных опасностях и субъективных ошибках («У нас все еще пренебрегают множеством деревянных зданий в северной части Швеции, в маленьких деревнях и в сельской местности»).

Среди видов градостроительной активности, имеющих отношение к шведским деревянным городам или районам ИДЗ, доминируют ревитализация (5 упоминаний); консервация (4); реабилитация (4); и сохранение (градостроительная реставрация – 3 упоминания). По одному разу были упомянуты разрушение культурного наследия; новое использование старых зданий и перемещение деревянных зданий из городского центра в «резервации». Как видим, эта оценка резко контрастирует с аналогичной, сделанной российскими экспертами.

Что касается различных акторов, в наибольшей степени влияющих на изменения в шведских деревянных городах/районах ИДЗ, на первой позиции оказались местные политические деятели (5 упоминаний), затем следуют девелоперы/инвесторы/бизнесмены (4), архитекторы/планировщики (3), местные жители (3) и защитники наследия (2 упоминания). Для России особенно важным представ-

ляется суждение о необходимости меж-акторского диалога: «Прогресс – это вопрос сотрудничества. Он не был бы возможен без поддержки местных жителей, девелоперов и политиков – а они нуждаются в экспертизе защитников наследия и архитекторов».

Ответы на вопрос о главных препятствиях процесса сохранения ИДЗ дают 3 группы факторов: экономические, культурные и политические препятствия были признаны наиболее важными, получив в среднем 3,2 балла при шкале от 1 (незначительная трудность) до 5 (существенная трудность), в то же время организационные и институциональные проблемы получили лишь по 0,4 балла; другие трудности (юридические, технические, бюджетные и социальные) набрали от 2,2 до 1,2 балла.

Это коррелирует с ответами на предыдущий вопрос и означает важность субъективных факторов (таких, как личные интересы политических деятелей и инвесторов или способности владельцев и строителей следовать исторической традиции) в ситуации, когда основные «объективные» (организационные и др.) проблемы в целом решены: «Если есть политическая поддержка – всего можно достичь. Эта поддержку можно получить, если предъявить архитектурное наследие как актив – также и экономический – и если доказать, что имеются техническое знание и опыт приспособления старых зданий для современного использования».

Четыре эксперта из пяти согласились, что сохранение исторических городских деревянных районов обо-

рачивается определенными проблемами для функционирования городов в целом: «Деревянные здания часто очень малы, а сейчас девелоперы хотят уплотнять застройку, строить более высокие и объемные здания – это гораздо выгоднее»; «Трудно найти приемлемое современное использование для городских структур с узкими улицами и маленькими жилыми единицами»; «Слишком низкая плотность, так как из дерева разрешается строить только 2-этажные здания. Риск пожаров».

Среди упомянутых экспертами организационных факторов, существенных для успеха ревитализации, по мнению автора, наиболее поучительными являются: «Сотрудничество, понимание культурных ценностей, доверие к традиционным методам и материалам, поддержка

хороших примеров, открытость к местным решениям»; «Тщательное планирование процесса ревитализации; непрерывный диалог между владельцами, охранителями наследия и строителями; гибкость».

На принципиальный для России вопрос об используемых финансовых механизмах эксперты ответили, что «имеются специальные правительственные деньги для охраны архитектурного наследия, предназначенные для покрытия дополнительных затрат на сохранение культурных ценностей при реставрации исторических зданий», а также «государственные ссуды для сохранения и реабилитации», «региональные власти могут поддерживать специальным финансированием, покрывающим дополнительные затраты, небольшое число проек-

тов, если владелец проводит осторожную реконструкцию вместо использования стандартных современных строительных методов».

С точки зрения экспертов, очень важно правильно задействовать различные механизмы участия населения в городских процессах: «“Культурная идентичность” города должна быть подчеркнута так, чтобы каждый горожанин (включая бизнесменов) гордился ей и знал потенциал и ценности своего города»; «В некоторых ситуациях муниципальные жилищные компании пробовали вовлекать арендаторов в планирование. Это очень важно»; проводились «открытые дебаты, выставки, консультации по планированию».

Город Экфьё с населением около 10 тыс. жителей на полпути между Мальме и Стокгольмом, выбранный с подачи экспертов для шведского кейс-стади – центральное поселение муниципалитета Экфьё в провинции Смоланд.

Самая старая часть Экфьё (так называемый Гамла Стан

или Старый Город) уникальна для шведских городов, состоящих из деревянных зданий: эта северная половина исторического городского ядра ни разу не подвергалась опустошительному пожару после ее основания в 1568 году. В результате существует редкая преимущественность в развитии городской среды: первоначальный позднесредневековый нерегулярный план, парцелляция кварталов и структуры собственности дошли до нашего времени почти без изменений. Многие здания и целые усадьбы с внутренними дворами относятся здесь к XVII–XIX векам.

Примерно 80% зданий внутри «района самой высокой ценности», который официально выделен внутри Гамла Стана как имеющий строгий охранный статус, являются охраняемыми памятниками истории, и около 8% – «зданиями культурной и исторической ценности»¹³; почти все здания здесь деревянные (2- и 1-этажные).

В Гамла Стане ощутима

весьма высокая плотность построенной деревянной среды, которая очень редко встречается в российских исторических городах сходного размера.

Однако и черт, общих с российским кейс-городом, также достаточно. Подобно Городцу, Экфьё расположен в большом лесном регионе; он был и сейчас является торговым и ремесленным городом. Гордое высказывание из изданной муниципалитетом брошюры «Инициативный дух, который вы видите в Экфьё сегодня, исходит из давнего прошлого, и мы можем сказать, что он – в нашей крови!»¹⁴ подтверждается визуальным наблюдением: историческое ядро города заполнено маленькими ресторанами, кафе, магазинами сувениров, крошечными гостиницами – все это устроено в старых хорошо сохранных деревянных зданиях, принадлежащих частным владельцам. Однако главный вид использования района – жилье, при том что он играет в то же самое время роль городского центра для жителей и туристов.

Таким образом, основной итог полевых впечатлений – это ощущение живого исторического города.

Персональное наблюдение Гамла Стана Экфьё дает уникальное чувство целостной, непрерывной – и почти полностью деревянной – городской среды. Находиться в ней странно и очень волнительно для человека, выросшего в обычной каменной городе. Здания из дерева не строго прямоугольны, они хранят следы тщательной ремесленной работы, тепло человеческих рук. Можно предположить, что этот фактор составляет основу туристической привлекательности деревянного Экфьё. Согласно данным городского Туристского информационного бюро, общее количество туристов в год составляет здесь около 200 тысяч, примерно третья часть – иностранцы. Слоган «Деревянный город» является брендом Экфьё: дорожные знаки и информационные стенды с такой надписью встречаются повсюду¹⁵.

Здесь налицо также особая атмосфера, которую

можно назвать «сохранение модно». Хорошее техническое состояние каждого здания, разнообразие ручной работы, раскрашенные фасады, простые, но очень уместные и великолепные реставрированные архитектурные детали, чистые мощеные улицы – свидетельства не просто централизованной деятельности по сохранению памятников, но и постоянного участия населения в поддержании зданий и всего города.

После нереализованных попыток перепланировки Гамла Стана по примеру перестроенной после пожара 1856 года южной части старого города уже в конце XIX – начале XX века в Экфьё возник значительный общественный интерес к проблемам сохранения исторической деревянной архитектуры. Затем, «начиная с 1950-х годов, муниципалитет Экфьё предпринимал планировочные меры для решения проблем стоянок и уличного движения, а также адаптации старых зданий к требованиям современного жилья и бизнеса. Очень важным было взаимодействие между органами управления города и владельцами собственности по вопросам ее сохранения. Специальные пособия для собственников деревянных зданий обеспечили понимание их особенностей и того, как их поддерживать наилучшим образом, чтобы сохранить культурные и исторические ценности для будущего»¹⁶.

Местное самоуправление уделяет все большее внимание проблемам городского наследия при планировании города¹⁷ и осуществляет политику, облегчающую деятельность различных стейкхолдеров по ревитализации ИДЗ; а жители, которыми движет уважение к наследию и гордость за свой город, отвечают осмысленным поддержанием их собственности, согласно ее исторической ценности и юридическим постановлением. Эта комбинация нисходящих сверху и восходящих снизу от широких масс «векторов» ревитализации привела к высокому качеству общественной и частной среды Гамла Стана.

Поучительный пример такой подготовки к реализации взаимовыгодного win-win подхода – это открытие местным самоуправлением Экфьё в сотрудничестве с Гётеборгским технологическим университетом (Chalmers University of Technology) в 1995 году центра сохранения зданий Byggnadsvråd Qvarnarp.

Центр Кварнарп объединяет музей местной строительной культуры, уникальный магазин со всеми материалами, необходимыми для индивидуального поддержания и обновления старых зданий, проводит выставки, открытые лекции и уикэнд-курсы по обучению сохранению старой деревянной архитектуры.

В ходе краткой поездки в Экфьё было взято только одно неформальное интервью; однако респондент, г-н Леннарт Гранделиус, почти два десятилетия бывший главным архитектором города, энтузиаст и фактически ключевая персона сохранением старой деревянной архитектуры, – оказался бесценным источником зна-

ний. Совместная прогулка по Гамла Стану была очень полезна для понимания механизмов городской ревитализации в Швеции. Согласно респонденту, большинство зданий, независимо от вида их использования, находится здесь в частной собственности; большинство владельцев здесь – представители верхнего среднего класса, частично заменившие менее состоятельных людей, не считавших необходимым тратить дополнительные деньги для

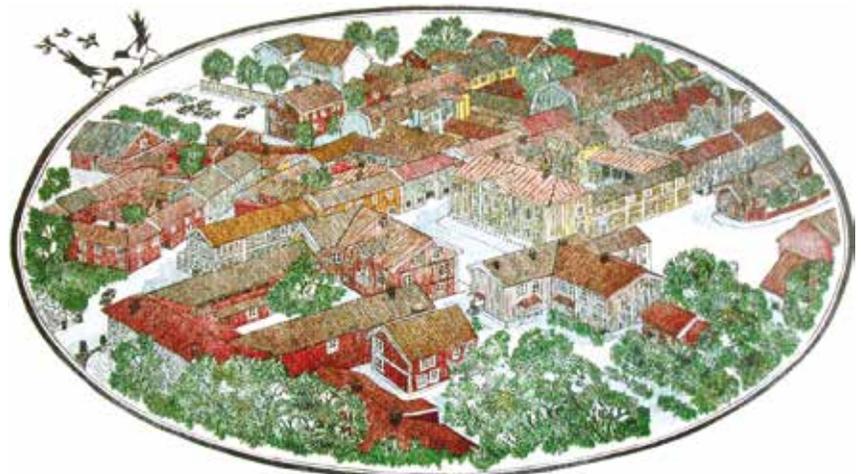
поддержания ценных исторических зданий.

Примером использования потенциала владельцев является специальная комплексная программа защиты от пожаров, реализуемая в Гамла Стане с конца 1990-х годов. Она включает установку стационарных спринклеров, монтаж специального огнеустойчивого оконного остекления (обычные стекла заменяются постепенно в ходе регулярных ремонтов), систему мгновенного уведомления о пожаре (датчики) и другие необходимые меры, которые подбираются в соответствии с индивидуальными условиями каждого домохозяйства. Важно, что главный финансовый источник этой программы – частные средства владельцев ИДЗ. Согласно респонденту, являющемуся в муниципалитете Экфьё лидером реализации этой программы, задачей местного самоуправления в этом случае было не оплачивать установку пожарозащитного оборудования, но убедить (а в некоторых случаях и мягко принудить) жителей сделать это самим.

Мнение относительно важности частных денег подтвердили неформальные беседы со специалистом более широкого диапазона знаний¹⁸. Так, если несколько десятилетий назад поддержание памятников в Швеции было главным образом основано на правительственных (бюджетных) деньгах (в формах прямых пожертвования, субсидий владельцам, сокращения налогов или процентов за кредиты и т.д.), теперь эта линия ослабляется, и местные власти вынуждены искать поддержку у пред-

Центр Кварнарп: реставрационный магазин и образец сруба, выполненный по аутентичной технологии. Фото автора

Общий вид Экфьё в начале XVIII в. Гравюра, датируемая 1690–1710 гг.

«Ромб» градоформирующих процессов: смещение акцентов в Швеции в период 1970-х – 2000-х гг.

принимателей, предоставляя облегчающие возможности их деятельности. Привлечь образованных и состоятельных людей к тому, чтобы они стали владельцами исторической собственности – другая важная цель местных самоуправлений. В этом случае может быть запущен спиральный процесс взаимного успеха и общего повышения выгод.

Опыт Швеции: некоторые выводы
Успешный опыт ревитализации Экфьё и других деревянных городов Швеции, где осуществлялись значительные долгосрочные усилия по комбинированию управленческой активности на национальном и местном уровнях с частным финансированием ревитализации со стороны владельцев зданий и предпринимателей, говорит о необходимости формирования «облегчающей» политики сохранения, нацеленной на результаты, взаимовыгодные для всех субъектов городского развития в районах ИДЗ.

Шведские эксперты отметили смену подхода, происшедшую за последние 15 лет: если в первые годы программа

возрождения деревянных городов осуществлялась с существенным государственным участием (подготовлены кадры реставраторов, реализованы пилотные проекты, создан культурный бренд «шведского деревянного города» и т.д.), то сейчас бремя поддержания и сохранения застройки все больше переносится на плечи ее нынешних частных хозяев (во многих случаях произошла смена владельцев недвижимости в ядрах городов с наиболее ценными памятниками), которые готовы тратить собственные средства не только на текущее поддержание зданий, но и на осуществление специальных дорогостоящих мер (современные противопожарные системы и т.д.).

Подход, механизмы и некоторые практические элементы этого шведского опыта, вероятно, могут служить поучительным примером для тех российских городов, где проблема ревитализации ИДЗ начинает осознаваться городскими сообществами.

Практика ревитализации деревянного города, изученная автором в Экфьё, также весьма поучительна. К сожалению, она вряд ли может служить сегодня образцом для большинства российских городов, главным образом из-за существенных различий в социальной и экономической ситуации в наших странах¹⁹. Однако опыт Экфьё может послужить вдохновляющим примером для тех отдельных российских городов, где, как в Городец, уже имеются предпосылки совершенствования среды ИДЗ, главным образом в результате «низовой» деятельности местных предпринимателей.

Общие выводы компаративного исследования И Городец, и Экфьё (каждый собственным способом) представляют убедительные альтернативы «музейному» подходу – переносу последних остатков исторической деревянной архитектуры в музеи-заповедники, где подлинные культурные феномены теряют свою идентичность, будучи исключенными из контекста повседневной городской жизни. Напротив, города – объекты исследования – показывают, что традиционная культура (местная архитектурная культура, культура строительного мастерства, предпринимательская культура) может поддерживаться и даже воспроизводиться в условиях современного общества.

Новое развитие может дополнять и поддерживать ИДЗ без ее тотальной замены; задача интеграции культур прошлого и настоящего в яркой живой городской среде деревянных районов исторического города вполне решаема.

С учетом шведского опыта, последовательность шагов, желательных для эффективного процесса ревитализации ИДЗ, выглядит следующим образом:

– от формирования у горожан и других застейкхолдеров положительного отношения и стимулов для ревитализации ИДЗ, которые могут служить основанием необходимых действий;

– через практическую подготовку к ревитализации (создание институциональных возможностей, юридических и экономических условий, специальное обучение должностных лиц и всех заинтересованных участников процесса);

– к физическому воздействию на материальные структуры среды;

– постоянно возвращаясь к «базовому» уровню сознания людей и разделяемых ими культурных ценностей, поддерживая укрепление городской самоидентичности и становление нового стиля жизни, адекватного потребностям «естественной» ревитализации «снизу».

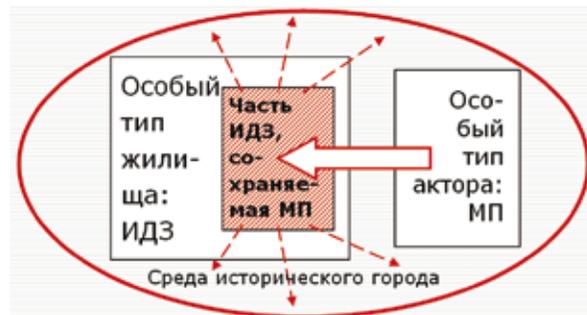
Этот подход отражен в социо-ориентированной модели городской ревитализации, отличающейся от характерного для России подхода «сверху вниз», предполагающего, что одних только исходящих «сверху» воздействий на материальные структуры вполне достаточно для улучшения городской среды.

Фотопослесловие: Иркутск
В качестве «послеловия» к статье и предисловия к столь необходимому разговору о будущем деревянного Иркутска предлагаю собственноручный фотовзгляд на деревянную среду этого уникального города, все еще вполне сравнимую с лучшими деревянными городами мира.

Андрей Иванов

Модель влияния «низовой» ревитализационной активности местных предпринимателей на историческую городскую среду

Модель комплексного цикла городской ревитализации

1. Статья написана на основе публикации: Иванов А. Живые деревянные города Городец и Экфьё: новые пути ревитализации исторической деревянной застройки // Архитектурный вестник. 2006. № 5. С. 90–97, 2007. № 1. С. 106–113.
2. ИДЗ до сих пор составляет значительную часть нашего жилого фонда – до 90–95% – во многих малых и средних городах (Krogius, V. (ed.) 2000, Wooden Towns of Russia, Institute on Reconstruction of Historic Towns; Section of Historic Towns and Villages of the Russian National Committee of ICOMOS, Moscow).
3. Ревитализация (буквально – оживление) городской среды понимается автором как двуединный процесс: а) модернизации и развития материальных и функциональных составляющих среды (повышение экономической активности, совершенствование инфраструктур, улучшение условий проживания населения и экологического состояния окружающей среды и т.д.) и б) сохранения градостроительного наследия (защита исторически ценного городского ландшафта в целом и отдельных памятников в интересах существующих жителей и будущих поколений).

Деревянная среда Иркутска.
Фото автора

4. Диссертация «Ревитализация исторической деревянной жилой застройки с использованием потенциала местных предпринимателей (примеры городов Городец, Россия, и Экфьё, Швеция)» (Revitalization of historic wooden housing using local entrepreneurs' capacity (cases of towns of Gorodets, Russia and Eksj?, Sweden)) подготовлена автором, стипендиатом Международной программы стипендий Фонда Форда, в ходе обучения в Институте изучения проблем жилища и городского развития, Роттердам, Голландия (The Institute on Housing and Urban Development Studies), совместно с Университетом г. Лунда, Швеция (Department of Housing Development & Management, Lund University), и успешно защищена в Роттердаме в сентябре 2005 г.
5. В самое последнее время в Томске произошли положительные сдвиги. Здесь все началось с гражданской активности: отдельные дома-примеры «неформального» сохранения силами владельцев, деятельность общественного молодежного движения за сохранение историко-культурного наследия «Сибирика» (см.: www.socialmap.tomsk.ru/portfolio/sibirika.htm), полу-стихийные протесты жителей против планировавшегося сноса и др. В ходе одного из таких протестных собраний в конфликт был вовлечен губернатор области, публично пообещавший «разобраться в ситуации». В результате в городе уже несколько лет реализуется областная программа сохранения «показательных» кварталов исторического центра путем суммирования усилий общественности, специалистов-архитекторов и властей города и области, а в 2008 году принята муниципальная программа «Сохранение деревянного зодчества в Томске» на 2009–2014 годы. На волонтерской основе в работе по предпроектным исследованиям деревянных зданий участвуют также ученые университетов Карлсруэ и Дармштадт (Германия). В пилотной зоне «Елань», охватившей около 20 домовладений, работы близки к завершению (см.: www.arttomsk.net). Однако ситуация в других ареалах деревянной застройки продолжает оставаться критической (ветхие давно не ремонтировавшиеся здания, перенаселенность, «странные» пожары и поджоги и т.д.).
6. Автор являлся ответственным исполнителем одной из таких работ: Каргополь. Программа возрождения и комплексной реконструкции. Москва : ИНРЕКОН, 1997.
7. Проанкетировано 8 экспертов, долгое время занимающихся проблемами сохранения русской деревянной архитектуры, из Министерства культуры РФ, ЦНИИП градостроительства, Института культурологии, Института реконструкции исторических городов, Союза российских архитекторов, МАрХИ, журнала «Наше наследие».
8. Участок Верхнего города площадью около 13 га (9 кварталов с примерно 142 домовладениями), каркасом которого являются ул. А.Рублева и идущая по бровке Волжского откоса Набережная Революции. Это место проведения городских праздников и гуляний. Благоустройство публичных пространств выполнено на средства города, однако доминирующий вид использования территории – частные жилые домовладения. Доля владений с главным деревянным строением – около 70%.
9. «По сравнению с разрушениями, причиненными 2-й мировой войной историческим городам Европы, в Швеции мы сумели сделать это собственноручно. Реновация городов Швеции – наше историческое самоуничтожение. В послевоенные годы шведские города были модернизированы ускоренным образом исходя из того, что их исторические центры не удовлетворяют требованиям существующего и будущего спроса. В 1960-х гг. было снесено почти 50% зданий постройки до 1900 г. Если учесть разрушения следующих десятилетий, можно утверждать, что исчезло более половины исторического культурного наследия. Наряду со зданиями, потеряны многочисленные мелкие предприятия в городских центрах, коренные жители переселены в новые пригороды, тогда как в центрах размещались офисы и магазины <...> и лишь немногие отдельные исторические здания были сохранены для туристов» (Caring for Cultural Heritage 2004. Guidelines for Sida's Development Co-operation, Stockholm. P.15 [Online]. www.raa.se/english/suhntest/wuf/papers/caring_4_cultural_heritage.pdf).
10. Ahlberg, N. s.a., The Urban Heritage – a Starting-point for Development, [Online]. www.raa.se/english/suhntest/wuf/abstracts/nils_ahlberg.php.
11. Per-G?ran, Y. 2003, Urban conservation strategy in Hjo, [Online]. www.nordregio.se/Files/balt3p4ylander.pdf.
12. Проанкетировано пять ведущих специалистов в области сохранения деревянных городов из университетов Лунда и Гетеборга, Скандинавского центра пространственных исследований (Nordic Centre for Spatial Development, Стокгольм), Шведского национального управления древностей (Swedish National Board of Antiquities, Стокгольм), Министерства жилищного строительства и планирования (National Board of Housing Building and Planning / Boverket, Карлскрона).
13. «В 1993 г. Шведское национальное управление древностей решило объявить историческими достопримечательностями 32 дополнительных здания Гамла Стана. Это был первый городской район в Швеции, получивший такую строгую степень защиты памятников. Сегодня в Гамла Стане – 56 охраняемых исторических памятников» (Eksj? Municipality: The spirit of the time determines the form of a town, not its identity 2003. [Homepage of the National Board of Housing Building and Planning (Boverket)] [Online]. www.boverket.se/in_english/swedishmunicipalities/localidentity/EksjMunicipality.htm).
14. Pictures of Eksj? 2002, p. 8.
15. Престижная медаль Еуропа Nostra, присужденная Экфьё за успехи в сохранении деревянного градостроительного наследия в 2003 году к 600-й годовщине города, стала знаком общеевропейского признания его достижений и послужила увеличению международного интереса к этому городу
16. «Жизнь в городе формирует, вместе с типичными особенностями города, его идентичность. Поэтому важно, что идентичность города, его души, была разъяснена жителям так, чтобы она не повреждалась при любых необходимых изменениях» (брошюра Eksj? Municipality).
17. «В 1995 г. муниципалитет Экфьё принял приложение к комплексному проекту развития городского центра, нацеленное на ведение градостроительной деятельности с учетом интересов сохранения наследия. Сейчас в процессе разработки находится детальный план развития городского центра, цель которого – регулирование управления развитием зданий и районов улиц, основанное на внимании к культурным ценностям наследия. Задача плана – обеспечить сохранение этих ценностей в то же самое время, когда город развивает жилье и другие виды деятельности на уровне XXI в.» (брошюра Eksj? Municipality).
18. Международный эксперт по проектам сохранения наследия в Центральной и Восточной Европе, г. Роо (R??).
19. Доступные сравнимые экономические данные показывают разрывы по большинству индексов примерно в 10–15 раз, что, конечно, отражается на способности большинства российских горожан – жителей и владельцев ИДЗ – участвовать в широкомасштабных процессах ее оживления.

Наследие и вертикаль¹

Пока мы смиренно убеждаем себя, что утрата части исторической застройки городов неизбежна, потому как экономически целесообразна, находят люди, доказывающие обратное. Они не взывают к сознательности и чувству прекрасного тех, кто реально управляет будущим этой застройки, — владельцев недвижимости, инвесторов, чиновников, а стараются ответить на пресловутый денежный вопрос, который, нравится нам это или нет, в конечном итоге все и решает.

Историческая застройка — не досадная помеха развитию городов, а полноценный объект для экономически успешных инвестиций — доказывает в своей книге «Экономика исторического наследия: практическое пособие для руководителя»² американский экономист Донован Рипкема. Это подтверждается опытом Соединенных Штатов, Канады и Западной Европы. Но применим ли он в России? И готовы ли мы толково распорядиться тем, что получили в наследство? Об этом с автором вышеупомянутой книги беседует заместитель главного редактора московского журнала «Архитектурный вестник» Андрей Иванов.

Донован Рипкема, президент Международной организации по стратегическому планированию в области сохранения историко-культурного наследия «Heritage Strategies International» (HIS).

АИ

Донован, на мой взгляд, в России существует ряд объективных факторов, препятствующих прямому использованию ваших принципов. Важнейший из них — вертикально-ориентированное устройство российского общества. Укорененное в глубинах коллективного бессознательного россиянин, оно отвечает неким архетипам национальной культуры и поэтому периодически воспроизводится — на разных этапах и в различных формациях. Вы видели выставку конкурсных проектов «Газпром-сити» в Петербурге? Победившая работа наглядным образом отражает эту нашу особенность. А сохранение наследия в вашем понимании связано прежде всего с активизацией горизонтальных связей и структур в обществе. Как же это делать в вертикально-ориентированной стране?

ДР

В чем-то вы правы, когда рассматриваете башню Газпрома как физическую репрезентацию вертикально-ориентированной структуры российского общества. Здания, по крайней мере монументальные, часто играют роль символов и отражают особенности культуры и ценности общества. Американские «отцы-основатели» не случайно выбрали греческий классицизм в качестве стиля государственных и общественных зданий новой страны. Это отражало их восприятие Греции как родины демократии.

Вы правы и в том, что сохранение исторического наследия в США имеет «горизонтальную» базу вследствие общественной природы этого движения.

Многие черты американской культуры, никогда напрямую не связанной с политической структурой страны, отражают историю нашего федерализма и нашу приверженность ему. Американский федерализм основан на разделении властных функций между центральным правительством, правительствами штатов и местными правительствами. Его базовый принцип — как можно больше решений должно приниматься на уровне, максимально приближенном к народу.

Но нельзя сказать, что у нас нет вертикальных компонентов. Капитал, власть, политическое влияние, принятие решений в то же самое время перетекают сверху вниз по вполне «вертикальной» схеме. Структуру нашего общества более точно можно представить в виде дерева, корни которого горизонтальны, ствол вертикален, а ветви — снова горизонтальны. Государственный сектор сохранения наследия в Штатах во многом базируется на федералистской традиции: национальный правительственный орган в Вашингтоне, Управление по сохранению наследия в каждом штате и уполномоченные местные управления в городах. Требования по сохранению правительственных зданий и соответствующие средства, к примеру, спускаются из Вашингтона — это вполне вертикальный процесс. Но выполнение этих требований и расходование денег осуществляется уже на горизонтальном уровне.

Смогла бы американская система функционировать

в России XXI века? Боюсь, это выходит за пределы моего понимания русской культуры, истории и упомянутого вами «национального коллективного бессознательного». Наша практика «горизонтального» сохранения наследия остро контрастирует даже со многими странами Западной Европы, которые в своих подходах куда «вертикальнее» и центричнее. Возможно, их модели больше, чем американская, подходят для России. Суть вашего вопроса в том, можно ли реализовать основанный на горизонтальных связях подход к сохранению наследия в вашей вертикально-ориентированной стране. Мой ответ таков: а нужно ли вам это? Ведь возможны и другие варианты, например те, что существуют в Европе.

АИ

Но есть социально-экономические факторы, отличающие нас не только от Америки, но и от Европы. Прежде всего, это крайняя слабость местной экономики (именно на её роли в сохранении наследия сделан упор в вашей книге). Малый бизнес, малое предпринимательство, столь важные для западных стран, у нас находятся в зачаточном и даже подавленном состоянии. На них никак нельзя опереться при продумывании стратегии сохранения наследия. А крупный бизнес, зачастую тесно связанный с «вертикалью власти», как правило, чужд конкретному месту как исторической ценности.

ДР

Действительно, доля предприятий малого и среднего бизнеса в национальной экономике России намного меньше, чем в Соединенных Штатах и Европе. В статье, прочитанной мной недавно,

сказано, что в России только около 20% занятых людей работают в малом бизнесе. А в европейских экономиках их число составляет 50–70%. Так что вы определённо не можете базировать национальную стратегию сохранения наследия на использовании потенциала малых и средних предприятий. Что же касается отношения к сохранению наследия со стороны большого бизнеса, это проблема не только вашей страны. Но законы по охране наследия должны применяться к гигантским корпорациям и к владельцам маленьких лавочек в равной мере.

АИ

Но есть и еще одно несоответствие: налогоплательщики, к которым вы апеллируете как к ведущей общественной силе, у нас таковой не являются. Они не оказывают существенного влияния на власти, распределяющие собранные налоги. Поэтому и гипотетические «налоговые льготы» не могут пока стать важным фактором сохранения наследия.

ДР

В Соединенных Штатах слова «налогоплательщики» и «граждане» часто используются почти как синонимы, при том что слово «налогоплательщик» выбирается даже чаще как обозначающее человека, одновременно обеспечивающего государство деньгами и голосующего за его представителей на всех уровнях. Было бы слишком самонадеянно с моей стороны судить о сегодняшнем состоянии демократии в России. Но я уверен в том, что мнения и участие в общественной жизни «налогоплательщиков» не могут быть значимыми, если ничего не значат мнения и участие «граждан».

1. Наследие и вертикаль : [беседа Андрея Иванова с Донованом Рипкемой] // Красивый берег. 2008. № 1. С. 66.

2. На русском языке книга издана в Москве в 2006 г. ЗАО «Билдинг» по инициативе российского Национального центра опеки наследия.

АИ

В силу огромной и труднопреодолимой поляризации общества у нас исторически сложилось отношение к архитектурному наследию как к чему-то чуждому и внешнему. «Простой народ» привык воспринимать как «ценное» не свои лачуги, а дворцы богатых, которые тем не менее можно и сжечь при случае.

ДР

Думаю, это всё-таки не вечно, а переходящее качество, но его преодоление требует определенных просветительских усилий. В каждой стране, которую я знаю, включая и мою собственную, осознание того, что чьё-то скромное жилище может быть «историческим памятником», приходит много позже признания важности дворцов, усадеб и храмов. Только после того, как более широкие сегменты общества начинают понимать множественность уровней значимости наследия, общее отношение начинает меняться. И это может быть катализатором важнейшего интеллектуального сдвига: «Не только царя с патриархами важны для истории страны, но и мои дедушка и бабушка тоже!» Такое понимание является существенным компонентом развивающейся, осмысленной демократии.

АИ

Другая проблема: в результате всеобщей национализации, отчуждения частной собственности за советский период произошло разведение собственности и памятника (или субъекта и объекта наследия). Люди на местах не владеют памятниками и уверены, что за их сохранность должно отвечать государство.

ДР

По-моему, Запад совершил серьёзную ошибку, посчитав, что раз в России есть демократические выборы и рыночная экономика, всё остальное само собой пойдёт по правильному пути. У англоязычных людей было 550 лет демократической практики от Великой хартии вольностей до Американской революции. Русские не имели такой возможности ни при советской власти, ни раньше, при царизме. То

же относится и к концепции частных прав (и ответственности) владельца собственности. Россиянам ещё предстоит осознать различие ролей государства и граждан и начать действительно исполнять их.

АИ

Агрессивность строительного комплекса — ещё один важный фактор сегодняшней России. На местах сейчас практически нет сил, способных сдерживать натиск девелоперов и крупных корпораций. В то же время субъекты охраны слишком слабы, а многие объекты наследия просто бесхозны. И почти утеряна культура строительного поведения — имею в виду культуру отношений заказчика, заказчика и строителей между собой и с городом. Нет и уважительного отношения к капиталу, воплощенному в городской среде. В период предыдущего бума инвестиций в недвижимость около века назад, когда преобладали центры Москвы, Петербурга, Баку, Одессы и других крупных городов капиталистической России, такое уважение было.

ДР

В мире существует множество моделей сохранения ресурсов наследия: некоторые из них, пользуясь вашим словарём, вертикальные, некоторые — горизонтальные. Но главное в том, что есть объективная необходимость в этом сохранении, и оно должно быть осмысленным и обеспеченным законами, одинаковыми для самых богатых и самых бедных. В странах с рыночной экономикой и демократической политической системой существует постоянный конфликт между нуждами и желаниями частного сектора и нуждами и желаниями государства. Это проявляется в столкновениях между правом собственника недвижимости делать то, что ему хочется, и правами общества в широком смысле слова защищать объекты, имеющие значение и ценность больше, чем утилитарная ценность для сегодняшнего владельца. Во многих странах Западной Европы больший вес придаётся правам общества, тогда как в Штатах, в

целом, перевешивают права собственника. Но в обоих случаях эти взаимоотношения относительно и находятся в постоянном движении.

В текущий переходный период в России очень важно, чтобы миф о всемогущей рыночной экономической системе был понят именно как миф. Нет в мире экономики, где корпорациям разрешается делать всё, что заблагорассудится. Всегда законодательно заданы рамки, отражающие интересы общества в целом, внутри которых вынуждены действовать и корпорации, и богатые одиночки. Конечно, наша система не безупречна, и мы тоже часто теряем здания-памятники, разрушаемые корпорациями, строящими свои версии башни Газпрома. Но всё же она работает, и работает независимо от того, кто является владельцем собственности. Вот недавний пример. В небольшом городке Вудсайд (Калифорния) Стивен Джеббе, глава Apple Inc., захотел снести здание постройки 1920-х годов, площадью около 1 600 м², расположенное на его собственном участке, но был остановлен местной комиссией по сохранению наследия и проиграл процесс в суде. Один из самых богатых людей мира был вынужден смириться с местными правилами сохранения наследия.

АИ

Донован, вы совершенно правы, когда пишете, что для развития местного культурно-исторического туризма «необходимо действовать сообща». Но вот как раз этого-то мы и не умеем. Может быть, потому, что такое взаимодействие всегда саморегулируется и развивается именно по горизонтали?

ДР

Что ж, если вы констатируете, что ваши люди «не умеют работать сообща», и это для вас так же естественно, как то, что солнце встает на востоке, что тут можно ответить? Но всё-таки во всём мире в области культурного туризма в частности, и в деле сохранения исторического наследия в целом, кооперация между частным, государственным и коммерческим секторами — один

из общих знаменателей успеха. И если вы не сможете сделать это в России, ваше культурное наследие вряд ли будет успешно сохраняться. Я полагаю, однако, что это не то, что вы не можете сделать в принципе, а то, что вы не могли делать в прошлом. Сотрудничество между различными секторами очень существенно для развитого, сложного общества. Возможно, в России движение по сохранению наследия станет лидером в демонстрации того, что такое сотрудничество может быть успешным.

АИ

Русское издание вашей книги предоставило нам уникальную возможность обсудить некоторые базовые и актуальные вопросы сохранения наследия в России. Тем не менее, учитывая приведённые мной аргументы (со многими из которых вы согласились), не считаете ли вы, что для России, в частности, надо писать другое руководство по сохранению наследия? Ведь в наших условиях, а огромному сожалению, ваша книга просто не сможет не остаться умозрительным пожеланием.

ДР

Я очень благодарен российскому Национальному центру опеки наследия за перевод и публикацию моей книги. Но она была написана для американской аудитории исходя из американского контекста. Надеюсь, некоторые её элементы со временем будут полезны для защитников исторического наследия в России. Однако книга, написанная для американцев, может быть лишь дополнением, но не замещением аналогичной книги, написанной российским автором для российской аудитории, в которой были бы учтены особенности культуры, истории и экономики России. Я бы с удовольствием прочитал английский перевод этой книги, когда она будет издана, и определённому мною бы из неё научился.

Материал публикуется в сокращённом варианте с разрешения редакции журнала «Архитектурный вестник»

Средневековый город: памятник оболъщения

Оболъщение (соблазнение) – это тайна, мистерия, которая раскрывается постепенно и как бы неохотно. С этой точки зрения средневековый город не воспринимается целиком, он постигается по мере того, как проникаем в него, лучше пешком, чтобы испытать почти чувственное наслаждение. Масштаб, непрерывная смена декораций, панорам, укорачивающие перспективы, неторопливость восприятия, человеческий ритм контрастов – все способствует этому необычному ощущению комфорта и уюта, о котором Ренцо Пьяно пишет в «Непослушании архитектора»: «Города будущего» должны быть «как города прошлого». Он говорит о городе как о человеке: «необычайное волнение», «слегка касаясь»...

Средневековый город – это телесный, физический опыт, «место изменений и неожиданностей».

Это очень далеко от Афинской хартии, от «жилых массивов», «городских автомагистралей» и других псевдоурбанистических отрицаний человека, которые предложил нам XX век.

Упорядоченность, если не регулярность, короткие перспективы, тесно стоящие друг напротив друга здания... Время от времени, как в барселонском *Barri Gòtic*¹, два дома соединяются переходом в уровне второго этажа над улицей.

В старом Страсбурге или Кольмаре нависающие над нижними этажами домов выступы усиливают впечатление тесноты улиц, ограничивая видимость неба до узкой щели, и облегчают пешеходное движение вдоль фасадов в случае непогоды. Тогда можно увидеть почти осязаемый контакт с застройкой. Имена на звонках указывают, что можно общаться с живым, самобытным миром.

1. Старая часть Барселоны.
2. Очень маленькие улочки, на которые часто выходят вторые (черные) входы домов.

В типичной бастиде XIII века от Тулузской до Бордолезской, распространенной во всей Аквитании, «carruets»² – улочки, пересекающие городскую ткань, имеют настолько «домашние» размеры, что можно, вытянув руки в стороны, дотронуться до стен противоположных домов, которые на перекрестках почти соприкасаются друг с другом.

Большая часть этих маленьких городских ансамблей занесена в списки памятников архитектуры или, по крайней мере, защищена. Но именно такие места общения востребованы больше всего, и туризм там процветает.

Широкая сама по себе Ванфуцзин в Пекине – в масштабе города и главным образом из-за посещаемости – это улочка. То, что она не прямая, обнаруживается постепенно, когда гуляешь по ней. Это не антиквары делают эту торговую улицу столь посещаемой, а хорошее торговое место, на котором они устраиваются.

По этой причине требованием урбанистов XX века было желание изменить одно из фундаментальных правил торговли – торговец устраивается там, где оказывается

потенциальный покупатель. Мои друзья-коммерсанты из Страсбурга говорили: «Для торговли есть три правила: место, место и место», когда хотели сказать, что разместились там, где проходит покупатель. Рыночные торговцы устраиваются только в давно посещаемых местах.

В городе XX века зонирование сумело обеспечить только функциональность города, но не жизнь... Покупки в огромных торговых центрах – в американских молах (malls) – также притягательны, как выносить мусор на помойку. К счастью, жизнь не сводится к функциональной необходимости.

Проектные разработки шестидесятих годов о ликвидации латиноамериканских фавелл (favelas) сегодня поставлены снова под вопрос, так как это настоящие места жизни, где не хватает только комфорта, гигиены. Теперь их оставляют, узаконивают, вводят туда коммунальное оснащение, оздоравливают, но не разрушают структуру того «топаса» – общественно-культурного места, которое постепенно образовывалось и где происходит настоящая общественная жизнь. Изучение этих спонтанных

маленького порта. Мир тени, приводящий к победе света.

Подобное же пространство генерируется от причала и набережной Ришелье в Бордо, откуда начинается стрела улицы Луп. Затем она исчезает и снова появляется, чтобы влиться в ансамбль площади Пэи Берлан, упираясь в собор Св. Андрэ.

Ганс Георг Зиммель идет дальше – в «Рим, Венецию, Неаполь». Он говорит о развлекательной функции этих закрытых городских центров, о том, что они соответствуют местам

под «couverts»⁴. Мало современных мест создают такое впечатление. Город скрывается от аналитической холодности науки. Она (наука) – женского рода на французском, немецком, итальянском, испанском, португальском и на многих других языках...

Так давайте попытаемся сохранить существующее и этим вдохновляться, чтобы представлять будущность и чтобы общение с городом продолжало нас соблазнять.

3. Застройка вокруг площади, занятая под торговлю с жилыми помещениями в верхних этажах зданий.

Здание Успенского храма (1812–1845) в селе Оёк Иркутского района является выявленным объектом культурного наследия, предложенным к постановке на государственную охрану региональной категории. С 2003 года на здании церкви выполняются долгожданные ремонтно-реставрационные работы. Проект реставрации разрабатывается научно-проектной реставрационной мастерской «Традиция». Авторский коллектив: архитекторы А.К. Мироненко, Ю.М. Ивайловская, Е.В. Шулятьева, Ю.С. Рютина, инженеры-конструкторы И.П. Пинайкин В.А. Ильин, О.М. Нагорнян, С.И. Пинайкин.

Реставрация Успенской церкви в селе Оёк

1. Историческая справка, автор-составитель арх. И.В. Калинина. Иркутск, 2001. Архив СООКН.

История¹
Церковь Успения Пресвятой Богородицы расположена в центре села Оёк на пересечении главных улиц Кирова и Коммунистической (старые названия – Трактовая и Боковая). Здание храма построено в первой половине XIX века, всегда являлось и является сегодня градостроительной, композиционной доминантой села. Более точные даты постройки – 1812–1845 годы. Строительство началось с северного придела, который был освящен 19 мая 1828 года во имя святых Афанасия и Кирилла. Сам храм с массивным восьмигранным бревенчатым куполом, барабаном и главкой возведен на средства иркутского купца И. Герасимова, освящен в 1841 году во имя Успения

Божией Матери. Южный придел построили на следующий год и освятили во имя святой великомученицы Екатерины лишь спустя три года, в 1845-м. Габаритные размеры здания: 44x35 м, высота по кресту колокольни – 36 метров.

В советское время (в 1935 году), как и многие другие, церковь закрыли, здание передали под клуб и кинотеатр. В атеистический период были разрушены барабан и главка храма, купола и главки боковых приделов, третий ярус, купол и шпиль колокольни. Перепрофилирование здания повлекло его перепланировку, потребовало устройство дополнительных перекрытий в колокольне и храме. Над оставшимися обезглавленными объемами колокольни и храма были устроены новые металлические кровли, со временем сильно обветшавшие.

Наибольшим изменениям подвергся северный придел, так как в нем был

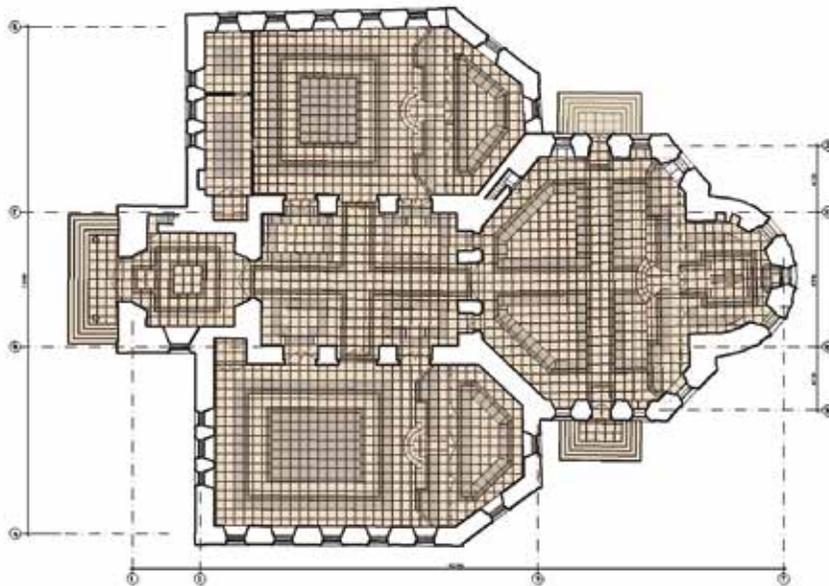
устроен кинозал. Полностью была разрушена алтарная стена придела, а на ее месте построена кинобудка, примкнувшая к стене алтаря храма. Все оконные проемы

этого придела (за исключением одного в центре) были заложены кирпичом заподлицо с внешними и внутренними плоскостями стен. Центральное окно

Проект реставрации и приспособления объекта культурного наследия «Успенская церковь в селе Оёк». Генплан

Южный фасад

переделано в широкий дверной проем для выхода из кинозала.

Композиционно Успенская церковь представляет симметричную планировку относительно продольной оси алтарь–трапезная–притвор. Симметрию нарушают некоторые отступления в размерах приделов и неправильная форма восьмерика храма. В облике здания присутствуют как черты классического, так и барочного стиля. К барокко, без сомнения, можно отнести оконные наличники объема храма, а к классике – арочные высокие окна колокольни, крыльцо западного фасада с треугольным фронтоном на двух поддерживающих колоннах, решенное в сибирских деревенских традициях. В целом же для оёкского храма характерно сочетание деревянных и каменных конструкций, деталей. Своеобразие культовому сооружению придают малые купола алтарей обоих приделов, расположенные непосредственно на крыше и как бы распластанные по ней.

Проект реставрации. К реставрационному проектированию Успенской церкви научно-проектная мастерская «Традиция» приступила зимой 2003-го. Данный храм обладает редкой особенностью – массивным восьмигранным куполом, рубленным из бревен «впояс», к сожалению, утрачен, как и все остальные

деревянные конструкции, во время пожара 3 февраля 2006 года. Примечательно, что дата проведения первых обмеров памятника – 19 мая 2003 года – совпала с датой освящения одного из его приделов – 19 мая 1828 года, с разницей ровно в 175 лет (если не считать расхождение по старому и новому стилю). При выполнении обмерных работ был графически зафиксирован в том числе сгоревший позже уникальный купол. В последующие этапы (2006–2008) были обмерены приделы, трапезная, алтарь, существующие первый и второй ярусы колокольни, а также основание разрушенного восьмерика колокольни.

Проектом реставрации и приспособления по первоначальному назначению памятника истории и культуры «Церковь Успения» предложено провести ремонтно-реставрационные работы с восстановлением утраченных фрагментов, деталей в первоначальном виде. По сохранившейся старой фотографии (1913 г.) методом фотограмметрии было выполнено построение купольного завершения в виде восьмерика, увенчанного главкой и крестом. Предлагается восстановить северный вход с крыльцом. Продумано устройство хоров с использованием как традиционных решений – ограждение балюстрадой, так и современных – устройство железобетонной

плиты основания. Принято решение по устройству полов из искусственного камня, рисунок раскладки утвержден архиепископом Иркутским и Ангарским Вадимом. Согласно с современными требованиями эксплуатации общественных зданий, со стороны западного фасада предусмотрен пандус для малоподвижных групп населения.

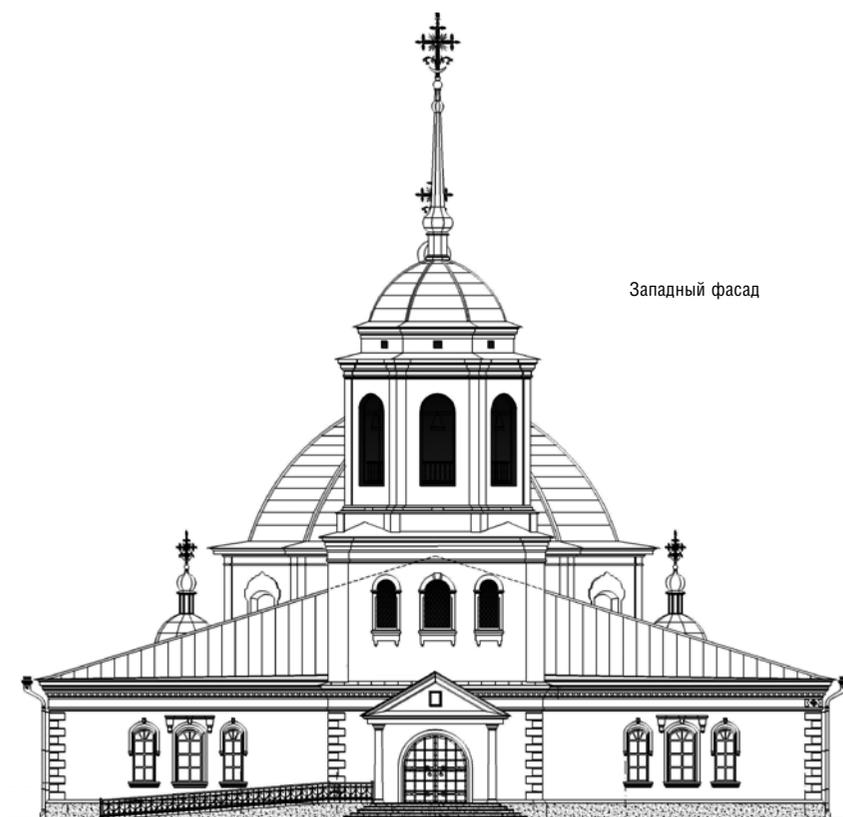
Генпланом, помимо прочего, предусмотрена уста-

новка (восстановление) на церковной территории, по оси северного входа, памятного знака на месте первой, деревянной Успенской церкви, площадка у которого спроектирована как зона отдыха. В настоящее время, параллельно с производством работ, с некоторым опережением, выполняется рабочая проектная документация.

Восточный фасад

План 1-го этажа

Алла Мироненко

Западный фасад

ЦЕРКОВЬ УСПЕНИЯ В СЕЛЕ ОЁК

Восстановление деревянных покрытий и купольных конструкций

Каменная церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Оёк Иркутского района была заложена в 1812 году взамен обветшавшей деревянной.

Строительство осуществлено в несколько этапов, окончание относят к 1845 году, после освящения второго, южного придела. В 1935 году церковь закрыли, здание передали под клуб и кинотеатр, в настоящее время оно возвращено Иркутской епархии. В XX столетии здание получило значительные повреждения и утраты: демонтирован восьмерик колокольни с куполом и шпилем, а также барабан и главка на куполе храма, разобран алтарь северного придела (был приспособлен под кинозал).

На начало реставрационных работ в 2003 году эксплуатировался только южный придел, где проводились церковные службы. Первый этап работ был связан с восстановлением купольного завершения объема храма. Первоначальный купол являлся уникальным сооружением: он выполнен в виде восьмигранного сомкнутого свода неправильной формы. Внутренние размеры купола: поперечные в основа-

нии, по самой большей стороне – 15,56, по самой меньшей – 12,83; высота от обреза кирпичной кладки до основания барабана – 6,67 метров.

Реконструкция существующего купольного завершения, проведенная в 2004–2005 годах, включала усиление бревенчатого остова купола, надстройку светового барабана, малого купола и главки. После их завершения купол эксплуатировался около года. В феврале 2006-го на храме случился пожар, все конструкции покрытия были уничтожены огнем. Второй, «послепожарный» этап реставрации был начат оперативно, уже в том же году, и включал восстановление покрытия трапезной с боковыми приделами, купольных завершений основного храма и алтаря.

Покрытие трапезной и боковых приделов было выполнено на основе комбинированной стропильной системы в виде балочных ферм, совмещенных с подкосно-ригельными рамами. Над боковыми приделами установлены треугольные раскосные фермы, над трапезной – фермы с параллельными поясами. Пояса и сжатые

раскосы ферм выполнены из бруса сечением 180×180 мм, а растянутые стойки – из круглой арматурной стали. Фермы установлены на монолитные железобетонные пояса по наружным стенам, по внутренним стенам – на подстропильные рамы из бруса.

Второй ярус чердачного объема образован стропильными ногами, уложенными по верхним поясам ферм и ригелям подкосных рам. Такое конструктивное решение заметно упростило формирование кровельных скатов при отсутствии параллельности продольных стен приделов. Подгонка плоскостей кровли осуществлялась за счет подрезки стропил, без вмешательства в унифицированные конструкции несущих ферм и рам. Фальцевая кровля устроена по обрешетке из обрезной доски толщиной 50 мм.

В целях обогащения композиционной структуры интерьеров приделов и трапезной, плоские потолки было предложено заменить конструкциями арочного типа. Задача была решена путем устройства сводчатых потолков на основе несущих арочных ребер с

дощатым заполнением перекрытия. Ребра представляют собой пакеты гнутых досок, сплоченные на гвоздях и болтах. Утепление перекрытия предполагается полужесткое – минераловатные плиты по накату. Со стороны помещений предусмотрена отделка сводов листами ГВЛ, для последующей росписи потолков. Сборка этих деревянных конструкций выполнена с декабря 2006-го по март 2007 года.

Купол

Купол рубился «впавал» из бревен диаметром 310–380 мм, тесанных на один кант по внутренней грани. Угловая вязка бревен решена «в лапу с присеком», это позволило венцам работать в режиме кольцевых растянутых ребер. Сплачивание венцов выполнялось с помощью пластинчатых нагелей толщиной 25 мм, плотно установленных в глухие гнезда с шагом 1,5–2,5 м. Для дополнительного скрепления и предупреждения взаимного выворачивания, нижние венцы четырех больших граней соединялись призматическими шпонками, установленными в глухие гнезда с профилем

Монтаж первых арочных ребер купола

Процесс сборки несущего остова купола

Ребристый остов купола после завершения сборки

Главный купол храма перед устройством кровельного покрытия

«ласточкин хвост». Сруб был собран в «холодном» варианте, без утепления швов. Кровля выполнялась по составным дощатым кружалам и обрешетке из досок и брусков. Кружала опирались на бревенчатый остов через дощатые прокладки или подпорки.

В основу проектных решений по воссозданию конструкций главного купола положены следующие основные принципы и соображения. Купол следует восстанавливать на основе несущих деревянных конструкций. При этом нагрузки от него не должны превышать нагрузки от веса первоначального купольного завершения. Конструктивная схема должна быть безусловной для максимального сокращения сроков строительства. Деревянные элементы купола должны выполняться из обычных пиломатериалов недеформированных сечений и длины, а их сборка должна обеспечиваться в построчных условиях с минимальным использованием кранового оборудования.

В связи с тем, что эксплуатация придела предполагается круглогодично, новый купол, в отличие от первоначального, должен быть утепленным. Общая конструктивная схема и тип узловых соединений должны позволять проведение сборочно-монтажных операций, как в зимний, так и в теплый период. По конструктивному

типу проектируемый купол представляет собой сомкнутый восьмигранный свод очень неправильной (изначально) в плане формы. Его несущий остов сложен из меридианных арочных и прямолинейных кольцевых ребер, в виде пакетов досок, собранных на гвоздях и дополнительно сплоченных стяжными болтами. Сопряжение арочных и кольцевых ребер, осуществляется перевязкой слоев, то есть поочередной перекрестной сборкой, «вязкой» отдельных «ветвей», составляющих пакет каждого ребра. Это обеспечивает их совместную работу и позволяет передавать как сжимающие, так и растягивающие осевые усилия в плоскости каждой грани. Конструкция купола опирается на монолитный железобетонный пояс, устроенный по верху кирпичной кладки и воспринимающий усилия распора. Вверху меридианные ребра смыкаются на стальном опорном кольце, воспринимающем усилия сжатия в замке купола. Опорное кольцо служит одновременно основанием для устройства светового барабана. Крестовина кольца, помимо восприятия сжимающих усилий при несимметричной загрузке купола, служит также опорой для бревенчатой стойки шпиля. Ребристый остов купола с наружной и внутренней стороны обшит доской толщиной 30 мм.

Внутренняя поверхность купола облицована фанерой и листами ГВЛ для последующей росписи «неба». Утепление выполнено минераловатными плитами марки П-75 общей толщиной 200 мм, которые уложены в отсеки каркаса на нижнюю дощатую обшивку. Пароизоляционная мембрана устроена между дощатой обшивкой и внутренней фанерной облицовкой.

По верхней дощатой обшивке набраны гнутые ребра контробрешетки, в полости которой осуществляется подкровельная вентиляция купола. По ребрам уложен разреженный дощатый настил и фальцевая кровля с полимерным покрытием. Световой барабан выполнен облегченным, на основе дощатого каркаса. В качестве лицевого слоя наружной отделки предусмотрена его обшивка плоскими асбоцементными листами с последующим покрытием водостойкими фасадными красками.

Основные технические характеристики купола: общая масса – 55 т; расход древесины – 77 куб. м; площадь кровельного покрытия – 550 кв. м; общий объем утеплителя – 60 куб. м. Сборка основных новых купольных конструкций Успенского храма выполнена в мае-июне 2008 года. Проведенные работы показали достаточно хорошую технологичность и универсальность

предложенных конструктивных решений при устройстве купольных и сводчатых сооружений, применимых при выполнении мероприятий по сохранению культовых объектов культурного наследия.

Игорь Пинайкин,
Станислав Пинайкин
Фото Игорь Пинайкин

Стропильная система трапезной

Сводчатые перекрытия придела

В составе разрабатываемой институтом «Иркутскгражданпроект» градостроительной документации по различным районам Иркутской области – Схем территориального планирования – выполняются специальные разделы – «Историко-культурная оценка территории», где выявляются, определяются земли с особыми условиями использования. В основном это территории объектов археологического наследия и населенные пункты, обладающие целостной либо частично сохранившейся исторической планировкой, застройкой, на которые в дальнейшем необходимо предусмотреть разработку Проектов зон охраны объектов культурного наследия. Во время натурных исследований этих территорий невозможно остаться равнодушным к единично сохранившимся и разрушающимся памятникам культового зодчества.

Покровская церковь в селе Авдюшино, Тайшетский район

Церковь построена перед самым большевистским переворотом, в 1916–1917 годы, по проекту епархияль-

ного архитектора, инженера А.С. Покровского, освящена во имя Покрова Пресвятой Богородицы¹.

Возможный путь спасения памятника. Село Авдюшино насчитывает ныне не более 10 жилых дворов и находится в 25 километрах от районного центра, города на Транссибе – Тайшета. Здесь нет городского храма, службы проходят в малоприспособленном деревянном здании барачного типа. Администрацией города на высоком берегу реки Тайшетки зарезервирован прекрасный земельный участок под строительство каменной современной церкви, в расчете на спонсорские средства будущего завода «АлюкомТайшет». Однако сроки большой стройки откладываются на неопределенный срок.

Наше предложение, получившее благословение архиепископа Иркутского и Ангарского Вадима, заключается в следующем: переместить Покровскую церковь из Авдюшино в Тайшет на упомянутую площадку, не исключая возможности в дальнейшем строительства каменного храма. Такая практика, когда в одной ограде соседствуют два действующих храма, в церковном строительстве достаточно распространенное явление.

Надежда Красная

1. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XX века : науч.-справ. изд.-е. М., 2000. С. 168–169.

Башня «Гранит» / Tour Granite

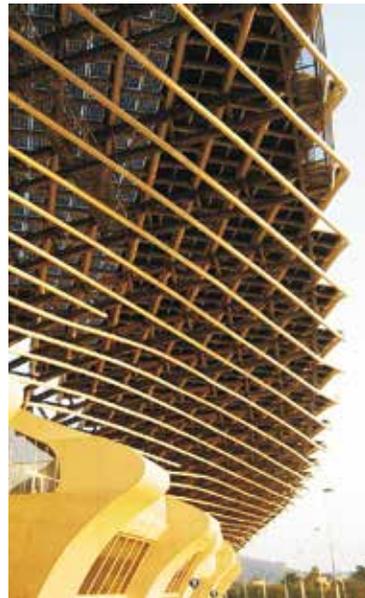

Место: Париж, Франция
Архитектор: Christian de Portzamparc
Тип: административно-офисный

Здание высотой 180 метров открыто совсем недавно. Форма призмы была выбрана из-за особенностей места строительства.

Официальный сайт мастерской: www.chdeportzamparc.com
Использован материал сайта: www.flickr.com, www.chdeportzamparc.com

Стадион Всемирных игр-2009 / Stadium of the World Games 2009

Место: Гаосюн, Тайвань
Архитектор: Toyo Ito
Тип: спортивный, стадион

Крупнейший в мире стадион (55 тыс. мест), полностью работающий на солнечной энергии. Его перекрытия снабжены 8 844 солнечными батареями общей площадью 14 155 м². Они будут вырабатывать 1,14 млн. кВт·ч в год, и в дни без соревнований стадион сможет обеспечивать близлежащий жилой район необходимой ему электроэнергией на 80%.

Главный стадион: www.archi.ru/foreign/guide/object_current.html?oid=5847&fl=2&sl=3
Официальный сайт мастерской: www.toyo-ito.co.jp
Использован материал сайта: www.flickr.com, www.archi.ru

Марко Петрус – «Очевидец незримого» Образы Милана середины XX века

1. Marco Petrus. Milano Milano. Milano, SKIRA, 2004. Предисловие Philippe Daverio
2. Каталог выставки «Marco Petrus. Milano upsidedown» (Milano at Columbus day. New York – October 2005).
3. Муратов П.П. Образы Италии. М., 1994. С.453.
4. Муратов П.П. Там же. С. 454.
5. П.П. Муратов зафиксировал один из реставрационных подходов в Италии по состоянию на 1920-е годы. Сегодня есть основания наблюдать и иные, в том числе и далекие от академической сухости. Во всех случаях важно зафиксировать едва ли не ставший общим местом отказ от «новоделов». Неприятие этого приема в профессиональной среде – важная тема и для формирования отношения к наследию середины прошлого века как в Италии, так и в России. Думаю, что эта тема не просто предмет дискуссии и конкуренции реставрационных методик, но и значительно более широкая проблема, принадлежащая культурологии в целом. Во всяком случае, цитирование текстов П.П. Муратова в данном случае, кроме всего, демонстрация авторского подхода к сохранению подлинных исторических ценностей.

Я познакомился с художником Марко Петрусом (Marco Petrus) в его миланской мастерской в начале июня 2007 года. На стенах – полотна автора, все – на тему архитектуры Милана середины прошлого века: фасады, фрагменты их, «летающие» ракурсы, диагонали композиций на холсте, локальные, но яркие, интенсивные зачастую цвета. Вскоре стало понятно, что эта тема не отпускает автора уже много лет, и он находит все новые и новые повороты для дальнейшего погружения в нее. Но при этом с очевидностью сохраняя издавна установленные для себя правила: остается едва ли не фотографическая точность и, как следствие, моментальная узнаваемость памятников, выявляющий плоскость плотный цвет, вскрывающий «внутреннюю энергию», подлинную сущность архитектуры, скрываемой за серой в основном поверхностью «чистого» бетона. На полотнах Марко Петруса как бы происходит процесс перехода этически ангажированной формы в естественность восприятия этой формы как эстетически содержательного, полноценного искусства архитектуры. И первое, что начинаешь понимать в мастерской, что ты находишься не среди стен, завешанных полотнами ее хозяина, а как бы по воле художника «выходишь» за стены внутреннего пространства, оказываешься вместе с ним на улицах Милана, в интерьере города – интерьере, сформировавшемся в дополнение к другим временам в середине прошлого века и доверчиво раскрывшегося нам, впустившего в себя (всякий раз с надеждой) неспящего, а заинтересованного в знакомстве с ним зрителя.

Культурный слой середины прошлого века в напластовании многовековой истории города, сложившийся в художественных образах Марко, одновременно топографически конкретен и виртуален. По этой причине для художника так важна развеска его полотен в экс-

позиции. Коллаж из плотно примыкающих друг к другу картин сплавливает целостность собирательного образа архитектуры Милана этого времени, делает его многогранным, разноплановым, богатым содержательными нюансами и отсылками к историческому прошлому многовекового города и, что, видимо, главное для Марко, выявляет само понятие «современность», определяющее сущность Милана, его особость среди других городов Италии. И равно с этим экспозиционные коллажи его выставок – авторская интерпретация «образов современности». Именно так Марко реализует в художественных образах переход от «атавистического понятия «стройка» к современному понятию «монтаж»

(М. Гинзбург) – одной из наиболее ярких и глубоких характеристик творческой жизни и судьбы XX века.

Отсюда и карта Милана, на которой зафиксированы реальные адреса изображаемых объектов. По этой же причине все объекты даны во фрагментах и, как правило, расположены на холсте в родченковских диагоналях. И только на карте города, то есть в реальном городе, эти здания – действительно фрагменты (образцы) новой, другой, последующей (для своего времени) культуры – собираются в единое целое исторического среза в архитектурной жизни Милана, которая столь искренне и углубленно занимает и наполняет профессиональную жизнь художника Марко Петруса, проходящую в постоянных экспедициях по улицам Милана, в

обретении новых впечатлений от выявленного и бережно оберегаемого им «культурного слоя» в будущей – наземной археологии города.

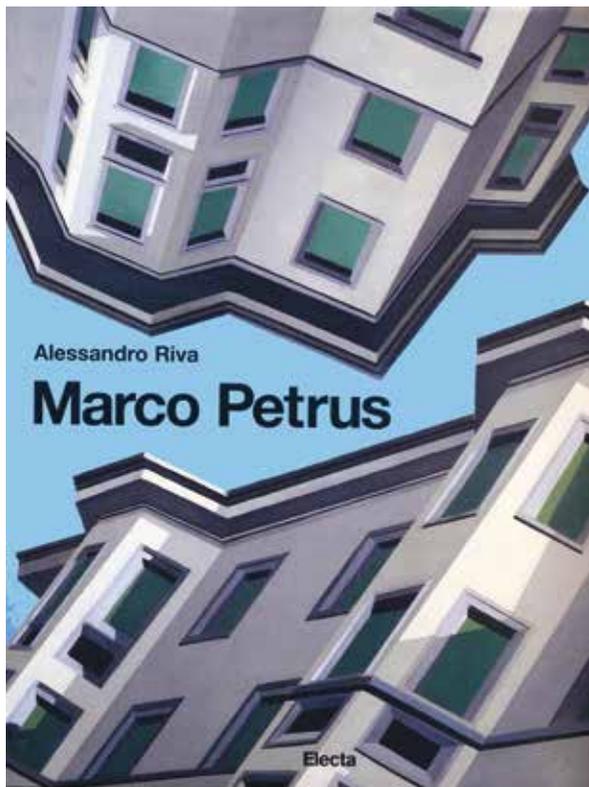
Каталог экспозиции 2004 года так и построен: на одной полосе – фото того или иного памятника (с указанием его конкретного адреса и даты постройки), а на соседней, противоположной полосе – его образ в ощущении и живописной технике Марко¹. Но это только один, первичный слой осознания нами отношения Марко к архитектуре Милана середины XX века.

Очень скоро начинаешь понимать, что за этим стоит мощное интеллектуальное начало в творческом методе художника. Захотелось разобраться в основаниях неоспоримого эффекта его полотен, а точнее, разнообразных коллажей из его картин, создаваемых им для каждой из экспозиций. Художник показывает каталоги и буклеты своих уже прошедших выставок. В предварающих текстах говорит о близости Милана Марко Петруса образам принимающих их городов. В частности, в 2005 году большая выставка Марко, приуроченная к дням Колумба, проходила в Нью-Йорке и пользовалась там большим успехом. В своем предисловии к каталогу этой выставки Alessandro Riva пишет о родстве душ Милана (в видении Марко Петруса) и Нью-Йорка².

Но и переключки с московским авангардом 1920-х годов, архитектурным и живописным, с очевидностью бросаются в глаза. Более того, художник подчеркивает, акцентирует свое авторское внимание к наследию московского авангарда 20-х годов прошлого века. Вполне закономерно и органично в мастерской Марко можно увидеть и образы московских памятников архитектуры той эпохи. В частности, изображение клуба им. Зуева на Лесной улице (архитектор Илья Голосов) выбрано Петрусом в качестве архитектурного «лица» его очередной выставки (Венеция, июль-ноябрь 2007 г.).

Диагонали, фиксирующие «движение» и его физическое

ощущение, стали для Марко одним из основополагающих правил, реализующих его «искусство как прием». И вполне естественно увидеть диагональную композицию на визитной карточке Марко Petrus с изображением дома на via Garigliano, где размещается его мастерская. Визитная карточка Марко – «автопортрет» приемов его искусства, вобравших в себя и художественный опыт архитектурного мышления в российском искусстве эпохи авангарда.

Живопись Марко Петруса дает основания говорить о прочных и глубоких связях его искусства с российской культурой первой трети XX века. Вполне естественно потребность сделать встречный шаг в формирующемся на московской выставке диалоге с художником и попытаться реконструировать «взгляд из России» на Милан и отражение его в творчестве Петруса, сложение образа города в период нового этапа в его возрождении.

Образы Италии. Современный Милан. Взгляд из России Трехтомник П.П. Муратова «Образы Италии» впервые увидел свет в полном объеме в 1924 году в Берлине (на русском языке) и стал точча-

семирно известным. И если первые два тома трилогии издавались и раньше, в 1911–1912 годах, то третья книга была опубликована в этом берлинском издании впервые. Почему это важно здесь? Потому что именно в третьей книге речь идет о Милане. «Дни в Милане» – назвал Муратов посвященную этому городу главу. «На улицах» – с этого раздела автор начинает рассказ о Милане. Его аргументация такого выбора в многообразии возможностей начала познания города и по сей день, спустя более чем восемь десятилетий, на мой взгляд, исчерпывающе точна. Приведу только некоторые ее фрагменты, существенные для нашего разговора в дальнейшем. «Нет ничего легче, как оказаться несправедливым к Милану и составить о нем вовсе неверное представление... Один за другим мелькнут дни, проведенные на миланских улицах, и эти улицы наконец станут тем, что они есть, не заслоненные ни элегическим воспоминанием о прошлом, ни заманчивой мечтой о предстоящем... Милан останется большим городом с явным преобладанием современной жизни над всякой иной»³ (выделено автором. – Ю.В.). И еще

одна мысль – наблюдение П.П. Муратова, посетившего его именно на улицах Милана полезная для погружения в творческую «кухню» Марко Петруса: «Никто не обязан, разумеется, интересоваться в Италии ее успехами в индустриализме и технике. Но едва ли уместно и оплакивать новейшее итальянское увлечение всяческой ingegneria (инженерным делом)... Без особого возмущения можно смотреть поэтому на пояс фабричных труб, охватывающий некоторые предместья Милана. Новый город распространился далеко за пределы старого»⁴. Ну как тут не обратить внимание на то, что творческая группа (объединение), в которую входит Марко Петрус, называет себя Italian Factory – «Итальянская Фабрика».

Это – территориальная экспансия времени в городское пространство Милана, как ее справедливо увидел Муратов и сохранили для современности единомышленники Петруса. А какими увидел Муратов временные напластования в городе?

«Войдем в обширный, очень старый, еще готический двор палаццо Борромео. Ученая и тщательная реставрация сохранила в нем многое ценной обычной добавочной сухости»⁵. ... Не реставрированы вовсе, по счастью, удивительнейшие фрески на стенах пристройки, о первом назначении которой так трудно теперь догадаться. Можно объехать всю Италию и нигде не увидеть столь явственных картин жизни начала XV века – жанра, перенесенного на обширные плоскости стен, – эпизода, поднятого до монументальности»⁶ (выделено автором. – Ю.В.).

Монументальная плоскость стены в первую очередь значима для истории, и именно ее (плоскость стены) история и сохраняет прежде всего. К такому выводу приходит Муратов. «Ни одна черта жизни... герцога (Галеацио Мария Сфорца. – Ю.В.) не должна была исчезнуть для потомства. На стенах бесчисленных зал и комнат должны были сохраниться для вечности его девизы, его подвиги, его охоты, его наряды, его любовницы, его слуги, его лошади, соколы и собаки. В обычной своей иронии история не

пощадила ничего из этих замыслов... Рукой времени стерты без малейшего следа его пиры и охоты даже со стен Castello Sforzesco, остающегося важнейшим свидетелем миланского прошлого»⁷.

И Муратов вновь выходит на улицу, чтобы найти подтверждение универсальности высказанного им только что тезиса: «Кирпичные зубчатые стены миланского Castello, его башни и ворота напоминают нам, москвичам, наш Кремль. И в этом нет ничего удивительного. Зодчие, близкие по эпохе и по искусству Аристотелю Фиорованти, строили Castello Sforzesco. О пребывании Аристотеля при дворе Франческо Сфорца имеются даже документальные сведения»⁸.

П.П. Муратов помогает нам найти достаточно точный камертон в осмыслении того, что мы непосредственно видим на полотнах Марко Петруса. В частности, монументальная плоскость стены, ее цветность, впрямую увязанная с материалом (кирпичные стены миланского Castello), формируют едва ли не наиболее употребимый цвет в палитре художника – кирпичный в многообразии его оттенков. Поjurсная развеска (с перевязкой «швов») полотен художника на московской выставке в Центральном Доме архитектора адресно отсылает зрителя к главным стенам Москвы и Милана (кремлевские стены и стены Castello) и, как следствие, подчеркивает поиски общности взглядов

6. Муратов П.П., Образы Италии. М., 1994. С.457–458.
7. Там же. С. 458.
8. Там же. С. 458.

9. Татаринов В.М. «Образ красоты» в книге: Муратов «Образы Италии». М., 1994. С. 569.
10. Canella G. "Moisej Ginzburg o dell? euroconstruivismo" в кн.: "SA Sovremennaja Arkhitektura", a cura G. Canella e M. Meriggi – Milano, 2007. С.9–23.
11. Филонов П.Н. Декларация «Мирового расцвета» // Жизнь искусства. 1923. №20.
12. Гайдено П.П. Трагедия эстетизма (опыт характеристики миросозерцания Сёрена Киркегора). М., 1970.
13. Киркегор С. «Или – или». Впервые опубликована в 1843 году. На русском языке – первая публикация в 1885 году. В 1998 фрагменты этой книги опубликованы вновь.
14. Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 618.
15. Болдырев Н. После-словие переводчика к книге Петра П. Роде «Сёрен Киркегор сам свидетельствующий о себе и о своей жизни». Челябинск, 1998. С.420–429.
16. Роде Петер П. Сёрен Киркегор сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Челябинск, 1998
17. Ковтун Е.Ф. Вступительная статья к каталогу выставки «Павел Николаевич Филонов». Л., 1988. С. 28, 30.
18. Филонов П.Н. Канон и закон, 1912. Отдел рукописей ИРЛИ. Ф. 656. Цит. по указанному каталогу. С.28

в архитектурном творчестве Милана и Москвы середины прошлого века (для Москвы – с начала второй его половины), открытость к диалогу, современному обсуждению общего и разнящегося в архитектурно-строительном наследии тех лет.

Но вряд ли миланские «Образы...» Муратова и изобразительные образы этого же города Марко Петруса обрели бы мощь и значимость, если бы дело ограничивалось для обоих только этим визионерским восприятием городских историко-культурных ценностей и интерпретацией их применительно к современности. В.М. Толмачев в послесловии к трехтомнику Муратова с говорящим названием «Образ красоты», итожа «всплеск» творческой активности Муратова в 1920-е годы, подчеркивает: «Коллизии европейской жизни к концу второго десятилетия века неопровержимо показывали, что эпоха символизма подошла к концу и что конфликт между «культурой» и «цивилизацией» достиг той

точки, когда права независимого романтического «я», утверждающего абсолютную ценность своего художнического самовыражения, были без остатка поставлены под сомнение»⁹. Муратов преодолел его (сомнение), пытаясь реализовать образность современности, сохраняя приверженность и преемственность символизму в диалоге художественной культуры и технической цивилизации в 1910-е годы, и закономерно в этой связи, он много публиковался в 1920-е годы в парижском журнале «Современные записки». Параллели с названием конструктивистского журнала «Современная архитектура» («СА»), выходящим с 1926 по 1931 годы в Москве, очевидны и «направляются» сами собой. Но они тут же обретают развитие.

В июне 2007 года Гвидо Канелла (один из крупнейших современных миланских архитекторов и исследователей, в том числе, наследия авангарда в нашей стране) свой текст – предисловие к опубликованному дайджес-

ту журнала «Современная архитектура» (подготовленным совместно с архитектором Маурицио Мериджи) озаглавил «Моисей Гинзбург и евроконструктивизм»¹⁰. О вынесенной в заглавие «формуле» Гвидо Канеллы – позднее. Здесь же зафиксируем только по сей день новое для нас, но, на мой взгляд, содержательно точное и исторически справедливое истолкование сути архитектурного наследия московского авангарда 1920-х годов и его места в современной (тогда и теперь) европейской культуре.

Чтобы понять, как этот тезис соотносится с живописью Марко Петруса и что для него означают методические ценности символизма, пришло время раскрыть вынесенное в заголовок этого текста словосочетание – «очевидец незримого».

«Очевидец незримого» – именно так поэт А. Крученых назвал художника Павла Николаевича Филонова – основоположника одного из наиболее ярких и не до конца понятого, на мой взгляд, направления в живописи первой трети XX века – «аналитического искусства».

«Глаз видящий» и «Глаз знающий». Эту формулу П. Филонова¹¹ важно понимать именно как составную и объединенную союзом «и». Только при этом можно попытаться преодолеть восходящую к Кьеркегору «Трагедию эстетизма»¹², основанную на построении взаимоотношений между цивилизацией и культурой (этикой и эстетикой) через альтернативное «или – или»¹³.

Преодоление этого противопоставления, поиски и формирование внутреннего диалога между ними – проблема по сей день актуальная и на протяжении уже более ста пятидесяти лет с именем датского философа связанная. И во времена Филонова, и в наши дни.

«Прекрасный, страдальческий Филонов... певец городского страдания», – писал в свое время В. Хлебников¹⁴. Полагаю, что для современников эта фраза была очевидно прозрачной. Почему город? Он стал надолго для Филонова одним из главных объектов осмысления средствами аналитического искусства.

Как городское страдание или «страдание по городу» соотносится с творческой судьбой Филонова (возможно, и самого Хлебникова) и увязано с памятью о Киркегоре? Оно подчеркивает религиозность художника, «таинственный процесс религиозного страдания»¹⁵ (выделено автором. – Ю.В.). Так пишет о Киркегоре автор послесловия и перевода книги о его жизни, к началу XXI века выдержавшей 22 издания и, наконец, впервые опубликованной на русском языке¹⁶. И важно, что Н. Болдырев вспоминает в этой связи и Ф. Достоевского, и А. Тарковского, и И. Бродского, не просто фиксируя влияние Киркегора на их мировосприятие, но и растягивая его (влияние) во времени, сохраняя преемственность и современность «возведения в предел» и поиска духовного начала и в мировосприятии, и в его художественно-образном воплощении.

Для М. Петруса, как я понимаю, этот разговор – не праздный и обретает личностное содержание, принимая во внимание его многолетнее служение Милану и одухотворенным художником ценностям архитектурного наследия середины XX века.

Еще в 1912 году Павел Филонов написал статью «Канон и закон», в которой изложил свое понимание аналитического искусства. «Филонов различает два пути создания картины, – пишет Е.Ф. Ковтун¹⁷ и цитирует автора: «Выявляя конструкцию формы или картины, я могу поступать сообразно моему представлению об этой конструкции формы, то есть предвзято, или, подметив и выявив ее закон органического ее развития; следовательно и выявление конструкции формы будет предвзятое: канон, или органическое: закон»¹⁸. В этом раннем тексте конструкция авторской концепции строится на альтернативе: либо канон, либо закон. Спустя 10 лет художник опубликовал «Декларацию «Мирового расцвета», где значительно глубже изложил вкладываемое в понятие «аналитическое искусство» содержание. Оно не сводится только к двум «главным» действующим лицам художественного полотна – цвет и форма, том есть того, что

фиксирует глаз «видящий». Аналитическим искусство становится только тогда, когда подключается к процессу творчества глаз «знающий», и целостность формы реализуется с учетом всех ее (целостности формы) «известных или тайных свойств».

«Тайные свойства» формы, архитектурной формы, в случае Марко, их выявление и демонстрация стали, по сути, основным содержанием его творчества. Нельзя не сказать, что и здесь Петрус не только современен, но и созвучен российскому пониманию проблематики прочтения внутренней формы, преемственности в ее (формы) интерпретации, как в научном сообществе, так и в художественной среде.

По необходимости коротко обозначу «пунктиром» последовательность, а точнее, необходимую преемственность отношения к этой проблеме в отечественном науковедении с тем, чтобы зафиксировать места, в которых «искрит» от соприкосновения их с творчеством Марко Петруса, и где в полной мере проявляется его «знающий глаз».

Философ В.В. Бибихин прочитал имевший широкий резонанс в 1989–2002 годы на философском факультете МГУ курс лекций, которые легли в основу последовательно (и неспешно, к сожалению) издаваемых книг. Интересующая нас здесь «Внутренняя форма слова»¹⁹ увидела свет совсем недавно

– в 2008 году. Восемнадцать лет назад Бибихин фиксировал, как будто размышляя над будущими картинами Марко: «Своей поверхностной стороной поэтический образ кажется картинкой; своей «внутренней формой» он уходит в тот свет, который совсем простой, в философию, в другое видение»²⁰. «Внутренняя форма, «образ», созерцание, интуиция бывают также умными. Тут начинается искусство как философия, перевал к последней конкретности...»²¹. Это Бибихин апеллирует к Г.Г. Шпету, его тексту «Эстетические фрагменты», опубликованному в 1923 году. Другой текст Шпета, также важный для заинтересованного разговора на выставке Петруса, – «Введение в этническую психологию» был напечатан в 1927 году Государственной академией художественных наук, с которой Шпет активно и разнообразно сотрудничал.

1923 и 1927 годы уже встречались в нашем разговоре и применительно к его сюжету слова Шпета могут восприниматься как итоговые: «Данность числительных и внутренних форм есть данность интеллектуальная»²². И еще два кратких изложения мысли философа: о городе и цвете. «Новая действительность, – пишет он, напомним, в 1923 году, – торжественное вступление... Пана в город, Возрождение Пана в городе. Город – не природная реальность; в

природе, в лесах, полях и небесах действительных городов нет; только сказочные. Город же – был. Город действителен только как знак, слово, культура; был – история... Время весны города»²³ (выделено Г.Г. Шпетом. – Ю.В.).

Карта Милана – неотъемлемая часть экспозиции Петруса и есть проявление города и как были, и как знака.

О цвете Шпет пишет не менее емко (применительно к размышлениям о живописном искусстве Марко): «Когда мы силимся представить себе просто «цвет» как чистое чувственное содержание и «рассматриваем» его при этом на какой-то поверхности, мы и эту поверхность не представляем себе плоскую, и цветное содержание, которым мы ее покрываем, мы не представляем себе абсолютно устойчивым, статическим. Поверхность имеет кривизну и подсказывает себе какую-то плотность, непременно переводящую «взор» в третье измерение. Цветное содержание само кроме того дрожит, колеблется, складывается в складки и распускается, движется, простирается динамически во времени...»²⁴.

Нет необходимости странно комментировать это высказывание философа. Значительно точнее оставить его наедине с экспозицией Марко Петруса. Они весьма, на мой взгляд, гармонируют друг с другом. Их единение вполне органично, а диалог содержателен.

Мы зафиксировали «нижнюю» и сегодняшнюю границы обсуждения строения внутренней формы в Милане и Москве. Но нас вслед и вместе с Марко не меньше интересует и середина века. И здесь уместно сослаться на рукопись (до сих пор неопубликованную) писателя и художника Ф.Ф. Платова «Архитектоника цвета», написанную им в начале 1950-х годов. Ее название говорит само за себя. Автора интересует устройство цвета, его возможности в переходе из плоскости изображения в пространство восприятия. Платов осознанно переводит разговор в архитектурно-технические термины, фиксируя срединное место архитектуры во взаимоотношениях художественного и технического начала в построении образов, формируемых в их единстве и гармонии. Но сами эти целостность и гармония – предмет постоянных дискуссий...

Преодоление антагонистической конструкции противопоставления художественного и индустриального в архитектуре – проблема не только начала прошлого века. Она сохранилась, и именно как проблема, и по сей день. В середине XX века она воспринималась не менее остро. До сих пор устойчиво отношение к архитектуре 1960–70-х годов, особенно у нас в стране, как к деятельности, «директивно лишённой» собственно художественного содержания.

19. Бибихин В.В. Внутренняя форма слова. СПб., 2008.
20. Бибихин В.В. Там же. С. 307–308.
21. Бибихин В.В. Там же. С. 308.
22. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. Цит. по книге: Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 414.
23. Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 370.
24. Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 418.

1960 год. Выходит на экраны фильм Лукино Висконти «Рокко и его братья». Пожалуй, именно Милан стал главным, по сути, его героем. И дело не только в том, как показывает великий режиссер город, его новации, процесс его обновления, поскольку здесь проявился не только «глаз видящий», но и знающий глаз художника-режиссера. Конечно, не случайно один из братьев большой семьи, приехавшей в Милан из села, работает на стройке, так же как и то, что объяснение главных героев происходит на крыше Миланского собора, с которой открывается вид на город. «А лучший вид на сам собор – теперь с верхних этажей универмага «Ринашенто» (в переводе «Возрождающийся»)»²⁵. Фильм о том, как формируется «современность», при этом именно в своем городском предьявлении, которое, с одной стороны, выстраивает всегда непростые взаимоотношения между культурой и цивилизацией, а с другой – делает страдания повседневной жизни первого поколения горожан не просто очевидными, но и закономерными.

«Возможно, я чрезмерен в употреблении приемов, нетипичных для кино, – пишет Висконти. – Но вообще избежать театральности было бы неправильно, тем более, если подумать о происхождении кино» (цит. по П. Вайлю). Кстати, стоит заметить, что одна из статей П. Муратова в журнале «Современные записки» была посвящена кинематографу.

Петр Вайль вспоминает в связи с этим о фильме

Барнета «Дом на Трубной» 1928 года. «Не в такой ли тотальной коммуналке один из истоков неореализма»²⁶, – пишет он. У Висконти можно прочесть: «Для меня кино вчерашнего дня, немое кино, особенно великое русское кино, было более независимым, более современным» (выделено автором. – Ю.В.). Его Висконти узнал, видимо, как пишет Вайль, во время первой своей работы в кино с Ренуаром в Париже: «Я постоянно ходил в маленький кинотеатр под названием «Пантеон», где часто демонстрировались советские фильмы ранней школы. Картины Экка, Пудовкина, Эйзенштейна, которые, вероятно, оказали на меня влияние». «Для советских художников коммуналка была реальностью, для западных – символом», – итожит Вайль, и рядом с этим он пишет о том, что фильм Висконти о семье Рокко в Милане по существу ставит точку «в эпохе неореализма»²⁷. Милан, его уличные картины, ритмично расставленные в пространстве фильма, видимо, мало что могут сказать «новообращенному» городом семейству, но должны вызвать множество ассоциаций, обобщений и символических знаков для потомственного горожанина, а тем более, коренного миланца.

Помните у Муратова? В Милане нельзя быть проездом, в нем надо пожить, походить по его улицам. Лучше с книгой. Так же как фильм Висконти любопытнее смотреть с книгой М. Гинзбурга «Ритм в архитектуре» (1922 г.) в руках.

1960 год. Висконти создал свой образ Милана. В этом же 1960-м году родился Марко Петрус, и его жизнь по сей день неразрывно связана с улицами этого города. Разумеется, появление фильма и рождение будущего художника всего лишь совпадение. Но хотелось бы аргументировано показать, сколь полезны бывают такие совпадения для творческого человека. Уверен, что преемственность идей евроконструктивизма, пусть и в расширенном его толковании, его московской, российской версии, во многом сформировала у художника свое, личное направление в развитии «аналитического искусства». Направление, выстраданное Марко Петрусом. И именно его сосредоточенные усилия по художественному осмыслению послевоенной миланской архитектуры, ее первого поколения индустриального периода способны поставить «жирную точку» над многолетними сомнениями в том, принадлежит или нет наследие архитектуры середины прошлого века искусству архитектуры. Обладает ли она (архитектура тех лет) ценностями (эстетическими, этическими), достаточными для того, чтобы говорить о ее полновесных историко-культурных ценностях? Есть ли основания сохранять в наши дни архитектуру тех лет? Могут ли объекты того времени стать и быть памятниками своей эпохи, как в Милане, так и в других городах мира, в том числе и в России, в первую очередь в Москве?

Творчество Марко Петруса дает, на наш взгляд, не просто положительные, но и практически исчерпывающие ответы. Его символизм служит преодолению противоречий между культурой и цивилизацией в свое, столь важное для истории, и для художника время. Искусство Марко сфокусировано на поисках путей реконструкции и выявления преемственности, связи времён в жизни и судьбе архитектуры середины XX века.

Здесь уместно зафиксировать два обстоятельства, повлиявшие на содержание московской экспозиции Марко.

Впервые его живопись встретилась с архитектурой Милана анализируемых им

лет в едином выставочном пространстве. Предмет профессиональных усилий миланских архитекторов старшего для нас поколения становится объектом творческого внимания художника. Образы и реальная архитектура Милана предстали в московском Доме архитектора (а затем и на выставке в Волгограде) в нерасторжимом единстве. Но при этом у Марко свое видение наследия архитектуры середины прошлого века в Милане, зафиксированное и в коллаже экспозиции, и в составленной художником карте Милана тех лет.

Авторы архитектурного раздела выставки Федерико Буччи (Federico Bucci) и Маурицио Мериджи (Maurizio Meriggi) (Департамент архитектурного проектирования и Факультет гражданской архитектуры Миланского политехнического университета) составили свою «коллекцию» архитектурных имен того же времени и соответственную иную карту архитектурной ткани миланского городского пространства.

Во-вторых, выставка архитектурного наследия Милана середины прошлого века и его художественно образного осмысления, экспонированная в Москве и Волгограде, позволяет реализовать многообразный «символический обмен» (по Ж. Бодрийяру) между архитектурой и живописью, между Миланом и Москвой, Миланом и другими городами, между различными подходами к осмыслению ценности наследия середины XX века и сохранения его в истории и культуре.

Не скрою, с проведением миланской выставки в России связаны затаенные надежды: возможно, она станет импульсом для раскрытия перспектив в сохранении историко-культурного наследия Новейшего времени, в том числе и памятников архитектуры 1960-х годов как в Москве, так и в других городах России.

Искренне хочется пожелать выставке заинтересованного внимания и успеха во всех городах, где ей суждено побывать. Возможно, и в Иркутске? «Путешествие по России» продолжается²⁸...

Юрий Волчок

25. Вайль П. Гений Места. Милан – Висконти. М. 1999. С. 402.
26. Вайль П. Гений Места. Милан – Висконти. М., 1999. С. 409.
27. Там же. С. 409.
28. Книга «Viaggio in Russia», составитель Маурицио Мериджи (1998), была подготовлена и издана по материалам выставки и двусторонних семинаров в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Казани и Самаре. Стоит заметить, что осмысление наследия XX века в Милане и Москве реализуется в форме полноценного диалога. Наряду с миланскими выставками в Москве и других городах России, в Милане за эти годы также экспонировались выставки – на материале наследия московской архитектуры: «Константин Мельников и Москва. Диалог с городом» (Konstantin S. Mel'nikov and the construction of Moscow" – Milano, SKIRA, 2000) и «Архитектура Ивана Леонидова. Возможный город» (Una città possibile/ Architetture di Ivan Leonidov 1926–1934) Milano, Triennale Electa, 2007).

Яков Черников: чужой среди своих

Яков Черников, русский архитектор-художник и теоретик искусства, мастер архитектурной графики, представитель авангарда... Его имени в архитектурной среде не знает только самый нерадивый студент. Его архитектурными фантазиями не восхищается только самый бесчувственный зритель. Его образы не пленяют только тех, кто безнадежно холоден к обаянию и влиянию подлинного искусства. Но мало кто может сегодня теоретически точно сказать, к какому направлению в искусстве и архитектуре принадлежит разностороннее творчество Якова Черникова. Кто он? Супрематист. Конструктивист. Рационалист. Символист. Модернист...

Еще меньше тех, кто понимает его творческий метод или хотя бы способен внятно объяснить креативный феномен этого человека, скрупулезно вычерчивающего тончайшую вязь плоскостных графических композиций (рис. 2) и, одновременно, взлетающего к вершинам формообразования пространственных архитектурных объемов (рис. 3).

Хронотоп его творчества охватил непродолжительные, но самые восхитительно плодотворные и, почти одновременно, многострадальные годы расцвета советского авангарда, стремительно перетекшие в долгие десятилетия запрета и травли. Зрелость его творческого гения, как и многих других мастеров советской архитектуры, кто родился во второй половине XIX столетия и ушел из жизни в начале второй половины XX, легла на период укрепления и всесия стилинизма, однозначно зафиксировавшего за конструктивизмом определение «несостоятельного творческого метода буржуазной интеллигенции». Архитекторы, еще недавно возводившие постройки в духе конструктивизма, проповедавшие новый подход к формообразованию, остались далеко в стороне от массовой проектной практики, быстро усвоившей правило: либо «сталинский ампир», либо... Либо ничего.

Я.Г. Черников был из тех, кого называют «self-made

man». Происходя из мещанской многодетной семьи весьма скромного достатка (его родителям непросто было прокормить и одеть одиннадцать детей), он «тайком от родителей пошел работать на лесные пристани, где за 40–50 копеек в день работал по 16 часов в сутки»¹. Скопив целых семь рублей, Яков тайком бежит в Одессу из отцовского дома в Павлограде. В Одессе Черников поступает в художественное училище, но в учебе часто вынужден делать перерыв «из-за отсутствия средств к существованию». «Мне приходилось работать в одесском порту грузчиком, на картонажных фабриках и [в] мастерских резчиком паспарту, резчиком по дереву и по металло-пластике в художественно-кустарных мастерских, мастером по раскраске диапозитивов, столяром, живописцем в малярно-вывесочной мастерской, преподавателем рисования и т.п.», — вспоминает Черников в своем «Жизнеописании»². Его работа «учителем рисования» заслуживает особого внимания, потому что свою жизнь он посвятит именно педагогике. Яков Черников станет кандидатом наук и профессором. «Лично я добился интересных результатов, занимаясь в целом ряде школ (реальное училище, городские школы, женские учебные заведения, единые трудовые школы, фабзавуч, рабфаки и проч.», — пишет Черников в «Искусстве начертания»,

своей первой опубликованной книге³. Он обучал «трудовой народ» изящным искусствам, имея за плечами великолепную классическую школу — Академию художеств, где учился на живописном и архитектурном факультетах. Черников располагал и прекрасным педагогическим образованием, о чем упоминается в труде «Мое жизнеописание»: «Поступил на Высшие Педагогические курсы Императорской Академии Художеств, которые окончил стипендиатом в 1917 г.»⁴.

«Осмыслив и персонифицировав основные идеи беспредметных построений, Яков Черников воплотил их в своем новаторском методе преподавания графики, который он назвал «методом композиционного сочинительства». Развивая абстрактное, композиторское мышление на базе супрематических, то есть беспредметных построений и комбинаторных приемов, он, по свидетельству современников, в течение полугода мог научить вчерашних крестьян и рабочих самостоятельно решать сложные композиционные задачи»⁵, — отмечает уникальнейший педагогический талант своего деда архитектор Андрей Черников, президент Международного архитектурного благотворительного фонда имени Я. Черникова.

Совмещая педагогическую и исследовательскую деятельность, Яков достигает удивительных результатов

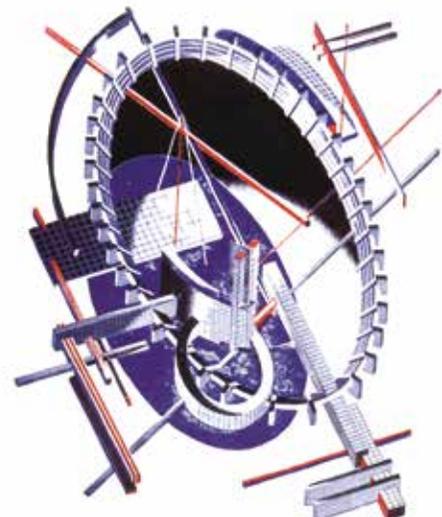
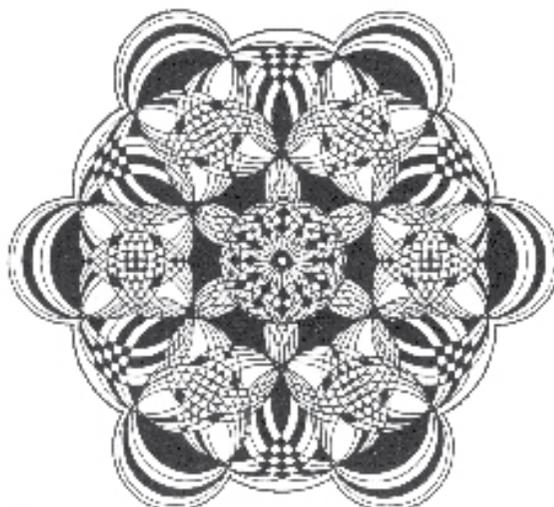
Яков Черников. Фото начала 1930-х. Из книги: Ламм Л., Черников Я. Коды геометрии / Codes of Geometry

в привитии своим ученикам умения компоновать, опираясь только на беспредметные формы. Но и в собственном искусстве создания графических композиций любого рода — от замысловатых орнаментов до сложных аксонометрических изображений промышленных объектов — он поднимается до непревзойденных высот. Но, несмотря на то что Яков Черников является несомненным авторитетом и по праву занимает место мастера необычных композиций, автора оригинальной педагогической методики и практикующего архитектора, из профессиональной политики и публичной деятельности того времени он как бы выпадает. «Можно сказать, что подавляющее большинство архитекторов тех лет как бы вообще не учитывало присутствия Я. Черникова в архитектурной жизни. Книги его вроде бы были, а Черникова как значительной творческой личности

1. Стригалева А. Феномен Черникова: авангард и окрестности // Вопросы искусствознания. 1997. XI (2). С. 257.
2. Там же. С. 258.
3. Черников Я.Г. Искусство начертания. Л., 1927. С. 4.
4. Стригалева А. Феномен Черникова: авангард и окрестности // Вопросы искусствознания. 1997. XI (2). С. 258.
5. Ламм Л., Черников Я. Коды геометрии / Codes of Geometry / Международный архитектурный фонд имени Якова Черникова. 2005. С. 37.

Композиция 591 из книги: Черников Я. Орнамент. Композиционно-классические построения

Фантазия 49 из книги: Черников Я. Архитектурные фантазии. 101 композиция

Из цикла «Сказки».
Взято с сайта www.icif.ru

вроде бы не было».⁶ «Вроде бы», пожалуй, ключевое слово... Вроде бы Чернихов есть, но его нет, удивительный какой-то человек, рисующий и созидающий, но так и не понятый современниками... Его дарование не укладывается в ставшие уже привычными рамки авангарда. Он не сделал каких-либо глобальных открытий в архитектуре, но «умел в любом творческом течении архитектурного авангарда (созданного другими) выявлять в процессе интенсивного варьирования скрытые резервы и потенции формообразования, о которых нередко не подозревали и сами сторонники того или иного течения»⁷. Его фантазия безгранична, а страсть к графике, мистическая любовь к линии, пятну, пространству листа – неукротима.

Оставаясь в своей, какой-то внутренней эмиграции от веяний времени, официальной идеологии, мнений сотоварищей, Я. Чернихов легко воплощает себя в любом предложенном ими варианте формообразования и стилистики. Он – вещь в себе, какая-то совершенно фантастическая машина, выдающая

на-гора невысказанные количества – тысячи (!) безупречных, совершенных рисунков. Если выставка, то ни много ни мало, а свыше 2 тысяч композиций⁸ в Аничковом дворце или 2 468 композиций в залах бывшей Кушелевской галереи⁹, если книга, то «101 композиция» или 225 рисунков в «Основах современной архитектуры». Из «Жизнеописания» (1945) Чернихова: «Накопленный за все годы экспериментальный, аналитический и композиционный материал охватывает свыше 17 тысяч рисунков, эскизов, оригиналов и других графических композиций, что требовало специальных распределений и классификаций. Количество наименований всех моих трудов превышает 50, включая сюда: вышедшие в свет, готовые и склишированные работы, незавершенные произведения»¹⁰. И это количество работ – только до 1945 года, а архитектор-художник после этого отчетного года жил и творил еще шесть творчески насыщенных лет, неустанно работая над циклом «Построение классического шрифта».

Яков Чернихов мерил не единицами: у него была своя метрология и точка отсчета.

Он выпускал книгу за книгой, с безумно красивыми графическими иллюстрациями и немного неуклюжим, каким то «угловатым» по фразеологии, не совсем выверенным текстом, возможно, не видя особого смысла в словах согласно собственному императиву: «Везде всегда и всюду заменяй слово графикой». И если мир стоит на постулате «вначале было Слово», то его собственная реальность базировалась на том, что Архитектура основывается на графике. Он никогда не рисовал одушевленные вещи, даже в качестве стаффажей, чтобы показать масштаб, ему не нужны были изображения людей. Создаваемое им «виртуальное пространство» – плоскостное в «Аристократии» и «Экспрессивности» и объемное в «Архитектурных фантазиях» – совершенно не нуждалось в чем-либо присутствии. И сам Чернихов тоже никогда не искал с кем идти в едином строю, как приказывали – нога в ногу, шаг в шаг, ноздря в ноздю. В его творчестве можно увидеть и конструктивизм, и супрематизм, и символический романтизм, и

экспрессионизм... Его циклы работ оставляют ощущения абсолютно разных подходов к стилистике, к звучанию плоскости и объемов. Каким чудесным образом все это совмещалось в одном человеке, в одной душе, в едином творческом Духе! Достаточно сравнить «Архитектурные сказки» и композиции из «Архитектурных фантазий». Эти графически полярные работы создаются, в сущности, в один временной период – с 1925-го по 1933 год («Архитектурные фантазии») и с 1927-го по 1935-й – «Сказки» (рис. 4).

Десятилетие 1925–1935 годы можно назвать самым плодотворным в творческой жизни Якова Чернихова. Практически все книги его изданы именно в это время: «Основы современной архитектуры» (1-я редакция – 1929, 2-я – 1931), «Орнамент. Композиционно-графические построения» (1930), «Конструкция архитектурных и машинных форм» (1933), «Архитектурные фантазии. 101 композиция» (1933). Эти книги принесли их автору мировую известность и титул «советского Пиранези».

6. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Кн. 1. М., 1996. С. 547.
7. Там же. С. 553.
8. Стригалева А. Указ. соч. С. 260.
9. Стригалева А. Указ. соч. С. 259.
10. Там же. С. 259.

Особенность трудов была в сотнях графических композиций, выполненных автором. «Поражало графическое мастерство и изощренность фантазии Я. Чернихова. В годы, когда в нашей стране авторских книг архитекторов издавалось очень мало, появление сразу семи книг одного автора было неординарным явлением. Книги с интересом раскупались и художниками, и архитекторами».¹¹

Но времена резко меняются, и современные, которые еще недавно «с интересом раскупали» его книги, теперь послушно дают жесткую отповедь и строгую оценку его творчеству: «Но особенность книги Чернихова отнюдь не в том, что он «вводит некоторые новшества и вольности», – а в том, что эта книга от начала до конца наполнена безвкусными перепевами давным-давно знакомых супрематических и экспрессионных исканий; что его рисунки представляют собой беспомощный перевод формалистических опусов на язык родных осин; что никак, даже самых бледных проблемсов архитектурного творчества, нельзя разглядеть во всех этих упражнениях автора, обеспечившего полет своей фантазии отличной меловой бумагой и многоцветной печатью», – пишет о книге «Архитектурные фантазии...» некто под инициалами Б.Ю. в «Архитектуре СССР».¹² «... Автор дает абстрактную теорию формы, ни в коей мере не связанную с современной идеологией, новой техникой, с новым общественным человеком, психикой, которая создается под влиянием своеобразного экономического уклада СССР»,¹³ – рассуждают об «Основах современной архитектуры» Н. Хомуцкий и В. Нотес, 25-летние студенты ЛИИКС¹⁴.

Согласно формату того времени, полемика перешагивает профессиональные рамки и скатывается в плоскость обвинений в духе партийных дискуссий: «На самом деле Черников всеганаившего запоздалый вульгарный отпрыск тех беспредметнических, формалистических течений, которые видели свою задачу в беспочвенном и бесплодном фантазиро-

вании и сочинительстве», – утверждает А. Михайлов в статье «О хлестаковщине и буржуазном вредительстве на архитектурном фронте»¹⁵. «...Попробуйте найти в книге Чернихова хотя бы одно слово о строительстве соцгородов, клубов, домов-коммун и т.д.», – далее негодует Михайлов и ловко разоблачает Чернихова: «Перед нами наиболее откровенная проповедь классового врага, призывающего к классовому миру, к отказу от пролетарского искусства. Перед нами явный и оголтелый апологет буржуазной культуры, ратующий за ее насаждение в СССР». Концовка статьи безыскусна, но страшна: «Добить классового врага на архитектурном фронте!»

Критические рецензии, изобилующие идеологическими формулировками, достаточно ясно показывают и атмосферу того времени, сгущающуюся вокруг архитектурного авангарда, и идеологически выверенную оценку творчества Я. Чернихова. Но он как-то удивительно спокойно и рассудительно отвечает своим оппонентам в «Предисловии автора ко 2-му изданию» «Основ современной архитектуры»: «Целый ряд рецензий как советской, так и в иностранной периодической печати, и оживленные дискуссии, вызванные выходом

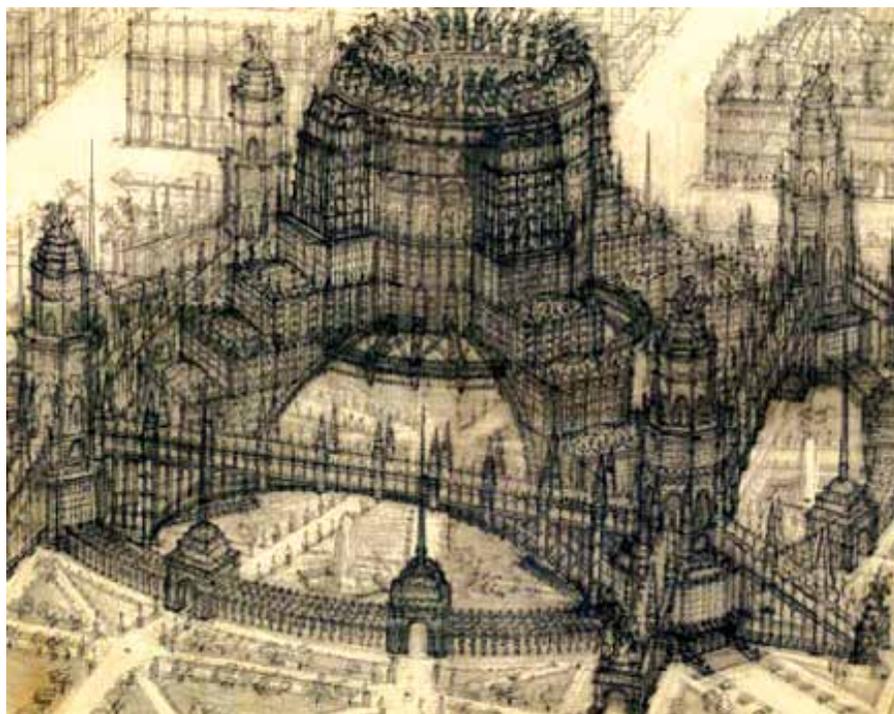
в свет «Основ современной архитектуры», доказывают, что книга эта произвела немалое впечатление и вызвала к себе интерес. ...Разве хотя бы одна рецензия разбила меня в проповеди моей теории воспитания пространственных представлений и метода обучения новейшей архитектуре? Я ни в одном случае не вижу того, что рецензенты поняли основную идею моего труда. Между тем мой метод стал постепенно претворяться в жизнь и приносить положительные, подтверждающие результаты».

В этом ответном слове поражает отсутствие партийной лексики и полемических штампов, Черников говорит об архитектуре, о своем видении предмета, о методе, не опускаясь до шаблонов и стереотипов уже сформированного новояза... Ощущение, что это пишет человек, полностью оторванный от «марксистко-ленинского» дискуссионного формата, которым в то время было пропитано буквально все. И только в конце статьи, как некий вежливый поклон, звучит: «Мысль о том, что в эпоху пролетарской диктатуры и социалистического строительства проблемы архитектурного творчества приобретают особо важное значение и должны быть решены под новым углом

зрения, обусловленным изменением формальных предпосылок зодчества, – красной нитью проходит через всю теоретическую часть моих «Основ»... Этаким сдержанным кивком – «Пожалуйста, вот я написал правильные слова, оставьте меня в покое».

«Основы современной архитектуры» – книга, не утратившая свою актуальность и в наше время. «Все графические построения, представленные в этой книге, как иллюстрации к тексту, принадлежат исключительно моему изобретательски-исследовательскому творчеству. Ни в одном случае я не пользовался материалом, разработанным кем-либо другим; может быть, это и составляет недостаток книги»¹⁶. Черников осторожно говорит как о недостатке книги о том, что в ее пространстве есть только он – Яков, что это его методика, и «путь построения представлений, на принципе беспредметных отвлеченных элементов, безусловно займет в будущем доминирующее место при изучении новых форм»¹⁷. Почему он говорит о собственном авторском видении как о недостатке? Возможно, это – просто вежливость и кивок в сторону коллективизма. Черников самодостаточен и прекрасно обходится без

11. Хан-Магомедов. Указ. соч. С. 546.
12. Архитектура СССР. 1933. № 2. С. 38.
13. Строительство Москвы. 1930. № 7. С. 39.
14. ЛИИКС – Ленинградский институт инженеров коммунального строительства.
15. Михайлов А. О хлестаковщине и буржуазном вредительстве на архитектурном фронте // Советская архитектура. 1931. № 5–6. С. 26.
16. Черников Я. Указ. соч. С. 8.
17. Там же.

Из цикла «Пантеоны». Взято с сайта www.icif.ru

Из цикла «Дворцы коммунизма». Взято с сайта www.icif.ru

18. Умберто Эко. *Имя розы*. С.-П., 1998. 340 с.
 19. Ламм Л., Черников Я. Указ. соч. С. 35.
 20. Там же. С. 41.

чужих методик, у него свои собственные экспериментальные изыскания.

«Пишущий (рисующий, ваяющий, сочиняющий музыку) всегда знает, что, собственно, он делает и во что ему это обходится. Он знает, что перед ним – задача. Толчок может быть глухим, импульсивным, подсознательным. Поводом – ощущение, предчувствие или воспоминание. Но после этого начинается работа за столом, и надо исходить из возможностей материала. В работе материал проявляет свои природные свойства, но одновременно напомнит и о сформировавшей его культуре (эхо интертекстуальности)», – писал Умберто Эко¹⁸. Это особенно ощущается в циклах, сотворенных Я. Черниковым после 32-го года. Конструктивизм фактически под запретом, но мастер, переключившись на совершенно иную стилистику, находит способ показать свое видение мира в приемлемой для того времени форме. «Сказки» – это декоративный концепт архитектуры давно забытых народов Вавилона, Древней Индии, архетипы неких строений, прочно укоренившихся в мифологическом пространстве. «Пантеоны» похожи

на древние зиккураты, на некую величественную стражу царства мертвых (рис. 5). Подавляют и «Дворцы коммунизма», композиции, где власть архитектуры и очевидна, и агрессивна, и, кажется, что людей на земле уже нет, а остались только

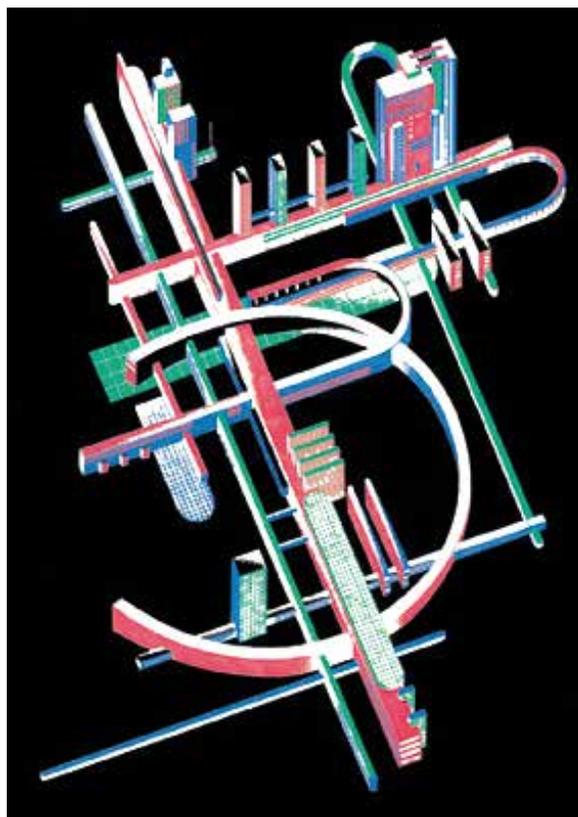
эти огромные тяжелые здания, для которых и целого мира мало (рис.6).

Фантастичность работ Чернихова удивительна. Рассматривая его композиции, трудно поверить, что это рукотворные листы, а не работы, выполненные в современных компьютерных графических редакторах и распечатанные на принтере. Этот универсальный графический язык понятен и доступен и сегодня – спустя почти столетие. Визуальная система Чернихова легко ложится в конкретную образность компьютерной виртуальности, и это наглядно показал его ученик Леонид Ламм в своих работах и книге «Коды геометрии. Универсальный генетический код пространства», выпущенной Международным фондом имени Якова Чернихова к одноименной выставке в Государственном центре современного искусства. «Генетический код, «вирус», по выражению К. Малевича, открытый Я. Черниковым в его «геометрических методиках» и «привнесенный», «привитый» двадцатилетнему Леониду Ламму, вот уже несколько десятилетий продолжает генерировать, репродуцируя мультимедийные визуально-смысловые стра-

тегии как творческое поведение», – рассуждает Виталий Пацюков в своей статье для этого издания¹⁹. Архитектор Андрей Черников, президент Фонда, говорит об удивительном предвидении Я.Г. Чернихова: «Его пристрастие к рукотворному графическому искусству зиждилось на абсолютной уверенности, что еще в наш век графика станет подлинно международным языком цивилизации, и необходимо не просто знать его и свободно владеть им, но и постоянно развивать и совершенствовать. Этой идеей, высказанной за 10 лет до появления кибернетической концепции Норберта Винера, Яков Черников практически предсказал последующее развитие компьютерной графики»²⁰.

И именно компьютерные технологии, а конкретнее – Интернет, помогли вернуть творчество Чернихова в современное реальное пространство для регионов, удаленных от столиц. Выставки работ, проходящие в Москве и за рубежом, географически недоступны для иркутского зрителя, а репринты некоторых его книг выпущены недавно, и их нет в магазинах города. Но великоленно можно увидеть на сайте www.icif.ru – Международного архитектурного благотворительного фонда имени Я. Чернихова, популяризатора творчества архитектора-художника.

«В задачу архитектурной фантазии входит как непрерывное условие – заглянуть дальше в пространство времени», – считал Черников. Он выполнил эту задачу, его работы современные и сегодня. Достаточно почитать отклики в «LiveJournal» – глобальной социальной сети Интернета, где публикуют, в основном, сугубо личные тексты без оглядки на какую-либо цензуру. Обсуждая графику Чернихова, юзер lord_k (2007-12-09 15:16:00, www.lord-k.livejournal.com/287727.html) восклицает: «Не правда ли, это удивительно? То, что сегодня мы видим в фантастических фильмах и компьютерных играх, было придумано давным-давно. Эдакое воспоминание о будущем...»

Композиция 43 из книги: Я.Черников «Архитектурные фантазии. 101 композиция»

Архитектура иркутского конструктивизма

Каждой эпохе соответствует свой стиль.
М.Я. Гинзбург

В парадигме культурного слоя XX века ярким пятном выделяется короткий период 20–30-х годов, затронувший практически все отрасли искусства и, в большей степени, архитектуру. Речь идет о времени плодотворного расцвета всемирно известного и легендарного советского конструктивизма.

Конструктивизм (от лат. constructio – построение) – направление в литературе, музыке и изобразительном искусстве 20–30-х годов XX века. Особенно ярко этот стиль проявился в архитектуре. «Новый стиль должен изменить весь облик жизни, отыскать не только решение пространственной задачи во внутренней архитектуре, в ее interior ах, но и вынести ее наружу, трактуя объемные массы архитектуры как средство пространственного решения города в целом», – писал в своей книге «Стиль и эпоха» один из основателей конструктивизма М.Я. Гинзбург. В основе конструктивизма существует четкая иерархическая связка: форма подчинена конструкции, а конструкция – функции. «...Конструктивизм есть рабочий метод, который отыскивает самый верный и правильный путь к новой форме, максимально отвечающей новому социальному содержанию...»¹. В послереволюционный период политико-экономические преобразования требовали совершенно иной архитектуры, и зодчие трудились над разработкой новых типов сооружений: дома-коммуны, фабрики-кухни, рабочего клуба. В Иркутске довольно интенсивно, как в период реконструкции (восстановления) промышленных предприятий, так и с началом индустриализации, шло возведение новых промышленных объектов и жилых зданий для рабочих и служащих, в том числе деревянных типовых многоквартирных домов².

Архитектурный конструктивизм пришел в Иркутск достаточно поздно по сравнению с Москвой и Ленинградом. Так, если первые здания в столице были воздвигнуты в 1927 году

(бывший Госторг, Мясницкая, 47, арх. Б. Великовский), то первый дом, построенный в стиле конструктивизма в Иркутске, датируется 1934-м годом. Но конструктивизм не занял лидирующего положения в объемах капитального строительства нашего города и зафиксирован в виде единичных строений. В других городах Урала и Сибири, в частности в Новосибирске, примерно в тот же временной отрезок, возникают более 100 зданий в духе конструктивизма, в Свердловске (Екатеринбурге) – около 150. В Иркутске же – едва ли наберется два десятка. В нашем городе примером «массового» возведения зданий в стилистике конструктивизма, но с элементами неоклассики, является квартал по ул. Новаторов (арх. А. Шпалек. Архитектурно-планировочная мастерская академика Весниных)³.

Одно из конструктивистских зданий Иркутска – Дом культуры завода им. Куйбышева (1934, старое название «Клуб «Союззолото») по улице К. Маркса, 53. Это новый для того времени тип многофункционального общественного здания, куда входили театральный зал, спортзал, библиотека, столовая, фабрика-кухня, другие помещения. Его автор – известный ленинградский архитектор А.А. Оль. Ч-образная в плане, тщательно продуманная функциональная схема связала многочисленные помещения, размещенные в двух-, трехэтажных объемах, что позволило создать сложную объемно-пространственную композицию. Функциональное зонирование и конструктивное решение в этой постройке, полностью соответствует «павильонному» методу композиции, присущему конструктивизму. Здание делится на отдельные по назначению корпуса, которые соединяются друг с другом при помощи коридоров и переходов в соответствии с требованиями общего функционального зонирования.

Составители научного паспорта на памятник архитектуры И.В. Калинина и Л.Г. Басина⁴ однозначно относят здание клуба к конструктивизму. И действительно, базовые принципы

конструктивизма (по М.Я. Гинзбургу), соблюдены: 1) здание разбито на функционально-пространственные единицы;

2) решение пространственной задачи выработано, исходя из свойств строительных материалов и конструкций;

3) определено композиционное соотношение пространственных объемов, их ритм и пропорции;

4) все части объекта подчинены функции.

Но все же некоторые элементы внешнего декоративного оформления, несвойственного конструктивизму, присутствуют, например: пилястры, карнизы, рустовка, которых не было в первоначальном проекте А.А. Оля. Возможно, они появились после известного постановления партии и правитель-

ства 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», в результате чего многие архитекторы вынуждены были взять курс на «освоение классики».

Здание заводоуправления (Окт. Революции, 1) – еще один яркий пример конструктивистской архитектуры. Два прямоугольных объема разной высоты, расположенные перпендикулярно друг к другу, соединяются на углу цилиндрическим объемом. Широкие окна и сплошное горизонтальное остекление третьего этажа выдают в нем характерный признак конструктивизма.

Подъем экономического развития Иркутска начался в 30-е годы, когда конструктивизм как таковой был уже под запретом, и объемно-планировочные и стиливые

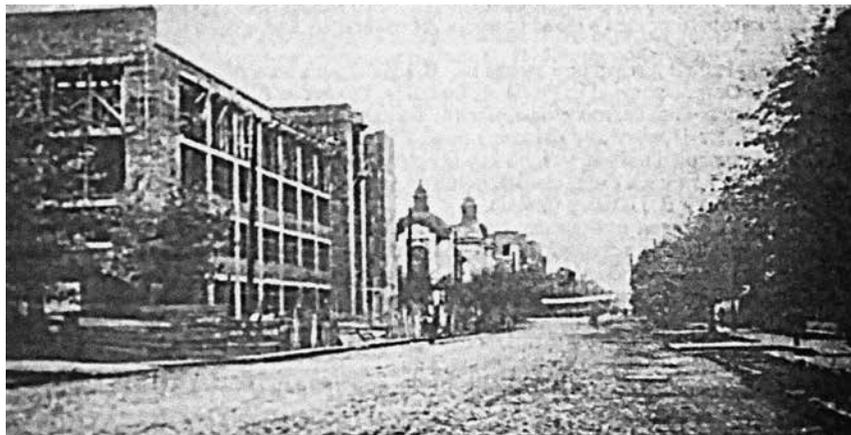
1. Гинзбург М.Я. Конструктивизм в архитектуре // Современная архитектура. 1928. № 5. С. 144.
2. Сидоренко А.В., Меерович М.Г., Чертилов А.К. Деревянное типовое многоквартирное жилищное строительство в Иркутске 1920–1950-х // Проект Байкал. 2008. № 16. С. 108–119.
3. Оглы Б.И. Иркутск. О планировке и архитектуре города. И., 1982. С. 69.

Клуб завода им. Куйбышева. 1934 г. (из архива СООКН)

Клуб завода им. Куйбышева. 2009 г. Фото В. Лисицина, 2009

Здание управления завода им. Куйбышева. Фото В. Лисицина, 2009

Строительство здания управления Треста «Востокзолото» на углу ул. Карла Маркса и Марата (нач. 30-х гг.). Из архива СООКН

4. Паспорт на памятник истории и культуры «Клуб «Союззолото» 1929–1934 гг.», г. Иркутск, ул. К. Маркса, 53 / Сост. арх. И.В. Калинина, Л.Г. Басина. 20 апреля 2000. Архив СООКН.
5. Оглы Б.И. Иркутск. О планировке и архитектуре города. И., 1982. С. 65.
6. Гинзбург М.Я. Мастера советской архитектуры об архитектуре. М., 1975. С. 295.

решения отражали характерную стилистику сталинской архитектуры. В результате конкурсов 1930–1940-х многие фасады зданий, ранее построенных в конструктивистском стиле, «переделали» в соответствующие «одежды» в духе сталинского ампира.

Ярким примером смешения конструктивизма и неоклассики является Дворец культуры авиационного завода (арх. Н.А. Четвериков, 1937) по улице Макаренко и школы № 43 (1936) по улице Авиастроителей. В планах этих зданий явно читаются конструктивные мотивы сочетания и сопряжения

форм, а в фасадах применяется ордерный декор: полуколонны, пилястры, колонны, аттиковые завершения и пр.

Госбанк СССР (арх. Волков, 1936) тоже являлся зданием нового типа, имеющим планировочную каркасно-конструктивную схему. По первоначальному проекту в этом строении были совмещены производственная и жилая функции. Левое крыло здания жилое, для сотрудников банка, окна выглядывали на тихий переулочек Кооперативный (ныне пер. Канадзавы). Административная зона была обращена на площадь Кирова. В процессе согласования

проект видоизменялся, добавились декоративные черты классического ордера: руст, пилястры, выделение первого этажа и другие детали.

Планировочная структура здания Управления Восточно-Сибирской железной дороги по первоначальному проекту архитектора К. В. Миталья выполнена в стиле конструктивизма, с характерными для этого стиля признаками: широкие окна, выступающие за общий объем пилоны и конструктивная схема железобетонно-балочных конструкций. В связи со сменой собственника, строительство было заморожено и завершено в 1950 году архитектором Д. М. Гольдштейном. Фасады нарядились в «одежду» классического ордера, и теперь сложно идентифицировать это здание как конструктивистское.

В ряде примеров смешения конструктивизма и неоклассики стоит здание общежития завода им. Куйбышева (ул. Рабочего Штаба, 8, 1938 г.). Конструктивное формообразование присутствует в пилонах лестничных клеток, расширенных окнах, вертикальном остеклении. По продольной линии строения расположены анфиладой железобетонные

колонны и балки, которые позволили варьировать площадь комнат. Причем наружные стены остались несущими, а толщина внутренних перегородок уменьшилась. Но появление рустовочного рисунка и межэтажных карнизов говорит о последующей «корректировке» фасада.

В зданиях конструктивизма несущую функцию выполняет каркас, стены превращаются в навесные, осуществляя лишь функцию теплоизоляции.

Вследствие этого окна предельно расширены по горизонтали и часто превращаются в сплошное горизонтальное или вертикальное остекление. Одним из характерных признаков конструктивизма является использование таких материалов, как железобетон, металлический профиль в колоннах, балках и перекрытиях. Подобные материалы в период индустриализации были весьма дефицитными, при постройках зданий, в том числе и в конструктивистских, использовались доступные традиционные материалы, например кирпич. Но когда в здании отсутствуют железобетон и металлические конструкции, и стены соответственно начинают нести всю тяжесть

Вино-гастрономическое товарищество (Киевская, 1). Фото В. Лисицина, 2009

Вино-гастрономическое товарищество (Киевская, 1, 1912 г.). Фотархив

Дом железнодорожников, ул. Карла Маркса и 5-ой Армии. Архитектор – К.Л. Жилкин (1934 г.). Фото В. Лисицина, 2009

верхних этажей, то о «чистом конструктивизме» говорить не приходится, потому что архитектура сооружения возвращается к традиционной «предыдущей» схеме. Архитекторы-конструктивисты в Иркутске стремились строить здания именно в формате конструктивизма, но, не имея технических возможностей, вынуждены были лишь имитировать его внешний вид и стилистику. Именно об этом говорит иркутский историк Б.И. Оглы: «Стремление в какой-то мере ответить господствующему в этот период направлению в архитектуре и отсутствие в то же время необходимых технических возможностей приводило иногда к примитивизму и упрощенчеству»⁵.

Примером имитации конструктивизма, точнее, переложение идей этого направления на иркутскую манеру, являются два внешне совершенно конструктивистских объекта: жилой дом партактива по улице Свердлова, 22 (угол ул. Сухэ-Батора), и жилой дом сотрудников НКВД по переулку Пионерскому, 10 (угол ул. Литвинова). Несмотря на стилистическое сходство с конструктивистскими зданиями в отношении строительных материалов и системы, они не являются чисто конструктивистскими сооружениями, так как в несущих стенах используется кирпич и нет конструктивной основы.

Социальные условия Советской России требовали многофункциональных зданий. Жилой дом партактива (1933) являлся представителем нового социального типа архитектуры. Г-образное здание разделено на две половины – коммунальную и жилую – по двум улицам, Сухэ-Батора и Свердлова соответственно. Двухэтажная

перемычка в оконных проемах позволила растянуть окна в ширину. В квартирах до наших дней сохранилась встроенная мебель из дерева. Подобная мебель присуща для конструктивистских жилых интерьеров. Характерен архитектурный прием для того времени: полуцилиндр с продольными линиями балконов врезан в два параллелепипеда. Витражи вертикального остекления лестниц контрастируют с горизонтальной линией балконов. Оштукатуренный фасадный кирпич имитирует железобетон, но со стороны двора кладка осталась открытой.

Среди иркутских конструктивистских зданий особо выделяется жилой дом сотрудников НКВД по Пионерскому переулку, 10 (1934), также построенный по проекту архитектора К.В. Митяля. Применяя разнородность и оперируя разными объемами, зодчий мастерски вписал здание в архитектурную среду: четырехэтажное правое крыло возвышается над примыкающим к нему деревянным двухэтажным домом, трехэтажное левое крыло примыкает к кирпичному дому большей этажности. Удачно расположенное на перекрестке улиц, Г-образное в плане, строение с выступающим цилиндрическим объемом и опоясывающими балконами, является архитектурным акцентом. Лаконичная, геометрическая чистота форм сочетается с поисками сложной пространственной композиции. Здесь Митяль новаторски использует технические средства в архитектуре, добивается яркой художественной выразительности благодаря простым геометрическим формам.

Архитектура жилого дома НКВД вполне соответствует

определению М.Я. Гинзбурга: «Архитектурные памятники, оговоренные, очищенные от блестящей и поверхностной одежды, предстали во всей прелести и неожиданной остроте художественного аскетизма, во всей силе грубого и лапидарного языка простых, ничем не засоренных архитектурных форм»⁶. Здание также построено из кирпича, но уже использован новый, дефицитный по тем временам строительный материал – железобетон. Без его применения не получилось бы акцента, «составленного» из выносных ленточных балконов, которые, по сути, задают общий архитектурный ритм зданию и держат всю композицию, плавно переходя в объемы левого и правого крыльев. Присутствует и типичная конструктивистская деталь – сплошное вертикальное остекление лестничных блоков.

Гостиница «Сибирь» (1934, первоначальное название «Центральная») – еще одно произведение архитектора К.В. Митяля. Очень удачное в архитектурно-планировочном отношении сооружение. Здание абсолютно лишено фасадного декора, но имеет возвышающиеся над общим силуэтом и плоскостью фасада пилоны боковых лестничных площадок, что придает всему строению определенную динамику. Известна устная легенда, что после завершения строительства гостиницы происходила стихийные демонстрации протеста: обыватели не могли воспринять необычные лаконичные формы с отсутствием декора и любимой лепнины. Центральный лестничный объем задвинут во двор, образуя своеобразный курдонер. Также применен распространенный конструктивистский метод – полуцилиндр парадного входа врезан в основной прямоугольный объем здания. Примененные железобетонные балки и колонны позволили установить перегородки минимальной толщины. Вертикальное остекление пилонов гармонично перекликается с окнами фасада и задает индивидуальный ритм всему фасаду. Проемы между несущими конструкциями заложены кирпичом и оштукатурены, имитируя бетон. Выделение цветом межоконных простенков дает ощущение сплошного остекления, характерного

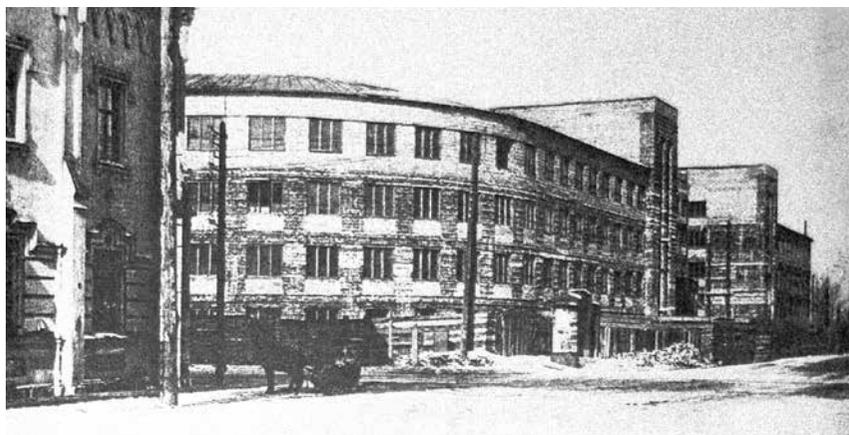
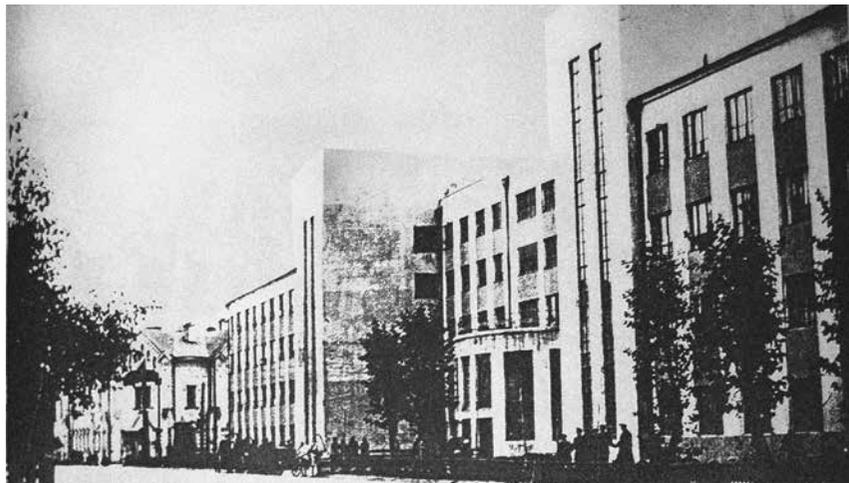
для данного стиля. Пожалуй, это одно из немногих зданий, наиболее точно выразившее идеи конструктивистского стиля в архитектуре.

Еще одно здание, построенное по проекту К.В. Митяля, – учебный корпус курсов марксизма-ленинизма по ул. Сухэ-Батора и пер. Богданова. (1934). К нему примыкают строения: 2-этажный корпус женской гимназии (1878) и угловой 2-этажный корпус, построенный в 1913 году архитектором Д.Р. Магиделом. Здание в стиле конструктивизма, выдержанное по пропорциям и высоте, органично вписалось в архитектурный облик исторического ансамбля. Нижний этаж выделен цветом

Управление ВСЖД (К. Маркса, 7, 1950 г.). Фото В. Лисицина, 2009

Курсы марксизма-ленинизма (пер. Богданова, 8). Фотоархив

Гостиница «Сибирь». Начало 50-х гг. (из архива СООКН)

Гостиница «Сибирь». 2009 г. Фото В. Лисицина, 2009

и рустом, и это стилистически сближает его с классическими «соседями».

Помимо зданий, полностью построенных «с нуля», в Иркутске практиковались надстройки. Это объяснялось тем, что в тридцатых годах прошлого века остро ощущался дефицит строительных материалов и материальных ресурсов. Но происходил рост населения, и, соответственно, были нужны новые квадратные метры жилья и общественных объектов. Выход из положения был найден за счет увеличения этажности старых строений.

Настройки старались выполнять в «конструктивистском» стиле: фасады лишены декора, и, несмотря на то что основным материалом выступал все тот же традиционный кирпич, обработка стен имитировала бетон.

У К.В. Миталея есть несколько таких надстроек. Например, у строения Клиники нервных болезней (бульвар Гагарина, 18а), благодаря реконструкции, появился третий этаж. Надстройка получилась гармоничной за счет заимствованных у существующих этажей пропорций и деталей классического ордера. Получилась

своеобразная игра фактур кирпича нижних этажей и штукатурки надстроенного этажа.

Надстройка и реконструкция внутренних помещений здания бывшего дома Виногастрономического товарищества (Киевская, 1, 1933 г.) тоже осуществлялась К. Миталем. Последний этаж, несмотря на новый архитектурный принцип – лишённые декора ровные плоскости, органично вписался в существующую постройку за счет прорезанных вертикальных витражей лестничных клеток и расположенных в два ряда

разных по величине окон.

Здание Финансово-экономического института было реконструировано в 1934 году. Ранее там располагалось пятиклассное городское училище, построенное в классическом стиле В.П. Рассушиным. После реконструкции общий силуэт сохранился, но основные пропорции были нарушены двухэтажной надстройкой. Главный вход перенесен, классические детали убраны полностью. Межэтажный карниз разделяет фасад ровно пополам, и появляется оптическое

Госбанк (Ленина, 16, 1936 г.). Фото В. Лисицина, 2009

Городская дума (Ленина, 14). Фото В. Лисицина, 2009

Центральный Роддом, 1937 г., Миталь (БГУЭП), угол ул. Карла Маркса и 2-й Красноармейской

Жилой дом сотрудников НКВД, по пер. Пионерский, 10. Фото В. Лисицина, 2009

Жилой дом по ул. Свердлова, 22. Фото В. Лисицина, 2009

Жилой дом специалистов. Миталь, 1934 г. Фото В. Лисицина, 2009

ощущение, что верхняя часть больше нижней.

Здание роддома (ул. Лапина, 1, 1937 г.) было расширено за счет прилегающего к нему дома. Одноэтажное здание, выходящее на улицу К. Маркса (угол 2-й Красноармейской), надстроено одним этажом и соединено с бывшей клиниккой доктора Г.А. фон-Бергмана, где и размещался родильный дом. В результате увеличилось количество коек и расширены вспомогательные помещения. Внешне это здание, лишенное декоративных деталей, выглядит как образец конструктивизма, фасад смотрится просто и лаконично, ничего лишнего.

Еще одна реконструкция, осуществленная К. Миталем

совместно с архитектором В.Д. Дмитриевым, – надстройка Городской управы двумя этажами (ул. Ленина, 14, 1934 г.). Здание было построено в конце XIX века архитектором В.А. Рассушиным и имело четко вымеренные пропорции и элементы классического стиля, которые были убраны во время реконструкции за исключением руста. Арочные окна второго этажа заменены на прямоугольные. Выходящий за пределы фасада главный вход, над которым располагался балкон, был демонтирован. Лишенное декоративных деталей и боковых ризалитов, здание потеряло выразительную, объемно-пространственную композицию.

Реконструкции классических зданий с помощью конструктивистских методов формообразования выявляют, в большей степени, дисгармоничность смешения двух стилей. С другой стороны, изменение конструктивистских фасадов в сторону неоклассики наносит несправимый ущерб чистоте конструктивистского стиля, практически уничтожая один из важных его постулатов – отказ от декоративных украшений. Но что имеем, то имеем. И удивительные, ни на что непохожие здания, сотворенные в эпоху авангарда, органично вписаны в городскую среду и являются живыми свидетелями истории. Они являются редкими примерами творчества очень

немногих иркутских зодчих – представителей авангарда. Пусть эти строения не являются образцами «чистого конструктивизма», неся чуждые для этого стиля элементы, но все-таки это именно конструктивистские здания, и их в Иркутске не так уж много. Это оригинальные, любопытные примеры, внешне несущие его черты, но лишенные новаторской (с точки зрения конструктивной схемы и строительного материала) сути. Не все иркутские конструктивистские здания уцелели до сегодняшнего дня, но те, что сохранились, необходимо срочно поставить на государственную охрану, включив их в Реестр объектов культурного наследия.

Василий Лисицин

БГУЭП (Ленина, 11, 1933 г.). Фото В. Лисицина, 2009

Александро-Мариинское училище (Ленина, 11, 1911 г.). Фотоархив

Комплекс Linked Hybrid / Linked Hybrid complex

Только что сданный Linked Hybrid состоит из восьми башен, связанных в почти овальное кольцо восьмью мостиками, на которых устроены плавательный бассейн, фитнес-центр, кафе, выставочная галерея, зрительный зал и ночной клуб. Комплекс расположен близ линии прохождения несохранившихся крепостных стен Пекина; он противопоставлен типовой городской застройке современного Китая: продолжая важную для работ Холла тему «пористости», ансамбль открыт сгарижи со всех сторон и служит рекреационной зоной для горожан. В его состав входят 750 квартир, различные объекты инфраструктуры и гостиница на 82 номера. Пористая структура Linked Hybrid создает разнообразные точки зрения – извне наружу или даже сквозь комплекс, сверху вниз и снизу вверх, бесконечные диагональные вариации, что тесно связывает новое сооружение с городской средой.

Место: Пекин, Китай
Архитектор: Steven Holl
Тип: многофункциональный комплекс

Linked Hybrid: www.archi.ru/foreign/news
Официальный сайт мастерской: www.stevenholl.com

Город Столиц / Multifunctional complex Capital City

Сочетание двух башен высотой 73 и 62 этажа, которые названы в честь Москвы и Санкт-Петербурга, и прилегающего офисного комплекса спроектировано американским архитектурным бюро NBBJ. Архитектурное решение комплекса уходит корнями в русский конструктивизм начала прошлого века с его четкими, просчитанными геометрическими формами. Идеи русского конструктивизма проявились не только во взаимоотношении объемов подиума и башен, но и в решении фасадов. Вертикали подчеркнуты «мозаикой» из светлой и темной терракотовой плитки.

Место: Москва, Россия
Архитектор: NBBJ
Тип: многофункциональный комплекс

Капитал групп: www.capitalcity.ru
Официальный сайт мастерской: www.nbbj.com

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

IX

CATALOGUE
КАТАЛОГ

СІÄ×ÅÑÒÂÎ
ĂÎÑÒÎ×ÍÎÉ
ÑÈÁÈÐÈ

Составы жюри:

Раздел «ПОСТРОЙКИ»

- Председатель Явейн Н.И.
обладатель национальной премии «Хрустальный Дедал», г. Санкт-Петербург
- Зам. председателя Бух В.Ф.
заслуженный архитектор РФ
- Секретарь Апциаури В.А.
архитектор, г.Иркутск
- Члены жюри Распутин В.В.
главный архитектор Иркутской области
Григорьева Е.И.
вице-президент СА России
Мыльников Ю.В.
архитектор, г. Красноярск

Раздел «ПРОЕКТЫ»

- Председатель Астраханцева В.В.
председатель правления Братской организации СА России,
заслуженный архитектор РФ
- Зам. председателя Хомутинников И.В.
заместитель председателя комитета по градостроительной политике Администрации г.Иркутска
- Секретарь Теплякова И.А.
архитектор, г.Иркутск
- Члены жюри Чертилов А.К.
руководитель Сектора культурного наследия ОАО «Иркутский Промстройпроект»,
доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования Иркутского государственного технического университета
Жуковский Н.Л.
генеральный директор ООО «Архитектурная фирма Н.Жуковского», г.Иркутск
лауреат Губернаторской премии г. Иркутска

Раздел «ПРОПАГАНДА АРХИТЕКТУРЫ»

- Председатель Железняк О.Е.
профессор, заведующая кафедрой дизайна факультета изобразительного искусства ИрГТУ

Учредители Межрегионального фестиваля «Зодчество Восточной Сибири»:

Департамент культуры и архивов Иркутской области;
Иркутская региональная организация Союза архитекторов России; Восточно-Сибирский научно-творческий центр Российской академии архитектуры и строительных наук

Генеральные спонсоры фестиваля:

ООО БПТО «ЭнергоХимКомплект»
(Директор О.Н. Коновалова)

ОАО «Иркутскгражданпроект»
(Директор А.Ю.Макаров)

- Зам. председателя Меерович М.Г.
профессор кафедры архитектурного проектирования ИрГТУ
- Секретарь Жаркова М.С.
- Члены жюри Лидин К.Л.
доцент кафедры менеджмента ИрГИПС
Дружинина И.Е.
главный архитектор АПМ-1
ОАО «Иркутскгражданпроект»

При особом мнении Мееровича М.Г.: Отказ от голосования при обсуждении «Рекомендации по проектированию уличных пространств г.Иркутска».

Раздел «ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ И СТУДЕНТОВ»

- Председатель Демков С.Б.
главный архитектор ИркутскГипродорНИИ
- Зам. председателя Григорьев С.М.
«Иркутскгражданпроект»
- Секретарь Иоффе Т.Ч.
архитектор ОАО Иркутский Промстройпроект
- Члены жюри Селянцев К.Г.
руководитель агентства экспертизы
Крылова И.Н.
ГАП, г. Красноярск
Бадула О.Б.
ГАП ООО «ГАБР», г. ИРКУТСК

Раздел «ДЕТСКОЕ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО»

- Председатель Стегайло В.Б.
заслуженный архитектор России
президент коллегии «Байкальского Общества Архитекторов и Инженеров» (БОАиИ)
- Зам. председателя Ладейщиков А.Ю.
доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования, зам.директора Международного Байкальского Зимнего Градостроительного Университета
- Секретарь Серебренникова А.В.
- Члены жюри Ананьев С.А.
главный архитектор ВостСибПроект

Партнеры:

ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского»
(Генеральный директор Н.Л. Жуковский)

Поддержка:

ЗАО «Иркутскжилгорпроект»
(Генеральный директор Н.А. Кузаков)
ОАО «Иркутский Промстройпроект»
(Генеральный директор А.С. Заиграев)
ОАО «ИркутскГипродорНИИ»
(Генеральный директор А.Я. Косяков),
Предприятие «Фортуна»
(Генеральный директор М.Н. Замарацкий)
НП «БОАиИ»
(Президент правления коллегии В.Б. Стегайло)
ООО «Краспан»
(Генеральный директор А.И. Клименков)

Спонсоры:

ООО «ГАБР» (Директор Г.А. Белоусов)
ООО АБ «Перспектива» (Генеральный директор И.В. Козак)
ООО «Престиж-сервис» (Директор В.В. Пуляев)

Информационное сопровождение:

журналы:
«Проект Байкал»,
«Строим вместе», Иркутск

Хроника фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2009»

Открытие

2-го июня в Иркутске стартовал IX Международный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири». В течение вот уже девяти лет он играет свою объединяющую роль в архитектурной жизни огромной территории от Алтая до Читинской области. В этом году кроме традиционных регионов и городов в смотрах-конкурсах приняли участие архитекторы из Томска и Москвы.

Выставка конкурсных работ, церемонии открытия и вручения наград смотров-конкурсов по традиции проходили в залах Иркутского художественного музея. В церемонии открытия с приветствием к участникам и гостям обратились представители областной администрации. Министр культуры Виталий Барышников не только выполнял представительские функции, но

и участвовал в ключевом мероприятии фестиваля – общественной дискуссии «Индекс устойчивости». Генеральным спонсорам и партнерам фестиваля и всем, оказавшим поддержку ЗВС-09, были вручены благодарственные дипломы. Несколько минут славы досталось и создателям журнала «Проект Байкал»: участники прошедшего в мае в Софии триеннале ИНТЕРАРХ Марк Меерович и Константин Лидин в торжественной обстановке передали членам редколлегии Золотую медаль Международной академии архитектуры.

Юбилей Андрея Красильникова, исполняющего обязанности главного архитектора Иркутска, счастливо совпал с днем открытия фестиваля и, естественно, персональная выставка юбиляра в Иркутском доме архитектора

монстрировала результаты 25 лет работы юбиляра практикующим архитектором.

Мастерская

В этом году официальным гостем фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» был Никита Явейн, звезда российской архитектуры из Санкт-Петербурга, неоднократный лауреат национальной премии «Хрустальный Дедал». По просьбе гостя была устроена специальная экскурсия по павловским объектам. Интервью с официальным гостем ЗВС-09 опубликовано в этом номере ПБ.

Мастер-класс Никиты Явейна был в высшей степени содержательным, а блистательное мастерство гостя вызывало у сибирских коллег восхищение. Маэстро из Питера обошел аборигенов и в рыбалке на Байкале. Иркутяне требуют реванша!

привлекла внимание не только друзей Андрея Георгиевича и его коллег по работе в городской администрации, но и всех участников ЗВС-09. Качественно исполненная экспозиция заняла все стены большого зала и проде-

Авторский надзор
 Интерес архитекторов, студентов и журналистов вызвала экскурсия по новостройкам Иркутска. Как и было обещано, экскурсию провели авторы-архитекторы. Свои объекты показали и прокомментировали и. о. главного архитектора Иркутска Андрей Красильников (Центр управления перевозками РЖД и новая церковь в Лисихе), заслуженный архитектор России, главный архитектор ОАО «Архцентр» Владимир Стегайло (Школа искусств в Академгородке) и председатель правления ИРО САР Игорь Козак (Шведская деревня на ул. Улан-Баторской возле микрорайона Университетский).

Градсовет
 3 июня в рамках фестиваля ВостокСибАкадемЦентр РААСН и ПБ провели общественную дискуссию «Индекс устойчивости», в которой свое мнение высказали министр, известный политик, социологи и культурологи, архитекторы, бизнесмены, студенты и общественные деятели. Стенограмма дискуссии приведена в главной теме ПБ21.

Молодежный клуб
 В этом году главной экспозицией Клуба молодых архитекторов стал интерактивный планшет «КМА как индекс устойчивости «молодой архитектуры» Иркутска».

На нем был представлен путь клуба за три года – трансформация от студии по интересам к творческому объединению арт-молодежи.

КМА – современное «электронное» поколение, и потому формат «планшета» был интеракти-

вен. Каждый мог оставить свой комментарий или пожелание, добавить фото или заменить его. Планшет мобилен – содержание и форма могут меняться, так же как и клуб.

Пленэр
 В рамках фестиваля уже традиционным стал массовый выезд на берег Байкала, Великое озеро, как большой магнит, притягивает и гостей, и аборигенов, а неформальное общение всегда дает возможность узнать друг друга ближе. Как всегда тепло встретил архитекторов поселок Большие Коты: обед по-сибирски сменился волейболом и посещением достопримечательностей. Самые смелые «ушли в горы»: прошли горной тропинкой к диким берегам озера и прикоснулись к прекрасному. Некоторые смельчачки прямо-таки погрузились в прекрасное: несмотря на ранние числа июня, искупались в холодной воде. Зачинщиками экстремального заплыва, конечно, были истинные сибиряки.

С погодой повезло, и народ уже к вечеру существенно раскалился от загара, стал темнеть и краснеть, впрочем, перемене колера в некоторых случаях способствовали и традиционные градусы под свежий омулек. Возвращение на кораблях сопровождалось песнями, а в белую пену летели монетки в надежде на будущие встречи на Байкале.

Союз архитекторов
 Откровенный разговор иркутских, красноярских и братских архитекторов о жизни местных и региональных организаций Союза

архитекторов России в резко изменившихся экономических условиях состоялся в последний день фестиваля за круглым столом Дома архитекторов. Кризис поставил организации СА на грань выживания. Впрочем, в этом же положении оказались и проектные организации, в том числе самые успешные и процветавшие еще в совсем недавнем прошлом. Задачи противодействия демпингу и обеспечения качества архитектурных и градостроительных решений теперь совместно с Союзом призвано решать некоммерческое партнерство «Байкальское общество архитекторов и инженеров», оперативно созданное в Восточной Сибири и объединившее почти весь ареал влияния ЗВС.

Подведение итогов
 Фестивальная неделя закончилась 5 июня. Были оглашены итоги работы пяти жюри по смотрам-конкурсам

и вручены награды победителям. В фестивале было представлено 148 работ в разделах «Постройки», «Проекты», «Пропаганда архитектуры» и «Творчество молодежи и студентов», кроме того в отдельном зале демонстрировались 120 работ детских студий. Совсем неплохо для кризиса. Каталог выставки публикуется в этом номере журнала.

Возможно, этот фестиваль был последним в череде недолгих лет изобилия, и юбилейный ЗВС-10 покажет уже новое поколение проектов – экономических и рациональных, востребованных в новых условиях.

Материал подготовлен
 Еленой Григорьевой
 и Александрой Козак
 Фото Марина Абдуллина

Интервью с Никитой Явейном

В дни фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2009» в Союзе архитекторов состоялась встреча участников фестиваля и членов редколлегии журнала «Проект Байкал» с Никитой Игоревичем Явейном, генеральным директором архитектурной мастерской «Студия 44» (Санкт-Петербург).

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Наша встреча проходит накануне дискуссионного стола, тема которого – индекс устойчивости. Ее рассмотрение очевидно необходимо в наших сегодняшних условиях, особенно в контексте экономического кризиса. Какие ассоциации вызывает у вас эта тема?

НИКИТА ЯВЕЙН

Мне кажется, прежде всего следует говорить об устойчивости профессии или какого-то коллектива. Я считаю, в этом отношении многое зависит от человека. Я не знаю, как у вас на Байкале, но у нас очень чувствуется влияние потребительского общества: часто обнаруживаются необоснованные амбиции по отношению к себе лично и к своему

заработку. Вместе с тем выросла внутренняя лень – лень серьезная, глубокая. Нет «голода» во внутреннем смысле: стало пропадать внутреннее стремление, стимулирующее работу. Это заметно не только у людей среднего и старшего возраста, но и у молодежи. Не случайно, что стало меньше новых мастерских. Если они и появляются, то идут по пути меньшего сопротивления. Я многим нашим архитекторам предлагал начать делать нечто новое, но ответной инициативы не обнаружил. У многих (я не говорю, что у всех) произошла потеря. Мне кажется, устойчивость определяется вот этим «голодом», стремлением к профессиональной активности. Если баланс соотношения «голодных» людей к общей массе начинает нарушаться, то организация становится зыбкой, неустойчивой. Это моя формулировка сегодняшней ситуации. Пути, которые чаще всего выбираются для достижения цели, рано или поздно приводят в тупик. Но это происходит, к сожалению, не сразу. Я думаю, что сегодня наша профессия как бизнес, как индустрия

в России не очень конкурентоспособна по сравнению с западными и китайскими коллегами. Только глубокая, очень серьезная перестройка может ее спасти.

ПБ

Какого рода перестройку вы имеете в виду?

НЯ

Я не готов давать рецепты, но она наступит. Симптомом ее мне представляется явное головокружение от успехов у российских архитекторов. Я прекрасно знаю, как работают западные фирмы. Конечно, у нас гораздо более щадящие условия. Иногда за так называемыми высокими ценностями скрывается нежелание работать.

ПБ

Обоснована ли обида российских архитекторов на то, что власти приглашают зарубежных авторитетов для проектирования больших объектов?

НЯ

В чем-то обоснована, в чем-то нет. Например, туземцы после прибытия Колумба умирали от новых болезней, к которым у них не было иммунитета. Так и у нас нет противоядия многолетнему опыту зарубежных архитекторов в их работе с заказчиками. Они на порядок лучше умеют работать с заказчиком на личностном уровне. Даже самые раскрученные из наших представителей проигрывают в этой борьбе. Не секрет, что большая часть зарубежных архитекторов много внимания уделяет своему имиджу. Вся эта имиджевая схема раскручивается у них уже много лет. Мы этого не умеем, более того, если мы начинаем действовать подобным образом, коллеги смотрят на тебя с некоторым удивлением. Это первое.

Второе – сегодня в нашем бизнесе очевидно сильное расхождение между работой проектировщика и техническими возможностями строительства. Прелесть работ западных архитекторов не столько в том, как они спроектированы, сколько в том, как они построены. Там огромная культура деталей, инженерии. В этом мы явно слабы, у нас технологическое отставание, у нас нет своей промышленности, которая может поддержать этот уровень. Использовать технологические наработки западной промышленности возможно в очень ограниченном объеме из-за их дороговизны и только на уникальных объектах:

Эрмитаж, Мариинка... Это объективная сторона. Есть и субъективная. Приходишь к Фостеру в девять утра – все на месте. Уходишь в девять вечера – все на месте. Большинство работает по 10–12 часов в сутки. И так минимум пять дней в неделю, а то и шесть. А большая часть персонала получает не больше, чем мы. Это тоже один из аспектов неконкурентоспособности отечественных архитекторов.

ПБ

Как вы оцениваете общий уровень современной архитектуры?

НЯ

Глобализация съедает, поглощает оригинальную архитектуру, поэтому меня сегодня только региональные школы интересуют: колумбийцы, испанцы, китайцы, индусы. А глобальное перекачи-поле мне неинтересно. Я пытаюсь в нем разобраться, но не могу, засыпаю. Это такая архитектура аттракциона, которая при внешнем разнообразии удомительно одинакова. У всех звезд один прием. Раньше себе невозможно было такое представить, а сегодня сплошь и рядом. С этим трудно бороться. Я думаю, уровень сегодняшней архитектуры никого не устраивает. Ни потребителя, ни нас. Что такое Запад? Запад, он разный. Объединяет его только то, что сегодняшняя архитектура живет по законам шоу, моды: сегодня носят криволинейное, завтра в диагональную полосочку; если ты сегодня в клеточку, то ты не современен. «Звездная» архитектура, которая модна два года, а потом ее надо менять, уже не звездная архитектура. Вкладывать миллиарды, чтобы через два года быть несовременным, – это странно. Но эти законы шоу и дизайна четко распространились. Это одно явление. Другое идет параллельно: в национальных архитектурных школах много вещей оригинальных, фантастических по сложности. Но их в журналах нет по определению. У нас был тяжелый опыт избавления от архитектурной моды. Раньше этого много про-скакивало, но, увидев ее у себя в крайнем варианте, мы с ужасом начали от погони за архитектурной модой избавляться. Действуем от противного. Как инквизиция. Сразу контрасты возникают.

МАРК МЕЕРОВИЧ

Значит ли это, что архитектура превращается в бизнес, подобный бизнесу модной одежды?

НЯ

Сегодня кризис показал, что продолжать действовать по модели шоу в архитектуре невозможно, он выбил стул из-под этой системы. Что будет дальше? Я не могу экстраполировать эти тенденции. Во-первых, не надо ни к чему готовиться. Надо самому жить и работать. Работа у нас есть. Если не будет жесткой травли, я думаю, хотя бы в усеченном варианте я себе ее всегда наберу. Может быть, другого уровня, с другими зарплатами. С другой стороны, понятно, что нужно менять структуру: трение среды увеличилось, условия работы стали значительно более жесткими. А люди в мастерской работают свои, ротация затруднена. Опыт зарубежных мастерских показывает, что там работа строится на принципе «крысы в банке»; народ напрягается как может, и результат достигается быстрее и эффективнее. Очень жесткие, даже жестокие условия работы. У нас же интенсивная работа и здоровье может подорвать, и отношения испортить.

ВЛАДИМИР БУХ

Как вы оцениваете ленинградскую архитектуру и архитекторов по сравнению с Москвой? Есть ли разница и в чем?

НЯ

У всех петербургских и московских архитекторов разный уровень. Петербургская архитектура количественно на порядок меньше. Соответственно, система «одноканальная»: слой тоньше, система легче рвется и ломается. В

пределах четырех-пяти имен – это достаточно приличный уровень. В Москве больше имен и разные приличные уровни. Но в Петербурге более-менее однородный поток стал уже разрушаться, в том числе и в человеческом плане. Возникли две-три группы, непримиримые по всем позициям: финансовым, морально-нравственным. В Москве база более разнообразная. Там голову одну обрубил, – может, лучше станет. У нас одну голову обрубил – можно остаться вообще без лидеров. С другой стороны, в среднем у нас уровень ниже московского. «Верх» московский намного толще, чем у нас. Мне кажется, положительный момент – то, что в Петербурге развалилась государственная структура: остался Ленпроект, он существует формально. По существу это просто акционерное общество, ориентированное преимущественно на типовое строительство. В институте человек 600; крупные мастерские по объему уже близки к нему.

ММ

Вы преподаете. Нуждается ли система архитектурного образования в реформах. Если да, то в каких? Как содержательно, организационно оно должно учитывать все те проблемы, о которых вы говорили?

НЯ

Это самое слабое место в нашей профессии. Я преподаю в Академии. Если рассматривать соотношение хороших и плохих студентов, то у нас больше хоро-

ших. Но по трудоемкости самого обучения мы приближаемся только к уровню Италии. Если сравнивать с США, то у нас раз в десять меньше объем работы, которую студент должен сделать чисто технически. Я не утрирую. В Гарварде, чтобы не вылететь, надо пахать с девяти до девяти каждый день, включая субботу и воскресенье. Это жесткая система, где ты дважды оступился – и тебя исключили. А у нас ушло даже то, что было в советские времена. У нас какая-то непонятная богема, неизвестно на чем выстроенная. Когда тысяча оболтусов позволяет себе богомный образ жизни, что это такое? В этой системе тройку получить можно за все, что угодно. Сейчас есть дипломы Академии, близкие по уровню к ПТУ.

Вторая проблема, что студенты начинают работать со второго-третьего курса. Это американизированная мода на самостоятельность в очень смешном варианте. Очень тяжелая проблема. Студенты не случайно халтурят в Макдоналдсах, а не в архитектурных мастерских. Там вообще никакая квалификация не нужна, и результат (деньги) достигается быстрыми средствами. В итоге к четвертому курсу студент вроде бы все умеет, а на самом деле ничего не знает. Общекультурный уровень не растет. Я брал таких студентов. Вроде он уже руку набил, и три «Д» знает, и фильм может сделать. А на самом деле – ничего. Проходит пять лет работы, а движения вперед у студента как не было, так и нет. И выгоняешь его. Он вроде за три

часа может схему домика накрутить, где вроде что-то есть, а на самом деле ничего нет.

Я набираю мастерскую по архитектурному проектированию и веду курс «Реконструкция исторических зданий». Я пытаюсь выстроить свою систему подготовки: на четвертом курсе отбираю человека, запрещаю ему работать на компьютере. Он у меня работает до пятого курса без компьютера. Но это тоже не выход: приходится выдумывать систему параллельных запретов. Это тоже принцип довольно неэффективный. Но студент понимает, что он в этой системе, вроде я на него сделал ставку, и расслабляется. В результате ничего хорошего не получается. Это тоже все не система.

В Академии принята система мастерских: студенты выбирают по желанию из 5–6 предложенных, которые ведут разные преподаватели. В каждой мастерской до 8 человек. Наша мастерская – Попов, Земцов, Падалко и я. К нам студенты записываются. Идея мастерских сама по себе неплоха, но ее тоже надо совершенствовать. С курсом лекций тоже странная ситуация. Народ настолько распушен, что уже не может прийти: из курса, где числится 50 человек, приходят 35.

Симптом тревожный, что студенты выбирают дорогу полегче и не могут заставить себя работать. Получается, что система нормальная, но она выродилась, требуются изменения.

ПБ

Спасибо за беседу.

В дни фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» состоялось несколько бесед с гостями и участниками фестиваля. Наши собеседники – красноярские архитекторы Ирина Крылова и Юрий Мыльников из архитектурной мастерской «Массив-А». Беседы вела член редколлегии журнала «Проект Байкал» Марина Ткачева.

Интервью с Ириной Крыловой

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Что вы привезли на фестиваль в этом году?

ИРИНА КРЫЛОВА

Красноярская организация представлена на фестивале работами трех мастерских. Наша мастерская «Массив-А» привезла на конкурс проекты Дворца бракосочетания в Красноярске и коттеджа в п. Элита. Мы привезли только проекты, то, что наболело. Это то, чем мы будем заниматься в ближайшее время, – малоэтажная застройка на поселковой улице, где я сама живу. В цен-

тре сибирских городов и поселков всегда существовало производство. Сейчас коровники и мастерские выносятся на окраины, освобождая площадки под строительство в центре. Мы решили не подражать модным сегодня тенденциям, а сделать центр этого поселка, как если бы этот центр начали строить, как и положено, в 50-е годы прошлого века. Взяли стилистику того времени. Нам показалось это более приемлемым и соразмерным для пригорода. Для себя же поставили задачу посмотреть на проект со

стороны, увидеть, в чем мы ошибаемся. Пока мы делаем его без договора, для себя. Так же было и с Дворцом бракосочетаний, который проектировала наша мастерская.

ПБ

Проектирование такого объекта, как Дворец, имеет особый смысл. Расскажите немного о нем.

ИК

Ситуация в Красноярске с Дворцом бракосочетания удивительная. У нас весь город венчается в подъезде многоэтажного

жилого дома, который находится на оживленной магистрали, проходящей вдоль набережной. Узкий тротуар, на котором толпа невест, тут же паркуются лимузины. Все это на фоне серого панельного дома, на окнах которого где-то висит белье, где-то не помыты окна. И все фотографируются около этого железобетонного дома. И на этом здании крупными буквами написано «Дворец бракосочетаний».

На проект Дворца был объявлен конкурс. Полтора месяца

мы занимались интересной творческой работой, трудились даже в новогодние праздники. Мы представили, что нам по 18 лет, как бы это было. Связали с тем, что браки заключаются на небесах, а название пришло само – «Дом Солнца». С другой стороны, старались, чтобы не было скучно. В итоге выставилось девять сильных архитектурных групп. Жюри состояло из большого числа авторитетных заслуженных архитекторов. Самое интересное, что ни мэры, ни представители власти не пришли и даже не ознакомились с результатами работы жюри. Этот конкурс был правильно организован, но он оказался никому не нужен. Выбирали три проекта, но даже премий никаких не дали. У властей края к архитекторам пренебрежительное отношение; этот случай – только частный сюжет. Подобных примеров можно было бы привести огромное количество.

ПБ

А кризис не подтолкнет к тому, чтобы власть начала эволюционировать?

ИК

Сама она не уйдет и не изменится, книжки об архитектуре читать не начнет. Раньше нам было сложно, потому что в недвижимости крутились большие деньги. Поэтому строители захватили эту власть. Сейчас, когда будет финансово неинтересно, мне кажется, все станет на свои места. Не станут делить пирог, который никому не нужен. А очевидные вещи в любом случае осуществляются. Как бы нам трудно не было.

ПБ

Не бывает такого с вами, что вы разочаровываетесь в своих объектах, проектах?

ИК

Нет. Мы за неинтересное просто не беремся. Если начинаем понимать, что заказчик не твой, стараемся с ним отношения не поддерживать. Еще есть такая вещь, как судьба, – заказчик сам уходит. Если он начинает на тебя давить, то уже даже денег не нужно. Вот у меня дома есть бассейн. И там кусочек мозаики был не доложен. Я решила доложить этот кусочек сама: я же знаю, как это делать. Я так намучилась. Как ужасно получился этот кусочек! Я теперь всем показываю и говорю: поймите, когда вы сами хотите сделать проект и уверены, что сможете, у вас получится то же самое, что у меня с мозаикой. Есть же столько профессионалов, каждый делает свое дело. Если человек

убежден, что может, ему нужно просто построить плохой дом, чтобы понять, что он на самом деле может, а что нет. Иногда получается убедить, и ты ему хочешь делать, потому что понимаешь: человек достойный. Нам ведь тоже стимул нужен. А когда нет стимула, и идет противоборство...

ПБ

Каковы ваши впечатления от нашего фестиваля?

ИК

У вас центр очень красивый. Сочетание исторической архитектуры и новой. Мне кажется, что с его реконструкцией иркутские попали «в яблочко». Здесь видно, что архитекторы, дизайнеры, рекламщики работают не сами по себе. Может, неслучайно фестиваль дает рост качества городу, архитекторам, молодым архитекторам? Я посмотрела работы

молодежи. У вас студенты впитывают у практикующих архитекторов опыт. В студенческих работах видна разница с нашими студентами. Хочется своих похвалить, но уже знаешь их слабые стороны. У вас практики хотят работать с молодежью. А у нас отрыв. Те, кто никогда не проектировал, – преподают, а те, кто проектируют, – занимаются своими делами. Вот наша архитектурная выучка мне и не нравится. Кроме того, Елена Ивановна Григорьева смогла сделать так, чтобы мы захотели участвовать в фестивале. Мы не ездим на «Золотую капитель», потому что там нас позвать никому. Когда тебе человек улыбается, ты улыбаешься ему в ответ. Она притягивает, приглашает. Мы привезли проекты, потому что ЗВС пропустить не можем. Это для нас воздух, общение с интересными людьми. Понимаешь, что не просто так работаешь, чтобы не наступило безверие.

ПБ

Как сложилось ваше сотрудничество с Юрием Мыльниковым?

ИК

В трудные 90-е годы Юра и проектировал, и строил. Он строил для себя, поэтому понимает в бизнесе. Я руководила проектным бюро. Мой профессиональный стаж – десять лет в Гражданпроекте, потом частная архитектурная практика. И Юрий четко выбрал человека, который бы его дополнял. Это позволило нам в достаточно короткое время заявить о себе в архитектурном сообществе. У нас хороший творческий тандем.

Интервью с Юрием Мыльниковым

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Первый вопрос по вашей работе в жюри. Каков общий уровень, впечатления?

ЮРИЙ МЫЛЬНИКОВ

Жюри очень авторитетное. Подход был самый принципиальный. Некоторые постройки были подвергнуты критике. Все было конструктивно, по-деловому.

В отличие от прошлого года количество работ процентов на двадцать сократилось. Не представлены другие города: Новосибирск, Москва, Ангарск. Был Иркутск и Красноярск.

Говорят, что такая экономическая ситуация: кто-то хотел поехать,

но не смог. Я думаю, что это сильно повлияло на состав участников.

ПБ

Какое впечатление произвели работы молодых архитекторов на экспозиции?

ЮМ

Впечатление приятное, они не ограничены рамками. Подрастающее поколение смелее, в чем-то «безбашенное», безрасудное. Но это интересно. Дай бог им возможности осуществить то, что они проектируют, потому что они применяют при проектировании несуществующие материалы. Они строят воздушные замки.

Когда они вырастут, появятся новые технологии, которые помогут им воплотить.

ПБ

Как выглядят красноярская архитектурная школа и иркутская, если их сравнивать друг с другом?

ЮМ

В принципе, направление процентов на девяносто совпадает, модные тенденции молодежь осваивает. Мне кажется, что характер Байкала накладывает на иркутскую молодежь что-то степенное, спокойное. А у красноярцев все резче, импульсивнее. Если говорить о тех, кто переехал

в Москву, то у них появляется такая пафосность.

ПБ

Как обстоит дело с красноярской агломерацией, какая ситуация вокруг нее сложилась?

ЮМ

Выбор тех или иных проектировщиков зависит от властей. Они выбирают не красноярцев, ссылаясь на то, что приглашенная команда уже имеет соответствующий опыт и разработки. Но много подводных течений: старые генеральные планы наслаиваются на ту застройку, которая произошла в 90-е годы... Агломерация как

таковая будет развиваться преимущественно за счет прилегающих районов. Там будут строить логистические центры, международный терминал, идет освоение промышленных земель. Из-за этого в прилегающих районах должно увеличиваться население. Естественный же прирост минимальный. Миграция незначительна из-за высокой стоимости жилья. Свободная раздача земель тоже замедлена. Большинство земель в промышленном использовании, сельхозназначении. Четкого проекта агломерации нет. Ситуация такая, что москвичи, которые делали, ссылались на предыдущие документы. Они обозначили некое застроечное пятно, санитарные разрывы: здесь аэропорт, нельзя строить, здесь преобладание ветров, тоже нельзя строить, здесь гористая местность, тоже нельзя строить. Какие-то территории попадают в зону затопления ГЭС, тоже нельзя строить. А где же тогда строить? Поэтому решение будет приниматься долго. Хотя, совместно с Союзом архитекторов, принято правильное решение, что при выносе промпредприятий за пределы городской черты на этих местах после рекультивации земель необходимо создать зеленый каркас – парки, скверы. Одно ясно: скорее бы проект агломерации вступил в законную силу, тогда будет легче, да и местные архитекторы смогут подключиться к работе по узким направлениям.

ПБ: Как бы вы обозначили общие тенденции развития Красноярска, изменение его архитектурного облика?

ЮМ: Это в большей степени современный город. Там остаются какие-то очаги культуры старинного наследия, но все меньше и меньше.

ПБ: Как ориентирована архитектурная, проектировочная деятельность вашей мастерской?

ЮМ: В основном, у нас малоэтажная застройка в городе, за городом. И коттеджи, и застройки улиц, общественные здания: детские садики, больницы. Мы не лезем на 25-й этаж. Сейчас мы сотрудничаем с тремя заводами, которые занимаются каркасным домостроением по федеральной программе доступного жилья. Это заказ краевой программы – освоение такого строительства целыми поселками. Для ветеранов, для молодых специалистов. Мы разрабатываем для

них блокированные дома, отдельно стоящие строения, небольшие больницы. Стоимость квадратного метра не более 28 тысяч – это очень сжатые рамки, но мы пытаемся сделать это красиво, технологично, надежно, долговечно. А если появляются заказы от состоятельных людей, мы работаем и для них. Иногда бывает, что люди приобретают уже готовые проекты, которые получили награды на фестивалях. В прошлом году мы получили серебряную медаль за «Дом для серьезного человека», сейчас он в стадии завершения строительства. В следующем году мы хотим представить его проектные разработки и то, что получилось в итоге. Пока мы строим, возникает много вопросов: заложили один материал, возникла необходимость использовать другой. Идем на компромиссы с заказчиком. Пока он прислушивается. Мы изначально закладывали такую идею, чтобы не убивать мрамором, еще каким-то материалом, а использовать формы, доступные материалы, удачную планировку, освещение.

ПБ

Часто ли бывает такое взаимодействие заказчика и архитектора?

ЮМ

Не часто. Индивидуальное проектирование и строительство происходят каждый раз по-разному. У нас фирма занимается наполовину индивидуальными постройками, наполовину общественными. В проекте Дворца бракосочетаний изначально инициатива шла от частного заказчика, хотя идея «плавала в воздухе» еще в прошлом веке. Было много проблем с выделением участка. Мне кажется, что по каким-то знаковым объектам мэрия должна выделять участки без проблем, тем более что земли хватает.

ПБ

Я часто произношу сама и слышу от студентов: «Мы хотим жить в красивом городе». Словосочетание «красивый город» очень обтекаемо, в него много можно вложить. Что такое «красивый город», «красивое место»?

ЮМ

Красивый город – это гармоничное сочетание природных условий, застройки и непосредственно самой природной среды. У нас в городе красивыми местами считается площадь у театра оперы и балета, у гостиницы «Красноярск». Площадь должна быть со всех сторон закрыта, а тут

третья сторона на Енисей открыта – это красиво. Побольше зелени. Какие города мы можем считать красивыми? Итальянские города красивые, потому что они сомасштабны человеку, соразмерны ему. Урбанизированную застройку сложно считать красивой. Все должно быть разумно, гармонично сочетаться с той природой, которая существует в этой местности, и застройкой, которая не мешает этой природе. Иркутск я считаю очень красивым в том месте, где мы находимся. Даже современная застройка очень гармонично вписана. Если Красноярск возьмем, там рельеф, перепад, есть хорошие здания с характером. Не нужно пытаться из квадратного метра выжать все деньги, строить высоту. Это некрасиво.

ПБ

Вы были на Зодчестве в Москве. Насколько провинциальные архитекторы, на ваш взгляд, подражают столичным?

ЮМ

Я этого не заметил. Мне понравилось больше в Иркутске. Живее, острее, не было закомплексованности. Для меня нет разделения на провинциальное и столичное. Сейчас другой уровень информации, ею все обладают. Это раньше, чтобы узнать, какие платья носят в Париже, нужно было туда ехать. А сейчас, чтобы посмотреть, что строят в Барселоне, не нужно туда ехать. Методы проектирования всем известны. Любой молодой архитектор может найти в интернете все, что угодно. Но каждый выбирает, исходя из местности. А если она здесь изначально красивой, то и архитектура должна быть красивой. Но у архитектора может быть одно понимание красоты, а у власти и заказчика – другое. Если

архитектор не сможет быть увереннее и убедить в своей правоте, то требования диктуют заказчик и власть. Хотелось бы, чтобы авторитет зодчего стал прежним, каким он был в 50-е годы. А когда началось строительство хрущевок, архитектор стал не нужен. Страшно сейчас, в связи с экономической ситуацией, не пошли бы на удешевление, как уже однажды было. И опять мы потеряем уровень профессии.

ПБ

С кризисными ситуациями всегда так. То, что только успело родиться и закрепиться, оказывается уязвимее всего. А консервативные вещи выживают.

ЮМ

Один из путей повышения авторитета зодчих, чтобы сохранить уже достигнутое – некоммерческие партнерства, саморегулируемые организации и принятие тех правил, с которыми работает Международный союз архитекторов. Все-таки мы должны влиться в эту структуру, посмотреть ее правила. Выработывается какая-то внутренняя этика, кому давать право выбора, а кому нет. Когда эта структура будет правильно выстроена, появится и внутренний цех, останутся самые хорошие, самые достойные, с которыми будет считаться.

ПБ

Вы считаете, что у нас авторитет архитектора недостаточен?

ЮМ

У него нет авторитета и рычагов противодействия ни чиновникам, ни заказчикам. Нет объединения. Почему мы стараемся общаться с разными городами, чтобы объединить силы против драконовских экспертиз, тендеров... Действительно, нужно какое-то общепринятое правило, устанавливающее запрет на абсурдно низкие, необоснованные цены на проектирование, нужно объявлять конкурс на соответствующий внешний вид, и чтобы условия этого конкурса были всем понятны, а результаты конкурса – незабытыми. Я думаю, что от этого бы выиграли. А пока... Хаотичная система. Перепутье.

ПБ

Какой девиз вы бы выбрали для обозначения направления своей собственной деятельности?

ЮМ

У нас был и есть один девиз: «Польза, прочность, красота». Это как клятва Гиппократа. А остальное оценит заказчик.

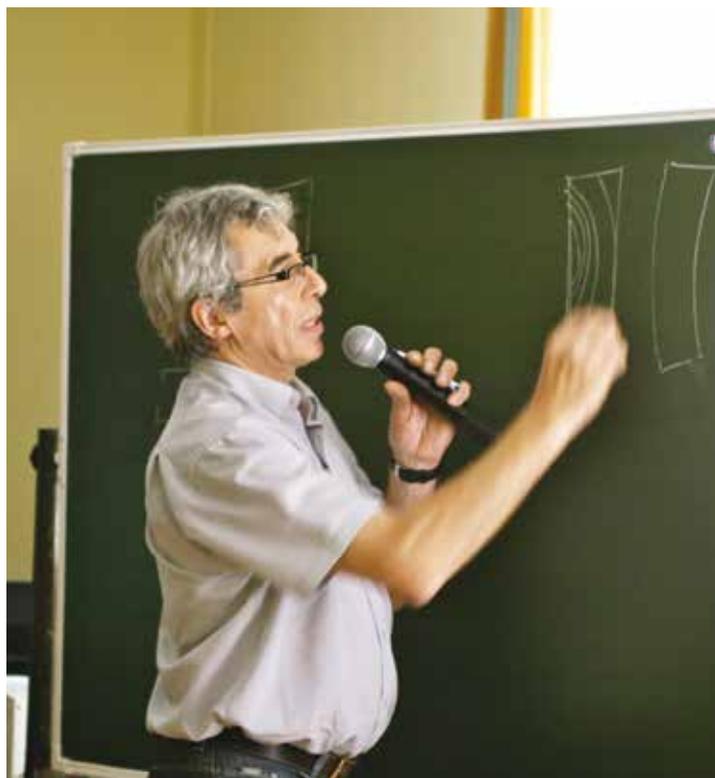
Первая сессия Международной летней реставрационной школы

В июне 2009 года при содействии Иркутского отделения Союза архитекторов в рамках выставки «Зодчество-2009» в Иркутском государственном техническом университете прошла первая сессия Международной летней реставрационной школы для студентов ИрГТУ, профессионального лицея № 17 г. Иркутска и всех желающих с участием международных экспертов – заместителя директора Высшей школы архитектуры и ландшафта (Бордо, Франция) профессора Патриса де Рандинжера, профессора Дрезденского технического университета Барбары Энгель, директора Института дерева и строительства Гильдии мастеров Франции Даниеля Кудэра. Открыли сессию руководитель службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области В.П. Шахеров, заместитель руководителя Восточно-Сибирского территориального управления Росохранкультуры С.Е. Костылов, директор проекта Международной реставрационной школы Н.В. Жуковская.

Сессия была посвящена деревянной архитектуре Иркутска и Сибири и конструкциям из дерева и носила установочный,

пробный характер, поскольку коллективные занятия студентов высшей школы и лицея до сих пор не проводились никогда. Идея проекта – совместная работа мастеров-профессионалов и студентов высшей и профессиональной школ на реальном объекте культурного наследия – требовала предварительной «обкатки»... Потому что следующий этап работ – в сентябре – должен быть этапом практическим. Сессия проходила три дня, в течение которых преподаватели технического университета и международные эксперты читали лекции и проводили мастер-классы, знакомились с аудиторией и искали методы работы с ребятами разного возраста и уровня профессиональной теоретической подготовки.

Живой интерес и массу вопросов у слушателей вызывали все лекции – И.П. Пинайкин, Л.В. Антонова, Патрис де Рандинжер, Барбара Энгель, Даниель Кудэр... Разные темы, разный взгляд на проблемы реставрации и «продления жизни» старинным постройкам и городам. Общение с российскими и международными экспертами и специалистами в области реставрации объектов культурного

наследия «живую» помогает получить новые навыки в профессии молодым и будущим специалистам, познакомиться с традиционными технологиями строительства Сибири и других

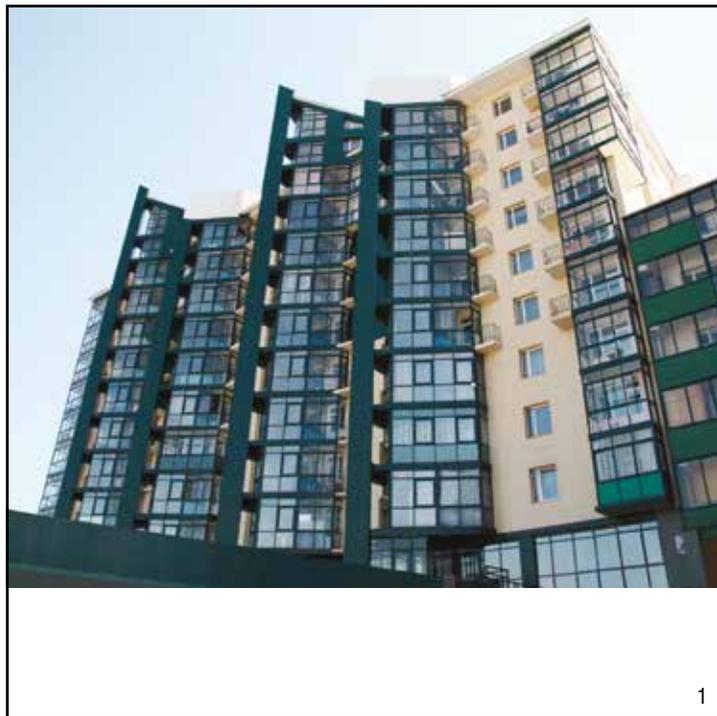
регионов мира, расширяя их кругозор, возможности и, соответственно, повышая уровень квалификации.

Наталья Жуковская

Список участников

ПОСТРОЙКИ	Зильберман Г.Г. Политов С.Э. Красильников А.Г. Рубцова О.А. Горельченко Л.Г. Фетисова Т.Б. Низамова Р.Г. Стегайло В. Манакова Н. Гладкова А. Сидоров А. Петухов А.	Бураков П.А. Шевченко М.А. Купцов Г.А. Бегеза Е.А. Карпов С.Б. Билтуев И.Х. Залуцкая О.А. Думитрашку А.Н. Бутакова Е.Г. Марченко В.К. Сушков Е.Д. Этинов А.Д. Лысёва Н.Ф. Сергеев А.С. Франго А.А.	Распутин В.В. Карпов С.Б. Александров С.А. Морозов Б.В. Билтуев И.Х. Бызов Б.А. Распутин А.В. Лесных Д.В. Сушкова Е.Д. Харитонов А.В. Молодцов А.С. Сергеев А.С. Франго А.А.	Кулинич А. Тигунцев М. Аструхаева Зарубина Н. Ненахова К. Игумнова К. Французова М. Ольшевич А. Свекрович Е. Польниола Андреа Бенджомин Заннепал Ксеми Симард-Дюпуле Тарен эль Касуф Кочнева Е. Акулов Я. Паскаль Ф. Кин Хиунгже, Ориан Карбаллидо Карпеченкова А. Куренкова Е.А. Сафронова А. Черемисина Е. Элоян С.Н. Валова Е. Шишкин М. Московкин А.Э. Лесняк Е.В. Черняева А. Селезова И. Литвинов Б.Т. Лошакова А. Шарова А. Тонких А. Камалова К. Долгова Е. Беспалова А. Вербицкая А. Бабенко Н.
ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ Демков С.Б. Шерстова Н.В. Ставцев С.В. Концевой А.Ю. Горчакова М.П. Родионов Д.И. Кибирева Л.А. Ульянов В. Изотова Т. Пареха В. Козак И.В. Филиппова О.Г. Стегайло В.В. Козак И.В.	РЕСТАВРАЦИЯ Бороздин Б.В. Пономарев И.С.	ИНТЕРЬЕР Ашихмин А.В. Бадула О.Б. Недобой Ю.	ПРОПАГАНДА АРХИТЕКТУРЫ	Кулинич А. Тигунцев М. Аструхаева Зарубина Н. Ненахова К. Игумнова К. Французова М. Ольшевич А. Свекрович Е. Польниола Андреа Бенджомин Заннепал Ксеми Симард-Дюпуле Тарен эль Касуф Кочнева Е. Акулов Я. Паскаль Ф. Кин Хиунгже, Ориан Карбаллидо Карпеченкова А. Куренкова Е.А. Сафронова А. Черемисина Е. Элоян С.Н. Валова Е. Шишкин М. Московкин А.Э. Лесняк Е.В. Черняева А. Селезова И. Литвинов Б.Т. Лошакова А. Шарова А. Тонких А. Камалова К. Долгова Е. Беспалова А. Вербицкая А. Бабенко Н.
ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ Красильников А.Г. Старовойтов О.П. Бройдо М.П. Ананьев С.А. Копылова Н.А. Косоротикова Л.К. Моргуль Л.И. Паплаускене Е. Карташова Е.В. Свистунова О. Сафонов И.С. Горбенко В.Ю. Фетисова Т.Б. Низамова Р.Г. Демков С.Б. Шерстова Н.В. Ставцев С.В. Родионова М.Г. Нагаева Н.Ф. Чужина Концевой А.Ю. Родионов Д.И. Бандура Т.В. Никитина Е.А. Елистратова Т.Ю. Шишкин А.С. Елизаров Д.В. Чумаков С.А. Гладков С. Стегайло В. Дружинина И. Логванов И.В. Долговая И.Б.	ПРОЕКТЫ ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ Ананьев С.А. Скоморохова У.В. Андреев В.А. Бутырин И.А. Чумаков С.А. Никифоров В.С. Мыльников Ю.А. Крылова И.Н. Заворзин А. Касьянов С.М. Попов А.И. Гусевский А.С. Наумова С.М. Касьянов С.М. Попов А.И. Григорьев М.С. Демина С.И. Краюшина Е.В. Стегайло В.Б. Демков С.Б. Бадула О.Б. Миронов М.Ю. Косарев И.А. Русев С.Д. Федотов П.В. Арутюнян Л.А. Козак И.В. Середёнкина С.В. Повонский Е.С. Сушкова Е.Д. Александров С.А. Сергеев А.С. Лябчук А.В. Назаренко Е.В. Перкот В.Ю.	РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ Поликарпочкин А.В. Захарова А.В. Хомуненко В.И. Неудайкин А.В. Калинина И.В. Тортина Н.Г. Шеромов Ю.С. Яковлев А.В. Яковлев К.А. Лабов С.А. Сергеева В.И. Турунхаева Е.А. Андреева Т.П. Болдырева П.Я. Ильин В.С.	АРХИТЕКТУНО-ПРОСВЕТИ- ТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Пономарева Н.С. Черных А. «Команда Иркутск» Анненкова Т. Тимохова С. Носова М.	ДЕТСКОЕ АРХИТЕКТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО МОУ ДОС ДУШ №4 г. Иркутск, мкр-н Юбилейный, 90 Руководители: Петрова О.А. Баранова Т.В.
ИНТЕРЬЕР Патрушева И.Ю. Патрушев Е.А. Гаранькина А. Николаева С.С. Павлова О.Н. Кутырева Е.В. Тигунцев А.В.	ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ Бегеза М.Е. Киненко В.В. Щукина М.А. Галкин А. Глебова Н.М. Бадула О.Б. Зимица К.В. Петрук Ю.П. Григорьев М.С. Беляков С.Н. Нечаев А.Г.	ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО Бегеза М.Е. Киненко В.В. Чумаков С.А. Никифоров В.С. Козак И.В. Середёнкина С.В. Бобрышева И.Ю. Классен П.Я. Классен М.П. Колбин А.Н. Огородников Ф.А. Молоев А.С. Саргаева Н.А. Жансуева Д.С. Гурьянова В.К. Гурьянов М.В. Конев В.П. Урбанов А.А. Мальцев Т.П. Мальцева Л.В. Протасова Е.В. Хазыкова Е.П. Самосват Л.М. Смирнов Н.В. Фролова О.В. Мамонтова М.В. Хазыкова Е.П. Куцакова О.Ю. Мамович Д. Григорьев С.М.	ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Михайлов А.Ю. Шеромов Ю.С. Нечитайло В.К. Меерович М.Г. Ладейщиков А.Ю. Иванова А.С.	ДЕТСКОЕ АРХИТЕКТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО МОУ ДОС ДУШ №4 г. Иркутск, мкр-н Юбилейный, 90 Руководители: Петрова О.А. Баранова Т.В.
РЕКОНСТРУКЦИЯ Борщенко А.Г. Гладков С.В. Кузьмин А.Е. Сутырин Ю.А. Безделев В.В.			ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ И СТУДЕНТОВ Матвеев А.С. Кошкина Е.П. Пономарев И.С. Сафонова О.И. Теплякова И. Гришевич Е. Теплякова И. Гришевич Е. КМА Зимица К. Петрук Ю. Engel V., Буевич М.А. Хабардин С. Витебская П. Карпова Л. Граф Е. Зюбр А.В. Роднин Ю. Родников М.В. Макаров А. Былков А. Смольков С.А. Зыков И.А. Булыгина М. Альбеков А.А. Татарина В.С. Гранкова Ю.Н. Усенко Е. Горишная О. Бязырева А. Палладио А.	ДЕТСКОЕ АРХИТЕКТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО МОУ ДОС ДУШ №4 г. Иркутск, мкр-н Юбилейный, 90 Руководители: Петрова О.А. Баранова Т.В.
				ЦДТ архитектуры и дизайна «Пирамида», ИрГТУ г. Иркутск, ул. Лермонтова, 89 Руководитель: Ремизова Н.В.
				Преподаватели: Шнитко М.И. Гочарова О.А. Речкина Д.И. Поречная О.О. Молоцко Т.А. Командовский М.Г. Кукалёв В.С. Ремизова Н.В. Кручинина У.О. Митюкова О.В. Пашинина О.В. Шубникова С.А.

1

2

3

номинация
«ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1 Золотой диплом
«Первая очередь строительства
жилого комплекса «Озерный в
п.Южный г.Иркутск»»

Арх. Стегайло В.Б., Козак И.В.,
Филиппова О.Г., Войтович В.В.
Контстр. Фетисова Т.Б.

2 Серебрянный диплом
«16-ти этажный жилой дом
по ул. Ады Лебедевой
в г.Красноярске»

Арх. Ульянов В.

3 Бронзовый диплом
«Малозэтажная блокированная
застройка по ул. Улан–Баторская
в Свердловском районе
г.Иркутска»

Арх. Козак И.В., Филиппова О.Г,
Бобрышева И.Ю., Волков М.

4 Группа жилых домов со встро-
енными офисными помещениями
и крытая автостоянка по
ул Поленова в г.Иркутске

Арх. Демков С.Б., Шерстова Н.В.,
Ставцев С.В, Концевой А.Ю.,
Горчакова М.П.

4

номинация
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ
И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

1 Золотой диплом
«Торгово-развлекательный
комплекс «ОПТИМА»»

Арх. Бандура Т.В., Никитина Е.А.,
Елистратова Т.Ю., Шишкин А.С.

2 Серебряный диплом
«Православный храм «Святых
мучениц Веры, Надежды, Любви
и матери их Софии
в г.Иркутске»».

Арх. Красильников А.Г.,
Горбенко В.Ю.

3 Центр управления перевозками
Восточного региона в г.Иркутске

Арх. Красильников А.Г.
Старовойтов О.П., Бройдо М.Л,
Горбенко В., Ананьев С.А.,
Копылова Н. А, Косоротикова Л.К.,
Моргуль Л.И., Паплаускене Е.,
Карташова Е.В., Свистунова О.

4 База отдыха в п.Патроны

Арх. Сафонов И.С.

5 Административное здание
по ул. Декабрьских событий, 45
в г.Иркутске

Арх. Демков С.Б., Шерстова Н.В.,
Ставцев С.В

6 Административное здание по
ул.Франк-Каменецкого, 32 б
в г. Иркутске

Арх. Демков С.Б., Чужинова,
Концевой А.Ю

7 Торгово-офисное здание
по ул. Володарского

Арх. Чумаков С.А.

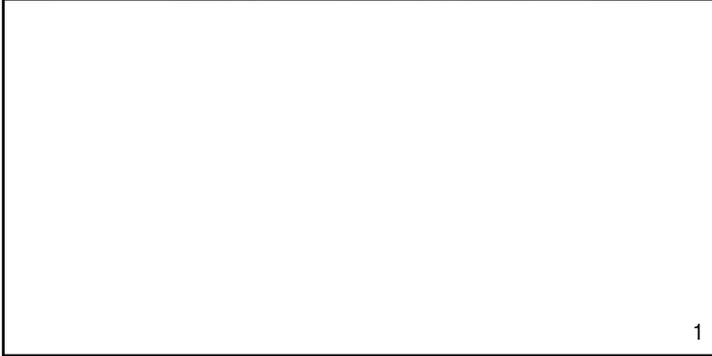
8 Школа искусств в
Академгородке г.Иркутска

Арх. Гладков С., Стегаило В.

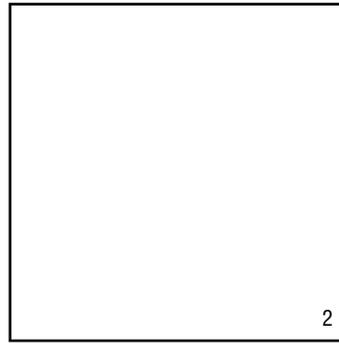
9 Бизнес-центр Академический

Арх. Логванов И.В

1

2

номинация
«РЕКОНСТРУКЦИЯ»

1 Золотой диплом
«Торгово-выставочный центр
«Катера и яхты» предприятия
«Фортуна» в г.Иркутске
Арх. Стегайло В., Манакова Н.

2 Аэровокзал ВВЛ
Арх. Борщенко А.Г.,
Гладков С.В.,

3

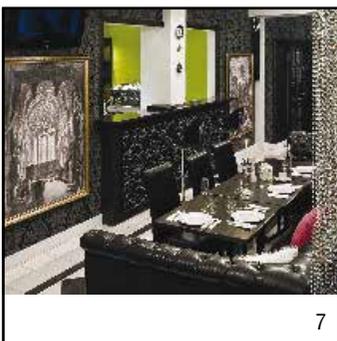
3 Реконструкция жилого дома-
памятника архитектуры № 9
по ул. Киевская под
административное здание
Арх. Красильников А.Г.,
Рубцова О.А.

4

5

7

номинация
«ИНТЕРЬЕР»

4 Золотой диплом «Торгово-офис-
ное здание ArtHouse»
Арх. Тигунцев А.В.

5 Поощрительный диплом
Квартира S общ. – 250 м²
Арх.Патрушева И.Ю.,
Патрушев Е.А.

6

6 Поощрительный диплом
Интерьер усадьбы в г. Ангарск
Арх. Павлова О.Н.,
Кутырева Е.В., Николаева С.С.

7 Интерьер кафе «Chesmen pub»
в г. Ангарск
Арх. Павлова О.Н.,
Кутырева Е.В.

8 Мужской клуб «Цитрус»
Арх. Патрушев Е. А.,
Патрушева И.Ю., Гаранькина А.

номинация
«РЕСТАВРАЦИЯ»

9 Реставрация зданий памятников
по ул. Б.Хмельницкого 26,28
в г.Иркутске

Арх. Бороздин Б.В.,
Пономарев И.С.

1

2

3

6

номинация
«ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1 Золотой диплом
«Жилой дом «Палаццо» по
ул.К.Цеткин в г.Иркутске»

Арх. Козак И.В.,
Середёнкина С.В., Повонский Е.С.

2 Серебряный диплом
«Жилой комплекс «День»
г.Иркутск

Арх. Ананьев С.А., Скоморохова У.В,
Андреев В.А, Бутырин И.А.

3 Бронзовый диплом
«Жилой комплекс с объектами
административного значения в
г.Иркутске»

Арх. Стегайло В.Б., Демков С.Б.,
Бадула О.Б., Миронов М.Ю.

4 Поощрительный диплом
«Индивидуальный жилой дом»
г.Красноярск

Арх. Лябчук А.В., Назаренко Е.В.,
Перкот В.Ю.

5 Поощрительный диплом «Серия
индивидуальных жилых домов»
г. Москва

Арх. Косарев И.А., Русев С.Д.,
Федотов П.В., Арутюнян Л.А.

6 Поощрительный диплом
«Проект многоквартирных жилых
домов со встроенными нежилыми
помещениями, подземными авто-
стоянками, административным бло-
ком, детским садом в г.Иркутска.
Первая очередь строительства»

Арх. Касьянов С.М.,
Попов А.И., Гусевский А.С.

7 Жилые дома по ул. Терешковой
в Иркутске

Арх. Чумаков С.А., Никифоров В.С.

8 Коттеджная застройка
в исторически сложившемся цент-
ре п. Элита, г. Красноярск

Арх. Мильников Ю.А., Крылова И.Н.

9 Проект группы жилых домов
со встроенно-пристроенными
нежилыми помещениями по
ул. Кирзаводская г. Иркутска

Арх. Касьянов С.М., Попов А.И.,
Гусевский А.С., Наумова С.М.

10 Группа жилых домов по
ул. Марии Цукановой в г. Иркутске

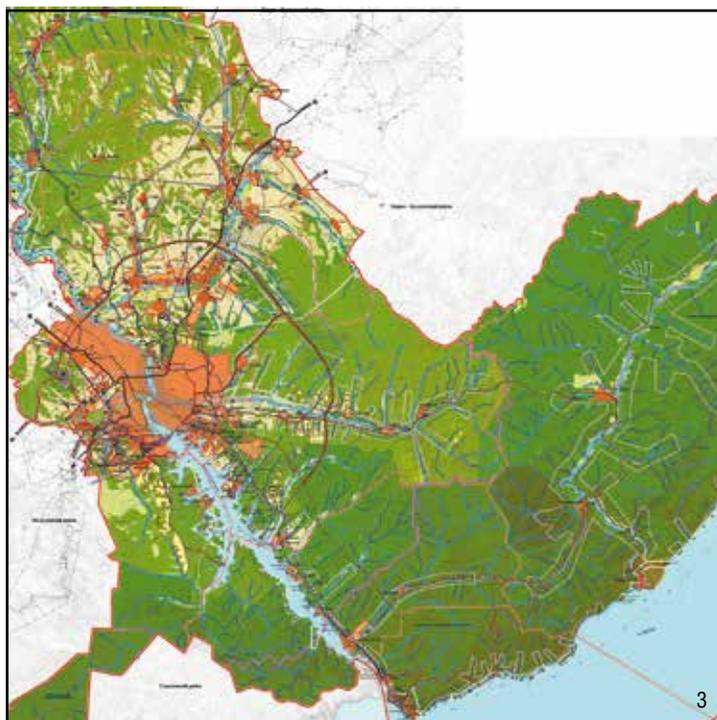
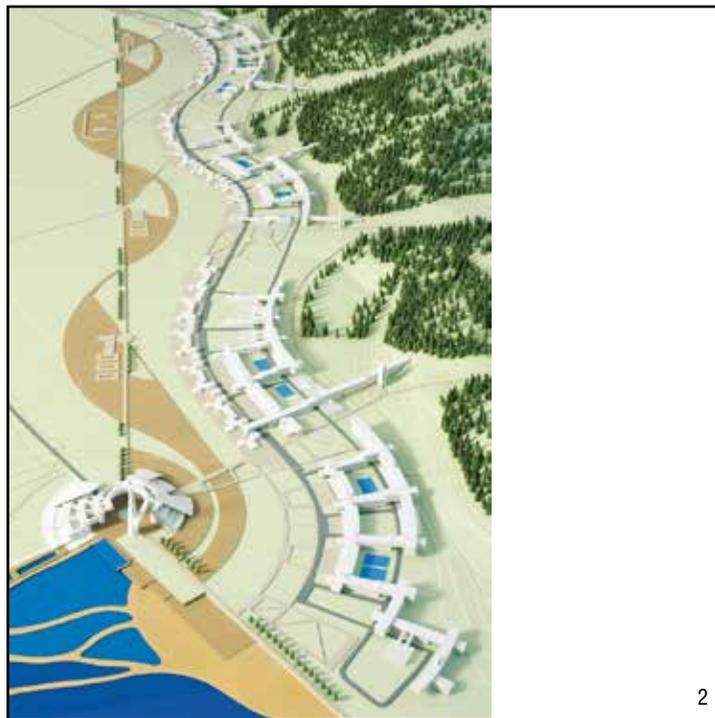
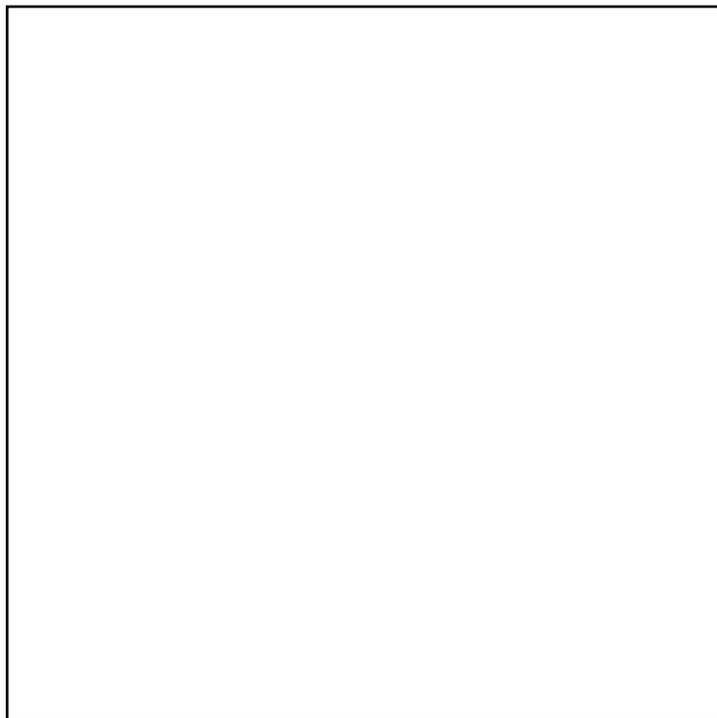
Арх. Григорьев М.С., Демина С.И.,
Краюшина Е.В.

9

11 Группа жилых домов со встроенно-
пристроенными нежилыми помещени-
ями и административными зданиями
по ул. Лебедева-Кумача в г. Иркутске

Арх. Сушкова Е.Д.,
Александров С.А., Сергеев А.С.

номинация
«ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО»

5 Серебряный диплом
«Новое пространство в старом
контексте» г.Томск
Арх. Классен П.Я., Классен М.П.,
Колбин А.Н., Огородников Ф.А.

2 Бронзовый диплом
«Проект планировки терри-
тории особой экономической
зоны туристско-рекреационного
типа на территории иркутского
муниципального образования
Иркутской области»
Арх. Протасова Е.В., Хазыкова Е.П.,
Самосват Л.М., Куцакова О.Ю.,
Смирнов Н.В., Мамонтова М.В.,
Мамович Д., Григорьев С.М.,
Распутин В.В., Карпов С.Б.,
Александров С.А., Морозов Б.В.,
Билтуев И.Х., Бызов Б.А., Распутин А.В.,
Лесных Д.В., Сушкова Е.Д.,
Харитонов А.В., Молодцов А.С.,
Сергеев А.С., Франго А.А.

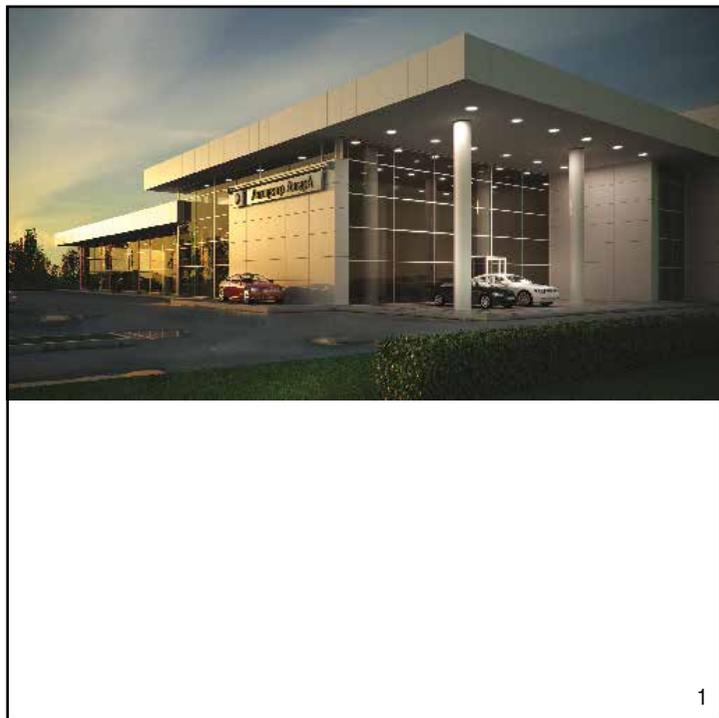
3 Поощрительный диплом «Схема
территориального планирования
муниципального образования
– Иркутский район»
Арх. Протасова Е.В., Хазыкова Е.П.,
Самосват Л.М., Смирнов Н.В.,
Фролова О.В., Мамонтова М.В.

4 Поощрительный диплом
«Байкальские терема» – экологи-
ческий посёлок в Листвянке»
Арх Козак И.В., Середёнкина С.В.,
Бобрышева И.Ю.

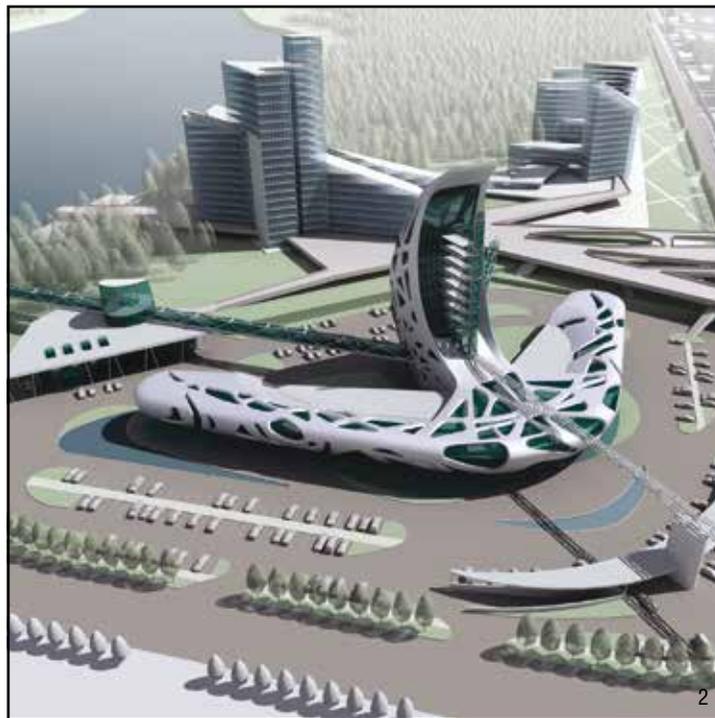
5 Эскиз застройки ЗАО ТРУД
Арх.Бегеза М.Е., Киненко В.В.

6 Концепция застройки участка
под размещение объекта
ООО БПТО «Энергохимкомплект»
Арх Чумаков С.А., Никифоров В.С.

7 Проект зоны охраны
объектов культурного наследия
города Кяхты
Арх. Молоев А.С, Саргаева Н.А.

1

2

номинация
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ И
ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

8 Строительство вокзала
ст. Заудинский
Арх. Щукина М.А., Галкин А.

1 Золотой диплом
Автоцентр BMW в г.Иркутске
Арх. Купцов Г.А.,
Бураков П.А., Шевченко М.А.

9 Строительство детсада № 213
ст.Слюдянка
Арх. Щукина М.А. Галкин А.

2 Серебряный диплом
Торгово-развлекательный центр
«Бумеранг» в г.Ангарске
Арх. Бадула О.Б.,
Зимины К.В., Петрук Ю.П.

10 Строительство терминально-
складского комплекса для
таможенных грузов на
ст. Иркутск-пассажирский.
Арх. Щукина М.А., Галкин А.

3 Бронзовый диплом
Кафе «Мираж» г.Братск
Арх. Бегеца Е.А.

11 Здание государственной уни-
версальной научной библиотеки
им. Молчанова-Сибирского в
Иркутске
Арх. Григорьев М.С., Беляков С.Н.,
Нечаев А.Г.

4 Поощрительный диплом
«Спортивный комплекс
«Высокогорье» г.Чита. Крытая
конькобежная дорожка с искусст-
венным льдом»
Арх. Карпов С.Б, Билтуев И.Х.,
Залуцкая О.А., Думитрашку А.Н.,
Бутакова Е.Г., Марченко В.К.,
Сушкова Е.Д., Этингов А.Д.,
Лысёва Н.Ф., Сергеев А.С., Франго А.А.

12 Первый деловой район города-
«Иркутск-Сити». Первая очередь
строительство Иркутск-Сити.
Бизнес-центры «Терра» и «Актив»
Арх. Купцов Г.А., Бураков П.А.

13 Магазин-павильон для торго-
вой сети «O'key»
Арх. Купцов Г.А., Бураков П.А.

5 Поощрительный диплом
«Дворец бракосочетания «Дом
Солнца» в г.Красноярске»
Арх. Мильников Ю.А.,
Крылова П.Н., Белясов А.В.

6 Поощрительный диплом
«Турбаза на о.Ольхон»
Арх. Глебова Н.М.

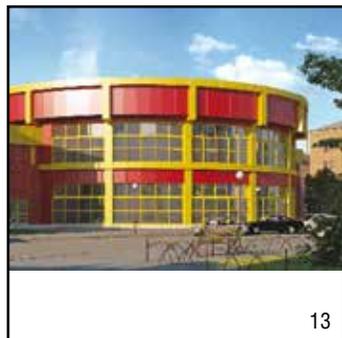
7 Многоуровневая автостоянка
Арх. Бегеца М.Е., Киненко В.В.

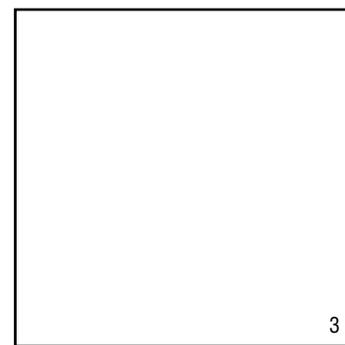
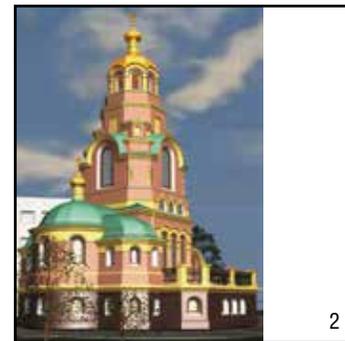
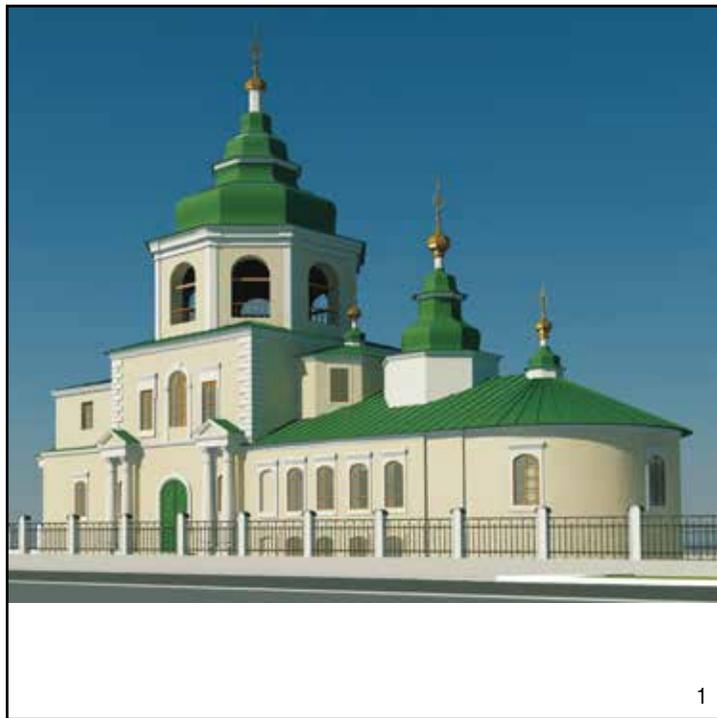
4

12

13

номинация
«РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЪЕКТОВ»

1 ЗОЛОТОЙ диплом
«Реставрация церкви «Покрова»,
г.Иркутск»

Арх. Поликарпочкин А.В.,
Захарова Л.А., Хомуненко В.И.,
Неудачин А.В., Калинина И.В.,
Торшина Н.Г., Шеромов Ю.С.

2 Проект воссоздания церкви
Благовещения Пресвятой
Богородице в г.Иркутске

Арх. Яковлев А.В.,
Яковлев К.А., Лабов С.А.

3 Пристрой и реконструкция зда-
ния Национальной библиотеки
Республики Бурятия

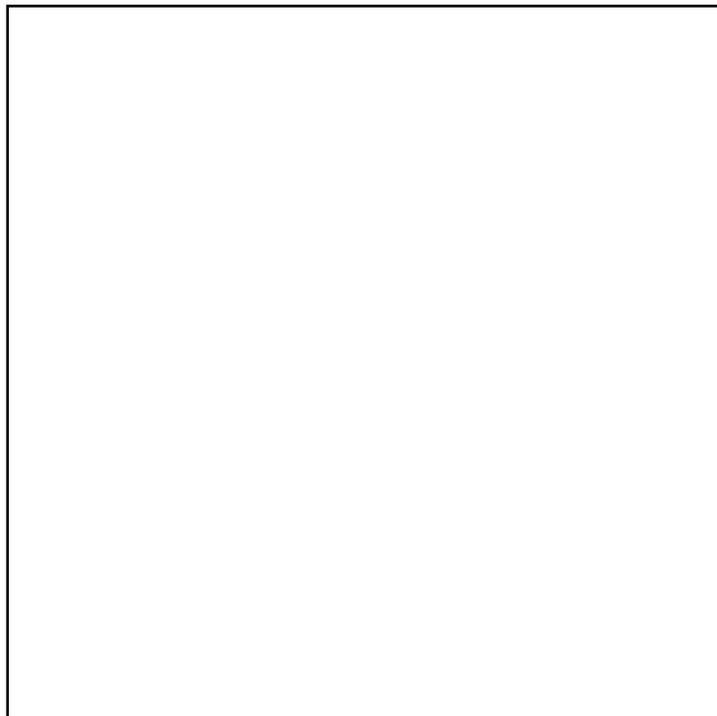
Арх. Сергеева В.И.

номинация
«ИНТЕРЬЕР»

4 ЗОЛОТОЙ диплом
«Интерьер административного
здания по ул. Канская
в г. Иркутске»

Арх. Ашихмин А.В.,
Бадула О.Б., Недобой Ю.

номинация
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

1 Серебряный диплом
«Рекомендации по проектированию
уличных пространств
г.Иркутска»

Авторы Михайлов А.Ю.,
Литвинов Б.Т., Нечитайло В.К.,
Меерович М.Г., Ладейщиков А.Ю.

2 Бронзовый диплом
Учебно-справочное пособие
«Материалы в архитектуре и
дизайне»

Автор Иванова А.С.

номинация
«АРХИТЕКТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

4 Золотой диплом
Книга «Мемориальные доски и
памятники, памятные знаки,
скульптуры и образцы техники
г.Иркутска»

Авторы Пономарева Н.С.
Черных А.

5 Серебряный диплом
Работа в архитектурном
чемпионате «Бухарт»

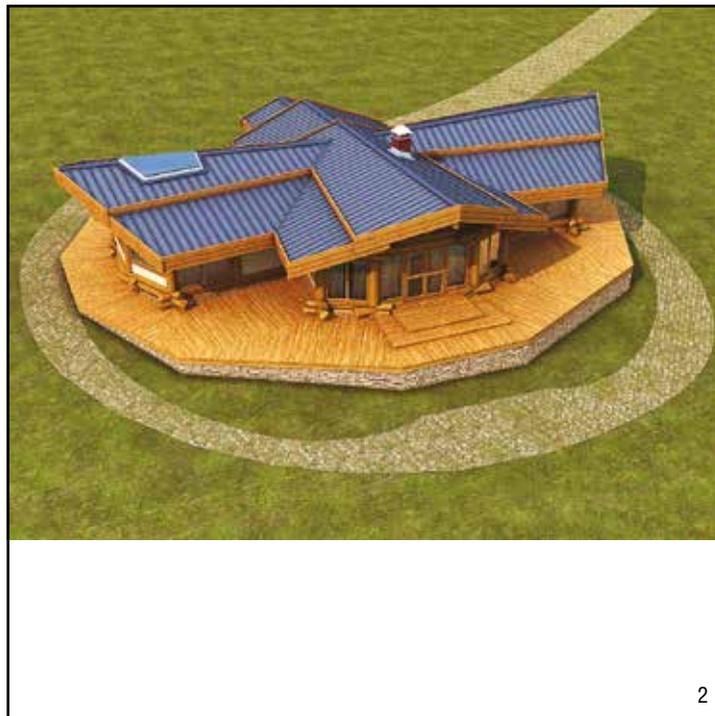
Авторы
Творческий коллектив «Команда
Иркутск»: Козак А., Ольшевич А.,
Сергеев А., Хворостына А.,
Алимов А., Арестов А., Носова Н.,
Шкедова Н., Жуйкова О.,
Максимова И., Колосовский С.,
Александров А., Золотухин Е.,
Кошкина Е., Папушева Т.,
Жуковская Д.

6 Бронзовый диплом
Цикл статей в журнале
«Строим вместе»

Авторы Анненкова Т.,
Тимохова С., Носова М.

1

2

3

4

номинация
«ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ
АРХИТЕКТОРОВ»

1 Золотой диплом «Офис по ул. Янгеля-Баркова в г. Братске»
Арх. Зими́на К., Петрук Ю.

2 Серебряный диплом
«Индивидуальный жилой дом»
Арх. Пономарев И.С.

3 Бронзовый диплом
«Интерьеры жилых помещений»
Арх. Сафонова О.И.

4 Поощрительный диплом
«Интерьер квартиры в жилом комплексе «Светлый» г. Иркутск, интерьер квартиры в жилом комплексе «Зеон» г. Иркутск, интерьер частного дома по ул. Белинского»
Арх. Матвеев А.С., Кошкина Е.П.

5 Поощрительный диплом
«КМА как кодекс устойчивости «Молодой архитектуры» города Иркутска»
Авторы: КМА

6 Дизайн-проект интерьера кафе «Авто-SOS»
Арх. Теплякова И., Гришевич Е.

7 Дизайн-проект интерьера творческой мастерской «Чародеи»
Арх. Теплякова И., Гришевич Е.

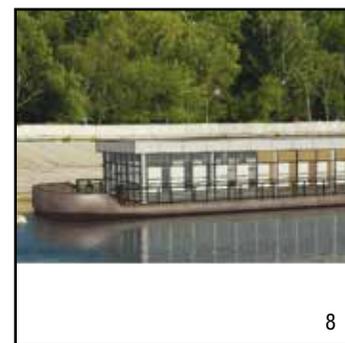
8 «Иркутский открытый форум»
Арх. Теплякова И. Гришевич Е.

6

7

8

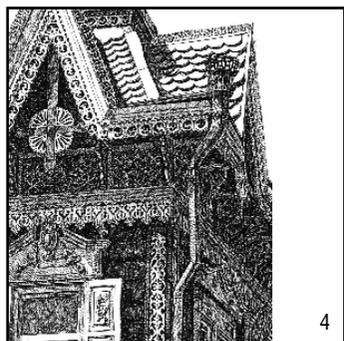
3

раздел
«ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ»

1 Золотой диплом
«Общественный центр посёлка городского типа»
Арх. Карпеченкова Агата
Руководители: Макогон Л.Н.,
Селиванов Р.А.

2 Серебряный диплом
«Протестанская церковь»
Автор: Бабенко Настя
Руководители Киселева О.В.,
Ахметова Е.Р.

3 Серебряный диплом
«Предложения по использованию памятника истории и культуры «Красные Казармы» в г. Иркутске с воссозданием полковой Николаевской церкви»
Арх. Бобрикова Анна,
Крылова Лариса
Руководители: Элоян С.Н.,
Чертилов А.К.

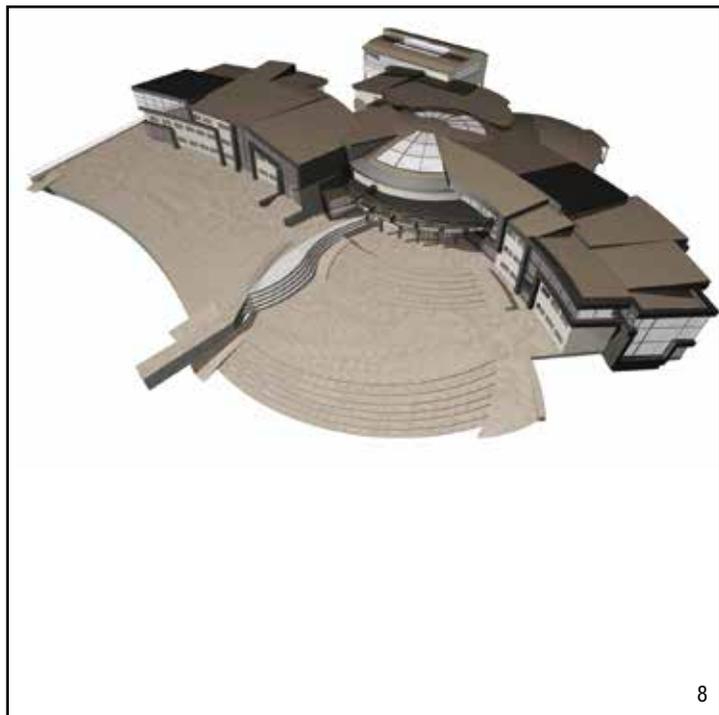

4

5

4 Бронзовый диплом
«Цикл рисунков «Деревянная архитектура» г. Иркутска»
Авторы: Леонова А., Алтынбаева Д.,
Андреева А., Семёнова А.,
Подгузова Н., Дорофеев П.,
Ануфриев А., Запорожан Н.,
Мурик Е., Лялина Е., Ильина А.,
Соболева В., Терпугова Д.,
Сизикова Т., Устинова Д., Граф Е.,
Кулинич А., Багдужева Л.,
Попова А., Зарубина Н.
Руководители: Кулаков А.И.,
Веселова М.В., Колодий Г.Н., РИ А.У.,
Краковцева Ю.В., Шишканов В.С.

8

5 Поощрительный диплом
«Реконструкция района Роботрон г. Дрездена»
Арх. Потапова Анастасия
Руководители: Engel В., Хохрин Е.В.

6 Поощрительный диплом
«Музей альпинизма в Слюдянке»
Арх. Зюбр А.В.
Руководитель: Ляпин А.А.

7 Поощрительный диплом
«Станция технического обслуживания»
Арх. Роднин Юрий
Руководитель: Лисицина Я.Ю.

8 Поощрительный диплом
«Общеобразовательная школа»
Арх. Былков Антон
Руководитель: Смольков С.А.

9 Поощрительный диплом
«Детская школа с биологическим уклоном»
Арх. Зыков И.А.
Руководитель: Смольков С.А.

10 Поощрительный диплом
«Гараж на 350 автомобилей»
Арх. Кулинич Алексей
Руководители: Хохрин Е.В.,
Хохряков А.А.

11 Поощрительный диплом
«Остановка общественного транспорта»
Арх. Тигунцев Михаил
Руководители: Хохрин Е.В.,
Казимилова Н.Е.

12 Поощрительный диплом
«Болдинская осень»
Арх. Ненахова К.
Руководитель Иванова А.С.

13 Поощрительный диплом
«Принципы контекстуального развития квартала «Декабристы в Иркутске»
Арх. Сафронова Анастасия
Руководитель: Большаков. А.Г.

14 Поощрительный диплом
«Гараж на 500 автомобилей»
Арх. Московкин А.Э.
Руководители: Хохрин Е.В.,
Хохряков А.А.

15 Поощрительный диплом
«Дизайн курдонера Дворца Спорта «Труд»
Арх. Лесняк Елена
Руководители: Хохрин Е.В.
Казимилова Н.Е.

16 Поощрительный диплом
«Протестанская церковь»
Арх. Вербицкая Анна
Руководители: Киселёва О. В.,
Ахметова Е.Р.

17 Поощрительный диплом
«Реставрация-реконструкция рекреационной зоны исторического центра Иркутска – бульвар Гагарина с детальной проработкой Александровского сада»
Арх. Кураленя Ольга
Руководители: Большаков А.Г.
Чертилов А.К.

18 Поощрительный диплом
«Разработка новогоднего оформления для предприятия «Фортуна»
Арх. Киселева Е.В.
Руководитель: Железняк О.Е.

номинация
«ЛУЧШАЯ РАБОТА»

1 Диплом ЦДТ архитектуры и дизайна «Пирамида»
автор: Зайдес Анна, 4 года
преподаватель:
Шнитко Мария Игоревна

2 Диплом ЦДТ архитектуры и дизайна «Пирамида»
автор: Борголова Дарья, 9 лет
преподаватель:
Речкина Дарья Игоревна

3 Диплом ЦДТ архитектуры и дизайна «Пирамида»
автор: Череупа Александра, 13 лет
преподаватель:
Ремизова Наталья Викторовна

4 Диплом ЦДТ архитектуры и дизайна «Пирамида»
автор: Зубрей Лена, 17 лет
преподаватель: Митюкова Оксана Владимировна

5 Диплом Детская художественная школа № 4
авторы: Вологжина Полина, 14 лет
Степкина Валерия, 14 лет
Орлова Аня, 14 лет
Акимова Маша, 14 лет
Черкасова Вика, 13 лет
Зеленина Саша, 13 лет
Ворона Вика, 13 лет
преподаватель:
Баранова Татьяна Валерьевна

6 Диплом Детская художественная школа № 4
автор: Чернышова Ира, 12 лет
преподаватель:
Баранова Татьяна Валерьевна

номинация
«ЛУЧШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ»:
7 Диплом за талантливое развитие детских архитектурно-художественных способностей
преподаватель:
Шнитко Мария Игоревна,
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида»

8 Диплом за формирование культурного восприятия архитектуры
преподаватель:
Гончарова Оксана Александровна,
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида»

9 Диплом за серию работ «Дом-Буква»
преподаватель:
Поречная Ольга Олеговна,
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида»

10 Диплом за выразительность подачи
преподаватель:
Речкина Дарья Игоревна,
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида»

11 Диплом за разнообразие приемов
преподаватель:
Молоцило Тимофей Александрович,
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида»

12 Диплом за серию работ «Кубическое дерево»
преподаватель:
Кукалев Виталий Сергеевич,
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида»

13 Диплом за использование оригинальных техник
преподаватель:
Ремизова Наталья Викторовна,
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида»

14 Диплом за серию работ «Городские мотивы»
преподаватель:
Пашинина Ольга Валерьевна,
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида»

15 Диплом за выразительность подачи
преподаватель:
Шубникова Светлана Александровна,
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида»

16 Диплом за достойное введение в профессию
преподаватель:
Митюкова Оксана Владимировна,
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида»

17 Диплом за высокий художественный уровень
преподаватель:
Баранова Татьяна Валерьевна,
Детская художественная школа №4

номинация
«ДЕТСКИЕ ШКОЛЫ И СТУДИИ»
18 Золотой диплом за вклад в детское архитектурное образование и раскрытие творческого потенциала детей ЦДТ архитектуры и дизайна «Пирамида»
Директор:
Ремизова Наталья Викторовна

МЫ НАЧИНАЕМ СТРОИТЕЛЬСТВО

**18 ЛЕТ
УСПЕШНОЙ РАБОТЫ**

ИНЖЕНЕРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

Лицензия: Д 730489 от 15.05.2006, выдана Федеральным агентством по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству

- инженерно-геодезические изыскания**
- топографические съемки, специальные инженерно-геодезические и топографические работы**
- инженерно-геологические изыскания**
- инженерные изыскания грунтовых строительных материалов**
- инженерные изыскания источников водоснабжения**
- исследование грунтов оснований зданий и сооружений**
- контроль качества работ**
- инжиниринговые и консультативные услуги**

ООО «ИНГЕО»
Тел.: 200-001,
211-327, 211-329
E-mail: ingeo@list.ru

Елена Григорьева	От редактора	125
Константин Лидин	Не вижу цели. Проблема устойчивого развития в отсутствие идеи	127
	Круглый стол «Индекс устойчивости»	131
Александр Раппапорт	Пожар в Пекине	140
Андрей Боков	В поисках устойчивости	141
	Петер Цумтор из Швейцарии стал лауреатом Архитектурной премии Притцкера – 2009	143
Марина Ткачева	Кризис устойчивости	145
Андрей Ляпин	Создание природных парков в США в период кризиса 1929–1933 годов	147
Константин Лидин	От дома-эконома до дома-автонома	150
Александра Козак	Конкурс «Дом-автоном»	154
Технический Университет Дармштадта, Германия	«Солнечное десятиборье – 2009» – продолжительное и устойчивое.....	156
Сергей Поморов	Соломенный дом. Алтайский эксперимент	157
	«Жердевая архитектура» (каркасное жилище) в культуре этносов По этнографическим материалам Восточной Сибири XIX–XX веков.....	159
Лариса Мельникова	Глиночурка	163
Марк Меерович	Землянки древних обитателей Сибири	164
Ольга Васильева	Проектное видение стратегического развития города Иркутска (Россия)	169
Массимо Тади	Vision для Байкальска Новые методы городского планирования и будущее моногорода на Байкале.....	172
Андрей Ляпин	Наследство БЦБК городу Байкальску и его ландшафту.....	174
Белла Гордон	Хроника истории БЦБК	177
Белла Гордон	Развитие горнолыжных комплексов в Сибири ШЕРЕГЕШ, гора Зеленая, БАЙКАЛЬСК, гора Соболиная.....	178
Александра Козак	Summary	180
Артем Арестов		
Анна Григорьева		

индекс устойчивости / sustainability index

Способность не меняться и не двигаться, даже под внешними воздействиями, называется УСТОЙЧИВОСТЬЮ. Согласно тем же словарям, индекс – это перечень, список. ИНДЕКС УСТОЙЧИВОСТИ – это перечень того, что позволяет оставаться неизменным. Но разве такое возможно? Единственное, что неизменно и постоянно в этом мире, – перемены. Любая устойчивость иллюзорна.

И все же, если даже самой УСТОЙЧИВОСТИ в этом вечно меняющемся мире и нет, то ИНДЕКС, то есть показатель, – должен быть. И надо бы его найти. Должна же быть мера, даже эфемерному. Она должна быть потому, что УСТОЙЧИВОСТЬ, при всей своей эфемерности, сегодня выступает в качестве цели и смысла для той части человечества, которая считает себя воплощением прогресса. ИНДЕКС и покажет, как далеко еще человечеству до заветной цели, которая вовсе и не коммунизм, а, как выяснилось, устойчивое развитие.

Хотя в самом этом устойчивом словосочетании слышится внутреннее противоречие, некий спор. Если УСТОЙЧИВОСТЬ, то и развиваться вроде бы не следует. А если развитие – то какая уж тут неизменность?

Образ ИНДЕКСА УСТОЙЧИВОСТИ полон противоречий, но без него никак нельзя. Без него мы забываем о прошлом, старом, завоеванном опытом – порождением ошибок трудных. Без него архитектура становится настолько новаторской, что забывает о человеке, о его телесности и эмоциональности ради сверкания фасадов. А в градостроительстве? Вместо преемственности и развития, рационального, линейного и параболического, гармоничных и рациональных агломераций или, скажем, города-сада – хаос, сиюминутные интересы и коллапс.

ИНДЕКС УСТОЙЧИВОСТИ – это не только показатель, но и указатель. Если найти его верное понимание, он, возможно, укажет верное направление для того самого развития. Стоит поискать, однако.

Елена Григорьева

SUSTAINABILITY is the capacity to remain unchangeable and immovable, even despite external influence. According to the same dictionaries, INDEX is a list or register. SUSTAINABILITY INDEX is a list of what allows us to remain unchangeable. But is it possible? The only invariable and constant thing in the world is change. Any stability is illusive.

Nevertheless, even if there is no SUSTAINABILITY in this constantly changing world, then there should be INDEX, or indicator. And we had better find it. There should be a measure, even for ephemera. Because SUSTAINABILITY, though ephemeral, is now the aim and the sense for the part of the mankind that considers itself the embodiment of the progress. INDEX will also show to the mankind how distant the cherished aim is. As it has turned out, the aim is not at all communism, but sustainable development.

However, this conventional word combination bears some inner contradiction. If it is SUSTAINABILITY, there seems to be no need to develop. If to develop, then there is no place for invariability.

The image of SUSTAINABILITY INDEX is full of contradictions, but we cannot do without it. Without the index we forget about the past earned with experience, learned from serious mistakes. Without it architecture becomes so innovative that it forgets about a human being, his corporeity and emotionality for the sake of glaring facades. And what about town planning? Instead of succession and rational, linear and parabolic development, harmonious and expedient agglomerations, or, for example, a garden city, we have chaos, immediate interest and collapse.

SUSTAINABILITY INDEX is not only an indicator, but also a pointer. If we find its sound interpretation, it may point out the right direction for that very development. And yet it is worth while looking for it.

Elena Grigorieva

Не вижу цели

Проблема устойчивого развития в отсутствие идеи

Деидеологизировали, деидеологизировали,
да и доидеологизировались.
Современная скороговорка

Слово «кризис» в языке современных СМИ, пожалуй, самое популярное. О его причинах, формах проявления, о его продолжительности и даже о самом наличии спорят самые разные люди на самых разных уровнях. Большинство из них сходятся все же на том, что кризис: а) имеет место, б) выражается в резком спаде деловой активности и в) в целом это плохо.

Многие противопоставляют понятию «кризис» понятие «устойчивость» (устойчивое развитие). Устойчивость а) не имеет места в современном мире, б) если бы имела, то поддерживала бы постоянный уровень активности и в) в целом это было бы хорошо.

Здесь заканчиваются какие-либо следы единодушия. По вопросу о природе кризиса и устойчивости, а также о способах перехода от первого ко второму существует множество непримиримо противоречивых мнений.

В начале июля президент Медведев собрал высших чиновников для обсуждения хода реализации национальной программы «Доступное и комфортное жилье». В ходе совещания еще раз было подтверждено твердое намерение правительства и дальше поддерживать спекулянтов рынка недвижимости путем скупки жилья по имеющимся ценам. На это выделяется общая сумма 447 миллиардов рублей. Был указан и новый резерв площадей под застройку – земли, принадлежащие академиям наук и учебным заведениям. По мудрой мысли президента, именно эти латифундисты больше всего мешают эффективному использованию лучших участков¹. Программные заявления такого рода как нельзя лучше показывают уровень растерянности, достигнутый властными структурами.

Множество примеров и мнений о том же продемонстрировал VI Красноярский экономический форум (27–28 февраля 2009 года), по итогам которого так и не удалось сформулировать ничего внятного².

Большие деньги тоже выглядят вполне дезориентированно. А.Н. Шохин, президент Российского союза промышленников и предпринимателей, прямо заявляет: «...понимания, по какому сценарию будет развиваться кризис, пока нет»³. Надежды затаить, спрятать капитал и переждать тяжелые времена тают на глазах. Тем более, что ситуация продолжает ухудшаться, перекрывая даже пессимистичные прогнозы⁴.

Особенно тяжело кризис ударил по строительному комплексу. Список амбициозных «знаковых» объектов, замороженных на разных стадиях строительства, растет и ширится. Из четырех наиболее «громких» московских проектов сноса под предлогом реконструкции заново построен только Военторг (вернее, муляж Военторга)⁵. Гостиницы «Россия» и «Москва» и универсамг «Детский мир» «зависли» на разных стадиях – от доработки интерьеров до пустыря.

Москва-сити, Охта-центр, Новая Голландия, множество деловых и жилых объектов в столицах и в провинциях переходят в разряд недостроенных и долгостроенных. Но и по данному поводу наблюдается удивительное разнообразие позиций. Печать и Интернет полны бодреньких сообщений в духе: «несмотря на кризис, стройка продолжается»⁶. Ситуация и непонятная, и тем более непредсказуемая – в теории менеджмента это называется «турбулентная среда бизнеса».

Архитекторы, в отличие от строителей, принадлежат к «третьей силе» социума – не к деньгам и не к властям, а к культуре⁷. Правда, многие, в том числе весьма авторитетные представители профессии, искренне полагают себя кем-то еще. Бизнесменами, или чиновниками, или «сферой обслуживания» тех и других. Сервильные настроения выра-

жаются, в том числе, в ожиданиях, что вот, придет властный или богатый заказчик – и поставит задачу. Объяснит, что надо проектировать и каким именно образом. На него, заказчика, можно будет поворчать и пообижаться – мол, вот какой неграмотный, жадный и некультурный – но, в конце концов, будет сделано, как он хочет. И вдруг грянул кризис, и ни власть, ни бизнес уже совсем не знают, чего хотят и вообще что происходит. Профессиональное архитектурное сообщество в растерянности.

А что говорят о сущности кризиса экономисты, культурологи, историки и прочие братья архитекторов по принадлежности к «третьей силе» социума?

Наиболее простой и очевидный подход заключается в том, что кризис (и отсутствие устойчивости) вызван ущербной природой человека. Неразумная и ненасытная жадность толкает людей (главным образом – людей «золотого миллиарда») неограниченно наращивать потребление в периоды экономического бума. Когда же ресурсы истощаются, наступают голодные времена. Библейские семь жирных коров сменяются семью тощими коровами. Кризис, таким образом, выглядит как справедливое наказание людям за грехи консюмеризма, а устойчивость предстает чем-то вроде Нового Иерусалима, города аскетов и праведников.

Обширный обзор имеющихся моделей, рассматривающих кризис как периодическое явление – проявление ритмов подъема – спада, можно найти в журнале «Архитектурный вестник»⁸. Диапазон бед и несчастий, которые, по мнению различных экспертов, грозят человечеству, довольно широк. Особенно активно занимаются

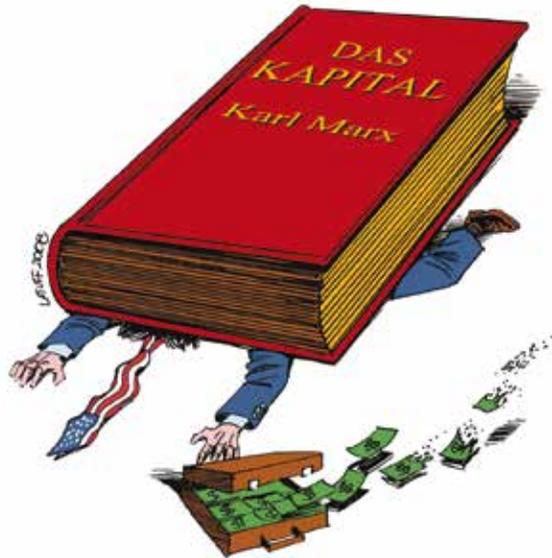
текст
Константин Лидин

1. www.ipocredit.ru/news/02_07_2009/2204347/ со ссылкой на Время новостей
2. www.chaskor.ru/p.php?id=3960
3. Президент РСПП А.Н. Шохин, тезисы на тему: «Антикризисные меры для «Петербургского диалога». 16 июля 2009. www.rspp.ru/Default.aspx?CatalogId=234&d_no=6611

Кризис в графическом выражении.
Егишянц С. Прозаседались.
11 июля 2009. <http://elitetrader.ru/index.php?newsid=55958>

Периодические кризисы в развитии экономики Карл Маркс рассматривал как проявление идеологической сущности рыночного капитализма. Единственная цель и ценность его – прибыль. Обличительный пафос звучит в работах многих современных аналитиков кризиса

4. Обширный обзор пессимистических фактов можно прочесть в материале С. Егишянц Прозаседались. Обзор мировых рынков за 5–11 июля 2009 года. www.worldcrisis.ru/crisis/648501
5. Ревзин Г. Надгробный памятник архитектуры // Коммерсантъ. 2008. №137 (3954).
6. Особенно трогательно выглядят сообщения в духе: «Как заверил Глава Республики Коми, несмотря на кризис, строительство школы в селе Кожмудор будет продолжено». www.komiinform.ru/news/56281/
7. Лидин К. Третья сила // Проект Байкал / Project Baikal. 2008. №18. С. 75–78
8. Фесенко Д. Что взять с «ночного сторожа», или Есть ли будущее у прогнозирования – и России вообще? // Архитектурный Вестник. 2009. № 3 (108).
9. Буданов В.Г. Методология синергетики в пост-неклассической науке и образовании / Синергетика в гуманитарных науках. М.: ЛКИ, 2007. 232 с.
10. Малинецкий Г.Г. Новая реальность и будущее глазами синергетики // Свои. Сетевой журнал научных, научно-технических, инновационных и гуманитарных элит. www.smi-svoi.ru/content/?f=590&sn=1469

Обложка журнала Harpers Magazine со статье Йенсена о финансовых пузырях. Классический буржуй оседлал пузырь, но чувствует себя, похоже, не очень удобно

анализом кризиса представители школы синергетиков. В.Г. Буданов и его последователи, скажем, считают, что XXI век станет «веком геокультуры»⁹. Вслед за С. Хантингтоном они предвидят глобальное столкновение культур (образов жизни, цивилизаций), в котором России представится шанс стать надеждой человечества. Для этого надо перестать воровать, стать более духовными и начать осваивать пространства Евразии во главе с новым правительством, ориентированным не на проедание советского наследия, а на созидание¹⁰. Человечество перестанет наконец безудержно размножаться и займется качественным развитием каждой личности¹¹. Вот эта прекрасная пора и будет новой фазой устойчивого развития.

На другом полюсе эсхатологической парадигмы находятся предельно мрачные прогнозы. Так, А. Фурсов сравнивает нынешнюю ситуацию с тремя различными по типу кризисами – внутрицивилизационный крах феодализма (1453–1648), крах античной цивилизации (IV–VI вв. н.э.) и, наконец, ресурсно-демографический (социобиосферный) кризис. Последний разразился в период 25 тыс. – 10 тыс. лет до н.э. и привел к пятикратному сокращению численности человечества и полному краху культуры «охотников на мамонтов». По мнению А. Фурсова, сегодняшний кризис объединяет черты всех трех вышеперечисленных, что приведет к поистине катастрофическим последствиям. Что же делать? Рецепт такой: «этике менял с их философией гешефта надо противопоставить этику воинов и жрецов (священников)»¹². После вымирания 80% населения Земли оставшийся миллиард, состоящий сплошь из кшатриев и брахманов, начнет новый круг цивилизационного развития на фоне наступающего ледникового периода.

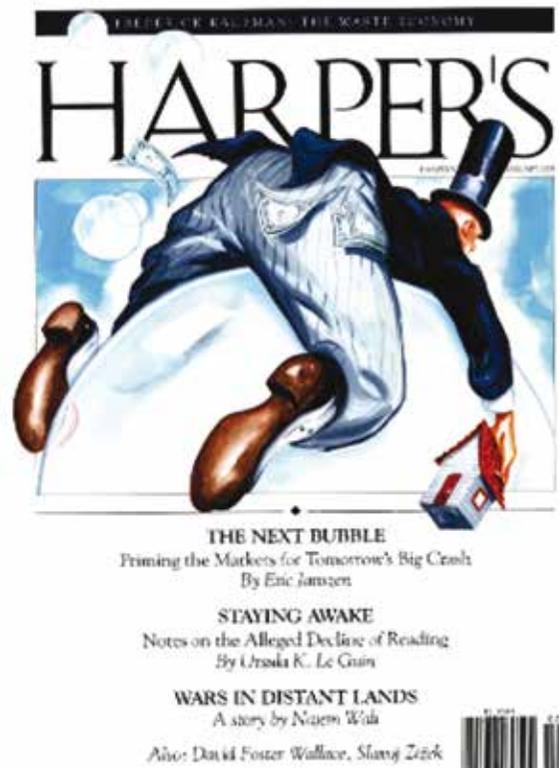
Данный подход обладает мощным эмоционально-образным потенциалом и отлично работает в целях нагнетания публицистического пафоса. Недосток его в том, что ничего конструктивного (кроме призывов к духовному преображению) из него извлечь нельзя. Что может сделать архитектор для приближения устойчивости? Проклясть сэра Нормана Фостера и начать проектировать землянки? Несмотря на древность традиции, предложение строить архитектурно-строительный бизнес на базе толкования Апокалипсиса сегодня выглядит как-то недостаточно практично.

Впрочем, вручение Пritzkerской премии 2009 года радикальному минималисту Петеру Цумтору показывает, что «бедная архитектура» действительно актуальна. Стилистика швейцарского мэтра смиренна и кротка настолько, что в каждом объекте появляется нечто от публичного покаяния. Может быть, на смену гламурным небоскрегам действительно грянут стыдливые избушки?

Еще один подход связывает желанную устойчивость с уровнем доверия в обществе. Социальное доверие в этой

модели (тут можно сослаться на Фрэнсиса Фукуяму¹³) исчерпывается в периоды бума тем, что недобросовестные бизнесмены и политики ради сиюминутных выгод раздают множество ничем не обоснованных обещаний. Обещанные деньги, обещанные товары и социальные блага, обещанные политические и экономические выгоды на вид почти не отличаются от настоящих. Однако по мере того, как обещанные сущности накапливаются и подменяют собой реальные деньги, выгоды и возможности, их фальшивая сущность проявляет себя все сильнее. Десять раз получив вместо реальных денег обещание заплатить, человек перестает верить, даже когда ему на самом деле платят, – он требует все новых подтверждений и заверений. Деловая активность замедляется, усложняется и замирает. Купив за свои кровные множество фальшивых обещаний, которые столь щедро раздает реклама, люди вообще отказываются покупать и сокращают потребление (что для консюмеристического общества смерти подобно). Наслушавшись обещаний архитекторов и градостроителей, которые тратят огромные ресурсы на изменение облика городов, люди каждый день ощущают падающий уровень качества жизни в этих самых городах – и перестают верить и архитекторам, и строителям, и вообще кому бы то ни было.

В февральском номере журнала «Harpers Magazine» за 2008 год экономист Эрик Йенсен (Eric Janszen) опубликовал статью «Следующий пузырь». В ироничной манере, характерной для скандинавской (стокгольмской) школы экономики, он описал явление финансового пузыря, который надуют деятели фондовых рынков в целях превращения социального доверия в живые деньги. Такие пузыри надуваются и лопаются непрерывно, на смену одному тут же приходит следующий. Предыдущий пузырь был надут в области высоких технологий, он создал около семи триллионов иллюзорных долларов. Затем пузырь лопнул, обещанные деньги, по образному выражению Йенсена, «погибли и отправились в свой денежный рай, оставив экономику в горе и печали»¹⁴. Нынешний кризис – это схлопывание пузыря, надутого на рынке недвижимости, который породил иллюзию богатства на сумму 12 триллионов долларов. Следующий пузырь надувается на наших глазах в области альтернативных источников энергии и экотехнологий. Он вызовет к столь же краткой жизни уже 20 триллионов столь же эфемерных долларов и лопнет в 2013 году. Концепцию пузыряей подде-

рживают многие видные финансисты – от Джорджа Сороса и Алана Гринспена до академических аналитиков Дэвида Тененбаума и Сергея Егیشانца¹⁵.

Когда лопаются очередные пузыри, это означает крах чьих-то надежд и очередное снижение уровня социального доверия. Эффект накапливается, так что аналитики наперебой предупреждают об опасностях очередного «азирования финансов»¹⁶.

Вроде бы, данный подход указывает на вполне конструктивные направления работы по выходу из кризиса в устойчивость. Надо повышать социальную ответственность архитекторов и строителей. Если они обещают, что будет красиво, прочно и удобно, а на самом деле получается уродливо, шатко и дискомфортно – таких «обещателей» надо решительно отстреливать. Заниматься выявлением и ликвидацией вредителей предложено в первую очередь профессиональным сообществам. Однако остается открытым вопрос «А судьи кто?». Ну ладно, прочность еще как-то поддается измерениям (хотя тоже не слишком-то объективно). Удобство худо-бедно определяется эргономикой. Но где взять таких экспертов, которые непредвзято и доказательно отличат красивое от некрасивого? За отсутствием объективных критериев и независимой экспертизы, – какой простор для сведения личных счетов, вкусовщины, групповщины и мафиозных разборок! И не превратится ли самоорганизующийся творческий союз в очередную инквизицию?

Есть и такой подход, который связывает кризис с глобализацией.

Пик моды на этот термин состоялся в конце девяностых – начале двухтысячных годов. Глобализацию изучали и анализировали с разных сторон, так что сегодня это понятие включает уже целый набор аспектов. С точки зрения экономики глобализация выражается в стремительно растущем международном разделении труда. За сто лет (с 1913 года) объемы экспорта из Западной Европы, США и Японии выросли в шестьсот раз. К концу XX века в мире осталось только две страны, реально способные выжить без импорта, на внутренних сырьевых и технологических ресурсах – СССР и США. Затем первая из них развалилась, а вторая утратила экономическую самодостаточность. США, как единственное в мире месторождение долларов, уже не могут существовать без крупномасштабного экспорта зеленых бумажек. Роль субъектов мировой экономики вместо суверенных держав сегодня играют транснациональные концерны. Согласно теории М. Хазина, именно такое сочетание экономических и политических реалий явилось причиной современного кризиса¹⁷.

С точки зрения власти глобализация выглядит как растущее количество и влияние международных организаций – начиная с Гринпис, Врачей без границ или, скажем, Аль-Каиды и заканчивая ООН. Параллельно происходит упадок национальных государств: политика большинства «суверенных» держав все больше зависит от решений, принимаемых на международном уровне.

В плоскости культуры глобализация выражается в быстром перемешивании национальных, региональных – локальных – укладов жизни. Уже в каждом уголке мира можно найти китайский и японский ресторан, американскую газировку, парижские моды и арабские танцы. При этом над мешаниной элементов локальных культур все более властно вырисовывается глобальная, наднациональная культура, в основном созданная по образцу западноевропейских и североамериканских локальных культур.

Нынешнее состояние с точки зрения этого подхода – это кризис победителей в культурном противостоянии. Столкнувшись с культурами Дальнего Востока, Африки, арабского мусульманства, западный образ жизни ведет себя агрессивно и навязчиво. Евроамериканцы принимают горделивую позицию учителей человечества и где силой, где хитростью распространяют свой образ жизни на остальные пять миллиардов населения Земли. При таком масштабировании, однако, глобально вырастают не только достоинства, но и недостатки западного жизненного уклада,

главный из которых – недостаток толерантности. Западный образ жизни традиционно беспощаден к инакомыслящим, инакочувствующим, вообще к иным. Под громогласные призывы к терпимости (слово-то какое мерзкое) вместо множества культур, живущих каждая в своем ритме, формируется монолитная единообразная культура. Национальные, региональные и прочие субкультуры стираются, сливаются в нечто усредненное, сверхмассовое, где место разнообразия занимает тираж. Вместо сложного рисунка многоукладности, где активизация одних локальных культур уравновешивает депрессию других, образуется единое глобальное пространство, в котором подъемы и спады уже ничем не компенсируются. Все думают и чувствуют одинаково. Новым идеям и образам взяться неоткуда. Горстка «звездных» архитекторов служит образцом для подражания всей остальной мировой архитектуре, но и этим полубогам не хватает новых идей, и они все заметнее копируют друг друга, а творческая усталость нескольких человек автоматически означает идейный упадок целой архитектурно-строительной отрасли. В других отраслях, впрочем, то же самое.

Культурологический подход тоже указывает некоторые меры, которые следует принимать в целях достижения устойчивости. Необходимо всячески защищать все, что еще осталось от традиционных локальных культур (укладов, образов жизни) от всеусредняющего влияния глобализации. В книге Томаса Фридмана «Лексус и оливковая ветвь» именно стремление к комфорту, доставляемому цивилизацией (лексус) противопоставлено жгучему желанию сохранить локальную культурную идентификацию (оливковую ветвь) – и это противоречие нуждается в постоянном внимательном регулировании¹⁸.

Правда, и тут ответ оборачивается множеством новых вопросов. Как сохранить образ жизни? Законсервировать

Модернистская (по большей части – американская) мечта заставляет относиться к своей собственной культуре со стыдом и смущением. А там недалеко и до потери культурной самоидентификации

11. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего / 3-е издание. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 288 с.

12. Фурсов А. Кризис-матрешка. Демонтаж капитализма и конец Эпохи Пирамид // Завтра. 2009. 11 марта. № 11 (799). www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/09/799/51.html

13. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.

14. Eric Janszen. The next bubble. Printing the Markets for Tomorrow's Big Crash // Harpers Magazine, Feb. 2008/ – Pp. 2–8.

Весьма популярна точка зрения, по которой кризис – это не моя проблема. Отсюда и нередкое злорадство по поводу кризиса. Слева – карикатура Бор. Ефимова, 1950 год. Справа – современная карикатура Глеба Андросова (календарь на 2009–2010 от журнала «Красная бурда»)

Что, друг,
доигрался
на форе́кс-рынке?
Иди на улицу
чи́стить
ботинки!

его в музеях? Для этого нужны какие-то совсем другие, принципиально новые музеи. Запретить строительство в исторических центрах городов? Но жители справедливо требуют современного комфорта. К тому же традиционная техника консервации и реставрации слишком дорога, сложна и малоэффективна, если речь пойдет о массовом течении в архитектуре и градостроительстве...

В целом получается удивительная картина. Все, кто пишет о кризисе и об устойчивом развитии, в качестве необходимого условия перехода от одного к другому требуют чего-то от других. Пусть кто-нибудь перевоспитает жадных потребителей (ну, или они пусть сами как-нибудь перевоспитаются), вот тогда – понятно будет, что делать. Или так: пусть правительство запретит бизнесу надувать финансовые пузыри. Правительство ждет от бизнеса, что тот перестанет делать деньги любой ценой (а с чего бы ему переставать?) и станет проявлять больше социальной ответственности. Культура в лице архитектурного сообщества ожидает внятной программы действий от бизнеса и власти, хотя для такого ожидания нет никаких оснований.

Кризис предельно обострил множество вопросов и поставил еще большее количество новых. Нет проку ждуть, что кто-то придет и принесет готовое решение всех этих вопросов. А главнейший из них – вопрос смысла и цели существования самой профессии архитектора. Зачем нужна эта профессия в кризисном и посткризисном мире? Годы строительного бума в неявном виде сформулировали ответ, не слишком эстетичный, зато прагматичный: архитектор нужен, чтобы эффективнее делать деньги на перегретом рынке недвижимости. И точечная застройка, и «фасадоориентированные» проекты, и разрушение исторического облика городов – все это побочные эффекты попыток архитектора превратиться в бизнесмена. Смысл и цель архитектуры – красивая и комфортная среда обитания людей. Цель бизнеса – сделать как можно больше денег. И вот, вместо работы с образами и материалами, архитектор уже работает с деньгами. Получается, понятно, не очень хорошо: учили-то другому. Более профессиональный бизнесмен (девелопер, заказчик) заставляет архитектора играть по своим правилам и легко обыгрывает. В компании с такими же «бизнесменными» чиновниками, архитекторы делают деньги для главного игрока, попутно превращая города в безобразные муравейники.

В один из предыдущих кризисов (кризис середины XX века, связанный со Второй мировой войной) похо-

жему искушению подверглась профессия инженера. В послевоенном СССР главенствующую роль играла власть, и инженерам было внятно предложено стать частью государственного аппарата. Инженер стал чиновником. Естественно, второсортным – учили-то сопромату, а не делобороту. И вот, в течение десятка лет гордое звание инженера превратилось в нечто совсем не престижное. То же самое происходит сейчас с архитектурой. Творческие, эрудированные, смелые люди получают мощный стимул уйти из профессии. Разумеется, пассионарная личность предпочтет быть полноценным финансистом, чем второсортным бизнесменом – архитектором. Таковы угрозы кризиса для профессионального сообщества и самой профессии архитектора.

Возможности, которые открывает кризис, однако, тоже достаточно велики. Неизбежное сокращение финансового потока в строительной сфере можно рассматривать и как стимул к более продуманным, глубоким поискам идеи. Как заметил классик современного менеджмента Дэвид Траут, «Если у вас нету большого бюджета, у вас должна быть хотя бы точка зрения»¹⁹.

На гребне строительного бума все, что проектировалось и строилось, – строилось для денег. Кризис внятно и жестко напомнил нам всем о том, что деньги не могут быть достойной целью. Деньги – всегда только средство. И сейчас профессиональное архитектурное сообщество оказалось в непростом положении стрелка, потерявшего из виду цель. Нет смысла ждуть, когда эту цель поставит власть, бизнес или какая-то еще социальная сила.

Для кого (для чего) будут работать архитекторы посткризисной эпохи, эпохи устойчивого развития? Для людей? А для каких именно людей? Чего хотят эти люди? Что они считают красивым, удобным и прочным?

Или будем работать для идеи, как конструктивисты героического периода? А для какой именно идеи? Чем она хороша, убедительна, перспективна, гуманна? Что эта идея говорит о критериях все тех же красоты, удобства и прочности?

Вопросы сложные и нелегкие. Но отвечать на них придется, так или иначе, каждому, кто собирается и дальше с гордостью называться архитектором. И ситуация для поисков цели самая подходящая. Истерика экономического бума сменилась глубокой задумчивостью. Хорошее время для размышлений о философских и методологических основах архитектуры сегодняшних и завтрашних дней.

15. Маслов О. «Циклы пузырей», глуперы и нобелевская премия Гора // Ежедневное независимое аналитическое обозрение, 03.02.2008. – www.polit.pnov.ru/2008/02/03/konglosers/
16. Plender J. Investors must be wary of government bond «bubble» // Financial Times, January 7 2009. Tully S. Here come higher interest rates // Fortune, June 19, 2009 и многие другие.
17. Хазин М. Теория кризиса : доклад на конференции в г. Модена, Италия, 9 июля 2008 года // Профиль. 2008. 8 сент. № 33. С. 46–53.
18. Friedman Thomas L. The Lexus and the Olive Tree. NY: Farrar, Straus and Giroux, 1999. 394 p.
19. Траут Дж. Отличайся или погибай. СПб.: Питер, 2006. 240 с.

Индекс устойчивости

В рамках прошедшего 2-5 июня фестиваля «Зодчество Восточной Сибири-2009» Восточно-Сибирский научно-творческий центр Российской академии архитектуры и строительных наук и журнал «ПРОЕКТ БАЙКАЛ» провели общественную дискуссию «Индекс устойчивости». В ней участвовали:

Татьяна Анненкова – главный редактор журнала строительных технологий «Строим вместе»;
Виталий Барышников – кандидат исторических наук, министр культуры и архивов Иркутской области;
Елена Григорьева – вице-президент Союза архитекторов России, член-корреспондент РААСН, главный редактор журнала «Проект Байкал»;
Артем Ермаков – кандидат исторических наук, доцент ИргТУ, заместитель главного редактора журнала «Наследник»;
Владимир Китаев – председатель областного совета Иркутского регионального отделения ВООПИК;
Алексей Козьмин – президент Фонда регионального развития Иркутской области;
Олег Кокорев – генеральный директор ООО БПТО «ЭнергоХимКомплект»;
Виктор Кузеванов – кандидат биологических наук, член международного бюро East-Asian; Botanic Gardens Network – директор Ботанического сада ИГУ;
Андрэ Малико – профессор (Париж, Франция);
Илья Пономарев – член Клуба молодых архитекторов (КМА);
Евгения Пуляевская – кандидат архитектуры, доцент ИргТУ;
Михаил Рожанский – кандидат философских наук, научный директор Центра независимых социальных исследований и образования (ЦНСИО);
Михаил Шешилов – член КМА;
Марина Ткачева – кандидат философских наук, доцент БГУЭП, научный сотрудник ЦНСИО, член редколлегии журнала «Проект Байкал»;
Алексей Чертилов – кандидат архитектуры, доцент ИргТУ, эксперт Федеральной службы Росохранкультуры, руководитель сектора культурного наследия ОАО «Иркутскпромстройпроект», член ICOMOS, член редколлегии журнала «Проект Байкал».
Ведущий – Марк Меерович, кандидат архитектуры, доктор исторических наук, профессор ИргТУ, член-корреспондент РААСН, член редколлегии журнала «Проект Байкал».

МАРК МЕЕРОВИЧ

Тема нашего разговора – индекс устойчивости. Мы специально собрали полидисциплинарный состав участников, чтобы выйти из традиционного круга тем, связанных с архитектурой и градостроительством. Мы хотим поднять сегодня вопросы не узкопрофессиональные, а всеобщие, касающиеся, скорее, путей развития гражданского общества в России. Мы намерены обсудить условия, которые должны быть созданы в стране для устойчивого развития и существования общества, культуры, жизни, менталитета, истории, нравственности, веры, самосознания, морали. Развития, не зависящего от каких бы то ни было кризисов, политических конфликтов, состояния цен на энер-

гоносители, размеров федерального финансирования и т.п. Собственно говоря, это и есть самый главный вопрос сегодняшнего круглого стола, который я адресую аудитории. Я прошу всех участников – и тех, кто сидит за этим круглым столом, и тех, кто находится в зале, – активно подключаться к дискуссии.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА

За этим столом уже обсуждались самые актуальные темы – Байкал, агломерация, наследие. На этот раз формулировка несколько загадочная – индекс устойчивости. Тему подсказал фестиваль «Зодчество», который будет проходить в Москве в октябре этого года. Девиз московского между-

Марк Меерович,
Елена Григорьева

народного фестиваля мы взяли и для нашего фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 09».

Что включается в понятие индекс устойчивости? Для фестивалей «Зодчество-2009» и нашего «ЗВС-09» в это понятие в числе прочего входит и перечень проектов, созданных в течение последних двух-трех лет, в условиях строительного бума, в условиях эйфории того периода, который уже закончился.

Индекс устойчивости непосредственно связан с понятием устойчивого развития. Мы хотели бы поговорить о том, что имеет отношение к развитию в архитектуре и культуре в масштабах города и региона, а может быть, и шире. Многие считают, что сейчас мир переживает беспрецедентный кризис, который одновременно является экологическим, климатическим, финансовым и социальным. У нас, архитекторов, есть возможность показать, насколько мы способны к борьбе, насколько мы талантливы, чтобы использовать кризис как стимул к разработке технических, экологических, социальных и эстетических решений. Привожу еще одну формулировку, которую дают организаторы российского фестиваля «Зодчество». «Архитектура – активная, безотходная, биоклиматическая, витальная, кризисная, инновационная, локальная, метаболическая, организованная, органическая, природная, продуктивная, регулируемая, резистентная, ремесленная, средовая, традиционная, технологичная, уместная, уравновешенная, устойчивая, экологичная, экономичная, энергетичная и т.д.». Авторы этих слов далее говорят о том, что в российском климате устойчивой архитектуры еще недавно не существовало. С этим можно поспорить, поскольку некоторые вышеприведенные определения непосредственно относятся, например, к нашей деревянной архитектуре: «ремесленная, средовая, традиционная, экологичная, уравновешенная»...

Чтобы спровоцировать некоторые размышления, я хотела бы заметить, что устойчивое развитие, как мне кажется, в меньшей степени относится к архитектуре, а в гораздо большей – к градостроительству. Это градостроительная преемственность, которая осуществляется чрез качественную градостроительную документацию. Это градостроительная дисциплина, то есть соблюдение градостроительной документации.

Можно ли использовать кризис на благо устойчивому развитию? Кризис во многих странах провоцирует такие мудрые процессы, как решение проблемы занятости с помощью организации общественных работ по приведению в порядок садов и парков – городского зеленого фонда. Еще один пункт нашего внимания – наследие. По прогнозам, давление бизнеса на исторический центр будет падать. Задача общественности и профи – успеть поменять ситуацию, пользуясь временно возникшей, в силу обстоятельств, паузой.

МИХАИЛ РОЖАНСКИЙ

Для меня почти синонимичны термины «устойчивое развитие», «гражданское общество», «органическое развитие социального пространства». Во-первых, я напомню то, что большинство присутствующих знает: Потанин в своей знаменитой статье о сибирских городах рубежа XIX–XX веков выделил Иркутск потому, что в нашем городе счастливо сочетались административное начало и естественная хозяйственная жизнь, образованное чиновничество и культурные запросы городского сообщества. Для сибирских городов, которые, как и другие русские города, учреждались, «ставились», а не выростали естественным образом, это было редкостью. Потом они либо полностью зависели от административной воли, не обеспеченной поддержкой общества, либо превращались в «большую деревню», в которой вязнут любые культурные и общественные инициативы. По моим представлениям, еще сорок лет назад, в 60-х годах, сочетание, подобное описанному Потаниным, тоже существовало. Именно оно создает то, что мы называем устойчивым развитием. На мой взгляд, сегодня это сочетание разрушено; вопрос только в том, насколько безвозвратно. Выбор, перед которым Иркутск сейчас стоит, – это альтернатива между хаосом вялого постмодернизма (не такого агрессивного, как в городах с мощной индустриальной составляющей, но не менее разрушительного) и движением к тому, что можно назвать, пользуясь термином литературоведов, необарокко, – к обретению заново цельного образа на основе разнообразия. В Иркутске это уже есть мощное природное основание (смешанный лес, ландшафты предгорья), геокультурное основание (соседство великих цивилизаций, богатейшая история пространства). Сохранились и архитектурные основания для органичного устойчивого развития: храмовое барокко, каменная эклектика дают образ, культурный образец, камертон для устойчивости движения, устойчивости развития.

Есть несколько решающих условий, которые мы либо утратили, либо не создали. Первое – это общероссийская проблема, которая по-своему предстает в каждом городе; в социологии она называется моностилизмом – господство «моно», которое эксплуатируется административным началом. Я думаю, что эта метафора достаточно по-своему понятна. Условие устойчивого развития – взаимное сосуществование альтернатив. Любой кризис становится ситуацией, дающей импульс к развитию, если сохранились альтернативы, которые раньше существовали и сохранялись. В условиях кризиса, когда нужны новые решения, работают именно эти альтернативы: альтернативный стиль жизни, альтернативные уклады, альтернативное мировоззрение. В Иркутске эта проблема хорошо видна в культурной политике. В 60-е годы в Иркутске интересных литературных, художественных, театральных явлений было достаточно, чтобы культурная жизнь была органичной, активной. Когда культурная политика переориентировалась на творческие союзы, на официальные культурные учреждения, мы потеряли массу возможностей, связанных с существованием культурных инициатив. В творческую среду были внесены сельские механизмы социального контроля, деление на своих и чужих. Это очень серьезная проблема, за которую расплачивается не только художественная интеллигенция, но город в целом.

Второе – вопрос о согласовании профессионализма выработки, реализации решений с демократией участия в их реализации. В дискуссиях и обсуждениях постоянно присутствует интонация жалобы на Иркутск со стороны иркутян, которая подавляет любые конструктивные нотки. Эти жалобы свидетельствуют о том, что люди выключены из процесса принятия решений, не являются его участниками. Если бы их участие в этом процессе было реальностью, интонация была бы другой – более ответственной. В тех сибирских городах, которые динамично развиваются, есть реальное разделение властей, и это необходимое условие городского и регионального развития, возможность экспертизы решений. В Иркутске разделение властей не состоялось, было уничтожено на уровне города в

начале 90-х, а на уровне области – в конце 90-х годов. И в Иркутске гражданское общество не выработало механизмов влияния на принимаемые решения. Хотя попытки их создания есть: создание городских дискуссионных площадок в Фонде регионального развития, в ЦНСИО, в журнале «Проект Байкал», на интернет-порталах, круглых столах в газетах и журналах. Они существуют, но их деятельности недостаточно: мы еще не можем говорить, что есть в городе такой социальный институт, как общественная дискуссия.

Третий момент – университеты. Происходит (если уже не произошла) утрата той функции, которую выполняли в городском сообществе, в культурном развитии Иркутска студенчество и вузы. Университет – то место, где происходит взаимовлияние, взаимодействие разных культур. Социальное пространство по определению всегда фрагментарно. Это разные культуры, разные языки, разные стили – географические, поколенческие, социальные. Университет – место, где происходит их встреча. По ряду причин (прежде всего, из-за жестких межфакультетских границ) российские университеты слабо выполняют эту функцию. Стимулировать студентов и преподавателей к творческому взаимодействию вне формальных структур и иерархий приходится с межвузовских площадок, таких, например, как эта дискуссия.

ВЛАДИМИР КИТАЕВ

В Иркутске тяжело с гражданским обществом и особой надежды, что в ближайшее время будет легко, нет. Я думаю, что один из индикаторов этого процесса – наши постоянные жалобы на самих себя. Второй индикатор – то, как агрессивно чиновничество воспринимает инициативы гражданского общества о диалоге с властями. Нынешний состав чиновников зачастую не способен вообще вести диалог. Это говорит о недостаточной устойчивости того сообщества, в котором мы живем. Архитектор – один из участников общественного процесса, который на общество влияет едва ли не больше, чем представители других специальностей, потому что им создается среда, в которой человек существует, осуществляет себя, растит своих детей, воспитывает их и сам воспитывается. Задавая среду, архитектор определяет и будущее человека в этой среде. Решения, которые они предлагают, к сожалению, поверхностны; всматриваясь в них, иногда испытываешь сожаление. Потеряно представление о необходимости учитывать в проектировании доминанты естественного ландшафта. Определение траекторий улиц, распределение зданий и т.д. все больше носит хаотичный и случайный характер. Так, впервые после продолжительного периода в Иркутске

построен православный храм. Его автор – главный архитектор города Иркутска. Храм вопреки всем канонам поставлен в низине, в точке, которая для четырех сторон является наименьшей по высоте. Правда, площадка входа в храм поднята лестницей. Но это очень условное соблюдение канона и не соответствует традициям храмовой архитектуры. Архитектор, предлагая подобные решения, должен иметь культурологические навыки такого уровня, чтобы предложение основывалось на знании истории религии, динамики общественных процессов, которым не одна тысяча лет.

ЕГ

По поводу доминант я с вами согласна; в основном нарушение систем доминант происходит именно из-за неустойчивого развития, в том числе потому, что нарушается преемственность, не соблюдается граддисциплина. В генплане города 70-го года все доминанты были гармонично расставлены и довольно долго архитекторы работали по этой «программе», но в 90-х – начале 2000-х система доминант была практически разрушена.

Что касается природного каркаса, нельзя говорить, что никто не задумывается об этом, напротив, по этому поводу написаны диссертации, наш журнал несколько раз публиковал статьи профессора Большакова и его аспирантов. Думающая и просвещенная часть архитекторов старается учитывать природный каркас. Как правило, беда происходит на уровне землеотводов.

АРТЕМ ЕРМАКОВ

В обсуждении вопросов развития должно бы участвовать побольше людей моего возраста. Обеспечивает устойчивость и создает фундамент, конечно, старшее поколение; я полагаю, это связано и с малой активностью молодых людей. Поколение, которое идет за нами, на мой взгляд, еще менее заинтересовано в коллективном решении принципиальных вопросов, можно сказать, утратило навык их решения. Общественные структуры, в которых они до конца 80-х годов зачастую хоть формально, но решались, оказались разрушенными, а новые им на смену не появились. Пришли какие-то субкультурные тусовки, которые поглотили значительную часть активной молодежи. Большая часть их энергии направлена на усиление внутригруппового взаимодействия.

Это может быть началом развертывания тенденций, которые потом в ряде субкультур вырвутся наружу, зададут доминанту общего развития. Но пока этого не произошло; ярких молодежных групп, которые могли бы предложить

Артем Ермаков,
Виктор Кузеванов,
Евгения Пуляевская

Владимир Китаев

Виктор Кузеванов

Иркутску свою концепцию развития, я не вижу. Я полагаю, что нужно начинать работу с такого типа группами. Молодежь собирается, но предложений перевести их активность в градостроительную деятельность ниоткуда не поступает. Такое ощущение, что даже мысли об этом нет.

Несколько соображений об устойчивости. Хотя тут критиковалось (и еще будет критиковаться) чиновничество, я хочу сказать, что, кроме государственных структур, обеспечить устойчивое развитие в России сейчас вряд ли кто сможет. Это особенность нашего социума. Без опоры на государственные структуры и людей, которые на своих постах еще держат расплывающуюся социальную и политическую ткань, никакая устойчивость невозможна. С развитием несколько сложнее. Я полагаю, задача ответственности должна быть не только в создании альтернатив как таковых. Скорее, нужно ориентироваться на усилия и потенциальные возможности тех чиновников, которые способны к развитию. Не выдвигать на посты своих кандидатов, полагая, что они обеспечат развитие; это должен быть уже второй этап. Поначалу нужно собирать команду вокруг людей, подающих надежды. Причем собирать не всегда по инициативе самих этих людей, такая инициатива могла бы исходить от общества.

И последнее. Полагаю, что предложения по градостроительному развитию, которые рождаются и будут рождаться в архитектурной среде, недостаточно популяризируются среди населения по многим причинам. Одна из них – «а что население поймет в этом?». Тем не менее в молодых людях надо зажигать мечты даже о таких вещах, которые невозможно осуществить. Какая-то мечта о развитии Иркутска должна существовать еще до того, как он начнет развиваться. С точки зрения продвижения этой мечты общество могло бы сделать очень много даже своими малыми силами, не вступая в конфликт с государством: ведь мечтать по конституции не запрещено.

ИЛЬЯ ПОНОМАРЕВ

Я не согласен с тем, что у молодежи из субкультурных объединений нет представления о том, как обустроить места своих сборов. Пример тому – территория вокруг ресторана «Киото». Мест на самом деле много, и то, что вы их не видите, – это не проблема молодежи.

МИХАИЛ СПЕШИЛОВ

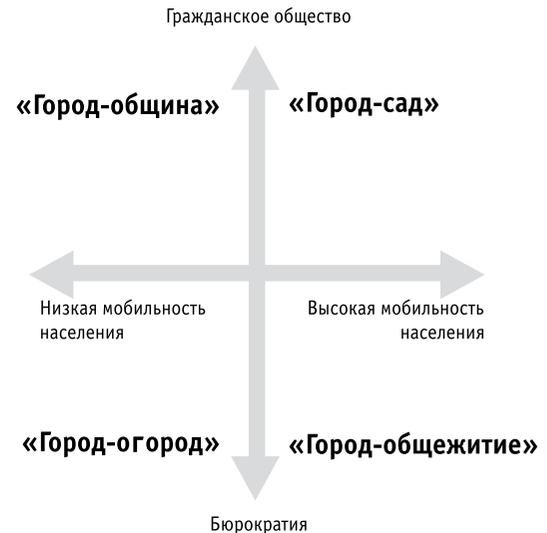
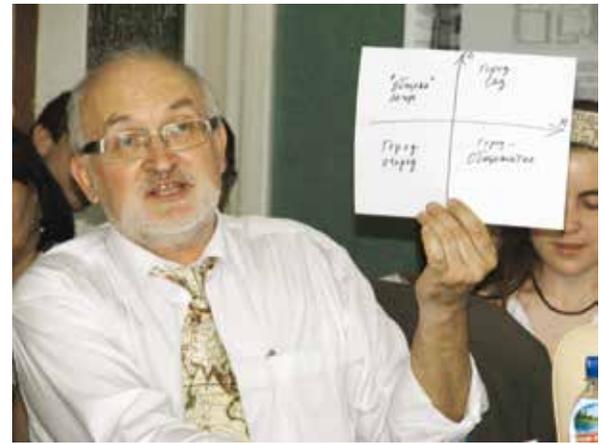
Мое мнение, что «зажигать» во мне ничего не нужно. Мне нужен качественный тренер, чтобы он их не вел в тупик, а направлял своими идеями. Руки есть, голова есть – дело сделаем.

ВК

Я согласен с этим мнением. Человек таков, что нужны очень большие усилия, чтобы его как личность заставить деградировать; и каждое поколение не хуже, чем предшествующее. Между поколениями есть элементы осознанного или неосознанного недопонимания. Противоречия между поколениями – огромное благо; это говорит о том, что наступившее поколение просто другое. Оно и должно быть другим, чтобы мы говорили об индексе устойчивости. Если возникает ситуация, когда поколения такие же самые, то это уже не устойчивость, а стагнация. Грубо говоря, движение общества вниз. Если есть разные поколения, есть на каком-то этапе непонимание поколений, нужно вступать в диалог и искать индикаторы понимания между ними. Тогда движение будет безусловным.

ВИКТОР КУЗЕВАНОВ

По роду деятельности мне часто приходится заниматься вопросами устойчивого развития. Хотел бы внести элемент единого понимания терминов, которые используются по-разному. В биологии есть понятия «развитие» и «рост». Рост – это «увеличение элементов структуры организма». Рост города может быть либо объемным, то есть увеличением высоты и площади, либо дроблением на мелкие

части. А развитие – это увеличение разнообразия элементов организма, причем не столько по формам, сколько разнообразие по функциям. В Иркутске как организме развития не происходит, а происходит, преимущественно, рост. Происходит, может быть, даже обратный, отрицательный рост его старинной части: особые архитектурные формы, которые были в Иркутске, просто разрушаются, исчезают. Вместо них начинается тиражирование однородных однотипных зданий – торговых и развлекательных комплексов либо жилых домов.

В Иркутске, к сожалению, очень мало разнообразие мест, где молодежь может найти себе применение и самореализоваться. И очень здорово, что молодые люди, которые присутствуют здесь на дискуссии, сейчас способны и хотят создавать собственные среды, собственные пространства. Потому что именно им формировать Иркутск.

У нас есть очень показательный биологический пример различия роста и развития. Иркутск погружен в пространство, богатое большим разнообразием животных и растений. Мы все стремимся побыть в этой природной среде. В самом же Иркутске остались реликты – небольшие участки леса и естественных сред, к которым люди тоже тянутся. Но при росте города происходит расчленение его территории: прокладываются дороги, ставятся заборы, уничтожаются участки естественной природной среды. Формируется некий «город-огород», который разделен ограждениями, дорогами, уплотненными точечными застройками. Это рост города его дроблением.

На схеме обозначены оси: горизонтальная ось – это состояние нашего города с точки зрения мобильности населения (высокая или низкая мобильность), вертикальная ось – уровень развития городского самоуправления в диапазоне от чиновничьей бюрократии до гражданского общества. Выделяются четыре квадранта. Самый идеальный вариант – это «город-сад», в котором люди социально

мобильны, они вольны без опаски перемещаться из среды в среду, формируют гражданское общество из разных групп; одновременно чиновничество города находится под хорошим общественным контролем граждан, которые активно участвуют в создании разнообразия сред и безопасных пространств для жизни и работы в соответствии со своими разнообразными интересами. На диапазоне шкалы, направленном вниз, управление сосредоточено преимущественно в руках чиновничества. «Город-огород» характеризуется минимальной мобильностью населения, засильем чиновников, разделением города на отдельные сегменты. Если есть возможность увеличить мобильность населения при сохранении полномочия чиновников – формируется «город-общезитие», где все временщики, и разные субкультуры вынуждены уплотненно сосуществовать вместе. В реальном Иркутске разные разделенные субкультуры живут в «городе-огороде», в «городе-общезитии» либо в «городе-саде». Часто городская элита и крупные чиновники предпочитают селиться рядом с зелеными зонами, в «городе-саде». Научный факт, что продолжительность жизни людей, живущих в «городе-саде», на 8–9 лет больше, чем у живущих в уплотненно застроенном «городе-общезитии» или в «городе-огороде».

Пока идет рост так, как в Иркутске, об устойчивом развитии города и его жителей говорить сложно: происходит ухудшение среды обитания, уничтожение зеленого фонда. Рост обозначает не только увеличение объема, это увеличение количества строительных элементов, которые просто дробятся, тиражируются и подобны друг другу. У нас жизнь оказалась основана на административных деяниях, а промышленность из города ушла.

Для продвинутых городов Европы и Америки сильными сторонами является то, что их устойчивое развитие основано на экономике знаний. В наших иркутских вузах как хранителей и генераторов знаний с участием студентов формируются различные идеи и клубные пространства. Объединившись, они смогут сформировать активное видение будущего для увеличения разнообразия и комфорта жизни в Иркутске с помощью инноваций, соединяющих гуманитарные, естественнонаучные экологические и градостроительные технологии (их в большей степени олицетворяет архитектура). Я бы предложил для общей оценки тенденций развития Иркутска взять динамику «индекса развития человеческого потенциала». В этом индексе ключевые параметры качества жизни в городе – это продолжительность жизни горожан, уровень образования и доходов, то есть параметры, на которые влияют степень развития гражданского общества, инно-

вации, культура, градостроительные традиции, экология города, качество здравоохранения и безопасность среды, качество образовательной системы и промышленного развития, комфорт систем обслуживания и жизнеобеспечения, которые зависят от слаженности взаимодействия чиновников и населения.

АЛЕКСЕЙ ЧЕРТИЛОВ

Если говорить об устойчивом развитии городских, сельских человеческих формирований, то общество должно выработать критерии оценки своей деятельности, в первую очередь, в истории, деяниях своих предков, определить исторические реперы, «иконы» и с этими флагами идти дальше. В охране культурного наследия недавно появился такой регулятор, как предмет охраны памятников. Если подобные нормативы разработать на город, на агломерацию, на регион, тогда можно будет говорить о развитии или неразвитии. Что лучше: консервировать и запрещать или ломать старое и строить новое? Что есть развитие? У меня одни вопросы.

ВК

Многие процессы в обществе развиваются синусоидально. Архитектура, безусловно, подчиняется этому же закону. Просто несовпадения различных периодов колебаний могут быть самыми разными. После общего структурного кризиса 30-х годов, который привел к финансовому краху и войне, в период восстановления в архитектуре оформились два процесса. Во всех странах родилось понятие «спального города» и многоквартирного дома как наиболее очевидного выразителя этого процесса. Сейчас нужно определяться, что обществу нужно на следующий период. Мы двигались, высасывая часть деревни в город. От усадебного типа жилья отказывались, строились города, и Иркутск так построен. Переходили к городу-муравейнику, сосредоточенному в одном доме. Сейчас не только градостроители, но и власть предрержащие (и в Иркутске в том числе), следуя этой традиции, хотят построить муравейник как можно выше. Потому что ячейка для одного живущего здесь дешевле, чем в любом другом случае. А что нужно человеку? Вслед за бумом создания такой среды нашего обитания человек, неявно протестуя, все больше стал тянуться к деревне. Тут мне кажется интересной брошенная идея агломерации. Можно трехгородье развивать навстречу друг другу. И развивать как «деревню», в этом я не нахожу ничего плохого: под термином «деревня» будет подразумеваться целый ряд разнообразных архитектурных решений будущей среды.

Алексей Чертилов,
Михаил Рожанский,
Марина Ткачева,
Артем Ермаков,
Виктор Кузеванов

ММ

Я полностью согласен с тем, что советская градостроительная политика опиралась исключительно на концепцию многоквартирного дома, позволившего наиболее эффективным образом «перерабатывать деревню в город». Что от усадебного типа жилья она отказалась целенаправленно, потому что не умела управлять рассредоточенными человеческими массами. Город, как большой муравейник, для целей манипулирования людьми подходил значительно лучше. Согласен и с тем, что сейчас не только градостроителям, но и власть предержащим необходимо пересматривать свое отношение к городской среде и перспективам ее развития. Во-первых, потому, что в этих ячейках-муравейниках жилье оказывается выше по стоимости, чем в малоэтажных строениях. Это проблема, которую нужно решать и искать ей адекватное планировочное воплощение. В городах России продолжает вестись преимущественно многоэтажное строительство, и мы никак не можем переломить эту тенденцию и начать массированно возводить малоэтажное жилье. Мы никак не можем вернуться к городу-саду и, боюсь, не вернемся. Потому, что город-сад целиком основан на самоуправлении. Теми городами-садами, которые возникали в Европе и России, руководило само население. Создавалась система самоуправления, которая совсем не по логике чиновничества управляла населенными пунктами и развивала их.

Где провести границу между инициативой и самоорганизацией снизу и тем воздействием сверху, без которого, в этом я согласен с Артемом Валерьевичем, в нашей стране мало что может произойти? Как обеспечить сочетание самоорганизации и самодетельности населения, с одной стороны, и самосознания чиновничества, с другой? Как примирить администрацию и общественность, если администрация приходит в ярость от любых несанкционированных проявлений самостоятельности населения, так как общественность невольно ограничивает ее произвол и безнаказанность? Инициативы населения или реализация муниципальных программ должны приводить к развитию городской среды?

Советская власть закончилась. А вместе с ней прекратила свое существование практика принудительной реализации государственных программ. Тот механизм воплощения федеральных программ, который сформирован сейчас, не несет на себе ответственного отношения собственника, он превратился в еще одну форму бизнеса. И как только контроль ослабевает, своекорыстие, стяжательство проявляются в полной мере. Единственный способ возвращения осмысленности и порядочности в реализацию любых проектов и программ – сотрудничество с общественностью. Только при наличии людей, лично переживающих за результат, только при условии персональной ответственности за судьбу воплощаемой идеи, возможно восстановление чувства хозяина и ответственности собственника. Общественность способна на подобное, а исполнители государственного контракта далеко не всегда.

Без тесного взаимодействия власти и общественности государственных задач не решить. Не решить и жилищной проблемы, доставшейся нам в наследство от СССР и так и не решенной за все послеперестроечные годы. Возможно, для того чтобы дать людям хоть какую-то крышу над головой, городская власть должна выделять территории под индивидуальную застройку, инженерно обеспечивать их, подводя воду, электричество и канализацию и бесплатно раздавать людям, чтобы они могли строить какое угодно жилье, любое, лишь бы было где жить. Потом, если у них появятся деньги, люди смогут улучшить и внешний вид и качество жилища.

Здесь я невольно выхожу к теме агломерации, в рамках которой предлагалось сформировать интенсивную транспортную сеть, связывающую поселения, входящие в ее состав. Предполагалось, что эти трассы, например скоростного трамвая или автомобильного сообщения, превратятся в зоны компактной малоэтажной застройки.

Возвращаясь к идее сочетания инициатив снизу и государственной воли, прилагаемой сверху, хочу заметить, что агломерации, возникавшие на Западе, – это результат естественного слияния городов. Потом, сама собой, поверх этого конгломерата жилья, промышленности и прочего, надстраивалась система управления. Потому что администрация этих территориальных образований не нуждалась в специальных разъяснениях, чтобы понять, что без взаимных контактов и без взаимодействия, они существовать не могут. У нас ситуация принципиально иная. Многие инициативы возможны в современной России только в том случае, если они мощно поддержаны сверху. Или даже всецело инициированы сверху, потому что ситуация, когда чиновники сами придут к пониманию необходимости осуществления собственных инициатив, довольно редкая. Федералы имеют большой вес, деньги крутятся огромные. Поэтому, когда в Фонде регионального развития Иркутской области (ФРРИО) разрабатывался проект Иркутской агломерации, важность и весомость искусственных мер по формированию агломерации и инициированию учреждения коллективных органов ее управления была подчеркнута особо.

АЛЕКСЕЙ КОЗЬМИН

Римский клуб понимает под устойчивым развитием такое, на которое человек оказывает наименьшее влияние. То есть чем меньше жителей, тем должно быть лучше. С другой стороны, если жителей будет мало, но они не будут заботиться о месте своего проживания, наверное, будет хуже. Если мы говорим об устойчивом развитии города, то должны в первую очередь говорить про людей, которые живут в этом городе. Люди, которые живут в городе и управляют этим городом, так или иначе обеспечивают или рост, или развитие, или деградацию. Для меня устойчивое развитие и экологичность города – это не только отсутствие каких-то загрязняющих веществ в воздухе, состояние окружающей среды, для меня это и комфорт городской среды, ее безопасность и приятность, дружелюбный интерфейс города. Создать дружелюбный интерфейс города, создать у жителей позитив очень важно для того, чтобы люди перестали относиться к городу как к месту, где они вынуждены жить, а стали относиться как к месту, которое они сами хотят привести в порядок. Если мы к этому придем, то будет хорошо.

ВИТАЛИЙ БАРЫШНИКОВ

В ходе обсуждения родился афоризм: человек придает неустойчивость любой системе.

У меня от Иркутска и Иркутской области, в которой я родился и живу, очень сложное, двойственное ощущение. Первое – потрясающая пассивность иркутского сообщества. С другой стороны – гонор, нор, стремление работать только на себя. Представляется, что иркутское сообщество воспринимает любой процесс как процесс игры с нулевым

результатом: победитель получает все, остальные – ничего. На мой взгляд, это главная проблема. Мне кажется, тем полем согласия, которое должно наконец возникнуть, является культурная среда. Культуры много не бывает. В известной статье Потанина говорится, что Иркутск имел уникальную возможность развития культуры в виде двух блестящих политических ссылок – декабристов и петрашевцев. Но надо взглянуть на те процессы, которые протекают у нас, и сравнить с соседями. Мы привыкли верить, гордиться и жить в «любимом Иркутске – середине земли», ничего подчас не делая для подтверждения центральности нашего города. Наши соседи, не обладая такой архитектурой, культурой, потенциалом, накопленным за три века, идут вперед. Может, потому, что у них меньше этого гонора, больше согласия в конечном итоге.

На мой взгляд, развитием или путем выхода из этого состояния должна родиться какая-то единая, а не противоречивая картина иркутского мира, развития Иркутска. Но эта картина – не продукт, сформированный чиновниками. Ни один губернатор, ни один чиновник не сформирует за нас наше восприятие. Это продукт общественного согласия. Мне кажется, надо больше говорить о том, чтобы изменить пассивность иркутского сообщества. И в смысле самоорганизации жизненного пространства, и в плане предъявления более высоких требований к власти, от которой многие процессы зависят.

ВК

Всегда есть территория, которую хочется сделать комфортной. В моем понимании устойчивость развития города связана с фондом реставрации Иркутска, реставрационными школами, возобновлением профессий, связанных с реставрацией. А второе направление для меня – это работа территориального общественного совета микрорайона Солнечный, который мы создали. Он создается для того, чтобы защитить себя от произвола чиновников, от агрессивной политики застройки прибрежной территории исключительно в интересах горстки инвесторов и застройщиков. Я считаю, что наша задача – научить власть города уважать людей, живущих в этом городе. Способность самозащититься я считаю самым главным индикатором в процессе создания устойчивости, в том числе и гражданского общества.

МР

Хочу напомнить, что в Иркутске была еще мощная польская ссылка. Одно из преимуществ Иркутска – это его открытость. Если мы рассматриваем проблему устойчивого развития, мы должны соотносить устойчивость с открытостью. Эту мощную энергетику открытости дают другие культуры. Вопрос в том, как сделать, чтобы их существование работало на город, работало на развитие. Сейчас проблемы с миграцией стали утрачивать политическое звучание, и, кажется, стало меньше агрессии. Все это огромный потенциал. Чтобы его повернуть, есть один мощный рычаг – образование, университеты. Я часто бываю в Ташкенте и вижу, как много он потерял, утратив статус международного университетского города. У Иркутска есть такие возможности. Но университеты здесь очень мало развернуты вовне. Нужен поиск новых образовательных стимулов для мигрантов и привлечения студентов.

Второй момент – я мало верю в «государство Земля», которым можно управлять. Но есть другая формула, больше подходящая для нашей ситуации, – развитие как порядок из хаоса. То есть попытка внести порядок в хаотичность. Я попытаюсь употребить термин литературоведов «необарокко». Это такая ласкающая слух альтернатива постмодернизму, который любую хаотичность выдает за стиль. При этом, конечно, необарокко выросло из разнообразия стилей, в то числе и постмодернизма. Иркутск, к счастью, не утратил еще основ, чтобы пытаться собирать город в органичное целое не через

устранение разнообразия, а путем диалога. Он еще этого не утратил. У Иркутска шансы в этом смысле очень хорошие. Проблема в том, что здесь нужны и управленческие решения, и те механизмы, которые способны найти только гражданское общество.

АНДРЭ МАЛИКО

В вопросах архитектуры я интересуюсь тем, как можно реализовать те проекты, которые предлагаются. Меня больше интересуют вопросы реставрации зданий и создания культурного наследия. Хочу сказать о стабильности в архитектуре. Для меня стабильность представляет собой длительность. Сама длительность – это не воспроизводство того же самого, а его история. Но история, в свою очередь, представляет собой череду изменений; то, что позволяет нам говорить о стабильности, – это, прежде всего, изменение. Это единственная постоянная составляющая стабильности, и я считаю, что каждое поколение должно внести свою лепту в развитие. Я верю, что стабильность обеспечивается сохранением культурного наследия. Само же понятие наследия включает в себя культурную память всего населения, то, что мы должны сохранять и передавать другим поколениям. Вопросы наследия нужно рассматривать не только с точки зрения культуры, но также с точки зрения политики и разработки определенных стратегий. Поэтому нужно создавать социальные связи, чтобы выражать состояние общества. Надо всегда думать и выбирать, для чего мы сохраняем то или иное культурное наследие. Зачастую в вопросе «сохранять или не сохранять» мы должны руководствоваться тем, для чего нам нужно реставрировать тот или иной памятник культуры. Организация, которую я представляю во Франции, занимается тем, чтобы донести культурное наследие жителям страны. Я считаю, что когда мы сохраняем то, что было создано, это и демонстрирует продолжительность, длительность и способ стабильности. Но в то же время это – способ обновления, поскольку не стоит забывать, что любая архитектура несет в себе какое-то обновление.

Андре Малико

ТАТЬЯНА АННЕНКОВА

В соседнем с нами Ангарске меня поразил тот факт, что чиновники любят свой город и что культура предпринимателей там на высоком уровне. Предприниматели могут сделать фонтан возле магазина за свои деньги, поставить небольшие скульптуры. Такое ощущение, что мы вообще в другой стране. Совершенно иное отношение людей к городу, как чиновников, так и простых жителей. Причем это было всегда, даже в советские времена. Это не только заслуга чиновников и администрации, но и любовь населения к тому месту, где они живут. Может, нужно что-то в сознании менять?

Татьяна Анненкова

ВБ

Может, это попытки ангарчан найти себя, отталкиваясь от опыта большого города? Ангарск, действительно, один из немногих городов области, где такое отношение формировалось властью целенаправленно, организованно. Понятно, что многие проекты были инициированы общественностью, но они попали на подготовленную властную почву, были реализованы и сейчас воспринимаются обществом как его собственная заслуга.

АК

Лояльность власти к общественным инициативам – ключевое правило для того, чтобы работала вся система. Я согласен с пафосом утверждения, что люди должны себя защитить.

АЧ

В России человек не привык считать себя хозяином. Царь-батюшка правил и приказывал нам, что делать. Большевики устроили однопартийную власть, далекую от человека. У нас нет традиции самовыражения и чувства хозяина земли, хозяина положения, хозяина города. То есть человек не является властью и не обладает ею. Сегодня говорят, что Россия встала на другой путь, идет в другое пространство. Ссылаются на значение университетов, образования, клубов, самоорганизованные и кем-то организованные структуры, которые должны сделать прививки человеку, чтобы он чувствовал себя хозяином положения.

ВИКТОР КУЗЕВАНОВ

Мы возвращаемся к идее культурного наследия. Будет неправильно, если мы будем только культурное наследие

Молодежная фракция

выделять как главное. Четкой границы между природным наследием и культурным нет. Как культурное, так и природное наследие Иркутска состоит из двух частей, и обе – главные. Первое – это то, что осязаемо, что можно пощупать и что в предметной форме передается из поколения в поколение иркутян. Другая часть – нематериальное, неосязаемое наследие, дух города. Иркутск пока находится на стадии города упущенных возможностей. Может быть, это связано лишь с отсутствием лидерства на местном правительственном уровне? Тогда будущее не безнадежно. Именно воспитание лидеров среди молодежи позволит сохранить культурное и природное наследие, которое было создано нашим и прежними поколениями. Надо дать возможность молодежи формировать ту среду, которая разнообразит возможности самореализации людей. То, что сейчас происходит с Иркутском в плане его развития, зачастую происходит вопреки желаниям чиновников. Я очень надеюсь, что молодежь будет активно в этом участвовать. Индекс устойчивого развития Иркутска должен также включать показатели состояния природного и культурного наследия как единого целого. Пока такую оценку состояния наследия, видимо, можно дать только экспертным путем.

ОЛЕГ КОКОРЕВ

Ангарск – уникальный город с точки зрения предпринимательской деятельности. Я сейчас говорю не о культуре, а о приземленном – о деньгах. В Ангарске очень большая конкуренция и активная предпринимательская прослойка. Именно эта конкуренция создала рынок, стимулирует предпринимателей делать город красивее, уютнее, чтобы привлечь людей. На мой взгляд, это очень важно. Город преобразился буквально за четыре года после того, как к власти пришла определенная команда из бизнеса. Был очень сильный предпринимательский подход к городу. Если посмотреть с этой стороны, должны появиться идеи, как может развиваться Иркутск.

ВИКТОР КУЗЕВАНОВ

Видимо, Иркутску следует присмотреться к хорошему примеру Ангарска в плане частно-государственного партнерства в благоустройстве и успешном взаимодействии гражданского общества с чиновниками и бизнесом.

ВК

Давайте добьемся, чтобы администрация города Иркутска изложила сообществу свою программу подготовки города к 350-летию города, чтобы мы могли ее в открытую обсудить, чтобы были выложены экономические параметры всех проектов.

ЕВГЕНИЯ ПУЛЯЕВСКАЯ

Вопросы, которые были затронуты, непосредственно касаются молодежи. Я даже сформулировала для себя тезисы: «Устойчивость развития в руках молодежи» и «Нужно обучать молодежь, давать ей знания». Университет должен стать таким аккумулятором, должен объединить и практиков, и научных исследователей. Одно из направлений – это магистратура, которая открыта у нас в университете. Возглавляет ее Бычков Валерий Геннадьевич. Задача – научить молодежь, дать ей грамотное образование. Кафедра архитектуры и градостроительства взяла направление – проектирование градостроительных ландшафтов. Сюда включены урбоэкология, система открытых пространств городских агломераций, озеленение сельских населенных пунктов, ландшафтная организация транспортных коммуникаций, архитектура ландшафтных организаций городских центров, методология архитектурного анализа территории, охрана и рациональное использование культурного и природного исторического наследия. Все это входит в нашу программу. Ниша, которую должны занять наши выпускники, – проектирование, политика, организация, управление.

Это направление дает надежду на то, что мы сможем подготовить лидеров из своей молодежи. Сейчас уже 40 человек подали заявления. Будут привлекаться ведущие специалисты-проектировщики и лучшие научные кадры.

МАРИНА ТКАЧЕВА

Замечание первое. При всех оптимистических надеждах, которые возлагаются на молодежь, я бы хотела поделиться наблюдениями за нынешним поколением первокурсников, с которым я имею возможность общаться как преподаватель БГУЭП. Буквально в течение последних двух лет произошел печальный качественный перелом в мироощущении и способе самореализации молодых людей, которые поступили на первый курс. Способ их существования, способ бытия очень сильно изменился за последние два года: 17–18-летние вырастают абсолютными эгоистами, причем эгоистами-потребителями. Потребление – это естественная отрыжка нашего предшествующего благоденствия. Но, к сожалению, эта инерция продолжается и принимает, как мне представляется, угрожающие формы. И чиновники здесь совершенно ни при чем.

Замечание второе непосредственно касается темы «архитектура и индекс устойчивости». Прозвучало уже несколько реплик, в которых, явно или не очень, негативные процессы в городе связывались с деятельностью архитекторов. Но не забудем, что собираемся мы все – и архитекторы, и педагоги, и исследователи, и руководители – по инициативе именно архитектурного сообщества, обеспокоенного складывающейся или уже сложившейся ситуацией. Кроме того, архитектура находится на самом острие конфликтных ситуаций: когда строится некое здание или комплекс, все претензии (если они есть, а они возникают почти всегда) предъявляются архитектуре. Причина как раз в том, что архитектура ассоциируется с материальным, долговечным, наглядным результатом. Но именно поэтому все объекты критики как бы сосредотачиваются на результате сложения многих сил – готовом здании. То, что виноватым во всех огрехах делают архитектора, свидетельствует скорее о поверхностности взгляда на значение архитектора, чем о реальных недостатках его деятельности. Архитектор в своей деятельности оказывается между многими «социальными огнями», проявляя (но не создавая!) социальные конфликты. Нашему городу повезло, что активная часть сообщества архитекторов так позитивно и конструктивно настроена, в течение уже не одного года отстаивая и свое профессиональное достоинство, и гражданское отношение к эволюции городского пространства.

ВБ

Многие приезжающие в Иркутск говорят мне: «Какие у нас душевные люди: они готовы помочь, улыбаются, откликаются на просьбы. В некоторых других городах этого не встретишь». И к вопросу о хозяевах. Были у нас хозяева – очень колоритные личности – иркутское купечество. Оно оставило много наследия, в том числе архитектурного. Владимир Платонович Сукачев – потомок купцов, профессиональный городской голова. В этом году будет отмечаться 160 лет со дня его рождения. Человек, основавший в Иркутске первую, после Петербурга и Москвы, частную публичную картинную галерею. Этим надо гордиться. Но купечество и бизнес сами по себе имеют очень мало ограничений. Самовластие чиновников и самодурство бизнеса должно ограничиваться самоорганизацией общества. Как это сделать? Рецептов на этот случай нет, но я готов участвовать в их генерации.

ММ

Я предлагаю не подводить содержательных итогов нашего круглого стола. Это ненужное занятие. Проблемы поставлены. Некоторые – уже не в первый раз. Пути намечены. Некоторые и без того давно известны. Но кардинальное изменение ситуации возможно лишь в случае

столь же кардинального изменения отношения городской власти к городскому сообществу, к коллективному интеллектуальному потенциалу. В частности, в Иркутске.

Система управления российскими городами сегодня представляет собой особую сферу бизнеса: муниципальные власти все в большей мере выступают в роли девелоперов, превращая город из объекта управления в объект извлечения выгоды – политической, финансовой, карьерной. И происходит это, к сожалению, далеко не всегда во благо населения. Такое «развитие» не нужно ни «настоящему» (то есть основной массе людей, живущих в городе), ни «прошлому» (тому, которое мы хотим оставить в наследство нашим детям), ни «будущему» (то есть тому образу родного города, который является нам в мечтах).

Вероятнее всего, сегодня следует сделать твердый вывод о том, что безвозвратно должны уйти времена,

когда государство выступало единственным «оператором» развития городов, выстраивая сложный компромисс между амбициями территориальной экспансии и проблемами внутренней организации городской среды; наличием управленческими ресурсами и идеологическими догматами; чаяниями и реальной трудовой активностью населения. Какой должна быть нынешняя городская политика в условиях, когда и сегодня у подавляющей массы населения отсутствуют волевые начала и свободное время к самообустройству среды своего обитания? В условиях, когда выражение своих предпочтений население проявляет, как правило, лишь в форме непримиримых противостояний и конфликтов с мэрией. Как выстраивать диалог между властью и обществом, если власть выслушивает лишь тех, кто согласен с ее действиями и «горячо поддерживает», но не собирается ничего менять в своем «бизнесе» в «угоду уличным крикунам», как она именует митингующих.

Сейчас пришло время, когда нужно вновь начинать проектировать будущее заново, то есть искать решения, не имеющие аналогов. Особенно в условиях, когда Россия экономически стоит в капитализме, социально крепко увязла в устаревших общественных реалиях, доставшихся от СССР, а культурно либо с восторгом растворяется в чужих образцах, либо ежедневно безвозвратно теряет под напором отечественного хапужничества и разрушительства.

Россия сегодня нуждается в том, чтобы проектировать будущее, а затем действовать, последовательно и точно двигаясь к достижению поставленных целей. Россия сегодня нуждается в искусственном сотворении, поскольку сама, естественным образом, выжить уже не в состоянии. И самый продуктивный путь – это, конечно же, не борьба между властью и общественностью, а сотрудничество. Посмотрим, подтолкнут ли сегодняшние экономические и политические условия муниципальную власть к тому, чтобы избрать именно этот путь.

Пожар в Пекине

текст
Александр Раппапорт

Девятого февраля в Пекине загорелось высотное здание центра телекоммуникаций, построенное к Олимпиаде по проекту Рема Коолхааса. Этот пожар был, быть может, менее страшным зрелищем, чем падение и пожар «Близнецов» в Нью-Йорке, но и то, и другое событие кажется равно знаменательным. Дело не только в том, что пожар возник в день начала нового года, года Быка, в день фестиваля Фонарей, которым этот день обычно отмечается в Китае. Фонарь получился символическим не только как календарное событие, но и как символ, относящийся к судьбам архитектуры.

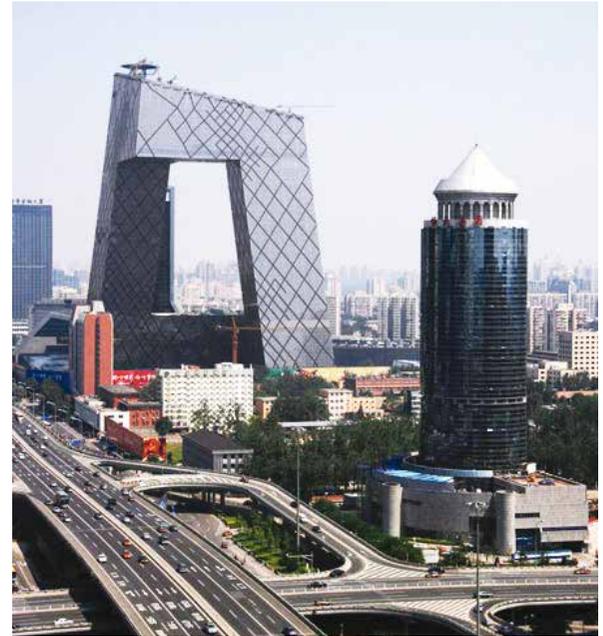
Жителям Пекина здание кажется настолько одиозным, что они дали ему не слишком лестную кличку «Больших подштанников» (da ku cha, or the “Big Underpants”), намекая, разумеется, на то, что за ними обычно скрывается.

Эти большие «подштанники», один из образцов нового градостроительного мышления Рема Коолхааса, можно рассматривать и как победу, и как поражение над неуправляемым ростом гигантских городских поселений. Здания привычного масштаба уже не способны оказать влияние на пространство большого города, и архитекторы предлагают в несколько раз увеличить их масштаб для того, чтобы покорить неконтролируемое расплозание городской ткани. Ткань эта не может считаться чем-то вроде раковой опухоли, в ней есть и негативные, и позитивные свойства, но все же ясно, что рост городов символизирует масштабное уменьшение одного отдельно взятого человека в человеческом муравейнике.

Спрашивается, трагично ли это или нормально, не идет ли человек в ходе своей эволюции к насекомым и муравейникам?

Но все это давно известно, и много раз писать об этом нет смысла, хоть и напоминать не вредно. Сегодня, в начале XXI века, в обстановке навязшего в зубах слова «кризис», все это начинает видеться несколько иначе. Серия катастроф – в космосе и на земле, – видимых, как пожары, и невидимых, как финансовые пирамиды, не могут не указывать на нечто существенное в земной, планетарной жизни, на нечто, не сводимое к обычным ЧП, и касается чего-то столь же существенного, сколь выживание человека на планете. Видеть или не видеть эти символы – вопрос выбора или интуиции. Разумеется, алармизм сам по себе ничего хорошего не значит, кричать «Караул!» при взгляде на проект питерского Газпрома, Хрустального острова в Москве или башни «Россия» нет смысла. Но не видеть, что за ними стоит некая довольно опасная тенденция, еще хуже.

А тенденция эта есть мифология количественного роста, противостоящая мифологии качественного совершенства.

Новые гиганты и финансовые кризисы сходны в одном: они демонстрируют силу каких-то хтонических монстров, чудовищ наших дней, способных поражать воображение, и пугать страшными разрушениями, и поражать мирную жизнь страхами весьма ощутимых жизненных бед.

Все яснее становится, что символы мощи человеческой инициативы, будь то конструктивная созидательная мощь строительства гигантских мостов и башен, всемирной телекоммуникационной сети или космических ракет, равно как и разрушительная мощь атомных бомб и финансовых пирамид, могут вскоре стать действительными мощами гибнущей цивилизации количества, массового общества.

Массовое общество обладает свойством порождать гипертрофированные образы – как строительных объектов, так и людей, таких, как Сталин или Гитлер, популярных артистов кино или супермоделей гламурных изданий.

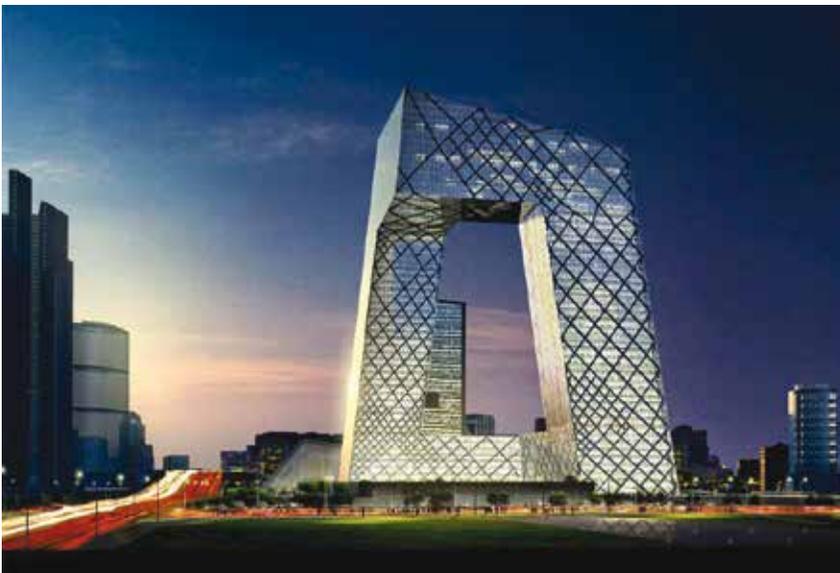
Наряду с этими гигантскими чудовищами все большее место в воображении массового общества начали занимать совершенно иные образы всеисилия информационной доступности мира в Интернете или символические соблазны потребления – деликатесы, ювелирные украшения и уютные логова частных квартир.

Наконец, в нашем воображении стали появляться и некие странные объекты, прямо противоположные гигантам, – микрообъекты, карлики и насекомые, сверхпортативные компьютеры, телевизоры, встроенные в глаз и, наконец, «нанотехнологии».

Не исключено, что в ближайшем будущем мы станем свидетелями мифологической борьбы гигантов и карликов, бесконечных сетей и твердых орешков неразстворимой идентичности. Как будет проходить эта война гигантов и карликов в деталях, мы не знаем, равно, как не знаем, кому придется сыграть роль жертв. А сомневаться в том, что жертвы в такого рода войнах неизбежны, трудно.

Наша мирная профессия, давно уже не соединяющая в себе изготовление храмов, домов и оружия, оказывается все же не в стороне от этих прогнозов.

Судя по всему, сегодня архитекторы вовлечены в приготовления к этим битвам помимо собственной воли. Они создают гигантские «подштанники» или портативные квартирки, превращают обычные квартиры в музеи индустриального бытия и с переменным успехом строят храмы и церкви из пластмассы и железобетона.

В поисках устойчивости

Слово «устойчивость», как и «кризис», – слова актуальной культуры, слова-лозунги которые появляются раньше, чем соответствующие им смыслы и значения. Эти смыслы могут меняться или существенно отличаться от базовых, первоначальных, заложенных породивших их языком. Именно такова сложная судьба слова «дизайн» в российской культуре, слова, приобретающего специфичный смысл и особую окраску, несовпадающую с тем, что существует в английском.

Итак, вначале было слово. Причем слово, пришедшее непонятно откуда и неясно когда, обладает особой магической силой. Слово завораживает. Религиозные войны начинались из-за слов, несовпадения трактовок нескольких слов Священного писания. У общества всегда есть люди, замороженные Словом, поклоняющиеся Слову, служащие ему. Слово становится лозунгом. Новый лозунг волнует и быстро вбирает, наращивает смыслы, как моллюск наращивает перламутр на песчинку. Складываются новые ценности и новые цели. Поначалу слова-лозунги бывают непонятны, могут выглядеть странно и глуповато. Так и должно быть. Первые последователи Лютера вряд ли вникали в тезисы, которые он приколотил к дверям собора. Среди коммунистов мало кто на самом деле изучал «Капитал». И архитекторы, по-прежнему, в большинстве своем предпочитают чтению разглядывание.

Пустой термин наполняется двумя видами смыслов – образным и рассудочным. Эмоциональным и логическим содержанием. Образное наполнение, естественное для

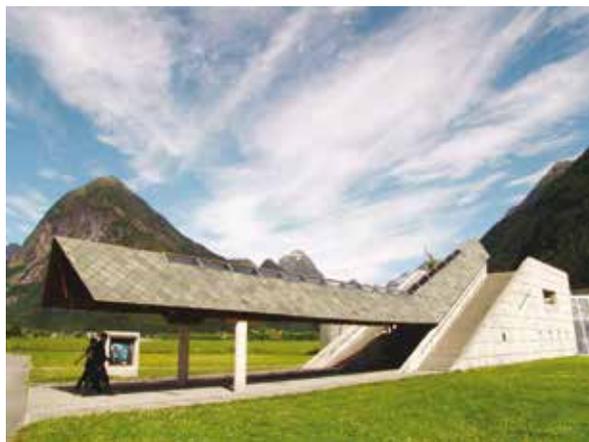
художественных профессий, формируется быстро. Логическое содержание приходит позднее и не без усилий.

Слово «устойчивость» появилось на Западе на волне «зеленой» революции, охватившей область проектирования и строительства. Поскольку эту революцию мы благополучно проспали, нам остается покорно заимствовать ее язык и принимать на веру саму необходимость его употребления. Но наша «устойчивость», скорее всего, будет означать нечто иное, чем западная sustainability. Каким именно смыслом наполнится наш термин – сказать трудно, ведь практика «зеленой» революции нас еще не коснулась. И сегодня нам остается гадать, что получится в результате вбрасывания «устойчивости» в нашу жизнь.

текст
Андрей Боков

Сверре Фене. Павильон Швеции, Норвегии и Финляндии на биеннале в Венеции, 2006 год.

Лауреат Притцкерской премии 1997 года Сверре Фене (Норвегия). ИСБремузей (музей ледников).

Сверре Фене. Павильон Норвегии на биеннале в Венеции, 1964 год.

Гленн Маркат. Дом Симпсона-Ли. (1988-1994)

Лауреат Притцкерской премии 2002 года Гленн Маркат (Австралия) Дом Марики Андерсон (1975-1980)

Лауреат Притцкерской премии 2009 года Петер Цумтор (Швейцария)
Капелла Братец Клаус Wachendorf, Eifel, Germany, 2007 год

Петер Цумтор
Капелла св. Бенедикта

Капелла св. Бенедикта, интерьер

Но вернемся к той связи, которая, по-видимому, существует между «зеленой» философией и идеалом устойчивости. Это философия эволюционного, а не революционного движения, философия отказа от развития и неизбежного прогресса. Политические лозунги начала XX века – коммунистические, националистические – были радикально разрушительными, тогда как устойчивость не приемлет резких изменений. Устойчивость – вещь скучная, но не опасная, и популярность устойчивости сегодня будет, несомненно, расти в связи с кризисным состоянием экономики и общественной жизни. Устойчивость – это обращение к архаике, к вечному и неизменному, к ценностям протестантской этики (прямо по Макс Веберу: скромность, сдержанность, терпение, экономность, самоограничение). Это ценности, которыми живут самые надежно устроенные страны – Швеция, Голландия, Норвегия. При этом современный Китай совершенно не готов принимать подобную систему ценностей. Мы тоже. У тех, кто не растерял пассионарный «запал», по Льву Гумилеву, устойчивая «Золотая осень» только впереди.

Стремление к устойчивости приходит с остывающего Запада, где за счет высочайшего уровня происходящей рефлексии, осмысления находятся новые источники поддержания движения и жизни. Антиглобалисты и антипрогрессисты, агрессивные «зеленые» дают не только необходимую энергию этому движению, но и определяют его новое направление. Все открытия неоконсерваторов немедленно адаптируются культурой и экономикой, становятся питающим их источником. Лозунги «зеленой революции» превращаются в бренды. Появилась «green» архитектура, «green» жилища, «green» унитазы, то, что якобы производится, используется и прекращает существование без ущерба для окружения. То, что «не green», – то плохо, аморально и

Колумба – Музей искусств в Кельне, Германия. 2007

Музейный мостик, Шир

уже продается, несмотря на то, что пока никто толком не знает, что такое «green», поскольку точные критерии не выработаны, а слово уже работает.

Областью особого внимания и еще одним признаком устойчивости становятся энергосберегающие и альтернативные источники энергии. Жесткие моральные критерии, как это ни парадоксально, совпадают с требованиями рынка и формируют новую политическую доминанту. При этом наше сознание по-прежнему питается ощущениями неограниченности ресурсов и сырьевого изобилия.

Как же меняются при этом культурные ориентиры? Премию Притцкера в этом году получил Петер Цумтор, а несколько лет назад (в 2002 году) австралиец Глен Маркатт. Оба эти события – признак кризиса доверия к «звездной» архитектуре. Прямой призыв к вернакуляру, местному и своему. Цумтор строит у себя в маленьком швейцарском городке, и на каждый дом у него уходит по несколько лет, и строит он почти так же, как швейцарские овцеводы строили тысячу лет назад. Это и есть устойчивость. Архитектор должен стать ближе к земле. Работать тщательнее и медленнее. Медлительность – признак устойчивости. Дольше работать над каждым проектом, вникать в детали и обдумывать каждую мелочь – таков настоящий профессионализм. Хватит резких поворотов и внезапных озарений, дней, которые потрясают мир. Вообще, хватит этот мир трясти и переворачивать. Давайте работать медленно, размеренно и постепенно. Возвращаться к уже сделанному. Цикличность – это признак устойчивости. У циклического движения нет ни цели, ни направления. И не надо.

Так или приблизительно так выглядят сегодня желания, принимаемые архитектурным сообществом.

Двадцатый век потрачен Россией на достижения гигантских и великих целей. В итоге наша жизнь

скудна, тревожна и неустроенна. Устойчивый быт, невозможный в череде постоянных перестроек и потрясений, может оказаться не только привлекательной, но и единственно правильной, морально оправданной и этически допустимой целью. Впервые в новейшей российской истории может возникнуть принципиально новая система целей и ценностей, правда, немного напоминающая те лозунги, на которых многие годы стояло страшное клеймо «буржуазности».

И последнее. Стабильность и устойчивость – это прежде всего сбалансированные отношения общества и власти, центра и регионов. Стабильность исключает жесткие организационные схемы, деформирующие социальную ткань. Нам нужно больше регионального и местного. Нам нужны более тесные и интенсивные связи по горизонтали. Мы обязаны активнее поддерживать движения в регионах, события, выставки, конкурсы. Именно на местном уровне лозунги устойчивости будут обрести конкретными смыслами и живой плотью.

Устойчивость надо искать в своем собственном доме.

Интерьер Термо Вальш
– комплекса бань и купален
на горячих источниках

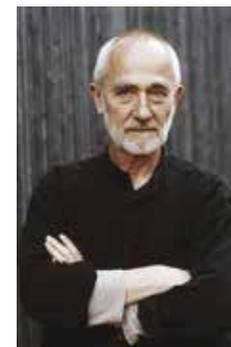
Петер Цумтор из Швейцарии стал лауреатом Архитектурной премии Притцкера – 2009

Официальная церемония награждения Архитектурной премией Притцкера – 2009, известной во всем мире как самая почетная награда в области архитектуры, прошла 29 мая в столице Аргентины Буэнос-Айресе. На этот раз премия в размере 100 000\$ и бронзовая медаль были вручены 65-летнему архитектору из Швейцарии Петеру Цумтору.

Томас Дж. Притцкер, председатель Фонда Хайатт, обнародовал решение жюри, процитировав: «Петер Цумтор – мастер архитектуры, его коллеги-архитекторы с разных концов света восхищаются его работой, сосредоточенной, бескомпромиссной и исключительно точной».

www.pritzkerprize.com

Петер Цумтор. Фото Гари Эбнер

2007 г. Часовня Брата Клауса, Вахендорф, Айфель, Германия

Эта часовня возведена в честь швейцарца святого Николаса фон дер Флюэ (1417–1487), известного под именем Брата Клауса. Заказчиками выступили фермер Херманн-Йозеф Шайдтвайлер и его жена Трудель, они же и построили эту часовню при помощи друзей, знакомых и мастеров на одном из своих полей, находящемся выше деревни.

Интерьер внутреннего пространства часовни образован из 112 стволов деревьев, расположенных в форме палатки. За 24 рабочих дня вокруг этой конструкции, слой за слоем, каждый толщиной в 50 см, был залит бетон.

Осенью 2006 года в течение трех недель внутри бревенчатой палатки поддерживался специальный тлеющий огонь. После этого стволы стали достаточно сухими, и их можно было легко удалить из бетонной оболочки.

Пол часовни вручную заливали свинцом, который предварительно плавил в горне печи здесь же, на участке. Бронзовый бюст внутри часовни был создан скульптором Хансом Йозефсоном.

Фото Уолтер Майр, Пьетро Саворелли

2000 г. Павильон Швейцарии, «Экспо 2000», Ганновер, Германия
Мы назвали Швейцарский павильон для выставки «Экспо» в Ганновере «Швейцарским оркестром». Вместо демонстрации теоретической или виртуальной информации в качестве рекламы Швейцарии, нашей основной идеей было предложить нечто конкретное посетителям «Экспо», уставшим от изучения многочисленных буклетов в других национальных павильонах. Мы захотели создать привлекательное место для того, чтобы отдохнуть, просто побыть там, попробовать что-то вкусненькое из Швейцарии, если ты проголодался или хочешь пить, послушать живую акустическую музыку, которая меняется, перемещаясь из зала в зал, насладиться расслабленной атмосферой и пообщаться с красиво одетым персоналом.

Идея создания общего произведения искусства зажгла наше воображение. Драматическая музыка в исполнении перемещающихся музыкантов, кулинария, мода, а также ключевые слова о Швейцарии, изящно выведенные светом на брусках: все это было создано для слияния с архитектурой – пространственной конструкцией из деревянного бруса.

Принимая во внимание тему «Экспо», посвященную устойчивости, мы построили павильон из 144 км строевого леса с поперечным разрезом 20 x 10 см, что в сумме составило 2 800 кубометров лиственницы и сосны Дугласа из швейцарских лесов. Павильон был собран без использования клея, болтов и гвоздей. Брус стягивался стальными тросами, причем каждая верхняя балка была прижата к нижней. После закрытия выставки сооружение было демонтировано, а брус был продан как выдержанный лесоматериал.

Фото Уолтер Майр, Томас Флехтнер

1997 г. Дом искусств в Брегенце, Государственная галерея Форарльберга. Музей и административные здания. Брегенц, Австрия

В соответствии с задачами конкурса 1989 года требовалось создать традиционную провинциальную галерею. Шаг за шагом специальный формат дома Художественной галереи превратился в четырехэтажное здание.

Администрация, кафе и музейная лавка переместились в отдельное строение, стоящее напротив самого музея.

Первоначально мы планировали направить дневной свет внутрь здания сквозь наклонные рейки на фасаде. В результате испытаний на макете это решение оказалось неудовлетворительным. Наилучшие результаты были полу-

чены при использовании травленной стеклянной плитки, которая преломляет свет перед его проникновением внутрь здания. Откуда бы свет ни поступал, внутрь он всегда передается горизонтально. Поэтому на каждом этаже над полом мы поместили рефлектор, который бы улавливал свет, идущий со всех четырех сторон.

И снова здесь мы использовали способность травленого стекла рассеивать свет, который падает на стеклянный потолок и, преломляясь, попадает в каждую выставочную галерею. Чтобы добиться особой концентрации на четырех этажах, заставленных выставочными экспонатами, мы спроектировали здание без окон. Но в то же время оно наполнено дневным светом.

Фото Хелен Бинет

Фото Хелен Бинет

1996 г. Термальные ванны Вальс. Граубюнден, Швейцария

В 1983 году коммуна Вальс приобрела обанкротившийся гостиничный комплекс, построенный в 1960-х годах, за небольшую сумму денег, однако без большого энтузиазма. Но, чтобы сохранить существующие рабочие места, нужно было что-то предпринять. Когда большое новое здание с объединенными термальными ваннами и новыми гостевыми комнатами оказалось слишком дорогостоящим, на первом этапе строительства руководство сделало выбор в пользу термальных ванн.

Заказ был на нечто особенное, уникальное. Проект должен был соответствовать коммуне Вальс и привлечь

новых гостей. В 1991 году проект был представлен на собрании поселения в виде заполненной водой каменной модели. Строительство началось в 1994 году, и в 1996 году были открыты термальные ванны. С этого времени каждый год здесь бывает более 40 000 посетителей. С момента завершения строительства объем размещения приезжих в поселении и в отеле Терме увеличился примерно на 45%.

Комплексная несущая конструкция ванн состоит из прочных бетонных стен и тонких плит из местного гнейса, раздробленного и нарезанного в соответствии с нужным размером на каменоломне рядом с этим же поселением. Прямо за ваннами находится гора, с которой и поступает термальная вода температурой 30°C.

Кризис устойчивости

Не было гвоздя –
Подкова пропала.
Не было подковы –
Лошадь захромала.
Лошадь захромала –
Командир убит.
Конница разбита,
Армия бежит.
Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
Оттого что в кузнице
не было
гвоздя!

Только совсем далекий от жизни человек не вставляет слово «кризис» в свои рассуждения и темы. В специальных экономических журналах и рубриках ведется рубрика хронологии кризиса и его аналитика; выясняются причины, проводятся аналогии. Настроения и процессы, связанные с событиями истекшего и текущего годов, еще долго будут оказывать влияние на макроэкономические и макро-социальные изменения мирового сообщества.

Главным «инициатором» нынешнего состояния является американская экономика; в центре кризисной спирали – финансы, страхование, недвижимость. Появившиеся еще в 2007-м одиночные тревожные сигналы превращаются в густой рев сирены к октябрю 2008-го. Отдельные оазисы устойчивости экономики приходится искать на периферии глобальной экономической сети и в отраслях, наименее связанных с мировыми финансовыми потоками. А есть ли такие? (Русский репортер. 2009. № 3). Эсхатологические настроения пронизывают как работы аналитиков-экономистов (А. Бузгалин), так и обзоры политологов, вплоть до утверждений о конце земной цивилизации «в том виде,

в каком она существует последние 10–12 тыс. лет» и которую автор условно называет Эпохой (или Временем) Пирамид и Сфинкса¹. Перепроизводство денег, следствие огромных диспропорций в мировой экономике, повлекшее ее обвал, более всего поддается анализу и получило даже метафорическое название «лопающихся пузырей, оставляющих хлопья пены» в самых неожиданных местах экономической сети – от падения спроса на товары длительного пользования до повышения спроса на экономическую компетенцию специалистов всех специальностей и популярности экономической теории Карла Маркса. Налицо спад производства, по меньшей мере на четыре-пять, а то и более процентов, если говорить о том, что происходит в реальности, а не то, что скрыто за теми или другими ухищрениями статистических органов. Рост безработицы достигнет десяти, а то и пятнадцати процентов, если говорить не только о зарегистрированных безработных, но и о тех, кто реально лишился работы, или работает часть времени, или работает за часть заработной платы... Огромные коллапсы в сфере финансов и огромные проблемы в области капитализации: фирмы теряют половину, а то и более своей стоимости на биржевых рынках².

Если рассматривать кризис только с точки зрения его негативных последствий, то его анализ может явиться мощной базой для социальной и политической критики – как в адрес национальных стратегий, так и в отношении динамики всего мирового сообщества. Однако было бы слишком скоропалительно и недальновидно останавливаться лишь на ущербе, деструкции и депрессии, им порожденных: наша жизнь периода «надувания пузыря» закончилась, сравнительно благополучные годы прошли и не вернуться. Прошли времена заказов на дворцы вместо хижин, которые для миллиардеров выполняют миллионеры. Но лопнувший пузырь оставил свой след в экономике,

текст
Марина Ткачева

1. Фурсов А. Кризис-матрешка : www.ikonomika.ru/science/economic1/adefrokiimizrpxj.html
2. www.maib.ru/prognostication/finamfm/buzgalin0409/

который поддается измерению. Так, пузырь технологических компаний оставил огромные инвестиции в оптоволоконную инфраструктуру. Сегодня уже построены многие квартиры, и в них живут реальные люди. То, что произошло в большом количестве и на что во время «угара» были неправомерно вздуты цены, выставлено на продажу: кризис способствует установлению более реальных цен, приближающихся к разумным³. Кризисные процессы изменили конфигурацию городской жизни; особенно это коснулось жизни «провинциальных столиц», которые В. Глазычев назвал «городами в полном смысле слова», – Екатеринбург, Казани, Самары, Ростова и т.д. В предшествующие кризису годы они демонстрировали оживленность на рынке труда, в строительстве, бизнесе, развитии городского пространства, качестве образования и мест отдыха, густоту культурных событий. Сюда устремлялись те, кто «почувствовал тесноту» в Москве. Сегодня города, в которых было развито преимущественно промышленное производство, перестали быть привлекательными для тех, кто выбирает новое место жизни (Челябинск). В более благоприятных условиях находятся диверсифицированные экономические центры. В них продолжается (хотя и более медленными темпами) строительство (Русский репортер. 2009. № 16). Неблагоприятный экономический прогноз вынуждает торопиться с вводом в эксплуатацию уже строящихся зданий. Нарботанный темп, в хорошем смысле слова инерция, – та точка устойчивости, которая одновременно является и точкой роста.

Вот я и подошла к своей любимой идее: если архитектура хочет быть устойчивой, она должна быть изменчивой. Эта мысль имеет несколько аспектов.

1. Кризис – точка бифуркации, как модно нынче говорить в сообществе интеллектуалов: момент наивысшей неравновесности в существовании системы, которое характеризуется глубокими внутренними противоречиями и рассогласованностью. Это состояние, когда определяются будущие направления ее развития. Не думаю, что это означает равноценность всех без исключения возможностей. Многочисленные беседы с практикующими архитекторами и дизайнерами дали возможность сделать вывод, что в кризисных ситуациях легче всего рухнет именно новое, то, что появилось недавно и не успело окрепнуть, не укоренено в социальном пространстве, праве и социальной привычке. Архитектура имеет дело со слишком «весомой» субстанцией, которую невозможно, да и не нужно разрушать в один момент. (Надо заметить, что привычка некоторых чиновников и политических лидеров мыслить по аналогии подчас дает самые странные зигзаги, в которых скорость изменений в экономике переносится на строительство и архитектуру.) Следовательно, наибольший шанс для реализации имеют те тенденции, которые уже либо проклюнулись, обрели статус непреложного факта, либо существовали давно, но оказывались вне мейнстрима в предшествующий период. Так, стратегия «избавиться от старого, чтобы воздвигнуть новое» заменяется стратегией «сохранять старое для разумного использования». Я имею в виду в первую очередь наболевший вопрос о памятниках архитектуры. Отдельные факты и события последнего времени свидетельствуют, что в нем не все безнадежно: в Москве обсуждалась судьба Московского газового завода, памятника промышленной архитектуры XIX века (ИА REGNUM, 06.03.2009). Высказывалась обоснованная тревога, что беспринципность властей может принести вред облику города и памяти. Главное позитивное предложение было связано с использованием этого объекта в культурных целях. Эта тема стала предметом оживленной дискуссии на красноярском портале ГАЗЕТАСТРОЙ.ру. Иркутский контекст, массив памятников деревянной архитектуры создают для такого использования массу возможностей. В рейтинге критериев привлекательности разных городов для жизни существование объектов культуры и активность культурной жизни находятся в первой десятке

позиций (РР. 2009. № 16). А использование зданий-памятников как объектов, в которых может осуществляться культурная деятельность – самое выигрышное, очевидное их применение.

Очевидно, что ни одна тенденция в социальной динамике не реализуется сама собой; только через содействие или противодействие людей, через настойчивость и последовательность в защите и продвижении своих проектов. Осмысление и обоснование архитектурной общественностью и городским сообществом разумности и (не в последнюю очередь) экономичности использования памятников архитектуры – вот реальная точка устойчивости, которая может поддержать имидж города и способствовать оживлению динамики городской жизни.

2. Напомню, что на прошлом архитектурном конкурсе «АрхиП» в номинации, учрежденной Domus под названием «Present of future» – «Будущее в настоящем» – победил концепт-проект комплекса «Апельсин». Он объединил два тренда – хай-тек и бионику. Но главное, что отличает это соединение, – широкие возможности трансформации объекта, в том числе и возможности функционального зонирования внутреннего пространства. Пластичность архитектуры, ее способность учитывать как изменяющиеся потребности заказчиков, так и изменяющуюся жизнь создают тот баланс устойчивости и динамики, который необходим для сохранения ее авторитета. Не думаю, что «случай Нормана Фостера» – лишь эпизод. В требованиях, выдвигаемых для массовой архитектуры будущего – архитектуры школ и детских садов – все чаще звучит та же идея: проектировать так, чтобы, без ущерба для архитектурного облика, иметь возможность использовать здания в зависимости от конкретной образовательной программы, предполагающей переход к инновационным стратегиям и методам обучения⁴.

3. Если для характеристики кризиса использовать метафору спирали, в центре которой закручиваются ядерные структуры финансов и недвижимости, то проектировочная деятельность окажется ближе к ее внешним границам. Между тем именно проектировщики почувствовали дыхание перемен почти сразу: катастрофически уменьшилось количество заказов, мастерские даже выдающихся архитекторов с мировым именем оказались на грани закрытия или закрылись (ван Эгераат), заказчики стали более капризными и требовательными; сокращаются финансовые возможности инвесторов, а цены за выполнение проектов существенно снизились. В деятельности архитекторов и дизайнеров образуется пауза, когда не захлестывает повседневная текучка. В такие периоды открывается возможность набираться впечатлений, читать, думать, переосмысливать сделанное, обсуждать новые идеи. Эти соображения высказал в беседе А. Картопольцев, главный дизайнер Иркутской области в 2004–2006 годах. Это стратегия профессионального роста, необходимого для сохранения себя в профессии, – устойчивость в изменении.

4. Кризис подтолкнул процесс коллективного самоопределения архитекторов и строителей. Время покажет, насколько оправданы были надежды на коллективный разум СамРО, но их появление – безусловный шаг вперед в установлении преград перед откровенной халтурой, непрофессионализмом, находящих лазейки для продвижения некачественных проектов благодаря их мнимой дешевизне или иным причинам. Вопрос о качестве проектировочной деятельности, очевидно, касается не только сознательности каждого человека. Поддержка коллективными усилиями борьбы за качество, инновационность проектировочной деятельности – важный момент устойчивости, захватывающий и наиболее дискуссионные моменты архитектурного образования.

В публикации использованы материалы порталов Socpolitica, polit.ru, аналитические обзоры «Телеинформ», журналов «Вопросы экономики», «Архитектурный вестник»

3. С. Гуриев, публичные лекции на polit.ru.

4. Н. Иванова-Гладильщикова. «Что делать, когда денег нет, а школы строить нужно». www.russ.ru/pole/CHto-delat-kogda-deneg-net-a-shkoly-stroit-nuzhno

Создание природных парков в США в период кризиса 1929–1933 годов

Когда осенью 1929 года на главной американской бирже в Нью-Йорке произошло резкое снижение стоимости ценных бумаг, мало кто предполагал, что это начало длительного экономического и социального кризиса, который охватит всю страну, а годы кризиса 1929–1933 в США впоследствии будут названы временем Великой депрессии.

Снижение стоимости акций началось в 20-х числах октября. Вкладчики акционерных компаний и владельцы предприятий в массовом порядке стали продавать свои ценные бумаги, невзирая на цену. День 24 октября 1929 года был назван «чёрным четвергом»: за день было продано 12,9 миллионов акций, через пять дней, 29 октября, новый рекорд – продано 16 миллионов акций. Стоимость акций, а за ними и стоимость предприятий, стремительно понижалась, что приводило к разорению тысяч мелких и средних вкладчиков, втянутых в биржевую игру. Сначала ни финансисты, ни правительство не смогли разобраться в масштабах финансовой катастрофы. Они полагали, что происходит временный спад, вызванный слишком активными спекуляциями.

В то время в Соединенных Штатах не было никакого социального законодательства. Если человек терял работу, он мог рассчитывать только на себя. Тысячи и тысячи рабочих в один момент остались без работы и без средств к существованию. Тысячи обездоленных людей безуспешно искали работу, а те, кто был занят неполный рабочий день, с ужасом думали о будущем. Предприятия останавливались, и ежедневно новые тысячи людей пополняли ряды безработных.

Правительство Г. Гувера могло делать только то, что было понятно и просто для бюрократов: не понимая причин кризиса и не зная, как нужно действовать, чтобы начать преодолевать его, министры Гувера выступали с успокаивающими заявлениями, которые опровергались жизнью через несколько дней.

Безработица в стране росла. Весной 1930 года во всех штатах начались демонстрации и митинги с требованиями к правительству о предоставлении работы и хлеба. Кризис разрастался, и страна погружалась в отчаяние.

Франклин Рузвельт в это время был губернатором штата Нью-Йорк. Как и остальные руководители, он долго не мог поверить, что спад производства в стране является не сезонным, а перерастает в масштабный экономический и социальный кризис. Хотя Рузвельт в предыдущие годы сам говорил о том, что зра процветания, основанная на финансовых спекуляциях и необоснованном повышении биржевой стоимости предприятий, может

завершиться крахом, он только через полгода осознал всю серьезность положения: миллионы людей остались без работы и не знают, как они будут выживать завтра.

Рузвельт в своем штате стремился максимально смягчить последствия кризиса. Впервые в истории США он добился небольшого пособия для безработных из бюджета штата, создал комиссии по выяснению причин кризиса и стабилизации экономики, а также всемерно расширял общественные работы – строительство школ, больниц, тюрем, улучшение дорог и улиц.

В Нью-Йорке выплаты по пособию для безработных достигали в 1932 году 23 доллара на семью в месяц. Люди имели небольшое страхование по безработице и возможность получить низкооплачиваемую, но все же работу в сфере общественных коммунальных служб. Все это было очень скромно. Но все познается в сравнении: в других штатах пособие равнялось 3 долларам в месяц, и не существовало возможности получить место на общественных работах.

В 1932 году Франклин Рузвельт был избран президентом Соединенных Штатов. Он пришел в Белый дом с уже подготовленной и четко определенной программой действий по преодолению кризиса в стране. Программа получила название «Новый курс» президента Рузвельта.

Инаугурация нового президента состоялась 4 марта 1933 года. А уже 21 марта Рузвельт направляет в Конгресс предложение послать безработных молодых людей на общественные работы по сохранению и восстановлению природных ресурсов. Так была учреждена программа Срочных работ по сохранению естественных ресурсов (ECW – Emergency Conservation Works). Для выполнения этих работ в стране создается специальная организация – Гражданский корпус сохранения ресурсов (CCC).

Историк Николай Яковлев в биографии президента Рузвельта отмечает, что «...наиболее личной из всех реформ «Нового курса» этого периода было учреждение по предложению Рузвельта Гражданского корпуса сохранения ресурсов – CCC (Civil Conservation Corps). Франклин Делано Рузвельт давно вынашивал эту идею, и она была особенно близка его сердцу».

Программа CCC определяла, что к началу лета 1933 года в стране должны быть созданы лагеря для 250 тысяч молодых людей. Стать членом Корпуса CCC могли молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет из семей, получающих социальное пособие или безработные ветераны Первой мировой войны.

текст и фото
Андрей Ляпин

Главная достопримечательность природного парка Тэйбл Рок. Вид священной горы серым ноябрьским днем

Президент США Франклин Д. Рузвельт

Каждый участник Программы получал бесплатное питание, проживание, форменную одежду и один доллар в день в качестве заработной платы. Работы выполнялись под руководством инженеров и техников, а во всем остальном молодые люди подчинялись офицерам, призванным из резерва американской армии. В лагерях вводилась армейская дисциплина.

Рузвельт считал, что в работе Гражданского корпуса задача улучшения природных ресурсов страны и задача воспитания и укрепления здоровья молодых людей являются равнозначными.

ССС стал очень популярным. Эта Программа превзошла ожидания Рузвельта и оказалась успешной во всех отношениях. Через два года после создания Гражданского корпуса, в 1935 году, он был увеличен вдвое – до 500 тысяч человек. Всего же ССС существовал 9 лет и был распущен в 1941 году после вступления США во Вторую мировую войну. За это время в нем прошли службу около 3 миллионов человек. Работы, которые выполнял Гражданский корпус, были разнообразны: лесонасаждения, рытье прудов и сооружение плотин, мелиорация, создание и улучшение парков, предотвращение лесных пожаров, строительство дорог, мостов, противопаводковых сооружений.

Создание природных и исторических парков в различных штатах по всей стране стало отдельным и очень результативным направлением деятельности ССС.

Как работала программа ССС по созданию парков на практике, хорошо иллюстрирует пример создания природного парка Тэйбл Рок в штате Южная Каролина.

В переводе на русский «Тэйбл Рок» означает «Столовая Гора». Эта впечатляющая по размерам и облику гора расположена на отрогах горного хребта Блю Ридж в глубине американского Юга. Гора Тэйбл Рок издавна привлекала людей своей живописностью и красотой окружающих её ландшафтов.

Изначально это была земля индейцев племени чероки. В 1816 году индейцы уступили эту землю белым переселенцам, и она вошла в состав штата Южная Каролина. У индейцев весь этот горный район назывался «Сах-ка-на-га», и это словосочетание можно было перевести как «Великие Синие Холмы Бога». Существовала индейская легенда о том, что именно здесь Великий Дух принимает пищу на гигантской каменной горе, похожей на стол. Рядом с большой горой – столом – находилась меньшая по размеру гора, названная стулом. Индейцы считали, что Дух наслаждается едой, сидя

на нём. Позднее белые жители Южной Каролины стали рассказывать, что Дух отдыхает, сидя на «стуле».

Вскоре после перехода земель к белым жителям Америки, район горы Тэйбл Рок становится популярным местом для горного туризма, охоты, рыбной ловли и оздоровительных прогулок. Состоятельные горожане из основных центров американского Юга – Ричмонда, Атланты, Нэшвилла, Колумбии – приезжают сюда, чтобы провести несколько дней, любуясь красотой горных ландшафтов.

Очень уважаемый на Юге архитектор, путешественник и общественный деятель Роберт Миллс в своей книге «Факты о Южной Каролине» пишет в начале XIX века о горе Тэйбл Рок: «...возможно, это одна из величайших достопримечательностей этого типа в мире. Её размеры колоссальны, и почти перпендикулярная стена из прочного серого гранитного камня достигает высоты в 1 000 футов (более 300 метров) от её основания... и заставляет наблюдателя смотреть с благоговением и изумлением».

Первую гостиницу для туристов и путешественников построили в одной из долин, ведущих к скале Тэйбл Рок, в 1845 году. К этому же времени сформировалась система троп, ведущих на вершину и позволяющих достичь окружающих ландшафтов. В 1900 году была построена еще одна гостиница для туристов, почти у основания Тэйбл Рок. Количество отдыхающих и туристов в этих местах постоянно увеличивалось, начиная с первых годов XX века, но никаких работ по благоустройству больше не проводилось.

В 1933 году, сразу после утверждения рузвельтовского Закона о срочных работах по сохранению ресурсов район горы Тэйбл Рок был определен как рекреационная территория штата и был поставлен в план работ ССС по созданию здесь природного парка «Тэйбл Рок» штата Южная Каролина.

Парк был официально утвержден весной 1935 года, и под него была отведена территория площадью 2 500 акров (1 000 гектаров), включая саму вершину горы Тэйбл Рок, гору Пиннакль и Стул. Эти главные природные достопримечательности парка дополнялись несколькими озерами, красивыми небольшими долинами и ручьями.

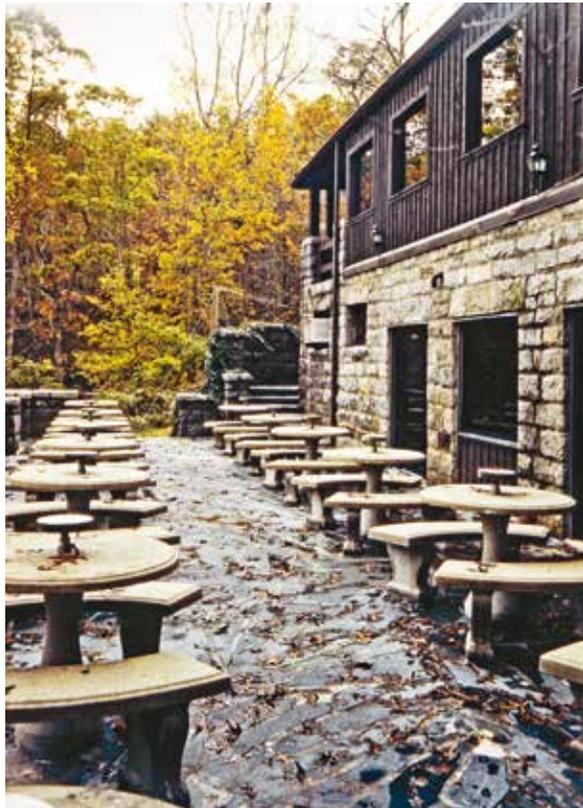
В августе 1935 года недалеко от горы были устроены два лагеря Гражданского корпуса, приблизительно по 200 человек в каждом. Оба лагеря первоначально состояли из безработных ветеранов Первой мировой войны. Вскоре ветеранов в лагерях заменили молодые люди в возрасте до 25 лет, причем такая замена сказалась только положительно на результативности работ. Служащие в одном лагере вели работы по благоустройству парка «Тэйбл Рок», а служащие другого лагеря сооружали дамбу и насыпи на одном из горных озер.

Сооружения парка выполнялись по проектам архитектора Дж. В. Линли, а окончательно одобряли проекты и инспектировали строительство специалисты Службы национальных парков. В самом начале создания природного парка к разработке проектов и планировке парка привлекали студентов архитектурного факультета Университета Клифтон. Двадцать студентов «с блокнотами и карандашами» побывали на месте парка Тэйбл Рок еще до прибытия служащих ССС. Им объяснили назначение парка и описали типы зданий, которые были необходимы здесь. Каждый студент выполнил свой проект и представил на конкурс. Лучшие были отобраны для реализации и даже опубликованы в газете штата.

Работы в природном парке начались с создания системы парковых дорог. Главная парковая дорога была спланирована согласно рельефу и оформлена вновь высаженными деревьями. На ней было также предусмотрено оформление наиболее красивых видов и перспектив на ландшафты парка, горы и озеро. Как часть дорожной системы парка были сделаны водосточные желоба, кюветы, мосты и обзорные площадки.

Была сделана система водоснабжения. В горах создали небольшую запруду на ручье Каррик, и оттуда вода без насосов поступала в сеть водоснабжения, пройдя песчаный фильтр. Позднее система водоснабжения парка была дополнена станцией хлорирования.

Много усилий понадобилось для создания дамбы на искусственном озере Пиннакль.

Главная терраса ресторана «Охотничий домик» на берегу озера. С террасы открывается великолепный вид скалы Тэйбл Рок

Схема туристической инфраструктуры природного парка Тэйбл Рок

Именно вокруг этого искусственного озера впоследствии были сгруппированы основные сооружения парка.

К 1938 году основные сооружения парка включали: искусственное озеро Пиннакл и пляж на нём; пять домиков для отдыха; пикниковую площадку с навесами, очагами для огня, фонтанчиками с водой, жаровнями для барбекю, столами и скамейками. В процессе строительства находились здание купальни и Охотничий дом – здание для отдыха, где были ресторан, клубные помещения и танцевальный зал. С террасы ресторана открывался великолепный вид на парк и окружающие горы. Нижний этаж Охотничьего дома был выполнен из местного камня, а верхний сооружен из отесанных вручную каштановых бревен. В апреле 1938 года природный парк «Тэйбл Рок» был официально открыт для публики.

Охотничий дом, купальня и еще три домика для отдыха были завершены в 1941 году.

По уровню благоустройства и архитектуре зданий природный парк «Тэйбл Рок» стал одним из лучших в Южной Каролине. Парк сразу приобрел большую популярность. Уже на следующий год после открытия, в 1939-м, парк посетили более 100 тысяч человек.

Деятельность ССС была очень полезна и результативна для Южной Каролины. Усилиями ССС на федеральные средства в период с 1934 по 1941 год были созданы 16 природных парков в штате. Тэйбл Рок имеет среднюю величину по площади, были и более мелкие парки. Вновь созданные парки образовали систему природных парков и вошли в состав Департамента парков и рекреации штата Южная Каролина, который был создан в 1937 году.

Тип природного парка региона (штата) обычен для Соединенных Штатов и практически отсутствует в России. В США природный парк штата является его собственностью, находится в его ведении и финансируется из бюджета штата. Природные парки штатов, как правило, меньше по размерам, чем национальные природные парки США, те знаменитые американские национальные парки, которые являются собственностью Федерального правительства. Количество парков штатов в стране существенно превышает количество национальных парков. Если Национальных парков и памятников в США приблизительно 400, то количество парков и памятников штатов достигает нескольких тысяч. Именно парки штатов несут основную рекреационную нагрузку в стране.

В России ситуация обстоит иначе. Согласно нашему законодательству, этому типу парков соответствует тип регионального природного парка, который может создаваться субъектами Федерации. На практике, однако, в России почти нет региональных природных парков. Несколько попыток их создания, предпринятых на Дальнем Востоке в конце 1990-х, не получили дальнейшего развития. Основную рекреационную нагрузку возле городов и городских агломераций России несет просто лес, почти без содействия со стороны правительства и граждан страны. В Сибири основная рекреационная нагрузка падает на тайгу – просто тайгу, без всякого благоустройства, без системы утилизации отходов, без лесовосстановления, без заботы о животных, без всякой этики общения с природой и воспитательного значения для молодого поколения. Пока тайга в России еще большая. Пока в России обходятся без природных парков регионального уровня.

От дома-эконома до дома-автонома

текст
Константин Лидин

Дизайнеры Юн Ясумото, Винсент Вэнденбрук, Оливье Пигас и Альбан Ле Анри решили задействовать элементы природных экосистем в системе очистки сточных вод душевой комнаты. Первым барьером на пути сточных вод встают тростниковые и осоковые, растущие вокруг ног. Ухода растения не требуют практически никакого. Ежедневный полив им обеспечен. После фитоочистки вода проходит через песок, лабиринт фильтров, водные гиацинты и углеродистый фильтр. Все эти очистные «изобрения» находятся в полу душа.

Кризис – время экономии. Когда об этом заходит речь, первым делом обычно вспоминают два вида подлежащих экономии ресурсов: тепло и воду. Под этими словами в данном случае понимаются удобные для использования формы того и другого: тепло в виде воздуха с температурой около 250С (или такие носители, которые легко в него превращаются), а вода – обязательно чистая, желательна питьевых кондиций. Если ресурс имеется, но его форма не оптимальна, то появляется необходимость в специальных устройствах для перевода имеющейся формы в удобную – теплообменники, опреснители и т.д. Соответственно возрастает стоимость ресурса.

Страны, не пораженные ресурсным проклятием, уже давно и весьма активно ищут пути повышения экономичности жилого дома. Ближайшие наши соседи по постсоветскому пространству – Украина, Белоруссия – на разных уровнях стимулируют анализ и разработку более эффективных и экономичных систем тепло- и водоснабжения. Введен термин «энергетическая безопасность», и под этим заголовком обосновываются требования учета и экономии тепла, в том числе на уровне градостроительной документации¹. Аналогичные процессы идут в странах Средней Азии по отношению к пресной воде². Еще дальше ушли по данному пути страны Западной Европы, США и Японии, где большинство ресурсов уже давно находятся в состоянии осознанного дефицита.

Экономия тепла и воды иногда принимает формы весьма дерзкого полета мысли. Разрабатываются фантастические проекты, которые должны принципиально решить проблему экономичного жилья на базе новейших технологий – вроде здания, фасад и кровля которого полностью облицованы солнечными батареями. Или, скажем, общественное строение (особенно такое, где велики потоки движущихся людей, например, метро), в котором пол выложен пьезоэлектрическими элементами. Такой пол каждый шаг превращает в электрический импульс, а людской поток становится мощным источником электроэнергии³.

Не менее экзотичные выдумки возникают в области экономии чистой воды. Вот, скажем, индивидуальный душ с

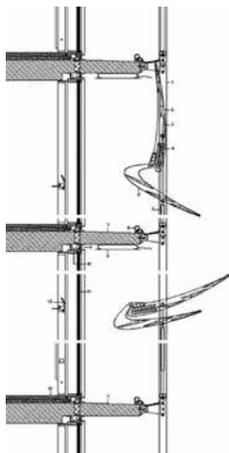
замкнутым водооборотом – продукт дизайнерской фантазии японско-американского коллектива.⁴

Примером «супертехнологичной» экономии дневного света может служить комплекс Сока-Бау (SOKA-BAU) в Висбадене, Германия. Проект разработан группой мюнхенских архитекторов «Томас Херцог и партнеры» (Herzog + Partner Architects BDA) и реализован в 1994-2004 гг. Около 70 000 кв. м жилых и общественных площадей оборудованы специальными системами, позволяющими управлять потоком солнечного света во множестве вариантов – рассеивать его, экранировать, направлять внутрь жилья и т.д. Для этой цели служат устройства, управляемые как автоматически, так и вручную – изнутри здания.

Однако подобные примеры вряд ли можно рассматривать, как основу для широкого распространения сберега-

Общий вид и схема устройства рефлектора, управляющего потоком дневного света. Иллюстрация из доклада профессора Томаса Херцога на триеннале «Интерарх-2009», София

Болгария, город Шумен. Обычный жилой дом в центре города. На четвертом этаже балкон превращен в дровяной склад. Перебои с газом, вызванные политическими играми России, Украины и Евросоюза – одна из причин, по которой жители Восточной Европы ищут альтернативные способы отопления своего жилья. Фотография автора.

Солнечные батареи в городе Беершева, Израиль, Фото Альберта Эдингера

ющего домостроения. Конечно, дом с замкнутым циклом водоочистки и с хитроумными «солнцерезами» на каждом окне выглядит весьма эффектно. Однако стоимость и надежность таких технологий пока еще далеки от стандартов массового потребления.

Менее эффектный, зато более сдержанный и скрупулезный подход, выражается, например, в проектах когенерации электричества. В доме (или группе домов) устанавливается небольшой газопоршневой электрогенератор, который питается природным газом и вырабатывает часть необходимой для жизни электроэнергии. Электричество получается в два – два с половиной раза дешевле плюс «даровое» тепло, попутно вырабатываемое генератором. Как ни странно, данный метод особенно быстро развивается в странах с максимальной ценой на природный газ. Так,

в Дании и Голландии доля когенерации в общем балансе бытового потребления электроэнергии составляет около 45%, а к 2010 году планируется дальнейший рост до 55%⁵.

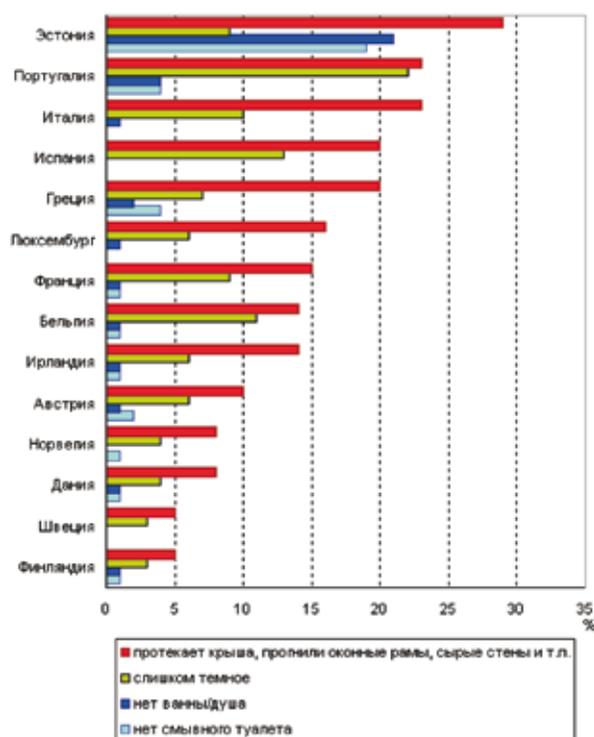
Уже вполне повседневным элементом отопительных систем стали тепловые насосы. Тепловой насос – это что-то вроде холодильника, вывернутого наизнанку. В обычном бытовом или промышленном холодильнике имеется два контура – один внутри камеры, другой – снаружи. За счет сжатия и расширения теплоносителя внешний контур нагревается, а внутренний остывает. Теплонасос тоже включает два трубчатых контура с теплоносителем. Тот из них, который нагревается, расположен внутри дома, а тот, который охлаждается – снаружи. Внешний контур можно расположить просто на воздухе, и он будет надежно «выкачивать» тепло из окружающей среды даже при -150С. Можно закопать его в землю или погрузить в водоем, тогда он обойдется дороже, но зато будет работать в более благоприятном тепловом режиме.

В Швеции на девять миллионов населения приходится 1,6 миллионов индивидуальных (на одну семью) домов. Из них 550 000 домов используют в качестве источника энергии для обогрева электричество, 224 000 – электричество в сочетании с дровами, 104 000 – централизованное теплоснабжение (для новых домов). Около 350 000 домов обогревается тепловыми насосами различных типов⁶. Аналогичные тенденции наблюдаются на рынках тепла в Норвегии, Финляндии, Дании...

Не будем идеализировать экономически развитые страны. Экономией энергии люди там занимаются не от хорошей жизни. По данным Европейской панели обследования домохозяйств (European Community Household Panel, ECHP), в благоустроенной Европе еще хватает обветшалого и малоблагоустроенного жилья. Типичные проблемы «европейского дома» показаны на гистограмме.

Тем очевиднее, что никакие удивительные, но единичные архитектурно-строительные решения не заменят массового проектирования и возведения экономичных по воде и теплу зданий.

Мировым лидером по использованию возобновляемых тепловых ресурсов – энергии ветра и биоотходов – является Дания. К биоотходам относятся солома, опилки, корьё и прочие горючие отходы, а также биогаз. Биогаз – это в основном метан, который получается при брожении органического мусора в специальных реакторах (метатенках).

- Ивличев В., Жидович И., Трутаев В. Градостроительный взгляд на энергетическую безопасность городов и территорий // Архитектура и строительство. Минск. - 04.03.2004. www.ais.by
- Влияние изменения климата на водные ресурсы в Центральной Азии. Подборка материалов. www.priroda.su/item/597
- Шербина Н. Экочеловек // Devouti, №5. – 2008, С. 10-14
- www.diary.ru/~PrirodaTV/p78998079.htm
- www.economic-energy.com.ua/article/article32.html
- По данным сайта www.marketsurveys.ru
- Comparative EU statistics on Income and Living Conditions: Issues and Challenges/ Methodologies and working papers. ISBN 978-92-79-04717-6. Cat. No. KS-RA-07-007-EN-N. Цитируется по: Шербакова Е. В странах Европейского Союза все большая часть населения проживает одиноко, хотя во многих из них дети стали позже покидать семью родителей // Демоскоп weekly, № 307-308, 29 октября – 11 ноября 2007. www.demoscope.ru/weekly/2007/0307/barom03.php

Типичные проблемы европейского жилья⁷

Оберлин – здание-прототип «домов с нулевым энергетическим балансом». Достижение желанного нуля возможно при встречном росте эффективности солнечных панелей и снижении нормативов энергопотребления

Еще в 1976 году, после тяжелого энергетического кризиса в Дании была принята первая Государственная энергетическая программа («DE76»), а сегодня реализуется стратегия до 2030 года («Энергия-21»), согласно которой ветер и мусор обеспечат не менее половины всего бытового энергопотребления (сейчас эта доля составляет около 45%). В программу входят в основном различные гранты и субсидии для частных компаний, использующих энергосберегающие технологии, в общей сложности на сумму около 50 миллионов евро в год. Государственная помощь покрывает от 30 до 60% затрат на модернизацию систем производства и потребления тепла⁸.

В Европе, США, Японии, Тайване энергосберегающие и альтернативные энергопроизводящие технологии давно превратились в массовое движение изобретателей, бизнесменов и просто населения. И вовсе не потому, что «они там» такие сознательные. Целая система правитель-

Традиционный болгарский дом. Мягкий, но все же континентальный климат Восточной Европы включает довольно резкие перепады дневной и ночной температуры. Тепловым буфером служит массивная черепичная кровля. Жаркое солнце постепенно нагревает ее в течение дня, а ночью тепло медленно поступает внутрь дома.

ственных мер стимулирует «зеленую волну» в энергетике. Австрийское и японское правительства финансируют закупки фотоэлектрических установок (солнечных батарей), власти Нидерландов предпочитают ветряки. В десяти европейских государствах, включая Францию, Германию и Италию, принят закон, предоставляющий налоговые льготы на расходы по приобретению энергосберегающего оборудования. Некоторые программы предлагают компаниям на выбор: либо платить налог за потребляемую энергию, либо инвестировать в мероприятия, повышающие энергоэффективность производства. А на Тайване правительство предоставляет промышленным предприятиям низкопроцентные кредиты на покупку энергосберегающего оборудования.

Применяются и административные меры. Например, в Италии, Нидерландах и Португалии крупные промышленные компании обязаны составлять планы мероприятий по повышению энергоэффективности, а затем отчитываться по результатам их выполнения. В Германии, Греции и Франции введены стандарты для камер сгорания топлива. Также в некоторых странах установлены энергетические нормы для оборудования и практикуются энергетические аудиты. Причем предписания проверяющих органов являются обязательными для исполнения.

Кроме знакомых нам законов, регулирующих нормативы теплового сопротивления ограждающих конструкций, в строительстве действуют нормы эффективности отопительного оборудования, водонагревательных систем, а также холодильников, стиральных машин и другого бытового оборудования. Законы, где прописаны эти нормативы, могут запретить продажу приборов с неудовлетворительными энергетическими характеристиками или потребовать соответствующей маркировки. А в Израиле принят закон, требующий, чтобы каждый дом был оборудован солнечной водонагревательной установкой. На сегодняшний день в этой стране функционируют около 800 тыс. таких установок, благодаря которым обеспечивается две трети потребностей в горячей воде⁹.

С чисто технической точки зрения даже прямое усвоение солнечной энергии в принципе способно полностью удовлетворить потребности дома. Такой дом концептуально называется «дом с нулевым энергетическим балансом» или проще – дом с нулевой энергией. Программой строительных технологий департамента энергетики США (Department of Energy, DOE) определена исследовательская задача, заключающаяся в том, чтобы к 2025 году построить сооружение зданий нулевой энергии (Zero-Energy Buildings, ZEBs) на коммерческую основу¹⁰. При имеющихся на сегодня нормативах потребления энергии и возможностях солнечных панелей, такой дом не может быть выше двух этажей, и его расположение должно позволять полностью использовать весь дневной свет. Сегодня в США имеется несколько зданий, близких по своим параметрам к нулевому энергетическому балансу. Наиболее известное из них – Оберлин (точнее, здание Льюис-центра колледжа Оберлин в городе Оберлин, Огайо). Крыша этого двухэтажного здания общей площадью 1265 кв.м позволяет компенсировать 79 % потребляемой энергии.

При надлежащем развитии технологий получения и использования энергии к 2025 году вполне возможно создание домов, которые не потребляют, а даже экспортируют энергию¹¹. При этом, по сообщению электронного журнала Leonardo Energy, Европарламент уже принял пакет документов, который должен обеспечить строительство зданий с нулевым энергетическим балансом к 2019 году¹².

Следует заметить, что большинство разновидностей «дома-эконома» (и его предельного варианта – дома-автонома) все-таки ориентируются не на индивидуальное строение, а на группу строений. В прежние времена в России такая группа называлась околотком. Градостроительная единица с населением три-пять тысяч человек, как показывает международный опыт, лучше всего подходит для использования локальных тепловых, водных, канализа-

ционных и очистных сооружений. Околоток представляет собой оптимальный баланс между капитальными и эксплуатационными затратами, между сложностью и удобством, между самостоятельностью и управляемостью.

Энергетический кризис середины семидесятых и вызванная им волна интереса к экономящим технологиям жилья обошли Россию стороной. Ко второй половине двадцатого века сложилось устойчивое общественное мнение: энергии в стране много, энергия дешевая, а уж вода – тем более, так что экономить незачем. Панельный дом из сборного железобетона интенсивно отапливает улицу. В зимний день достаточно высунуться из окна верхнего этажа и взглянуть вдоль стены – невооруженным глазом видно, как струится теплый воздух по наружной поверхности здания. Система вентиляция простейшая – прямой вывод теплого воздуха из квартир за счет естественной конвекции, что обеспечивает максимальные теплопотери. В подвале разместились трубы горячей воды, так что в любое время года там царит тропическая влажная жара, обогревающая почву под домом. Тонкая шиферная кровля гарантирует одинаковую температуру на чердаке и «за бортом» – чердак не служит тепловым буфером. Добавим к этому сети централизованного теплоснабжения, в которых (даже при удовлетворительном состоянии) теряется до 50% энергии. Добавим к этому низкий КПД котельных (не выше 70%), а еще добавим недостаточно гибкую систему регулирования теплоподдачи – и готова удручающая картина расточительного, хищнического отношения к ценному ресурсу. До конечного потребителя доходит одна пятая или даже одна десятая часть производимого тепла, а оплачивает он, потребитель, в конечном счете, все сто процентов. Новые СНиПы повысили требования к теплозащите только со стороны некоторых элементов конструкции здания, а все остальные причины теплопотерь остались, как были.

Парадоксальным образом российское ресурсное богатство весьма успешно тормозит технический и социальный прогресс. Как подмечено у Жванецкого: «И небывалый урожай окончательно подкосил экономику страны...». Впрочем, кроме научно-технического прогресса существует и прямо противоположный путь: вспомнить слегка забытое старое. У каждой традиционной культуры жилья есть свои «секреты», позволяющие с минимальными потерями ресурсов приравниваться к местным особенностям климата.

За многовековую историю проживания в сибирском климате местные кочевники изобрели юрту – удивительную конструкцию, в которой сочетается мобильность и превосходная экономичность по теплу.

Переселенцы из европейской части Российской империи, не желая, по примеру местных жителей, осваивать жердевые жилища, разработали эффективную систему теплосбережения. Традиционный сибирский дом представляет собой замечательный комплекс остроумных инженерных решений, снижающих теплопотери в суровые зимние времена. Основные теплопотери здания направлены «вниз», промерзающая почва жадно тянет тепло всю вторую половину длинной сибирской зимы. Традиционный сибирский дом снабжен глубоким, ниже глубины промерзания подвалом. При правильной организации температура в подвале, как в холодильнике, круглый год держится возле +5°C. Аналогичные «тепловые буферные зоны» устроены и в других уязвимых местах – сверху дома (чердак) и на входе (холодные сени). Промерзание углов устраняется кладкой бревен «в обло». Теплопотери через окна минимизируются, во-первых, за счет двойного и даже тройного остекления, а во-вторых – за счет снижения проемности. Точная ориентация дома по странам света плюс грамотный учет рельефа местности – и вот, обилие солнечных дней, характерное для сибирского климата, используется для снижения потерь драгоценного тепла. Добавим к этому традицию на ночь закрывать окна деревянными ставнями. Добавим замечательные теплотехнические свойства древесины и ее воздухопроницаемость (что поз-

воляет меньше тепла терять с вентиляцией). Результат: экономичность традиционного дома по теплу, фантастическая для современного домостроения. Заметим, что деревянные дома, использующие традиционные приемы теплосбережения, продолжали массовым порядком строиться в сибирских городах вплоть до пятидесятых годов – правда, уже многоквартирные и двух-трехэтажные¹³. Экономить воду в Сибири – такая задача тоже еще недавно выглядела надуманной. Тем более в непосредственной близости от Байкала.

Однако вот любопытная цитата: «Телевизионные ролики в Бразилии с участием мультипликационных героев, спортсменов и даже «инопланетян» призывают своих граждан справлять «малую нужду» в душе, дабы отказаться от нерациональной траты воды при смывании унитаза. Именно таким образом, как считают бразильские экологи, каждое домашнее хозяйство в год будет экономить более 4000 литров воды. Весьма необычно слышать такое предложение экономить водные ресурсы в Бразилии. Бразилия является страной самой обеспеченной в мире ресурсами пресных вод – 6950 км³ (43000 м³ на душу населения). На втором месте следует Россия – 4500 км³ (30500 м³ на душу населения). Третье место занимает Канада – 2900 км³ (98500 м³ на душу населения)»¹⁴. Экономить чистую воду необходимо даже там, где ее много.

Иркутск строился преимущественно на террасах, образованных речными наносами Ангары и ее притоков. В течение нескольких веков город сохранял устойчивое равновесие с водой и землей. И лишь в несколько последних десятилетий, когда интенсивной урбанизации подверглись склоны и водоразделяющие поверхности, баланс оказался нарушен. Специалисты делают неутешительные выводы: на наиболее освоенных террасах (практически весь центр города) возникли очаги скрытого подтопления. Твердые грунты в результате перешли в мягкопластическое и даже текучее состояние. Появилась верховодка. Сегодняшняя, ведущая к переуплотнению застройка фактически происходит на все более слабых, склонных к пучению и разжижению грунтах¹⁵. Сильно упрощая картину, можно сказать, что огромная тяжесть многоэтажного города выдавливает грунтовые воды на

Дом-теплица в Саффолке, южная Англия. Днем деревянная наружная оболочка дома съезжает по направляющим, открывая стеклянную конструкцию (фото сверху). Ночью и в пасмурную погоду оболочка закрывает «теплицу», сохраняя накопленное солнечное тепло. Современная вариация на тему деревянных ставней традиционного сибирского дома
Проект бюро dRMM, Великобритания

8. По данным сайтов www.nise.nnov.ru и www.energosoвет.ru

9. Сидоров М. Гонка на выживание // Энергия промышленного роста, № 11-12 [29] ноябрь-декабрь 2008.

10. U.S. Department of Energy. 2005. "Building Technologies Program Research, Development, Regulatory and Market Introduction Plan: Planned Activities for 2006-2011." www.eere.energy.gov.

11. Paul A Torcellini, Drury B Crawley. Understanding Zero-Energy Building // ASHRAE Journal, September 2006

12. www.leonardo-energy.ru/archives/1091

13. В 2004 году деревянной архитектуре Сибири и некоторых стран Северной Европы был посвящен номер журнала Проект Байкал (ПБ №3).

14. www.diary.ru

15. Демьянович Н.И. Особенности ангарских террас как территориального ресурса Иркутска // География и природные ресурсы. – №1, январь-март 2007. – С. 100-104

16. подборку материалов о проблемах водоснабжения Иркутска и городов области см. по адресу: Питьевая вода: вообщем и в Прибайкалье. Сообщение UCS-INFO.1663, 28 февраля 2007 г. – www.ecology.iem.ac.ru/ucs/b1663.TXT

17. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Иркутской области в 2007 году» Главное управление природных ресурсов и охраны окружающей среды, МПР России по Иркутской области, Администрация Иркутской области. Иркутск, 2008. - www.ecology.govirk.ru

поверхность, и сверхплотно застроенный центр Иркутска постепенно начинает тонуть в жидкой грязи, в которую превращаются когда-то надежные грунты.

Таким образом, проблема воды как ресурса для Иркутска выглядит «вывернутой наизнанку» – здесь необходимо не снижать расход чистой воды, а уменьшать нагрузку на водоносные пласты, не позволять грунтовым водам подниматься на поверхность и перемешиваться с почвой. Иркутску противопоказано быть многоэтажным, зато практически в любой точке города можно получить автономный источник воды в виде скважины или колодца. Кстати сказать, подземные воды

могут оказаться гораздо пригоднее и безопаснее для питья, чем вода Ангары. Во-первых, в ангарской воде содержание магния, калия, кальция ниже оптимального в 2-10 раз, что усугубляется еще и дефицитом йода и фтора. Во-вторых, ее поверхностные воды, особенно в последнее время, загрязнены¹⁶ – ведь главный водозабор города расположен в Ершовском заливе, где интенсивно развивается строительство. Строительство зачастую незаконное и, как следствие, ненормативное. Наконец, водопроводные сети, распределяющие воду конечным потребителям, в Иркутске изношены на 50% и более, а широкий их ремонт вряд ли возможен ввиду его огромной стоимости – отсюда потери воды, дополнительное подтопление и возможное попадание в трубопроводы грязных верховодок. В итоге использование подземных вод для повседневного потребления в жилом доме выглядит все более привлекательно¹⁷.

Разумеется, мы и дальше можем считать себя очень богатыми в ресурсном отношении – богаче европейцев, японцев, американцев... Игнорировать мировые тенденции в развитии архитектурно-строительных технологий. Надеяться, что на наш век тепла и воды хватит, а там – авось, как-нибудь само наладится. Тем временем стоимость жизни в городе будет продолжать расти несообразно с качеством этой самой жизни, чистая вода будет превращаться во все более дорогое и редкое удовольствие, а обеспечение города теплом – все более напоминать заранее проигранную партизанскую войну служб ЖКХ с ветшающими сетями. В конце концов, когда город начнет тонуть в жидкой грязи, которую он сам наделал под себя – возможно, тогда тема дома-эконома или даже дома-автонома перестанет казаться далекой экзотикой. Следующее поколение вспомнит опыт уважительного отношения к теплу и воде, уйдет из зачумленного каменного города и построит себе новое жилье – комфортное, надежное, разумное.

Конкурс «Дом-автоном»

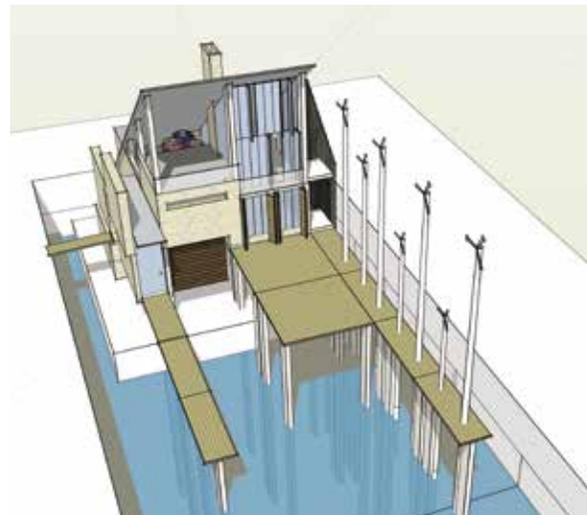
текст
Александра Козак

Сибирский регион отличается суровым характером – резко континентальный климат, зима больше полугода, сейсмика, ветра... Поэтому для сибиряка свой «Дом-автоном» очень актуален: жилище, способное согреть и защитить, возможность совмещения городского образа жизни и отшельничества, семейные традиции, индивидуальность атмосферы дома.

Концепция нашего проекта – соответствие устоявшемуся образу сибирского жилища и взгляд в будущее.

Архитектура сибирского «Дома-автонома» складывается из вечных и простых образов, легких и каждому понятных ассоциаций – русская печь, слияние с природой, «мой дом – моя крепость», домик из детства.

Компактность планировочной структуры легко выполняется в системе «куб», и потому за основу мы взяли кубик-рубик, совмещающий в себе простоту формы с возможностью трансформации и автономностью его составляющих. Да и русская изба, на наш взгляд, идеальный прототип

автономного жилища: это квадрат с печью «в сердце». Печь, как образ и главный фактор «зимней автономности» стала второй образующей нашей концепции.

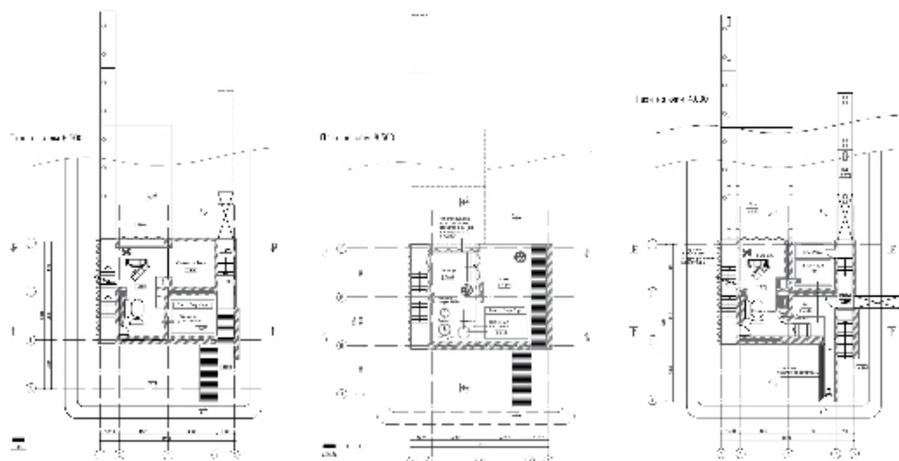
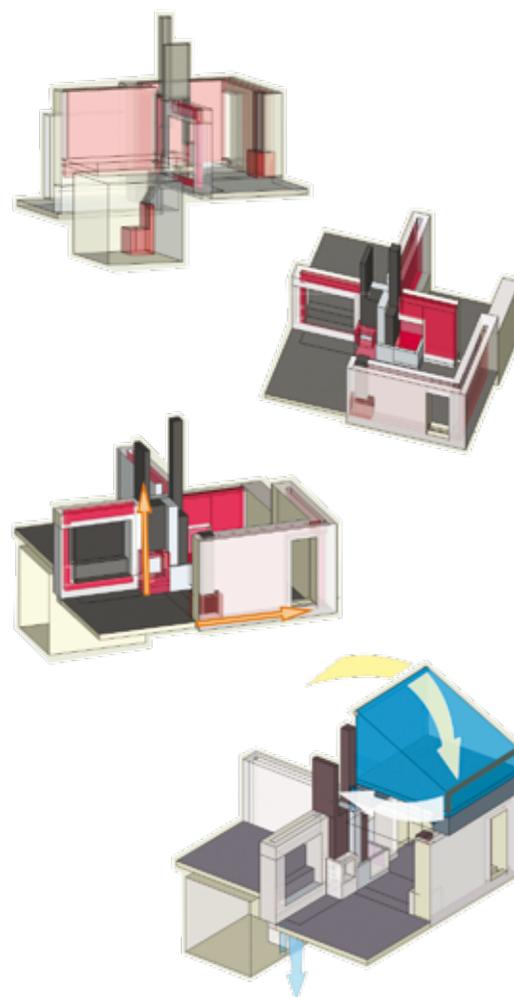
Архитектурный образ решен в значении фасадов относительно восприятия объекта. Со стороны подъезда к нему мы видим плоскость, закрывающую весь объем как панцирь (фасад-крепость), входя в дом, мы ощущаем тепло, которое он нам готовит (фасад-печка), открытие происходит на воду (фасад-слияние), а торцевая часть дома – простая форма простого дома... просто образ.

Планировочная структура разворачивается вокруг оси – печи, ответвления которой уходят в тело перпендикулярных стен, тем самым обеспечивая быстрый разогрев помещений. Пространство раскрывается путем смещения кубиков помещений относительно друг друга и по

спирали. Холл – кухня-столовая – гостиная – спальня-лежак. Отдельное помещение теплицы совмещено с балконом и техническим отсеком – водосбор внешних осадков, солнечный дистиллятор, коллектор солнечной энергии. Возможно размещение дополнительных блоков бани и гаража на нулевой отметке: весь дом приподнят от земли на ноги. Отсюда и входы-мостики, как в средневековых крепостях, для защиты от посторонних, система автономности здания обеспечивается и такими мерами, как окружные рвы и межуровневые лестничные открытые переходы.

Кроме внутренних систем обеспечения энергией и водой, объект имеет внешние источники – солнечные трубчатые вакуумированные коллекторы (жалюзи), солнечные батареи, турбины, ветряные коллекторы.

Дом-автоном снабжен пирсами, что позволяет раскрываться летом, и стоит на коллонах – что сохраняет материал от гниения. Энергия вырабатывается солнечными батареями, даже в пасмурную погоду, а чистая вода образуется помощью солнечного дистиллятора

«Солнечное десятиборье – 2009» – продолжительное и устойчивое

текст
Технический Университет
Дармштадта, Германия

«Солнечное десятиборье» (Solar Decathlon) – международный конкурс, который проводится Министерством энергетики США. Целью конкурса является создание «дома нулевой энергии», который при помощи возобновляемых источников производит ровно столько энергии, сколько потребляет. Как и олимпийское десятиборье, этот конкурс состоит из 10 категорий, которые основаны на всех способах использования энергии в нашей повседневной жизни. Двадцать команд студентов колледжей и университетов участвуют в «Солнечном десятиборье – 2009», две из которых – европейские.

В 2007 году Технический университет Дармштадта впервые принял участие в «Солнечном десятиборье» в качестве «Команды Германии» и стал победителем в этом конкурсе. Как преемники команды 2007 года, мы должны стать достойным соперником известных и признанных на международном уровне участников десятиборья-2009.

Цель проекта «Солнечное десятиборье» Технического университета Дармштадта – показать инновационное устойчивое архитектурное проектирование и сделать его объектом обсуждения.

Посетители, приближаясь к дому, шаг за шагом будут обнаруживать перемены в его «физиогномике». Системы и функции заново трактуются и объединяются в проект. Концепция состоит из единственной комнаты, которая дает максимальный простор и гибкость применения. Для создания зон, различных по атмосфере и уединенности, была опущена часть этажа с восточной стороны (спальня), в то время как находящаяся над ним открытая галерея служит дополнительным пространством для отдыха и уединения. Многофункциональный элемент северной части здания

объединяет несколько базовых и повседневных функций: кухню, ванную, лестницу, кладовую и инженерное оборудование. Следовательно, главная комната остается открытой и максимально универсальной в использовании.

Энергетическая концепция несет в себе высокий уровень комфорта и простое управление, экономия энергии и энергообразующие системы и, кроме всего прочего, эстетическое удовольствие. Для достижения полной интеграции функций примененные технические системы объединены в логически связанный проект.

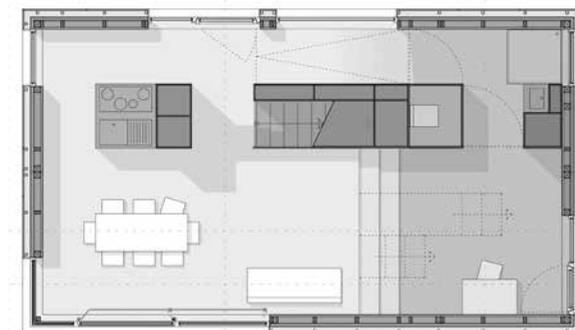
С целью сокращения энергопотребления оболочка здания состоит из хорошо изолированных и герметичных компонентов; кроме того, разумеется, здание оснащено организованной вентиляцией и теплоотведением. Оптимальный климат-контроль достигается при помощи теплового насоса, который забирает энергию из окружающего воздуха. Организованная вентиляция воздуха необходима, чтобы такие технические компоненты, как радиаторы, можно было заменить кондиционером. При этом легко осуществляется передача тепла.

Оболочка здания оптимизирована для производства энергии путем использования различных видов фотоэлектрических технологий на крыше и фасаде.

Мы создали новые решения для компоновки фотоэлементов на поверхности здания. Фотоэлектрические модули, установленные на фасаде и на крыше, будут собирать энергии больше, чем требуется для работы электрооборудования. Мы отдали предпочтение двум различным эффективным фотоэлектрическим технологиям. На крыше размещен монокристаллический кремний. КПД этих элементов равен 18%. На фасаде мы использовали тонкопленочные элементы из медь-индий-диселенида (CIS) с КПД равным 11%. Несмотря на то что эти элементы имеют более низкий КПД, они имеют меньше проблем с увеличением температуры и лучше работают в условиях облачности. Элементы из CIS дают исключительные возможности архитектурного интегрирования, которое является важной задачей энергетической концепции.

Конструкция фасада основана на традиционном принципе гонта, для которого обычно используют шиферную или деревянную плитку. Мы взяли этот метод и преобразовали его, добившись нового внешнего вида и использования современных материалов, таких, как стеклянные фотоэлектрические модули и акриловое стекло.

В 2009 году «Команда Германии» Технического университета Дармштадта решила оставить лозунг, который был и в 2007 году: «Будущее – сделано в Германии». Наше здание должно продемонстрировать высокий уровень германских исследований и разработок в области возобновляемой энергетики и проектирования домов с низким энергопотреблением.

Соломенный дом. Алтайский эксперимент

Этот дом построен на территории учебно-производственного центра «Крона» Алтайского государственного технического университета, в пригороде Барнаула близ села Бобровка.

В проектировании и строительстве экспериментального дома предостаточно нового и необычного. У многих, при беседах, возникают разнообразные вопросы. На некоторые ниже следуют ответы.

Кто задумал и проектировал дом?

Преподаватели и студенты Института архитектуры и дизайна Алтайского государственного технического университета.

Не с бухты-барахты, а после продолжительного изучения опыта.

Предыстория такова: мне довелось вместе с коллегами стажироваться за рубежом, в США, штат Колорадо, где особенно развито соломенное домостроение. Было изучено около 30 соломенных домов. Опыт уникальный.

Что собой представляет проект дома в «Кроне»? Одноэтажное здание. Предназначение – творческая дача ИнАрхДиз и представительская резиденция АлтГТУ; для научных семинаров и конференций, творчества, мастер-классов, инновационных методов обучения.

В проекте изначально был заложен такой состав помещений – конференц-зал (универсальный зал), офис, два жилых номера для преподавателей и студентов.

Архитектура простая и ясная в очертаниях, это намеренно. В плане – три соединенных квадрата, габаритные размеры примерно 14 x 14 м.

Этот проект, его достоинства и недостатки обсуждали с коллегами из США, которые помогали нам, представителям

АлтГТУ, ознакомиться с накопленным зарубежным опытом соломенного строительства.

Заметим, что после долгих обсуждений и не без колебаний проект экспериментального дома рассмотрели и утвердили на ученом совете АлтГТУ, проект поддержал ректор университета.

Кто строил дом?

Строительство экспериментального дома вошло в международную программу. Был выигран грант, не один, а два: собственно на строительство, а также на международную летнюю школу.

Дом возводился при методическом сопровождении и поддержке общественных организаций США (фонд «Взаимопонимание», фонд «Проект-Алтай»). Они поддерживают экологическое, в том числе соломенное, строительство во всем мире.

К нам, на средства гранта, приехали специалисты из США и Европы: Пол Колана, США; Джеф Руперт, США; Синди Смит, США; Вьян Якуб, Чешская республика.

Другие участники строительства – студенты из разных стран. Это страны региона, где мы проживаем, страны-соседи Большого Алтая. Студенты приехали по программе летней международной архитектурной школы стран Большого Алтая.

В Бобровку, в «Крону», прибыли студенты из Монгольского технического университета (г. Улан-Батор) и Восточно-Казахстанского государственного технического университета (г. Усть-Каменогорск), а также наши студенты, заводили в строительство. Вместе со студентами работали преподаватели и добровольцы.

Как строили дом?

Атмосфера строительства была очень необычной. О ней хочется сказать особо.

ТЕКСТ
Сергей Поморов

Класс здания – III.

Степень огнестойкости – IV.

Класс функциональной пожарной опасности – Ф1.2; Ф4.3.

Класс конструктивной пожарной опасности – С3.

Размеры соломенного блока: 1100-1250 x 550 x 350 мм.

Блоки горизонтальной компоновки укладываются с перевязкой швов. В нашей стране соломенный блок как строительный материал не сертифицирован. В Белоруссии на него разработаны технические условия. По физико-механическим показателям соломенный блок имеет следующие характеристики: средняя плотность 80-150 кг/м³, теплопроводность в сухом состоянии не более 0,050 Вт/(м ОС).

Проект экспериментального соломенного дома на территории УПЦ «Крона» в Бобровке. Авторы проекта: главный архитектор проекта С. Поморов, инженер-архитектор Е. Назаренко, при авторском участии главного специалиста проекта И. Носкова, консультанта по эргономике Ю. Поморовой и студентов Т. Акимовой, А. Балушкиной, А. Макарова, Т. Нужа

Смысл подобного эксперимента – поддержка самостроительства, того, что люди делают для себя, своими руками, из разных подручных материалов. Самостроительство есть не только у нас, это подлинно международное движение.

Особую роль сыграли добровольцы, приехавшие из сельских районов Алтая, Новосибирской области, Волгограда, была даже семья из Германии. Они прибыли на стройку, чтобы научиться методам возведения домов из соломы у приглашенных иностранных специалистов.

Для добровольцев, как и для студентов, были организованы специальные обучающие семинары. Они шли каждый день.

Для студентов программа оказалась наиболее насыщенной. Программа первой международной летней архитектурно-дизайнерской школы «Большой Алтай –2008» включала несколько частей:

- теоретический семинар на тему: «Экологическое домостроение – современный международный опыт и контекст единого культурного пространства Большого Алтая» (студенты и добровольцы);

- строительство экспериментального экодому из соломенных блоков, практическое занятие (студенты и добровольцы);

- вечернее время: культурные мероприятия, в том числе портретная галерея, зарисовки студентами архитекторами и дизайнерами портретов участников строительства (студенты).

На строительстве выгодно зарекомендовали себя не только наши студенты, но и студенты из Монголии и Казахстана. Они оказались на удивление трудолюбивыми, заводными и задорными. Работали ребята увлеченно. А вечерами увлеченно пели песни под гитару у костра.

Проблемы?

Очень много...

Соломенный блок – основа, главный материал в строительстве. Из него возводятся стены. Но что это такое? Откуда берется? Оказывается, все просто, блок – это брикет из соломы, упакованный обычным пресс-подборщиком, привезенный с ржаного или пшеничного поля. Мы соломенные

брикеты привезли из предгорного Курьинского района.

На первый взгляд, казалось бы, возвести стену несложно. Но брикеты нужно правильно уложить, закрепить, а затем оштукатурить. Соломенный блок должен быть обязательно сухим, чтобы не гнить. Стена должна быть несгораемая, в ней не место грызунам, насекомым и т.п. Все в этом строительстве для нас было новым, возникло очень много вопросов, проблем.

Строили и учились. Учились и строили.

График работы?

Чрезвычайно напряженный. Специалисты-иностранцы, согласно выданной им визе, имели право пребывать у нас только месяц. Мы спешили. Назову обозначенные нами сроки основных этапов работы:

20.08.2008 (среда). Начало строительства ограждающих конструкций экспериментального экодому. Знакомство со строительной площадкой и строительными материалами. Инструктаж по технике безопасности.

21.08.2008 – 23.08.2008 (четверг – суббота).

Возведение каркаса экспериментального экодому. Монтаж стен. Подбор и апробация штукатурного раствора.

24.08.2008 (воскресенье). 1-я половина дня – монтаж стен. 2-я половина дня – отдых.

25.08.2008 (понедельник). Стяжка и уплотнение стен из соломенных блоков.

26.08.2008 – 29.08.2008 (вторник – пятница).

Штукатурные работы.

30.08.2008 (суббота). Завершение строительства ограждающих конструкций экспериментального экодому. Подведение итогов. Дискуссия.

31.08.2008 (воскресенье). Отъезд участников строительства с территории НПЦ «Крона».

Результаты?

Дом построили, но остались недоделки, которые мы устраняем.

Сейчас мы осмысливаем наш необычный опыт возведения дома из соломенных блоков. Видим, что нужны некоторые корректировки.

«Жердевая архитектура» (каркасное жилище) в культуре этносов

По этнографическим материалам Восточной Сибири XIX–XX веков

Человечество занимается строительством с глубокой древности. Среди известных строений первое место, вероятно, принадлежит жилищу. Данное предположение основано на той главной цели, которую люди преследовали во все времена, – защитить свое тело от холода и влаги. Второе место занимают разнообразные хозяйственные постройки, принцип установки которых практически не отличается от выработанных приемов при создании жилищ.

Наиболее яркое представление о приемах строительства различных сооружений дает сибирский этнографический материал рубежа XIX–XX веков. Информация по различным традиционным сооружениям имеется в научной литературе, посвященной истории этносов. Наш экскурс построен на тофаларских [Мельникова, 1994], эвенкийских [Василевич, 1969], эвенкских [Кочешков, Самар, Туголоуков, 1997] и бурятских [Попов, 1961] материалах.

Архитектурные постройки сибирских этносов указанного периода классифицируются следующим образом: по форме – полусферические, геометрические, конические, усеченно-конические, круглые, многоугольные; по материалу – жердевые, бревенчатые (рис. 1). Самым распространенным материалом повсеместно (от тундры до степных пространств) является лиственничная жердь. Как известно, лиственница обладает прочной древесиной, что делает сооружения более долговечными. Под жердью понимается тонкий ствол дерева, диаметром 10–12 см. Жердь определила и форму строения. Наиболее распространенной является коническая с круглым (реже квадратным) основанием, без внутренних перегородок. Очаг (открытый костер) всегда занимает центральное место. Такие жилища, известные среди русского населения под общим названием «чум», были распространены у кочевых этносов, в том числе и проживающих на территории Восточной Сибири – тофалар, эвенков, эвенов, якутов.

В жилище конической формы стенки по отношению к условному «полу» расположены под определенным углом, причем величина угла зависит от сезона года. В холодный период (зима) – он уменьшается, что, в свою очередь, отражается на общей высоте строения, то есть оно становится ниже. Прежде всего, это связано с обогревом внутреннего пространства. Стенки прижимают к «полу» легкий теплый воздух, вытесняемый холодным. В теплый период (лето) – стенки ставятся более круто, для быстрого скатывания с покрытия дождевой воды.

На степных (тундровых) просторах, при дефиците дерева, родилось жилище, которое по форме относят к круглым сооружениям с прямыми стенками, круглым основанием и усеченно-конической крышей, – юрта. Толщина жердей, из которых собирают остов юрт, составляет 4–5 см. Очаг также занимает центральное место. В отличие от чумов, пространство, через которое выходит дым костра (дымник), на ночь закрывается кошмой или деревянной крышкой. Таким жилищем пользовались буряты. Подобное жилище у эвенов не имеет специального устройства для перекрытия дымника.

Общим для всех названных конструкций является сборно-разборный характер и ременный крепеж деталей. Рассмотрим подробнее каждую конструкцию.

Чум

Для сооружения остова чума необходимо от 30 (летний) до 60 (зимний) жердей 5–6-метровой длины. Каждая жердь тщательно ошкуривается, то есть снимается кора, ветки,

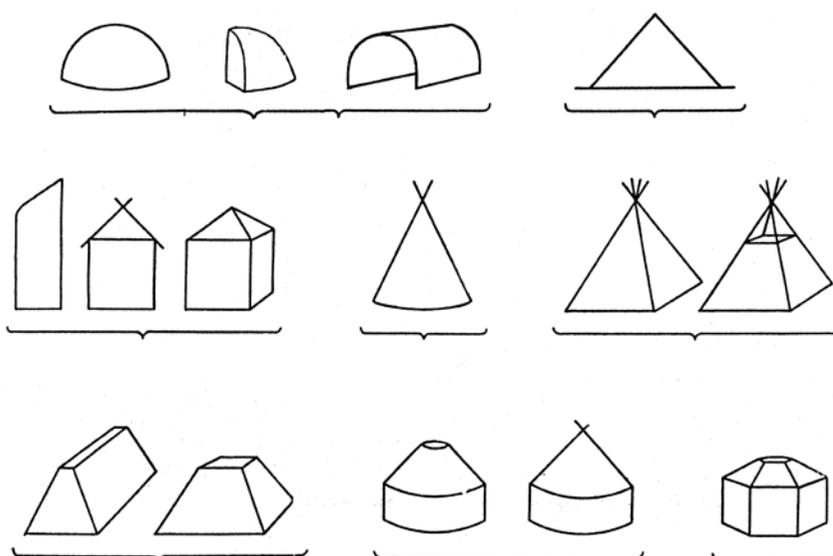
срезаются все сучки, и заглаживается. Снятие коры необходимо для долгого служения остова (под корой процесс гниения древесины ускоряется). Обрезание сучков (особенно сухих мелких) обеспечивает гладкую поверхность, необходимую для сохранения целостности набрасываемого на остов покрытия (покрышки) – из ровдуги (дымленой кожи) зимой и берестяной летом. Комлевая (прикорневая) часть каждой жерди слегка приостряется. В каждом остове имеются 2–3 несущие жерди, являющиеся его основой.

Зафиксировано несколько вариантов постановки остова чума – каждый этнос обладал своим способом. Тофалары, тувинцы и якуты ставят чум следующим образом. Одна жердь (центральная) загодя выбирается с развилкой (желательно неширокой) на тонком конце. Такую развилку создает крупная ветка, которую в процессе ошкуривания не удаляют, а тщательно обрабатывают, срезая все лишнее вокруг. Вторая (и третья) жердь более длинная относительно остальных. Тонкими концами они вкладываются в развилку центральной вершины, при этом комлевые концы раздвигаются до нужного диаметра. Так создается основа замка для закрепления тонких концов остальных жердей. Диаметры оснований чумов составляют 3–4 метра, в зависимости от сезона года. Остальные жерди укладываются по кругу (рис. 4), причем в начале с обязательным вводом верхнего тонкого конца в основу замка, затем с толчком приостренного комлевого – в землю. В собранном остове центральная жердь (с развилкой) занимает несколько иное положение относительно других: она располагается внутри круглого основания. В случае отсутствия жерди с естественной развилкой в комлевой части одной из жердей вырезают сквозной прямоугольный паз.

Эвенки, эвены, а также якуты используют ряд других способов. Так, вместо развилки на комлевом конце прожигают отверстие, в которое вдергивают ровдужный ремешок, его концы связывают (рис. 2). В образовавшуюся петлю вставляют тонкий конец второй (третьей) несущей жерди. Другим распространенным способом является уплощение комлевого конца жерди (языковидная форма). Затем по одной (продольной) линии прожигаются несколько отверстий (1–3). Острый тонкий конец второй несущей

текст, фото
Лариса Мельникова

Рис. 1. Таблица классификации жилищ

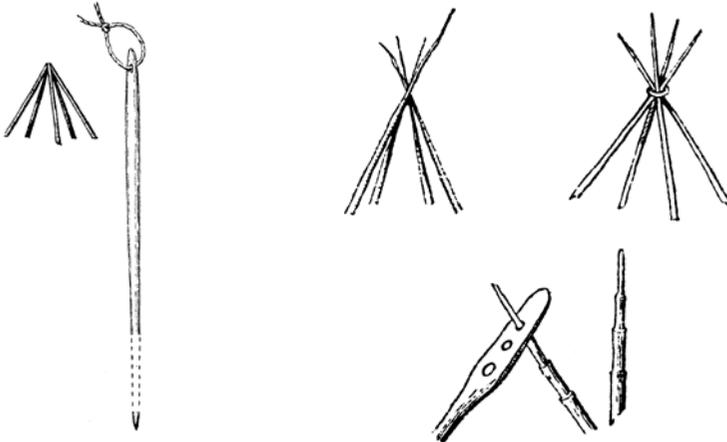

Рис. 2, 3. Крепление верхних концов несущих жердей (эвенки)

Рис. 4. Крепление верхних концов несущих жердей (тофалары) (сборы автора, фото И.В. Кайкова, 1989)

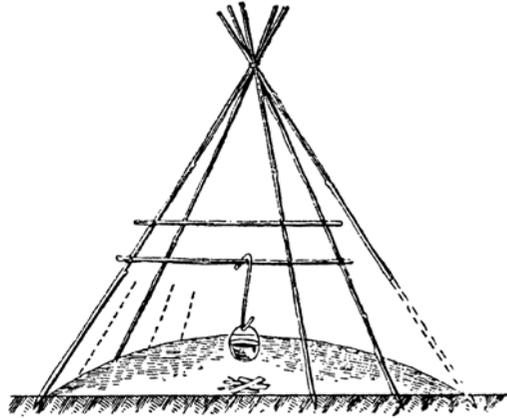

Рис. 5. Жерди для просушки одежды

щей жерди вставляется в одно из них, при этом он имеет несколько (2–3) диаметров, ступенчато увеличивающихся по направлению к комлю (рис. 3). Третий способ самый простой. Тонкие концы 3–4-х жердей связывают ремешком, комлевые раздвигают до нужного диаметра. В образовавшийся замок укладывают остальные жерди.

Над костром (параллельно основанию) располагается жердь (таган), на которую подвешиваются костровые (таганные) крюки необходимые для размещения котлов. Жердь (таган) крепится при помощи двух колец из ивовых (черемуховых, березовых) прутьев следующим образом. Тонкий длинный прут скручивается в несколько оборотов вокруг четырех соединенных пальцев руки (начало с толстого конца). Тонкий конец прута закручивается поперек основных витков, фиксируя их, превращая в единое овальной формы кольцо. В начале петля набрасывается на одну из жердей остова через ее комлевый конец и поднимается по ней на необходимый уровень. Затем в нее вводится конец таганной жерди. Вторая петля набрасывается на другую жердь остова, расположенную диаметрально противоположно относительно первой, в которую вводится другой конец таганной жерди. Закрепленная таким образом параллельно земле жердь придает дополнительную жесткость остову. В качестве заменителя растительного материала для изготовления петли используется ровдуж-

ный ремешок. Над таганной жердью (или под углом к ней на одном уровне) располагается дополнительно вторая (рис. 5), для просушки одежды, обуви, других вещей. Способ крепления подобен вышеописанному.

Как уже сказано, в зимний период остов закрывался крышкой, сшитой из кожи, предварительно, для приобретения водоупорных свойств, продыmlенной. Для одной крышки необходимо было забить 6–7 оленей. Ее крой представляет трапецию. К углам пришиваются ремешки, при помощи которых она крепится к жердям остова (рис. 6). В случае отсутствия шкур остов покрывали широкими пластинами лиственничной коры. В летний период чумы закрывали берестяными полотнищами (6 и более штук). Одно полотнище прямоугольной формы шьется сухожильными нитками из кусков бересты, предварительно вываренной в щелочной воде (с добавлением золы). На жерди остова они укладываются ярусно, первоначально нижние, затем верхние. Такой прием не позволяет попадать дождевой воде внутрь помещения. Поверх любой крышки укладывается второй ряд жердей, которые фиксируют ее (рис. 7). В зимний период внешний ряд укладывается плотнее из большего числа жердей (рис. 8).

В чуме нет окон. Свет проникает через дымник – пространство в верхней части сооружения, не закрытое крышкой. Дымник многофункционален. Помимо его

Рис. 6. Крой кожаной крышки чума (эвенки)

Рис. 7. Берестяные крышки (эвенки)

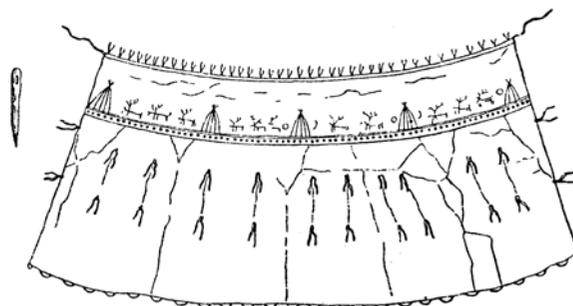

Рис. 8. Зимняя фиксация покрывки чума внешним рядом жердей (эвенки)

Рис. 9. Вход в чум (отворот мягкой покрывки, эвенки)

основного предназначения – выводить дым и пропускать дневной свет, он также выполняет роль солнечных часов, работающих, естественно, исключительно в солнечные дни. По движущемуся лучу солнца и освещающему в разные периоды дня конкретные жерди остова люди условно определяли время суток.

Вход в жилище-чум имеет несколько вариантов. Наиболее простой представлен отворачивающимся углом мягкой покрывки (рис. 9). Другим вариантом является деревянная рама трапециевидной формы, которая вставляется между жердями остова (рис. 10). К ее продольной стороне крепится дверь – такая же рама, но меньших размеров, обтянутая шкурой, либо просто шкура. Дверная рама закрепляется при помощи двух шипов, верхнего и нижнего. Шипы помещаются в углубления, вырезанные на поперечных планках внешней рамы.

В таежной полосе, где деревья всегда в достатке, коренное население не разбирало остовы чумов. Отдельной горкой на стоянке складывались верхние жерди, фиксирующие покрывку. В любой момент прибывшая на место стоянки семья могла, накинув покрывку, быстро обустроиться. Такие остовы до сих пор стоят на бескрайних просторах горной тайги Восточного Саяна и Средне-Сибирского плоскогорья. А в степных и тундровых условиях жилища при перекочевках разбирались и перевозились на новое место. Если позволяли условия и рядом имелись необходимые деревья, семья выбирала из всего комплекта только несущие жерди (вместе с таганной).

Юрта

Конструкция юрты состоит из большого числа разнообразных элементов, которые в целом можно разделить на следующие группы: опорные жерди, дымник, стенки, жерди свода, дверная рама. Самые длинные в данном сооружении опорные жерди (2 или 4). Их функция заключена в удержании над землей такой цельной детали, как дымник. Дымник представляет собой обод, в котором выполнено множество сквозных отверстий. Внутреннее его пространство разделено двумя (и более) выгнутыми деревянными перемычками для удержания от провиса кошмы, закрывающей отверстие. Прямые стенки юрты собираются из коротких жердей в виде решетки. Для создания решетки в жердях по их длине прожигаются сквозные отверстия, через которые продеваются ремешки. Связанные между собой жерди раздвигаются в виде «гармошки». Куски решетки, так же связанные между собой ремешками, позволяют поставить стенки по кругу. Два вертикальных края крепятся к цельному блоку дверной рамы при помощи рем-

ней. Дверь в юрту представлена цельным, не разборным блоком, который состоит из рамы (проема) и одностворчатой, реже двустворчатой, двери, имеющей по одной продольной стороне два шипа – верхний и нижний. Шипы при сборке блока устанавливаются в специальные углубления, выполненные на коротких поперечинах рамы. Поверх проема крепится отдельная кошма, которая в дневное время в скрученном виде ремешками закрепляется над дверью. В последнюю очередь устанавливают жерди свода, которые одним концом вставляются в отверстия обода дымника, противоположным – в развилку концов жердей решетки. Для их фиксации используют петли, продернутые в сквозные отверстия на комлевых концах жердей (рис. 11).

Покрывкой для бурятской юрты служат кошмы, выполненные из сбитой овечьей шерсти. Существуют определенные правила в последовательности покрытия остова, заключающиеся в том, чтобы края кошм накладывались

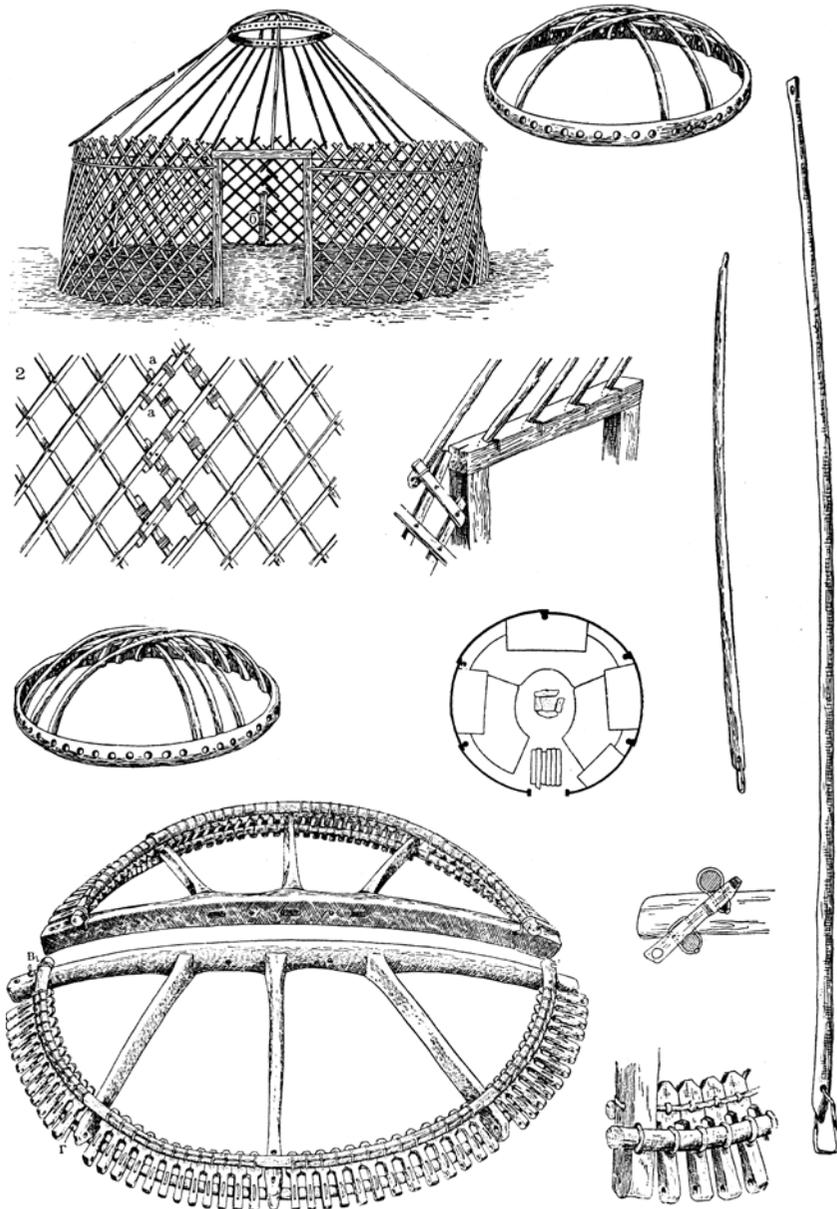
Рис. 10. Вход в чум (жесткая рама с поворачивающейся дверью, эвенки)

друг на друга. Сначала закрывают подветренную сторону, затем наветренную. Кошмы удерживаются на вертикальных решетчатых стенках при помощи волосяных конских веревок, которыми в два-три горизонтальных ряда опоясывают жилище с внешней стороны. В последнюю очередь укладываются кошмы на перекрытие свода, с соблюдением того же правила. При этом их края должны свисать на стенки. Кошмы крепятся волосяными веревками, которые прижимают их к перекрытию. Одна из веревок фиксирует свисающие на стенки их края. В завершении поверх дымника набрасывается отдельная кошма, которая ремешком или веревкой соединена с шестом, находящимся внутри помещения. При его помощи хозяин открывает (закрыва-

литература

Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969.
 Кочешков Н.В., Самар А.П., Туголоуков В.А. История и культура эвенков: историко-этнографические очерки. – СПб.: Наука, 1997.
 Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, 1988.
 Мельникова Л.В. Тофы: историко-этнографический очерк. – Иркутск, 1994.
 Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 131–226.

Рис. 11.
Остов бурятской юрты

ет) дымник. Очаг, в отличие от описанного в чуме, не имеет таганной жерди, посуда ставится на три камня-валуна, между которыми разводится костер.

Очень похожее сооружение имеют эвенки. Оно сочетает в себе две описанные конструкции – чума и юрты. Несущими являются две пары жердей, каждая из которых сцеплена в развилку, либо посредством сквозного отверстия в одной из них. Эти пары ставятся крестообразно, так, что прикомлевые их части на поверхности почвы фиксируются углы условного квадрата. К двум жердям прикрепляется одна горизонтальная, являющаяся таганом. Так же как и при установке несущих жердей чума, таганная жердь играет роль дополнительной сцепки. Затем по кругу устанавливается стенка в виде очень редкой решетки, образованной из коротких жердей. Их комлевые концы имеют сквозные отверстия, через которые продернут ремень. В последнюю очередь закрепляются жерди свода, которые тонким концом заводятся в замок, созданный верхними концами несущих жердей, а утолщенным концом фиксируются при помощи короткой палочки, соединяющей перекрещенные вершины жердей, образующих боковую решетку (рис. 12).

Покрышками на остов являются оленьи шкуры (в зимний период) или дымленная кожа (ровдуга). Для их создания необходимо забить 10–12 оленей. На морском побережье в качестве покрытия пользуются рыбьей кожей. Пропитанная жиром, она более светлая и не пропускает влагу.

С проникновением в Сибирь русского населения появилась иной материал, который с удовольствием стали использовать вместо традиционных покрышек. Прежде всего, следует назвать брезент. Как и ровдуга он не пропускает влагу, такой же тяжелый, как и шкуры. Однако при наличии брезента отпадала необходимость (на какое-то время) забивать оленей. Вторая половина XX столетия познакомила этносы с еще одним видом материала, но не обладающим прочностью, – полиэтиленом. В тайге Восточного Саяна мы неоднократно видели остовы чумов, покрытые прозрачной пленкой. Действительно, всем хороша пленка. В таком жилище светло, тепло, сухо, но срок ее годности очень короток, не хватает даже на один месяц.

Внутреннее устройство каркасного жилища Работая в разные сезоны года на территории Тофаларии, мне довелось убедиться на собственном опыте, что человечество придумало действительно уникальную конструкцию, хрупкую на вид, но очень удобную в действии. Она закрывает от ветра, дождя и снега. В ней можно высушить абсолютно мокрую одежду и даже пуховые спальники. Здесь вдоль наклонных стен равномерно распределяется тепло костра и уютно шуршат, потрескивая, угольки. Отсюда не хочется выходить в непогоду. А в ясную ночь между жердями дымника в чум заглядывают звезды. И если в течение долгой зимней ночи поддерживать огонь, то температура внутри жилища не будет опускаться ниже +10° С.

Традиционное жилище (и каркасное в том числе) в культуре этносов являло собой не только островок спасения, который согревал. Оно аккумулировало представления об окружающем мире и было его уменьшенной копией, другими словами – моделью.

То жилое пространство между условным «полом» и дымником, которое согревало человека, соотносилось со Средним Миром – миром живых существ (людей, зверей). Выше дымника находился Верхний Мир – мир птиц и высших духов-хозяев. Ниже уровня костра располагался Нижний Мир – мир предков, которые, впрочем, всегда были рядом и наблюдали посредством костра за тем, что происходит в Среднем Мире. Поэтому с давних времен существовали незыблемые правила, запрещающие заливать водой костер (он должен был потухнуть сам), подбрасывать в огонь гнилые дрова (предки могут обидеться), ворошить острым предметом дрова (можно бабушке/дедушке глаз выколоть). Необходимо, что называется, «кормить» огонь: бросать кусочки новой приготовленной пищи, брызгать молоко (своеобразная дань предкам). Вошедший гость кидал в огонь веточки, что приравнивалось к благопожеланию.

Таким образом, по вертикали жилище отражало трехчастную Модель Мира. Располагаясь зачастую входом на юг (или восток), оно условно внутри делилось на две части – восточную и западную (северную и южную). Это значит, что при его установке задействовалась горизонтальная четырехчастная система Модели Мира, соответствующая сторонам света. Каждое из направлений семантически соответствовало определенному понятию:

- восток: утро, весна, молодость, начало;
- юг: день, лето, зрелость, тепло;
- запад: вечер, осень, старость, конец;
- север: ночь, зима, смерть, холодно.

В последней графе направления восток и юг синонимичны, ибо семантически связаны с понятием «Начало». То же самое отмечают и с другой парой направлений – запад-север, так как под ними понимается «Конец». Данная система основана на линии движения солнца. Ежедневно оно «рождается» на востоке и ежевечерне – «умирает» на западе. Следует отметить, что в миропонимании двойные позиции характерны для всех этносов: «Мир закономерно един, но единым можно сознать то, что в процессе познания было расчленено» [Львова и др., 1988, с. 99].

Исходя из семантики направлений, становится понятным, на какие две части делилось внутренне пространство. На восточную (южную), которую занимала женщина, ибо она сама являла понятие «Начала», даря (рождая) новую жизнь. На женской половине располагалась необходимая утварь для приготовления пищи. Западная (северная) половина – мужская, так как он, занимаясь охотой, при жизни был связан со смертью («Концом»). Именно здесь находились предметы, связанные с мужской деятельностью. Эти два направления, по большому счету, отражали линию движения дневного светила, с которым тесно связана жизнь человека в целом. Существующие правила поведения запрещали беременной женщине находиться на мужской половине, прикасаться к предметам мужа. А во время родов мужчине запрещалось охотиться. Внутренних границ не существовало для детей и стариков, ибо они были «чистыми» (без биологических возрастных проявлений).

Порог жилища являлся условной границей «своего» – «чужого», «освоенного» – «не освоенного» пространства. Поэтому здесь вступало в силу следующее правило. Гость не мог зайти в жилище с оружием (оно оставалось у входа). А входя – не имел права запнуть о порог (т.е. нельзя было внести плохое в чужой дом). Умершего человека выносили не через дверь, а сквозь разобранную стенку с западной стороны, дабы он не мог вернуться в Срединный Мир.

Таким образом, соотнося жилище с огромным Миром (Вселенной), человечество осознанно выдвинуло его на позиции центра. «Центр – это место, где осуществляется соединение пространства и времени, где происходит рождение. ...Основная функция мира – непрерывность жизни, ее постоянное возобновление. Человек как часть мира кровно заинтересован в том же. На продление существования направлены – прямо или косвенно – все ритуалы. ...Только здесь, в центре, течет нормальное время и существуют надежные пространственные координаты. Центр позволяет посредством ритуала воссоздать ситуацию мифического первотворения, из «там и тогда» сделать «здесь и сейчас» [Львова и др., с. 103–104].

Таким образом, становится понятным долговременность существования каркасного жилища, ибо в его основе лежит не только функциональное действие (удобство, комфортность в использовании), но и духовная сторона, связанная с определением места человека в окружающем его пространстве.

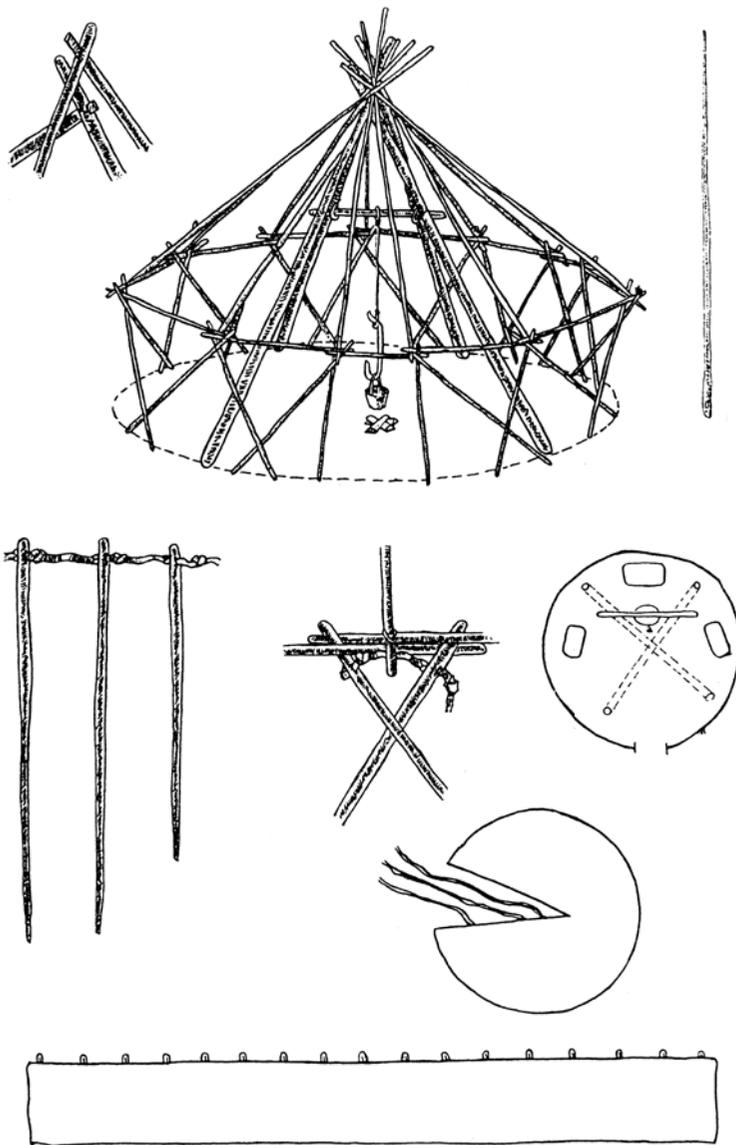

Рис. 12. Остов жилища эвенов

Глиночурка

У одного фермера, живущего недалеко от Иркутска, сгорел дом. Дотла. Денег на строительство нового взять неоткуда, а строиться нужно, причем срочно, так как скотина требует повседневного ухода. Умный был фермер и начитанный. Вспомнил о традиционном крестьянском способе строительства жилья – из... дров. Перемазанных глиной. Называются такие домостроения «дома из глиночурки».

Подобные дома нередко возводились в европейской части России в дореволюционный период. Строились они и в СССР. Особенно там, где были проблемы с кирпичом или строевым лесом. Так, в течение 1962–1965 годов в зоне вечной мерзлоты, в совхозе «Якутский», было построено из глиночурки несколько сооружений: коровник на 500 голов с доильным залом, три гаража, ремонтная мастерская и два четырёхквартирных жилых дома. Этот опыт позволил обчислить затраты и показал, что глиночурочное строительство обходится втрое дешевле обычного. К тому же глиночурочные постройки оказались удобны в эксплуатации: толстые стены хорошо сохраняли тепло и были прочны.

Чурки для стен необходимо готовить только из сухой древесины без коры (чтобы жучки-древоточцы не

погрызли). Длина чурок соответствует толщине стены – 40–50 см.

Укладываются чурки путём погружения их в глиняный раствор (либо обмазки): один слой в обычном порядке, как укладываются дрова в поленицу, а другой – поперёк, в связку. Глину для прочности рекомендуется смешивать с цементом (5–10%) или делать водостойкой по традиционному крестьянскому способу – путём введения в глину конского или коровьего навоза (для нежилых зданий), речного или озёрного ила, ботвы и сена, а также различных веществ, содержащих белки – отходы кожевенного или винодельческого производства, обработанные небольшим количеством (2,5%) едких щелочей или щёлочком (водной вытяжкой из древесной золы).

Механическая прочность глинистых масс возрастает после замеса в нее наполнителей: песка, дроблёного шлака, золы, соломенной сечки, опилок, хвойных игл и т. д.

Оконные и дверные косяки выполняются из плах толщиной 60–70 мм. Балки перекрытия укладываются на каркас.

На дом в 75 кв. метров потребуется колотых дров около 50–60 кубометров, при толщине стен, примерно в 40 см.

текст
Марк Меерович

Землянки древних обитателей Сибири

текст
Ольга Васильева

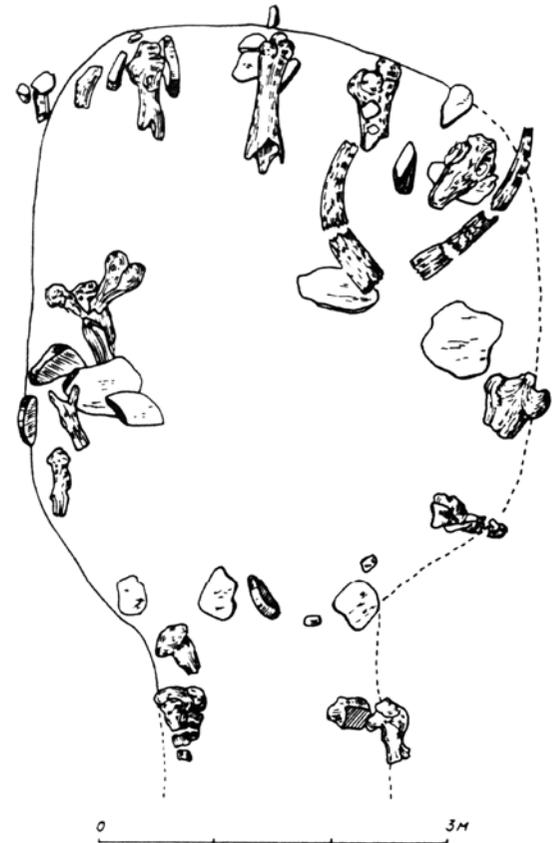
Жилище, погребальные обряды и обряды, связанные с рождением ребенка, являются самыми устойчивыми элементами в культуре. Археологами было установлено, что уже в позднем палеолите появились оседлые племена, жившие в постоянных зимних жилищах. Возможность заготовки мяса на зиму создавала основу первичной оседлости в наиболее удобных местах. Жестокие холода привели к сооружению прочных углубленных жилищ.

Анализ археологического материала Сибири показывает, что зимние и летние, временные и постоянные жилища появились в эпоху палеолита. Наземные, подземные и надземные жилища появились в эту же эпоху самостоятельно в различных регионах. Жилища, появившиеся в эпоху неолита, продолжали существовать до XX века.

При сооружении жилищ древний человек использовал кости крупных животных (мамонта, северного оленя), обитавших в местах поселения, дерево, шкуры зверей, дерн, землю. Котлованы жилищ углублял мотыгами из камня и кости, землю выбрасывал руками, досками, деревянными корытцами. Использование продуктов охотничьего промысла в строительстве жилья приводило к сходству поселений Сибири. Рога северного оленя обладали необходимой длиной и имели боковые отростки, которые позволяли прочно соединять один роговой стрижень с другим для устройства прочной и легкой крыши. Бедренные кости мамонта использовались для устройства столбов, а черепа носорога – для укрепления стен вместе с плитами известняка.

П.И. Борисковский считал, что свидетельством существования постоянного жилища являются чаще всего скопления крупных костей мамонтов и других животных. Такое скопление имеет четкие границы и нередко залегает в углублении, на дне которого располагается очаг в виде ямки, заполненной золой и углем. Углубление представляет собой основание жилища, его дно обычно покрыто осколками кремня и кости, кремневыми и костяными изделиями, костями мелких животных, угольками, охрой. Залегающее над этим слоем отбросы, скопление крупных костей представляет собой обычно развалины стен и кровли жилища¹.

Такая же картина наблюдалась при раскопках палеолитического поселения на берегу Ангары в Бурети². А.П. Окладников описал общий характер и устройство этих жилищ: «Первое, что обратило на себя внимание сразу же после снятия покровных пластов земли и суглинки, были симметрично расположенные вдоль края скопления по одной прямой линии головки бедренных костей мамонта.

Они были расположены слегка наклонно вниз по склону, строго параллельно и с равными интервалами. Концы костей, обращенные вниз по склону, были разбиты, верхние эпифизы их оказались совершенно целыми. Кроме такого правильного и симметричного расположения самой замечательной особенностью этих трубчатых костей оказалось то, что они сопровождалась каменными плитами. Плиты ограждали с боков и как бы зажимали уцелевшие верхние эпифизы костей, мешая им тем самым сдвинуться в сторону. Это были специальные устроенные крепления, имевшие целью удерживать трубчатые кости в определенном положении»³.

На стоянке Мальта, в бассейне реки Ангары, М.М. Герасимов раскопал два типа жилищ⁴. Одно – полуподземного типа – имело неглубокий котлован. На его площади находилось три очага. По краям хорошо прослеживался земляной вал, сложенный породой, выброшенной при рытье котлована; с внешней стороны он был утрамбован. Этот вал состоял из отдельных крупных глиняных блоков, скрепленных костями мамонта. Наземная часть каркаса была сложена, скорее всего, из деревянных жердей, которые не сохранились, и оленьих рогов.

Другое жилище, предположительно зимнее убежище, реконструированное Герасимовым, имело меньшие размеры: 3,5x4 м. Очаг, несколько смещенный к северу от центра, был выложен плоскими камнями. Большие каменные плиты окаймляли земляную насыпь. Конструкция была образована деревянными столбами и оленьими рогами. Герасимов нашел эти рога в центре жилой площадки на самой поверхности культурного слоя, куда они упали после завала сооружения. Некоторые каменные плиты на земляной насыпи сохранили свое первоначальное положение (под углом к горизонту). Угол их наклона и общая форма планировки говорит о том, что жилище обладало конструкцией из деревянных жердей, сходящихся на конус и обтянутых звериными шкурами.

Реконструкция палеолитического жилища в Бурети.
А.П. Окладников

1. Борисковский П.И. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе // Советская архитектура. 1958. № 1. С. 4
2. Окладников А.П. Палеолитические жилища в Бурети. КСИИМК, 1941. С. 24.
3. Там же.
4. Ян Елинек. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. М.: Атрия, 1985. С. 162–163.

Жилище с тремя очагами.
Стоянка Мальта.
М.М. Герасимов

В последующие эпохи докурыканского периода на территории Прибайкалья археологи отмечают только временные наземные жилища.

Ареал, занятый лесными предками монголов до их продвижения в степи, некоторые авторы связывают с обширным горно-таежным регионом в бассейне Амура от его верховий до среднего течения, включавшего значительную часть Большого Хингана. В пользу этого предположения говорят прежде всего специфические лексические заимствования в монгольских языках из тюркских⁵. Поэтому будет полезным рассмотреть стационарные жилища народов Приамурья, Приморья, Камчатки и Чукотки.

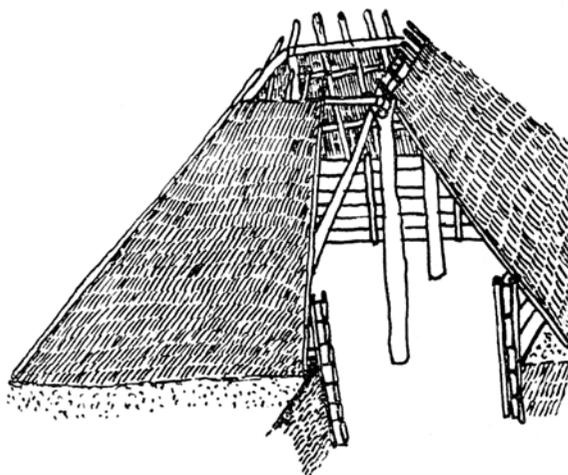
Археологические материалы показывают, что подземный и заглубленный тип жилища был распространен в районах Амура, Кореи, Северного Китая со времен неолита⁶. «Исходя из сходства древнекорякских и неолитических жилищ Нижнего Амура можно предположить, что жилища полуподземного типа появились в северной части Охотского побережья под влиянием нижнеамурских племен»⁷. Сходство экологических условий обитания обусловило в дальнейшем сходство конструкции полуподземного жилища приморских чукчей, коряков, кереков и ительменов⁸.

Археологические материалы свидетельствуют, что на нижнем Амуре на протяжении тысячелетий непрерывно существовал определенный этнический субстрат, являв-

ший носителем древнейших культурных традиций. А.П. Окладников отмечал, что нигде более не просматривается с такой полнотой, и так рельефно этногенетическая связь современного населения с древними обитателями этих мест.⁹

Неолитические насельники выбрали оптимальный вариант жилища. В холодную зиму полуземлянка спасала от метелей и холодных ветров. Котлованы были такой глубины, что позволяли распределять нагрузку кровли и на опорные столбы, и на края земляного котлована. Сооружение таких строений требовало немалых затрат, ведь велось оно каменными мотыгами.

Е.И. Деревянко предлагает реконструкции жилищ урильской и польцевской культур по археологическим

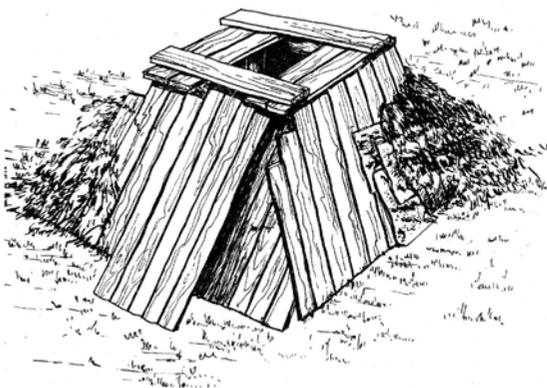
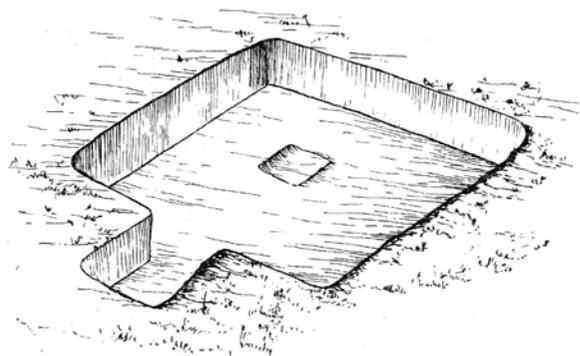
материалам раннего железного века в Приамурье¹⁰. Деревянные конструкции позволяют восстановить не только общий облик дома, но внутреннюю планировку. При строительстве рылся котлован глубиной от 1 до 1,5 м. Основу строения составляли две обвязки: внутренняя и внешняя, которые соединялись перекрытием. К внутренней крепились жерди, между которыми закладывались деревянные брусья. Стены землянки могли сооружаться также

Жилище на стоянке Мальта.
М.М. Герасимов

Неолитические Венеры.
Стоянка Мальта.
М.М. Герасимов

Реконструкция польцевского жилища. Е.И. Деревянко

5. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. С. 287

6. Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1991.

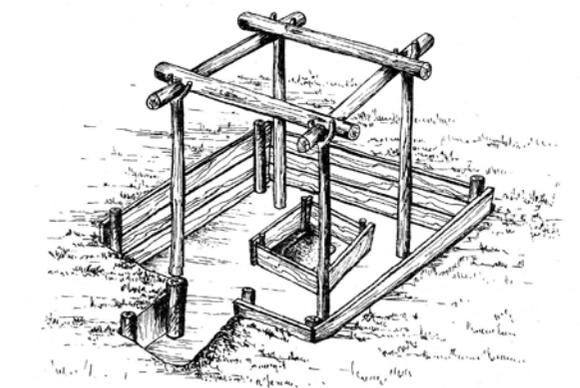
7. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М.: Наука, 1989. С. 154.

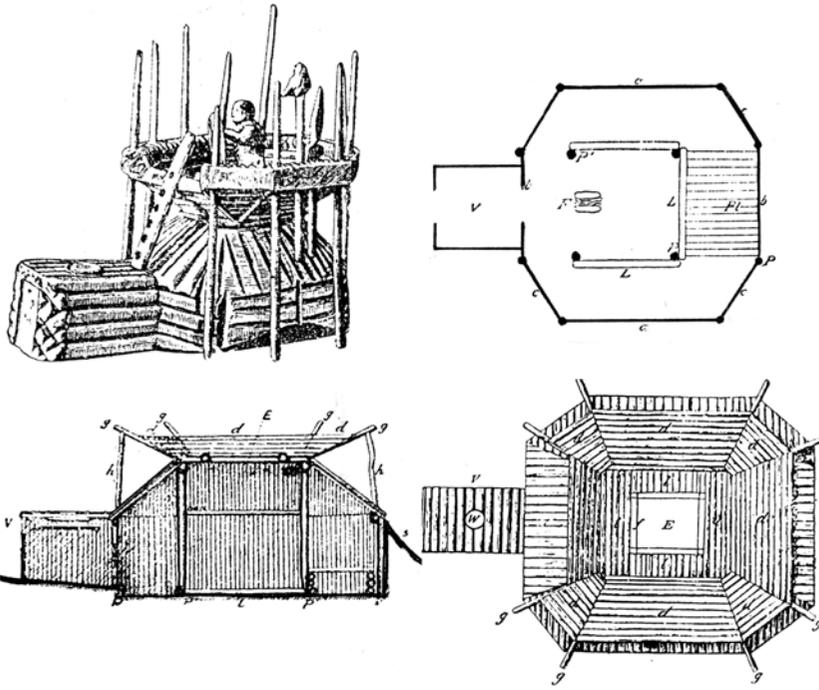
8. Орехов А.А. Древняя культура северозападного Берингоморья // Новые Археологические памятники Севера Дальнего Востока (по данным Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической Экспедиции). Магадан, 1979. С. 67.

9. Окладников А.П. Археология Сибири вчера, сегодня, завтра // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 164–165.

10. Деревянко Е.И. Указ. соч. С. 138–139.

Реконструкция мохэского жилища. Е.И. Деревянко

Жилище коряков.
В.И. Иохельсон

из жердей и деревянных брусьев, поставленных вертикально вплотную друг к другу. Перекрытия своими верхними концами ложились на внутреннюю обвязку и крепились к ней. В середине оставалось отверстие для выхода дыма и выхода из жилища его обитателей¹¹.

Раскопки древних поселений показали, что в архитектуре палеолитических жилищ прослеживаются два типа сооружений: наиболее древние – с выходом через дымовое отверстие (такие жилища появляются на Дальнем Востоке начиная с раннего неолита), и более поздние – с выходом в виде узкой и длинной траншеи. Постепенное поднятие жилищ привело к тому, что вместо землянок появились полуземлянки, а затем и наземные дома.

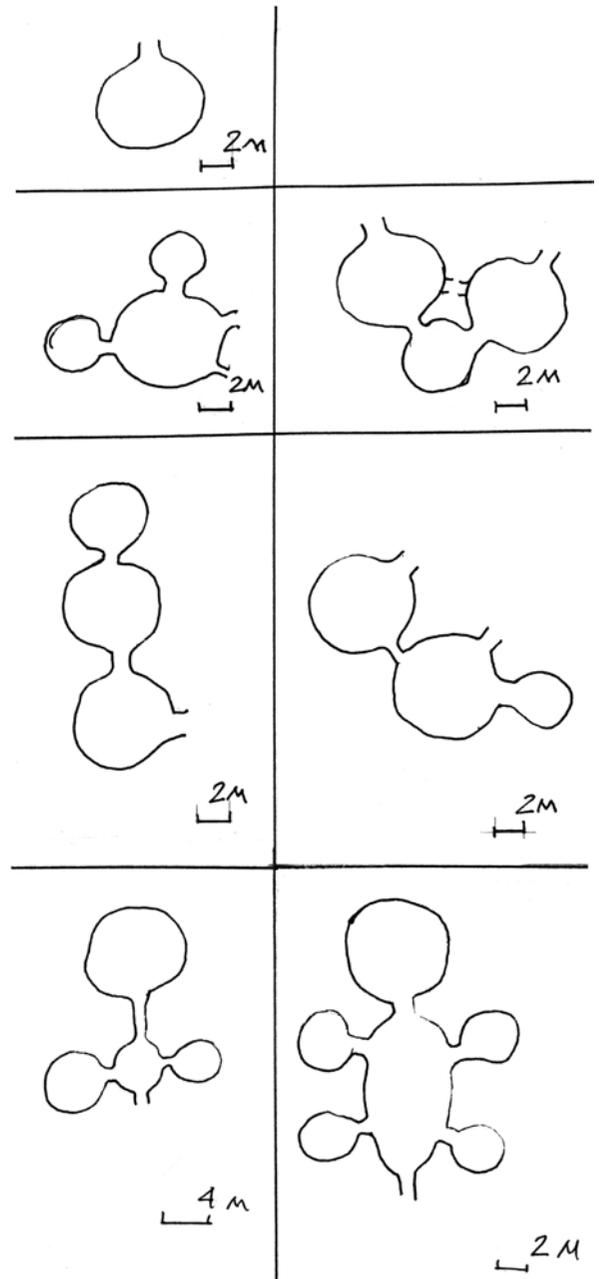
Археологические раскопки неолитических жилищ Приморья, Приамурья и Камчатки показывают сходство конструктивных приемов строительства. «Наземные части жилищ построек, естественно, не сохранились, и о характере конструкций домов можно судить только по ямам от столбов и очагам. Ямы от столбов у стен жилищ располагались на расстоянии 40–80 см друг от друга. Столбы составляли каркас жилища. На верхние концы столбов клали горизонтально бревна, которые являлись обвязкой каркаса жилища. В центре крыши находилось, очевидно, отверстие для выхода дыма. Отверстие в крыше предназначалось, по-видимому, еще для входа и выхода, так как в большинстве неолитических жилищ не прослеживаются следов обычного для нас входа. В языке гиляков понятие войти в дом передается словом «спустится», а выйти – «подняться». Жилища, раскопанные в неолитических поселениях близки к жилищам народов, населявших низовья Амура в XVIII–XIX вв. Сходное устройство имели жилища племен севера Дальнего Востока и островов Восточной Азии»¹².

Анализ археологических раскопок древних подземных жилищ Приамурья¹³ показывает, что постепенное поднятие жилищ привело к появлению каркасных и каркасно-бревенчатых полуземлянок, а затем и каркасных и каркасно-бревенчатых наземных жилищ. Они имели в основании прямоугольный или многоугольный сруб, заглубленный в землю и центральные вертикальные опорные столбы, на которые опирались пирамидальный или усеченно пирамидальный каркас крыши с заполнением из бревен и плах, которые засыпались землей и обкладывались дерном. По описаниям путешественников и этнографов на Амуре существовало три типа полуземлянок. Первый – сруб, установленный в глубоком котловане, четыре внутренних цент-

ральных столба соединенные рамой несут четырехскатную крышу, – это было зимним жилищем нанайцев (серома). Второй – в котловане устанавливали стены из тонких бревен, лежащих горизонтально, заостренные концы которых входили в пазы вертикальных столбов. Крыша опиралась на такой же каркас, как в срубных полуземлянках. Такими домами пользовались ульчи зимой. Третий – полуземлянка, в которой каркас состоял из двух продольных и двух поперечных бревен, опиравшихся на четыре столба, поставленных на углах, стены сложены из наклонно поставленных тонких плах прислоненных к каркасу¹⁴, – это было древнее зимнее жилище ульчей.

Л. Шренк приводит схему плана и описание землянки гиляков (нивхов)¹⁵. Это квадратный котлован со скругленными углами. В центре четыре опорных столба связанных горизонтальной рамной обвязкой, на которую опирается пирамидальная крыша. Вход выполнен в виде наклонного коридора. В центре по оси расположены открытый очаг и очаг для большого котла, состоящий из трех вертикально поставленных камней (характерен для прибайкальских бурят).

Л.Я. Штернберг полагал: «...в древности дымовое отверстие гиляцкой юрты служило также и входом, как у древних камчадалов или современных коряков. Даже теперь это отверстие употребляется гиляками в качестве

Схемы древнекорейских
многокамерных жилищ.
А.А. Орехов

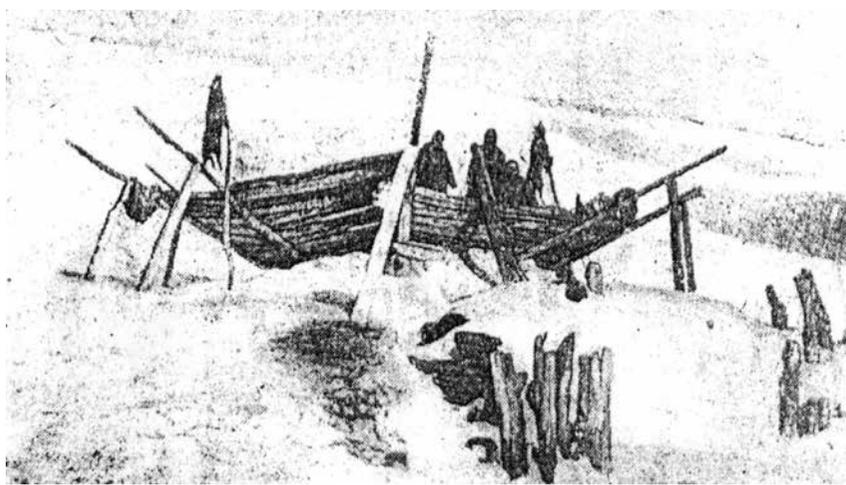
двери в некоторых торжественных случаях. Во время медвежьего праздника гиляк со шкурой и мясом убитого медведя спускается в юрту через дымовое отверстие по специально поставленному бревну с зарубками. В конце праздника все ритуальные принадлежности, равно как кости медведя, выносятся из юрты через дымовое отверстие»¹⁶. Существуют бурятские шаманские обряды, при которых в свето-дымовое отверстие юрты-булгахан опускалась береза, по которой спускался в жилище шаман и после камланий поднимался, что свидетельствует о том, что в древности входом служило отверстие в крыше над очагом.

На Камчатке углубленные жилища площадью более 100 кв. м появились уже в эпоху позднего палеолита. С переходом от первобытнообщинного к родовому строю площади жилищ увеличились. Множество очагов в одном жилище свидетельствуют о количестве семей живших в родовом жилище. На стоянке в Култукке на берегу Ушковского озера «было раскопано погибшее от пожара жилище – огромная землянка диаметром более 10 метров с уцелевшими частями деревянного перекрытия. В центре жилища помещался большой очаг, а вокруг него шесть малых кострищ. Значительная величина землянки и наличие нескольких очагов указывают на то, что в ней обитал, вероятно, многочисленный родовой коллектив, состоявший из более мелких семей. Своими конструктивными особенностями – устройством опорных столбов, дымохода – култукская землянка напоминает жилища камчадалов-ительменов XVIII–XIX вв.»¹⁷.

Жилище ительменов описал С.П. Крашенинников, принимавший участие в Камчатской экспедиции под началом капитана-командора Витуса Беринга в 1733–1743 годы. Это уже однокамерная землянка, выполненная в тех же строительных традициях, что и жилище периода пережиточного неолита. «Юрты делают они следующим образом. Выкапывают землю аршина на два в глубину, а в длину и ширину, смотря по числу жителей. В яме почти на самой середине ставят четыре столба толстые, один от другого по сажени и далее. На столбы кладут толстые перекладины, а на них потолок накатывают, оставляя почти на середине четырех угловое отверстие, которое и вместо окна, и вместо дверей, и вместо трубы служит. К помянутым перекладинам прислоняют с земли бревна же, которых нижние концы на поверхности земли удерживаются, и, обрешетив жердями, покрывают травой, и осыпают землю, так что юрта снаружи имеет вид небольшого круглого холмика, но внутри они четвероугольные, однако почти всегда две стороны бывают доле, а две короче».¹⁸

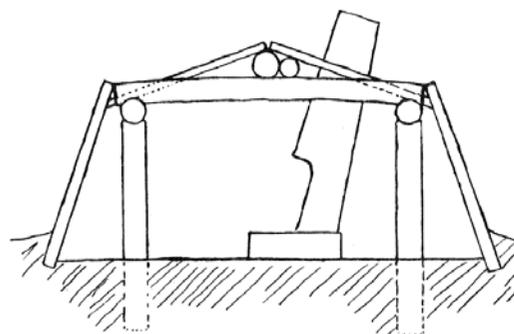
На Чукотке и Камчатке появились многокамерные подземные жилища, где каждая семья имела свою камеру, пищу же готовили в центральной камере. На археологических материалах жилищ периода пережиточного неолита северо-востока Азии, начавшегося в начале нашей эры и перешедший в затяжную фазу, возможно проследить переход от двух- и многокамерных подземных жилищ к однокамерным, а также увеличение площади жилищ, обусловленное возникновением и становлением большой патриархальной семьи, а затем байдарной артели.

Поселения периода пережиточного неолита древнекерекской культуры представляли собой сложную систему из нескольких землянок, группирующихся вокруг наиболее крупной общественной землянки, соединенных коридорами и заселенных несколькими семьями родовой общины¹⁹. Трех-, четырех- и пятикамерные жилища раскопал А.А. Орехов в Северо-Западном Берингоморье на поселении Бухта Наталии–II²⁰. Позднее кереки стали жить в общинных больших землянках по три-четыре семьи в каждой. «Особенно характерны жилища этой культуры – полуземлянки, построенные на деревянном каркасе, где прямоугольная рама (со сторонами до 2 и 4 м) опирается на четыре столба; стены составляли балки скаты, снаружи плотно прикрытые дерном, так что жилища выглядели едва заметными земляными холмиками»²¹.

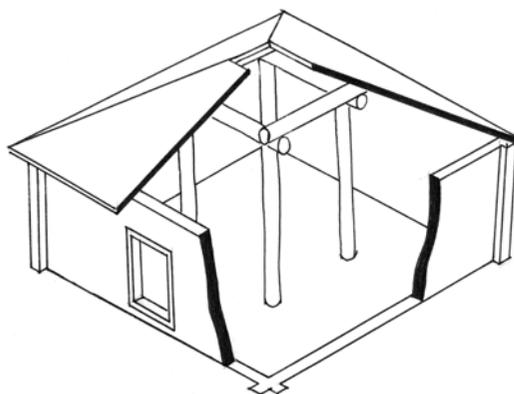

Полуподземные жилища коряков периода пережиточного неолита имели округлые очертания диаметром 7–8 м. Постепенно форма жилищ в плане становится сначала близкой к квадрату с закругленными углами, а затем восьмиугольной; вместо узкого входа-проема появляется коридор. Для строительства наряду с деревом использовались китовые кости. Возникла такая деталь, как снегозащитное устройство на крыше в виде воронки. В X–XIII веках отмечены крупные полуземлянки диаметром до 20 м, на последующем этапе их размеры достигли 25–29 метров в диаметре²².

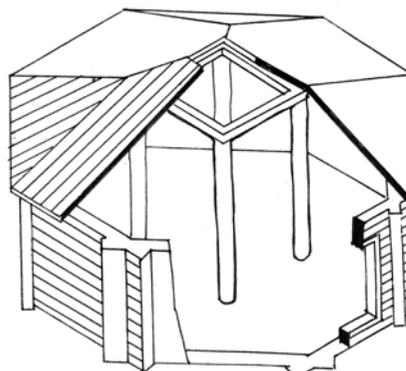
Ветровой заслон жилища коряков. В.И. Иохельсон

Якутский балаган. Разрез. В.Л. Серошевский

16. Штернберг Л.Я. Гиляки. М., 1905. С. 5.
17. История Дальнего Востока... С. 96.
18. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.–Л., 1948. С. 374.
19. История Дальнего Востока... С. 161.
20. Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока... С. 67–68.
21. История Дальнего Востока... С. 161.
22. История Дальнего Востока... С. 154.

4-х и 8-ми стенные жилища бурят. Рис. автора

В.И. Иохельсон дает подробное описание подземного жилища коряков конца XIX века: «Яма имеет глубину от 3 до 4 футов. Большая коряцкая юрта имеет в длину около 40 или даже больше футов. Она имеет узкий коридор – сени, ведущие к двери юрты, таким же образом, как у гиляков. Но этот проход открыт только летом. Тогда как камчадалы жили в подземных юртах только в зимнее время, приморские коряки обитают в своих подземных юртах также и летом. На сваях коряки строят только свои амбары для хранения провизии. При наступлении зимы дверь в сени закрывается бревнами, обкладывается сухой травой, землей и снегом, и для входа в жилище остается одно дымовое отверстие, как у камчадалов. Чтобы спуститься в юрту, коряки употребляют бревно, снабженное не зарубками, а дырками, в которые вставляют концы ног. Под этой лестницей помещается очаг, обложенный камнями, среди которых разводится огонь. ...Интересная особенность коряцкой подземной юрты заключается в той части ее крыши, которая имеет форму опрокинутого зонтика или воронки и защищает входное отверстие от ветров, а саму юрту от снежных заносов».²³ Эта воронка – уникальное сооружение, которое не встречается ни у одного народа мира, один из самых ярких примеров адаптации жилища к очень суровым природным условиям.

Ительмены, керекы и коряки имеют одни этнические корни, этим объясняется сходство конструктивных приемов при строительстве землянок. Для стационарных жилищ Северо-Востока Азии характерна заглубленность в землю, наличие двух входов – верхнего через крышу и коридорного в виде туннеля (при отсутствии строевого леса чукчи использовали крупные кости морских животных). Там, где имелся строевой лес или плавник, пирамидальная крыша опиралась на четыре вертикально врытые столбы, соединенные квадратной рамой.

В 1924 году Б.Э. Петри опубликовал работу «Доисторические кузницы в Прибайкалье», где на основе археологических данных культуры «курумчинских кузнецов» и предметах материальной культуры якутов обосновывает южное происхождение якутов. Сравнив письменные источники о населении Прибайкалья VI–X веков с археологическими памятниками того же времени, А.П. Окладников и пришел к выводу, что носителями курумчинской культуры являлись курыканы²⁴. Они принадлежали к одной из ветвей тюркского этноса, на основе которой возникла протоякутская общность. Курыканы вели полуоседлый образ жизни, занимались земледелием, скотоводством, охотой и обработкой железа. Жилища, описанные Б.Э. Петри, были раскопаны в местности Уту-Елга, около улуса Шохтой по реке Мурун. «...Жилые ямы... около трех аршин в длину, при четырех в ширину; глубина – от одного до полутора аршин; форма землянок четырехугольная: с одного конца вход в виде пологого спуска, с другого – приступочка в виде лежанки. Над жилой ямой должна была быть воздвигнута надстройка в виде наклонных жердей, обмазанных глиной или обложенных дерном. Для огня над скорее всего допустить устройство камелька или оставление особого дымового отверстия. Форма жилища, таким образом, представляется четырехугольной».²⁵

В этой же работе Б.Э. Петри обосновывает сходство заглубленных жилищ курумчинской культуры с якутскими балаганами: «В наших землянках мы отметили две характерные черты – четырех угловая форма и углубление в земле... Старинным жилищем якутов следует считать балаган (юрту) – четырехугольное строение, возведенное из толстых жердей или тонких бревен, опирающихся на столбы. Такой балаган обмазывают снаружи глиной, а затем глиной пополам с навозом; на крышу набрасывают землю и дерн»²⁶.

Подробное описание и схему этих жилищ дает В.Л. Серошевский. Балаганы использовались якутами до середины XX столетия, их развалины можно найти и сейчас, они произошли от подземных и полуподземных жилищ путем поднятия пола. Опорные столбы вкапывались в углы сооружения и связывались горизонтальными балками, на которые опирались двускатная крыша и наклонные стены. Стены выполнялись из толстых жердей одним концом вкопанных в землю, а другим опирающихся на балку. Эти жилища ставились на глубину снятого дерна, который использовался для утепления крыши, стены обмазывались толстым слоем навоза, смешанного с землей и глиной, низ стен утеплялся высокой земляной завалинкой. Отапливается балаган камельком с наклонной трубой²⁷.

Подобное жилище описывает М.Н. Хангалов: «Уурса гэр было конусообразной формы, как и старое жилище бухэг, а тормо гэр было темное жилище вроде землянки, в зимнее время в нем было жить тепло. Из каких материалов делалось тормо гэр трудно установить, но до прихода русских жилища были деревянные дощатые и конусообразные, которые устраивались следующим образом. Землю выкапывали не очень глубоко, а потом в яму вкапывали четыре столба (тянга), на которые клали поперечины (хараса) и к ним прислоняли доски. Концы досок находились в яме. Жилище получалось широкое снизу и узкое конусообразное сверху. На самом вершуре оставляли дыру (орхо) для выхода дыма. Это жилище снаружи заваливали землей доверху, а внутри разводили огонь»²⁸. Сведения Хангалова, подтверждают информацию о существовании землянок у бурят. Конструкция бурятского жилища тормо гэр такая же, как у якутского балагана и подземных жилищ ульчег.

В статье Ренья «Описание бурят или братских», написанной в 1767 году, в обращении автора к читателям говорится: «Описание этого народа, живущего в степях или пустынных местностях, чаще всего в землянках, будет, как мне кажется, небезынтересно любознательному читателю, так как из него он сможет узнать не только об его идолослужении, но также преимущественно о его нравах, обычаях и привычках... Их обычным жилищем является юрта, то есть вырытая под землей скверная хижина, с дымовым отверстием, устроенным вместо окна...»²⁹ Швейцарец Ренья в течение нескольких лет (1767–1776) был домашним учителем детей иркутского губернатора А.И. Бриля. Исследователи материалов Ренья отмечают их достоверность и надежность³⁰.

Бурятские бревенчатые юрты строили в основном восьмистенные и четырехстенные. После возведения стен вкапывали четыре столба-тээнги из массивных лиственничных бревен, поверху они соединялись горизонтальными балками-хараса, и по ним укладывали крышу. Нижний слой крыши делался из досок, затем стлались слои лиственничной коры и дерна.

Эволюция жилища может происходить различными путями, хотя общества, находящиеся в сходных природных условиях и на примерно одинаковом уровне технологического развития, эволюционируют сходным образом. Рассматривая каждую культуру как особую систему, эволюция которой определяется потребностью адаптации, географически расположенных далеко друг от друга и не контактирующих между собой. Другим объяснением может быть концепция культурной диффузии. Но, скорее всего, адаптация и культурная диффузия объясняет схожесть процессов эволюции жилища народов Сибири.

23. Иохельсон В.И. Древние и современные подземные жилища племен северо-восточной Азии и северо-западной Америки. Международный конгресс Американистов. СПб., 1908. С. 20–29.
24. История Сибири. Т. 1. Л.: Наука, 1968. С. 292.
25. Петри Б.Э. Доисторические кузницы в Прибайкалье // Наука и школа. 1923. № 1. С. 3
26. Там же. С. 17–18.
27. Серошевский В.Л. Якуты. М.: Российская политическая энциклопедия, 1993. С. 334.
28. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ, 1958. С. 106.
29. Beiträge zur Erweiterung der Geschichtskunde, hrsg von Johann Georg Meusel, Augsburg, 1780, Th.1. С. 119.
30. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 190

Проектное видение стратегического развития города Иркутска (Россия)¹

В рамках V Байкальского экономического форума, который проводится в Иркутске (в Сибири), состоялась международная творческая мастерская по городскому планированию «Устойчивое развитие крупных городов и агломераций». Международные эксперты сравнивали стратегии развития Иркутской области, чтобы предложить, изложив в общих чертах, преобразования, возможные для области в ближайшем будущем. Обсуждались текущие изменения в регионе, значительный потенциал, обусловленный наличием энергоресурсов и большой долей добывающей промышленности, решение вопроса по нескольким районам вблизи озера Байкал, стратегические планы для Иркутска. Некоторым моментам со стороны участников творческой мастерской было уделено особое внимание, результаты обсуждения представлены региональной и центральной власти в ходе пленарного заседания V Байкальского экономического форума. Значительный вклад в работу мастерской внесли и участники исследовательских институтов и университетов России.

Предисловие

С 4 по 10 сентября 2008 года в рамках V Байкальского экономического форума в Иркутске (Сибирь) проведена международная творческая мастерская по городскому планированию «Устойчивое развитие больших городов и агломераций».

Организатор мероприятия – Фонд регионального развития Иркутской области – пригласил экспертов по городскому планированию, урбанистике, транспортным коммуникациям и экономике как из Российской Федерации, так и из-за рубежа. Цель мероприятия заключалась в обсуждении и описании стратегической точки зрения на развитие Иркутской области с ее возможным переустройством в ближайшем будущем.

Стратегия принимает во внимание как текущие значимые явления, так и те, что касаются важных изменений в регионе, интенсивного экономического развития, которое связано с добычей сырья и экспортом энергоресурсов, определением границ ОЭЗ (Особых экономических зон) правительством РФ на берегах озера Байкал и особенно проектом по созданию Иркутской агломерации. Итогом работы над стратегией устойчивого экономического развития области должен был стать документ, описывающий наиболее эффективные варианты использования природного потенциала, культурного и исторического наследия, который имел бы полное практическое применение.

Работу участников в различных группах рабочей мастерской координировали международные эксперты Андреас Хейм, Марсель Байард (AREP) и Массимо Тади (кафедра архитектуры и планирования Миланского политехнического института).

Каждая группа должна была собрать информацию и подготовить результаты для презентации на пленуме V Байкальского экономического форума представителям центральной и региональной власти и другим участникам.

Стоит подчеркнуть также и значительный вклад в работу национальных экспертов крупных исследовательских центров и университетов страны, таких, как Российский государственный научно-исследовательский и проектный институт урбанистики, Институт географии сибирского отделения Российской Академии наук, Иркутское отделение Союза архитекторов России, Иркутской государственной технической университет. Кроме того, в работе принимали участие специалисты департамента экономики Иркутской области и городской администрации. Обсуждались следующие темы:

– городская среда и качество жизни, факторы привлекательности для населения;

– принятие стратегий устойчивого экономического развития Иркутской области;

– соотношение постиндустриального и современного индустриально-экономического развития в области;

– важность и значение разработки бренда Иркутска, который дал бы мощный импульс для привлечения в область инвестиций.

Рабочие группы в форме круглых столов под руководством местных и международных экспертов выделили следующие темы: демографическое развитие, возможности привлечения населения в регион, воспроизводство населения; возможности и трудности создания ОЭЗ туристического и рекреационного типа на берегах озера Байкал, внутренние проблемы, характеризующие экономическое развитие Иркутской агломерации; транспорт и инфраструктура в процессе развития региона.

V Байкальский экономический форум и творческая мастерская

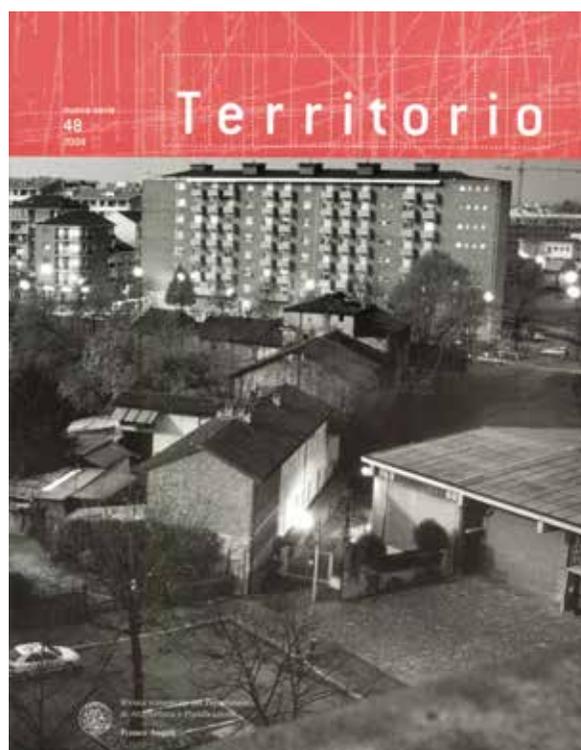
Творческая мастерская развернулась в рамках V Байкальского экономического форума (БЭФ), который проводится в Иркутске каждые два года, начиная с 2000-го, важнейшего международного мероприятия, организованного Советом Федерации Федерального Собрания РФ совместно с Министерством иностранных дел и Министерством экономического развития, Торгово-промышленной палатой РФ, Правительством Иркутской области, Сибирским отделением Российской Академии наук.

Стратегические задачи и итог работы БЭФа заключались в поддержке учеными и специалистами политики федеральных властей, в возрастании значимости Сибири и Дальнего Востока для экономического развития России и в то же самое время в создании площадки для встреч и экономического сотрудничества Азии и Европы.

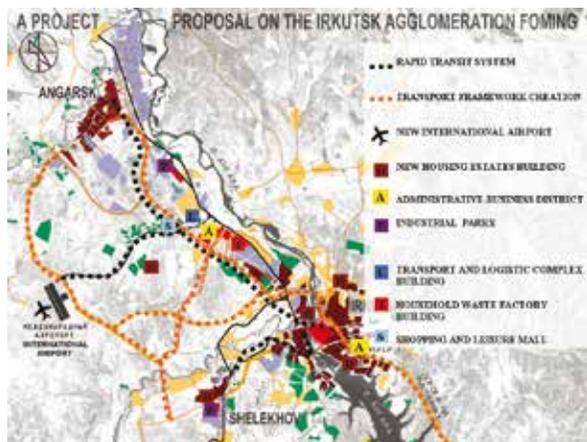
БЭФ – это продвижение не только политики устойчивого экономического развития, но и политики защиты окружающей среды в сибирском регионе, в том числе в сфере

текст
Массимо Тади

перевод с итальянского
Дарья Ситкарева

1. Статья опубликована в журнале «Territorio» (Италия) (№ 48 за 2009 г.). Авторский стиль текста сохранен.

электроэнергетики, а также с точки зрения безопасности использования и хранения природных ресурсов. Другими словами, БЭФ способствует инвестиционной политике в области промышленности, транспортной и коммуникационной инфраструктурах, а также межрегионального и международного сотрудничества. В рамках V Байкальского экономического форума, посвященного теме «Роль Сибири и Дальнего Востока, сценарий глобального развития» обсуждались следующие вопросы:

- роль Сибири и развитие ее территории в рамках масштабного сценария социально-экономического развития России;
- территориальное планирование и программы развития транспортной инфраструктуры как основа экономического развития Сибири и Дальнего Востока, то есть выбор такого сценария развития, который бы уменьшил экологическую нагрузку. В рамках данного вопроса обсуждались программы, касающиеся роли озера Байкал, которое, в свою очередь, стало бы платформой для создания модели экономического развития, уравновешивающей вопросы и окружающей среды, и экономики, и туристического бизнеса;
- «транспортный коридор»: Европа – Россия – Азия – Тихий океан, то есть новые пути возможной интеграции и сотрудничества в глобальном контексте. Энергетическая безопасность Европы и Азии, иначе говоря, роль России и ее новые возможности.

Все эти вопросы послужили основой более широкой проблематики, в рамках которой осуществлялась деятельность творческой мастерской по стратегическому планированию, посвященной теме «Устойчивое развитие больших городов и агломераций. Стратегический взгляд на Иркутскую агломерацию».

По задумке организаторов, конечным результатом работы творческой мастерской должен был стать выбор наиболее эффективных территориальных стратегий.

Иркутск и Сибирский регион: перспективы и проблемы в расширенном контексте творческой мастерской Иркутск – самый большой и один из самых старых городов области, его основание относят к 1661 году.

В течение нескольких веков Иркутск служил последним российским аванпостом на малонаселенной территории, где находились, главным образом, небольшие поселения.

Иркутск исторически сыграл важную роль административного центра Восточной Сибири, а кроме того, еще и роль «хаба» на пересечении торговых путей между Европой и Азией. На сегодняшний день население города составляет около 600 тыс. человек.

Иркутская область представляет собой огромную территорию в 770 тыс. кв. км. Население региона составляет около 2 710 тыс. человек, из них 79,3% – городские жители, средняя плотность населения 3,6 человек на 1 кв. км. Административно-территориальное деление представлено 23 районами и 22 городами. Климат резко континентальный с самой высокой температурой в июле, достигающей +35 градусов, и самой низкой в январе, опускающейся до

–35 градусов. Иркутская область в основном известна своими лесными пространствами и особенно озером Байкал.

Иркутск представляет собой важный культурный и образовательный центр, где проживает огромное количество молодежи и студентов из восточных регионов России и Монголии. На его территории расположены 36 исследовательских институтов и 9 колледжей, профессиональные училища, университеты, центры Российской академии наук; 5 театров, 15 кинотеатров, 34 библиотеки и многочисленные музеи.

В последнее время, также как и в прошлом, важную роль вновь стали приобретать Транссибирская железная дорога и река Ангара, на берегах которой с 1950 года работает одна из самых больших гидроэлектростанций в мире.

Основой экономики Иркутска является электроэнергетика. Кроме того, в области сосредоточена значительная часть природных ресурсов России: 11% лесных пространств, 10% золота, 10% водных ресурсов и 17% угольных, нефти и газа. Регион пережил тяжелейший экономический кризис в результате краха коммунистического строя, а затем ситуацию усложнил финансовый кризис 1998 года. Тем не менее в 2000 году Иркутская область начала стремительно восстанавливать важнейшие показатели экономического роста. В этот период быстрыми темпами развивалась промышленность, на сегодня она составляет пятую часть местной экономики, приносит 2/3 доходов от экспорта. Использование природного потенциала в последние годы также получило широкое распространение, например активно развивается туристический бизнес. Иркутская область обладает в этой сфере действительно огромными возможностями благодаря озеру Байкал.

Новая Иркутская агломерация, прикладная сфера творческой мастерской

Творческая мастерская рассматривала стратегию развития сибирского региона, принимая во внимание проект развития Иркутской агломерации. Речь идет о проекте, который окажет существенное влияние на географию и инфраструктуру данной зоны.

С административной точки зрения, агломерация предполагает более продуктивные отношения между центральной частью РФ и ее окраинами, а также построение новых промежуточных уровней управления между федеральным центром и местными структурами.

Собственно Иркутская агломерация должна стать центром Сибири, городом с населением более 1,5 миллионов человек, который сможет достичь (благодаря ожидаемому экономическому развитию) уровня жизни, аналогичного существующему в развитых городах европейской части России.

Проект Иркутской агломерации предусматривает скоординированное развитие Ангарска, Иркутска и Шелехова и прилегающих к ним территорий сельских районов, в настоящее время независимых друг от друга. Эти города на данный момент тесно взаимодействуют друг с другом, но каждый имеет свою специфику.

Центром агломерации станет Иркутск, который, таким образом, будет совмещать в себе роль административной, научной и культурной столицы Восточной Сибири, укрепляя, кроме прочего, свою историческую роль связующего звена в отношениях Европы и Азии.

Стоит подчеркнуть, что с 1 января 2008 года Иркутская область объединилась с Усть-Ордынским Бурятским автономным округом. Такое укрупнение дает региону возможность конкурировать с другими субъектами Федерации в рамках масштабных государственных программ. Проект развития агломерации городов Иркутска, Ангарска и Шелехова рассматривается как важное звено в реализации потенциала экономического развития юга Восточной Сибири и Иркутской области, которая в настоящее время имеет два огромных недостатка – низкую плотность населения и отсутствие влиятельного центра.

Проект агломерации пересекается как с многочисленными планами и программами развития области, так и масштабными федеральными проектами (например, ранее упомянутые ОЭЗ на берегах озера Байкал), направленными на создание влиятельного городского центра, способного сыграть главную роль в процессе привлечения международных инвестиций.

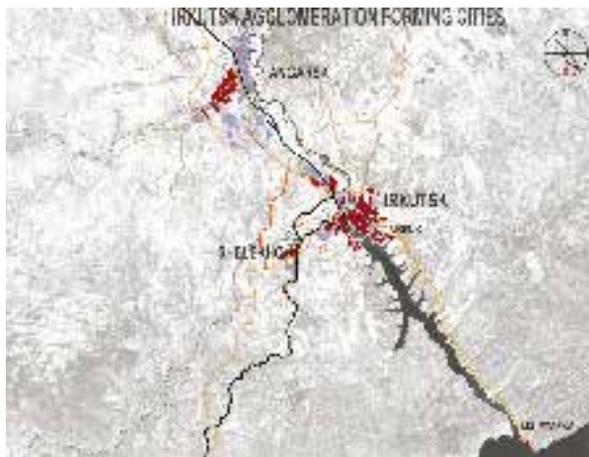
Данный сценарий позволил определить направление действий и основные цели, необходимые для разработки стратегии, выделяя в частности:

- совершенствование транспортной инфраструктуры в пределах области;
- принятие модели устойчивого экономического развития;
- улучшение качества городской жизни;
- улучшение работы общественного городского транспорта;
- определение качественных стандартов проживания в регионе;
- улучшение качества публичного пространства.

Творческая мастерская по архитектурному и городскому проектированию

В разработанном в творческой мастерской едином сценарии по преобразованию области пересекаются глобальные стратегии трансконтинентальных взаимоотношений и создания и расширения инфраструктуры с существенными изменениями облика территории. Мы попытались разработать и отразить итоги деятельности мастерской в программном документе, который, в свою очередь, определяет стратегическую точку зрения для Иркутска.

Творческая мастерская «Устойчивое развитие больших городов и агломераций: стратегия для Иркутска» проводилась на площадке Иркутского государственного университета при содействии Российской академии наук в два этапа: в течение первого этапа, с 3 по 8 сентября, участники осматривали объекты, подлежащие изучению, проводили вводные круглые столы и первичную разработку стратегий. Второй этап, с 9 по 11 сентября, совпал с проведением V Байкальского экономического форума. В

это время участники представили и обсудили результаты работы творческой мастерской.

Заключение

Масштабный процесс миграции, который привел к значительному сокращению населения, проживающего на территории региона, и поставил под сомнение гипотезы по возможности его развития; уровень жизни, более низкий, чем в развитых городах страны, внутренние процессы эмиграции, слабая социальная и территориальная поляризация; противоречия перехода от плановой экономики к рыночным отношениям; чрезмерная эксплуатация природных ресурсов; трудности в определении ролей на различных уровнях власти региона; сложная взаимосвязь центра и окраин, федеральной и местной властей – все эти проблемы, наиболее значимые в настоящий момент, показывают, что современная модель развития не может быть устойчивой долгое время с социальной, экологической и политической точек зрения.

Творческой мастерской разработан стратегический/проектный документ для будущей Иркутской агломерации, определяющий модель устойчивого развития агломерации на озере Байкал и в целом для Восточной Сибири. Выделены следующие важные моменты:

- 1) максимальное использование особенностей территории области;
- 2) использование символического значения озера Байкал с экологической точки зрения;
- 3) необходимость максимизации синергии (связи) между Иркутском, Ангарском и Шелеховом с целью усиления привлекательности и конкурентоспособности агломерации.

В качестве резюме выделены следующие моменты:

– Стратегия согласованного городского планирования, ориентированная на новый подход с рациональным использованием земли. Даже при наличии огромных земельных пространств (как в случае с Сибирью) действующая модель уже сейчас приводит к ряду проблем экономической и экологической устойчивости.

– Обновление системы общественного транспорта в качестве одного из аспектов развития региона, борьбы с пробками на дорогах, решения вопросов регулярного перемещения работников из одного населенного пункта в другой, что характерно для трех городов. Кроме того, для наиболее оптимального сообщения между этими городами был разработан проект скоростного трамвая, который дает возможность использовать отдельные участки города и пустого пространства, непосредственно связанного с ними.

– Продвижение роли Иркутска в качестве культурного центра через инвестиции в университеты и научно-исследовательские центры, которые работают в настоящий момент и которые, возможно, возникнут благодаря проекту агломерации. Это можно было бы осуществить посредством регулирования политики налогового стимулирования предприятий с высокой добавленной стоимостью и отраслей с передовыми технологиями. В ходе работы мастерской был разработан также проект «Исследовательского центра и музея по изучению воды». Реализация данного проекта связана как с потенциалом существующих исследовательских центров, так и с будущим потенциалом на основе экологических, туристических, научных и природных возможностей озера Байкал.

– Определение политики налогового стимулирования, необходимой для обеспечения финансовых ресурсов развития.

– Принятие модели управления агломерацией.

Предложенная стратегия, реализуемая посредством акций и специальных проектов, связанных с различными уровнями, подчеркивает актуальность устойчивого экономического развития для Иркутской агломерации. Принятая модель развития – это принцип или образ жизни в будущем, который будет всемирно признан как «бренд Байкала», мощная движущая сила для экономического развития региона.

Vision для Байкальска

Новые методы городского планирования и будущее моногорода на Байкале

текст
Андрей Ляпин

Байкальск был задуман и построен как социалистический промышленный город при целлюлозном комбинате. Строительные работы по возведению Байкальского целлюлозного завода начались в 1960-м году. С этого же времени начал строиться рабочий посёлок Байкальск. Сначала посёлок возводили по временным схемам, выполненным Ленинградским проектным институтом «Гипробум». В 1964 году Новосибирский институт «Сибкадемстрой» разработал первый генеральный план города Байкальска. Вскоре, в 1966 году, Байкальск получает статус города. Уже к этому времени становится очевидным, что городу нужен новый генеральный план, который будет более полно и детально представлять развитие города. В 1972 году проектный институт «Иркутскгражданпроект» выполняет такой, более детальный план. Генеральные планы 1964 и 1972 годов стали руководящими градостроительными документами при застройке Байкальска.

Город возводился комплексно и планомерно. Большая часть запланированного в генеральном плане 1972 года была построена: свыше 80% намеченного жилого фонда, школы, больницы, детские сады, магазины, профессиональное училище, Дом культуры, профилакторий, гостиница, спортивный комплекс – все это было построено в срок, и с качеством вполне хорошим для тех времен. Правительство и Министерство целлюлозно-бумажной промышленности уделяли особое внимание благополучной работе комбината на Байкале. Комбинат имел очень хорошие очистные сооружения. Рядом был построен небольшой научно-исследовательский институт, который проводил исследования, связанные с производством целлюлозы и вел мониторинг качества окружающей среды возле Байкальска.

Таким образом, социалистический промышленный Байкальск вполне успешно развивался до середины 1980-х годов, до самой перестройки эпохи Михаила Горбачева. И комбинат, и город были на хорошем счету и в Министерстве целлюлозной промышленности, и у администрации Иркутской области. Безусловно, комбинат загрязнял Байкал, но принятое в Москве решение производить целлюлозу не обсуждалось, а выполнялось.

Необходимо отметить, что, будучи успешным промышленным городом, благополучно выдавая продукцию и обеспечивая жителям вполне приличные заработки, Байкальск никогда не пользовался любовью ни сибиряков, ни жителей всей страны. Когда люди видели картину исправно работающего комбината на берегу озера, наблюдали его дымящие трубы и чувствовали запах метилмеркаптана, в душах многих, знавших историю его строительства и не знавших ее, возникал протест. Слишком велик был контраст между обыденным промышленным производством и сопровождающим его загрязнением и величественными и гармоничными байкальскими пейзажами.

Ученые, писатели, представители общественных организаций с самого начала, с конца 1950-х годов, были против строительства целлюлозного комбината на Байкале. Большая часть из них никогда не смирилась с уже существующим Байкальском.

В конце 1980-х годов, на волне подъема экологического движения и демократических преобразований в стране, стало ясно, что люди не забыли о целлюлозном производстве на Байкале. Акции протеста против работы комбината были постоянными, массовыми и очень широкими по географическому положению. Протесты населения, которые никогда не утихали, стали определяющим фактором в решении правительства постепенно убрать целлюлозное производство с берега Байкала. Но сразу, и вполне закономерно, вставал вопрос: что будет с городом и с населением Байкальска, если целлюлозный завод – опора городского бюджета и основа существования для 16 тысяч жителей – будет закрыт? Ведь Байкальск не имеет других сфер приложения труда и возможностей заработка для такого количества людей.

В 1989 году руководство Иркутской области, Слюдянского района, на территории которого расположен Байкальск, и целлюлозного комбината попытались найти ответ на этот вопрос. Были приглашены талантливые методологи из Москвы, и летом этого года состоялась организационно-деятельностная игра под руководством Петра Георгиевича Щедровицкого по поиску путей и направлений дальнейшего будущего города, но уже без целлюлозного комбината.

Короткое, немногим больше недели, мероприятие не могло дать ответы на все вопросы, но идей, взглядов и предложений эта игра породила очень много. Это был фонтан общественных мнений и кладезь перспективных идей.

События во времена перестройки следовали очень быстро, и вскоре проблема загрязнения озера Байкал целлюлозным комбинатом отодвинулась на дальний план. Для всего населения страны стал актуальным вопрос: как найти заработок сегодня, как выжить в этот день? Комбинат продолжил работу.

К настоящему дню с момента организационно-деятельностной игры, проведенной московскими методологами, прошло двадцать лет. Это очень значительное время. Однако до сих пор это мероприятие остается самым значительным событием, которое вовлекло людей, живущих в Байкальске, в обсуждение будущего города.

Вскоре после организационно-деятельностной игры, в 1992 году, проектным институтом «Иркутскгражданпроект» был выполнен новый генеральный план города, так же как и предыдущий план 1972 года. Новый генплан, сделанный в развитие плана 1972 года, уже почти не повлиял на развитие Байкальска. Документ получился формальным. Созданный по старой ведомственной схеме «промышленный город при целлюлозном комбинате», он уже никак не соответствовал реальной ситуации, так же как и изменившейся вскоре градостроительной нормативной базе.

В 1997 году администрация Байкальска разработала Концепцию по развитию города. Самой сильной стороной этого документа было то, что он был выполнен людьми, живущими в Байкальске, сотрудниками администрации города, и несмотря на очевидные слабости, тем не менее был какое-то время руководством к действию, в отличие от генерального плана 1992 года.

Когда стало ясно, что проблема Байкальска – это проблема сложная и потребуются время для решения её в целом, стали появляться отдельные инициативы, нацеленные на решение тех или иных отдельных вопросов в развитии города.

В 1994 году на Байкале стартовала Российско-германская программа ландшафтного планирования. В рамках этой программы специалисты-географы и экологи из Иркутского института географии вместе с учёными из различных университетов и исследовательских бюро Германии предложили вполне действенную и эффективную методику комплексной оценки ландшафтов. Опираясь на эту методику, впоследствии специалисты Института географии провели серьезную работу по экологическим аспектам землепользования в Слюдянском районе. Стали ясны объёмы загрязнения природы возле Байкальска, и были сформулированы самые общие подходы к восстановлению и рекультивации нарушенных территорий.

В 1998–2000 годах в Байкальске осуществляется проект Европейского сообщества по программе ТАСИС по изучению возможности конверсии целлюлозного комбината. Одним из наиболее заметных положительных результатов этого проекта стало прикладное маркетинговое исследование «Оценка бизнес-потенциала для развития туризма в Слюдянском районе», выполненное специалистами из Финляндии, Швеции и России. Это исследование легло в основу стратегии развития сферы туризма в Байкальске.

Перечисленные планировочные и исследовательские работы по Байкальску носили фрагментарный характер. Проблема конверсии всего города изучалась от случая к случаю. Цельной, зрительно и логически понятной концепции будущего города за двадцать лет разработано и представлено не было.

Сегодня целлюлозный комбинат в Байкальске пока остановлен и не работает. Он не работает почти год. Будущее существование города вновь становится предметом обсуждения в правительстве, в региональной администрации и в прессе. Какова же сложившаяся практика планирования будущего городов?

Для того чтобы представить будущее развитие города, делается генеральный план. Это не только чертеж местности и расположения зданий, выполненный в масштабе на бумажной основе, это сценарий и программа развития планируемого города на 25–30 лет. Генеральный план – это твердое понимание того, как люди в городе будут жить и работать в обозначенный период. Генеральные планы городов чаще всего разрабатывают специалисты, которые имеют серьезный профессиональный и жизненный опыт, хорошо знакомы со спецификой городского планирования и со множеством регулирующих законов и постановлений в отношении градостроительства и землепользования. У нас в России таких специалистов называют градостроителями, а в Европе и США они именуются городскими планировщиками.

Для того чтобы понять, насколько сложная задача стоит перед теми, кто станет разрабатывать Концепцию развития Байкальска, необходимо обратить внимание на те исторические изменения, которые произошли в стране за эти двадцать лет. Масштабные изменения в политике, экономике, законодательстве коснулись каждого человека. Города социалистического прошлого принципиально отличались от городов, где основой выступает рыночная экономика и демократическая политическая система. За эти двадцать лет градостроительные методы и нормативная база в градостроительстве находились в процессе постоянных изменений. Далеко не всем проектным организациям было легко успевать за быстро происходящими переменами и вовремя обновлять технологическую и методологическую базу проектирования. Тем более, что в период с 1993 по 2004 год градостроительных и планировочных работ в России велось очень мало, и потому специалисты-градостроители уходили на другие работы.

По существу, сфера градостроительного планирования стала возрождаться как самостоятельный и дееспособный раздел архитектуры только за последние пять лет. Однако все еще наше градостроительство во многих случаях продолжает двигаться по инерции типовых схем и решений социалистического прошлого.

Передовые мировые методики городского планирования еще практически не известны в России. Сегодня теория и практика городского планирования в странах с развитой экономикой принципиально отличается от того, что было двадцать лет назад. За эти годы произошли кардинальные изменения в целях, методике и планировочных методах, которыми руководствовались городские планировщики.

Если коротко говорить об основном векторе этих изменений, то его можно представить как переход от планирования будущего города на основе регулирующего генплана к планам территориального развития и управления.

Раньше всего изменение методики планирования городов произошло в странах Северной Америки и Северной Европы. США, Швеция, Норвегия начали применять новые методики уже в середине 1990-х годов. К концу 1990-х в практику городского планирования прочно вошло английское слово «vision» – взгляд, видение. Появление нового термина отразило важнейшую проблему в развитии городов, вставшую в конце 1980-х, – переход городской жизни и городских бюджетов к реальностям сложившейся постиндустриальной экономики. Всем городам, во всем мире пришлось заново искать свое место в новых условиях, в системе информационного общества и стремительно развивающихся высоких технологий. Города начали конкурировать между собой

за новые предприятия информационных технологий, за молодое и энергичное поколение предпринимателей, за венчурный капитал, за транспортные потоки, за размещение государственных социальных программ. Срочно понадобились новые планы городского развития.

Процесс изменения градостроительных методов идет по-разному в разных странах. Иногда только отдельные наиболее успешные регионы переходят на новые методы городского развития, в то время как в других регионах этой же страны продолжает действовать старое градостроительное законодательство.

Показателен в этом отношении недавний опыт итальянской провинции Ломбардия, где расположен самый важный экономический город Италии – Милан.

В журнале «Проект Интернешенел» опубликована достаточно полная подборка материалов на эту тему: «В 2005 году в регионе Ломбардия был принят новый закон, обязывающий каждый город разработать План территориального развития. Этот новый градостроительный инструмент должен сменить прежние, недостаточно эффективные планировочные методики, основанные на Регулирующем генеральном плане.

Основное отличие нового подхода заключается в том, что План территориального развития переключает внимание с городского масштаба на территориальный и формулирует стратегии. Планировочный документ будет обновляться и пересматриваться каждые 5 лет»¹. В России генплан делается каждые 25 лет.

Архитектор Галина Птичкинова четыре года изучала современное градостроительство в Швеции. В своей книге «Градостроительство и архитектура Швеции 1980–2000 гг.» она так определяет новый метод: «Видение (Vision) – это не прогноз и не сценарий развития. Это метод, который переводит намеченные цели в конкретные образы». Метод оказался наиболее подходящим для того, чтобы вести поиск стратегии устойчивого развития города в новых условиях постиндустриальной экономики и ограниченных природных и территориальных ресурсов.

Архитектурные школы в Европе усиленно осваивают этот метод как новый инструмент градостроительства. Например, на кафедре градостроительства Технического университета Дрездена студенты могут выполнять курсовые и дипломные проекты на такие темы, как «Vision для исторического центра Магдебурга» или «Vision для города Брауншвейга». Причем, слово не переводится на немецкий, а так и используется в английском написании.

Опыт немецких градостроителей сегодня особенно актуален для городов России. Те проекты по развитию городов, которые архитекторы Германии выполнили в конце 1990-х годов, могут быть взяты за образец при конверсии наших моногородов. Например, очень масштабный проект по развитию города Биттерфельда и рекультивации деградированного ландшафта в его окрестностях. Здесь раньше добывали руду, и после её разработки открытым способом остались огромные территории нарушенных земель.

Очень поучительными для Байкальска могут быть разработки по конверсии города Хойесверда. Когда-то этот город был образцовым новым социалистическим городом ГДР. Спроектированный в начале 1950-х на пустом месте, это был эталон архитектуры социалистической Германии.

Город создавался для обслуживания комбината по добыче бурого угля и застраивался под наблюдением Академии строительства ГДР. Сегодня город теряет население, а руководители ищут место города в новую эру информационных технологий.

Байкальск – это необычный случай среди многих моногородов современной России. Обычно развитие города интересует только его жителей. В случае с Байкальском круг заинтересованных субъектов значительно шире. Людям, живущим в Сибири, в России, в других странах вовсе не безразлична судьба уникального озера. Люди хотят, чтобы оно оставалось чистым. Байкальск может быть образцом конверсии, выполненной с использованием самых лучших планировочных методов и технологий, существующих сегодня в мире.

1. Проект Интернешенел. 2007. № 18. С. 52.

Наследство БЦБК городу Байкальску и его ландшафту

текст
Белла Гордон

К удивлению многих, закрытие БЦБК опять поставлено под сомнение. Но существует ряд проблем, которые необходимо решать независимо от того, каким будет решение этого вопроса.

За 40 лет работы комбинат оставил в окрестностях Байкальска 14 огромных шламо-накопителей и золоотвалов; происходит интенсивное загрязнение подземных вод под промплощадкой комбината; на его территории в недопустимых условиях хранится большое количество никем не учтенных неиспользованных реагентов и химических реактивов; система отопления с устаревшим оборудованием и неоправданно огромная ТЭЦ не могут быть использованы для отопления небольшого города. В настоящий момент отсутствуют конструктивные предложения по решению экологических и инфраструктурных проблем, связанных с рекультивацией территории. Нет опубликованного анализа о существующих экологических угрозах и их возможных последствиях, о технологических альтернативах рекультивации, о том, к чей компетенции относится контроль за рекультивацией существующих загрязнений, из какого источника будет идти финансирование этой работы.

Фото Игоря Булыгина

позже технологии (высушивание и сжигание), осуществление его было бы невозможно: в процессе анаэробного разложения в шламо-лигнине образовались газы (включая метан, который присоединяется к частичкам лигнина и всплывает на поверхность). Они могут недопустимо загрязнить воздух рабочей зоны (Тимофеева, 2008).

Все 14 карт открыты, но имеют гидроизоляционный слой суглинка; некоторые карты имеют также и подстилку из полиэтиленовой пленки. Это означает, что дождь, снег и талые воды, попадающие в карты сверху, не могут просачиваться в грунтовые воды и превращают карты в болота. В шламонакопителях, где проводится рекультивация (см. ниже), процент жидкости гораздо ниже; они даже заросли болотными растениями. Для местных жителей это место охоты на уток. Но хотя под слоем снега они могут выглядеть даже красиво, с леском по берегам и горами на горизонте, эти карты продолжают представлять серьезную экологическую угрозу.

Угрозы от шламонакопителей и золоотвалов

Наводнение. Если из-за сильных дождей или снежной зимы уровень воды в картах будет выше предельно допустимого, возникнет угроза прорыва земляных дамб, которые эту воду задерживают. В таком случае содержащаяся в разрушенном шламонакопителе вода хлынет в Байкал, загрязняя его лигнином, размывая по пути автомобильную и железную дорогу. В прошлом БЦБК контролировал уровень воды и мог откачивать ее в очистные резервуары; только после этого она попадала в Байкал. Такое откачивание обычно проводилось два раза в год. Но, перейдя на замкнутый цикл, БЦБК потерял возможность откачивать воды в очистные резервуары, так как из них ее просто некуда сливать. В текущем году уровень воды вряд ли достигнет предельного: зима не была особенно снежной, да и последнюю откачку осенью 2008 года провести успели. Но в следующем году (если не будут приняты новые меры) откачки уже не будет.

Сели. Карты Солзанской площадки размещены на конусах выноса рек Большой и Малой Осинки. Обе реки весьма селеопасны. Во время катастрофических паводков 1971 года выносы этих рек переполнили западную часть нагорной канавы и частично заполнили один из шламонакопителей. После 1971 года проектировались противоселевые технические сооружения, включая и реки Большая и Малая Осинка, но построены они не были.

Землетрясения. Возможно, самый опасный сценарий – это катастрофическое землетрясение в районе Байкальска, при котором тысячи тонн шламо-лигнина могли бы попасть в

Шламо- и золоотвалы

Справа от БЦБК, у реки Большая Осинка и поселка Солзан, размещены 10 карт, хранящих 250 тыс. тонн шламо-лигнина. По левую сторону, у реки Бабхи, находятся еще 3 карты, предназначенные в основном для золы ТЭЦ и золы лигнина, но в которых можно также обнаружить шламо-лигнин, твердые бытовые отходы города, кору, строительные отходы и т.д. Последняя карта находится на промплощадке. В сумме эти 14 карт занимают площадь 180 га.

Шламо-лигнин

Лигнин – один из главных компонентов древесины; в производственном цикле лигнин отделяется от другого главного ее компонента – целлюлозы. Это осуществляется в процессе варки и отбелки, при которых используются сильные химические растворители (включая щелочи, хлориды и сульфаты). В БЦБК лигнин и стоки с оставшимися химикатами поступали в очистные сооружения, где лигнин отделялся и закачивался в шламонакопители в жидком виде (95% воды). Но остатки химикатов все-таки содержались в шламо-лигнине и вместе с ним также попадали на шламонакопители.

Шламо-лигнин стал поступать на карты Солзанской площадки в 1966 году после запуска комбината. Тогда подразумевалось, что лигнин будет храниться там лишь временно, так как через несколько лет будет найден путь его утилизации. К сожалению, несмотря на активные исследования, найти эффективные способы утилизации отходов еще не удалось (см. ниже). Хранение лигнина в жидком виде проблематично из-за огромного объема, который он занимает. Контроль и рекультивация материала такой консистенции очень сложна (например, если постараться накрыть шламонакопитель грунтом, грунт просто утонет в шламо-лигнине, как в болоте). В 1973 году на БЦБК был построен завод для сушки и сжигания шламо-лигнина. С конца 1970-х годов использовалась только эта технология утилизации. Таким образом, огромный объем отходов шламо-лигнина в картах хранится уже более 30 лет.

Хотя сжигание лигнина означало огромное уменьшение годовых объемов промышленных отходов БЦБК, остающаяся зола, захороненная в золоотвалах на Бабхе и промплощадке комбината, имеет гораздо большую концентрацию токсичных химикатов по сравнению с шламо-лигнином. Кроме того, в процессе сжигания возникают токсичные воздушные выбросы, включая диоксины. Если бы было принято решение об утилизации отходов, оставшихся от первого периода работы комбината по разработанной

Снимок взят из доклада о Байкале 2007 года

1. Существуют разные мнения относительно количества карт, имеющих полиэтиленовую пленку, – от всех карт до только двух.

Байкал. Байкальск находится в зоне девятибалльных землетрясений; это очень сейсмологически активное место. Во время августовского землетрясения 2008 года сила толчков достигала 8 баллов. «В честь» этого из соображений безопасности комбинат на некоторое время прекратил работу; для экстренной проверки приезжала комиссия Ростехнадзора, но повреждений обнаружено не было.

Загрязнение подземных вод под картами. Теоретически все карты имеют гидроизоляцию, но на практике подземные воды под Солзанской площадкой уже загрязнены. Они гидрологически не отделены от Байкала; это означает, что загрязненные воды через некоторое время попадают в озеро.

В связи с экспертизой вариантов рекультивации (см. ниже) БЦБК финансировал исследование подземных вод под Солзанской площадкой. Участвовавший в них Борис Шенкман считает, что загрязнения подземных вод на Солзанской площадке происходят только из карты номер 1: в этой карте проводилась «рекультивация» твердыми строительными отходами, которые в несколько раз тяжелее лигнина и, по мнению Шенкмана, повредили гидроизоляцию карты.

Но все-таки публикации о солзанских грунтовых водах существуют. А вот о картах на Бабхе (куда включены более токсичные отходы, чем лигнин) опубликованной информации найти не удалось, хотя известно, что на Бабхинской площадке существуют две наблюдательных скважины.

Варианты рекультивации. Только 10 лет спустя с момента начала работы комбината в связи с угрозой предельного заполнения шламоотвалов начали разрабатываться варианты рекультивации шлам-лигнина – от производства удобрений с использованием червей, промышленного производства химикатов до сушения, сжигания и т.п. Но ни один из вариантов пока что не оказался приемлемым: например, черви не могут разлагать токсичные органические соединения (такие, как диоксины), а токсичные удобрения вряд ли кому-то понадобятся.

С 2000 года два варианта «рекультивации»² вошли в стадию экспертизы на БЦБК.

В карте №4 зола, а в карте №1 твердые бытовые отходы кладутся поверх шлам-лигнина. Идея заключается в том, что эти более тяжелые материалы механически спрессовывают шлам-лигнин, выдавливая из него воду. Вода откачивается в очистные резервуары. Оставшийся более сухой лигнин будет засыпан землей и засажен растениями. По предварительным расчетам, на рекультивацию этим методом понадобится 18 лет. В настоящий момент рекультивация по этой схеме приостановлена, так как в связи с введением замкнутого цикла откачивать воду некуда. Но она может быть рассмотрена как вариант на будущее.

Вместе с тем этот вариант рекультивации порождает немало проблем. Как было уже сказано, результатом использования ТБО был нарушение гидроизоляции карты, что делает этот вариант, мягко сказать, неприемлемым. По словам Шенкмана, который проводил экспертизу методов рекультивации в качестве сотрудника консалтинговой компании «Сибэком», рекультивация золой представляется более перспективной. (Законодательство обязывает проводить экологическую экспертизу в случае, когда отходы разных видов смешиваются, создавая возможность возникновения отходов еще более токсичных, чем исходные.) По его заключению, зола, накладываясь очень тонким слоем, не тонула, как это случилось с ТБО, а распределялась над шлам-лигнином и действительно выдавливала воду вверх, откачиваемую в очистные резервуары.

Но и рекультивация золой не решает всех проблем. Зола щелочная (рН 9), а лигнин имеет рН 5–5.5. Это значит, что между ними происходит химическая реакция. А результат этой реакции повышает минерализацию содержащего шламонакопителей в 5–20 раз. Количество микрокомпонентов, типичных для золы (зола – более токсичный отход, чем сам шлам-лигнин), тоже резко увеличилось³.

Представляется, что в случае рекультивации при помощи золы еще более важной проблемой является то, что при этом

способе не решается вопрос о воде (гидроизоляция снизу и поступление воды сверху, которая будет просачиваться через слой земли, продолжится). Чтобы избежать наводнения, все равно необходимо будет иметь систему дренажа или откачивания воды, которой в настоящее время не существует. Да и одного только откачивания недостаточно. Идущую из шламонакопителей воду надо очистить, что раньше делалось очистными сооружениями БЦБК (которые вряд ли будут работать после закрытия, так как они очень сложные и дорогие), а городская очистная система не приспособлена для выполнения этой дополнительной задачи. Все это означает, что и в этом случае кто-то должен следить и работать с картами еще многие годы. Кто будет ответственным и как это будет финансироваться – непонятно. Даже если система дренажа будет разработана, при вышеупомянутом типе рекультивации весь шлам-лигнин остается в бассейне Байкала, а угрозы землетрясений и загрязнения подземных вод не перестают существовать.

Наверняка многие предложат перевезти все отходы за пределы бассейна Байкала. Но этот вариант крайне дорогой и сложный. В данный момент нет подсчетов даже его примерной стоимости. Непонятно и то, куда можно увезти такую массу отходов, чтобы она не причиняла вреда окружающей среде. Метод откачки и перевозки тоже представляет потенциальную проблему: ведь если повредить гидроизоляцию при работе, от рекультивации будет больше вреда, чем пользы. Есть проблема и с грунтом для покрытия карт после их освобождения от отходов, так как перемещение грунта на ЦЭЗ запрещено. Остается и вопрос о том, как повлияет работа такого количества транспорта на окружающую среду.

Оба вышеописанных варианта дороги, долгосрочны и содержат массу угроз окружающей среде. Финансовое обоснование, анализы необходимого времени для реализации проектов и экологических рисков пока что отсутствуют. Также отсутствуют реально рассматриваемые альтернативы этим двум вариантам.

Загрязнение грунтовых вод под промплощадкой
Загрязнение грунтовых вод было обнаружено в 1989 году, когда на Байкале заметили пропарину, которая зимой никогда не замерзала. Исследования показали, что есть несколько источников такого термального загрязнения и что существует также химическое загрязнение. Самый опасный из источников загрязнения – это раствор, который поступал из варочного цеха. Каналы, по которым шел этот щелочной раствор сильной концентрации, потеряли свою герметичность, и раствор поступал прямо в землю без очистки.

Вместо того чтобы починить каналы (это было очень дорого и нелегко), БЦБК предпочел пробурить 8 скважин,

2. Первоначально более важной причиной использования этого варианта, возможно, была не рекультивация, а необходимость освободить место для золы. Так как в шламонакопителях воды 80–90%, при ее удалении остается много места.
3. Со временем концентрация микрокомпонентов и минерализация в шламонакопителях понижалась из-за поступления новых осадков, которые были откачаны в очистные резервуары и унесли с собой часть загрязнений. Где окончательно оседают эти компоненты, автору неизвестно, но понятно, что они либо попадают в Байкал, либо в другую карту на той же территории, так как отходы с БЦБК никуда больше не вывозятся.

Шламонакопители на Солзанской площадке

Встреча по поводу экономических альтернатив в Байкальске с областными и городскими чиновниками и местными жителями

Семинар Байкальской экологической волны на тему экономических альтернатив и презентация проектов, победивших в конкурсе

которые качали грунтовые воды в очистные сооружения, и платить за экологический ущерб. Скважины были изначально крайне неэффективны, а в данный момент не работают. Такого рода откачка не только дорога, но и нуждается в работе очистных сооружений и в возможности сливать очищенную ими воду в Байкал, что невозможно при замкнутом цикле. Из-за высокого коэффициента фильтрации загрязнения поступают в Байкал значительно быстрее, чем прежде.

Если комбинат возобновит работу, в грунтовые воды начнут поступать новые порции отходов. Отсутствуют надежные данные о том, сколько загрязненной воды все-таки просачивается в грунт. Но некоторые предполагают, что оно достаточно велико, а это делает идею «замкнутого цикла» ложной по самому существу: если только 50% воды возвращается в производственный цикл после его окончания (потому что 50% утекло), а остальные 50% берутся из Байкала, то это уже не замкнутый цикл! Растворы же, которые утекают в грунтовые воды (а из них в Байкал), гораздо опаснее тех выбросов, которые когда-то поступали в Байкал из очистных сооружений.

Химикаты, хранящиеся на промплощадке
Завод встал без подготовки к закрытию, при этом многие химические реактивы остались на территории предприятия. 900 тонн весьма опасного щелока (белого, черного и зеленого), используемого для варки целлюлозы, хранятся в негерметичных контейнерах, о чем говорил бывший начальник Иркутского Росприроднадзора. Куда увезти или как использовать его и другие оставшиеся химикаты,

– может быть, самая сложная и срочная проблема (если контейнеры действительно протекают).

Аргументом в пользу возобновления деятельности комбината, в частности, может быть необходимость выработки остающихся реагентов. Но как изменились свойства реагентов за то время, что они не использовались? И как быть с плановым остатком щелока (это вещество нельзя использовать до конца, оно рециклируется). До сих пор не проведена инвентаризация всех отходов, реагентов и промежуточных продуктов, не говоря уже о решении об их дальнейшем использовании.

В настоящее время не существует ни инвентаризации загрязнений, ни проекта выработки методов рекультивации. Остается открытым вопрос, кто отвечает за эту деятельность и кто должен контролировать ситуацию.

Задержка в решении проблем БЦБК не безобидна: ведь начало демонтажа оборудования и рекультивации могло бы принести рабочие места городу, который так в них нуждается. А присутствие неизученных загрязнений без отчетливо сформулированной перспективы их рекультивации может остановить потенциальных инвесторов, которые думают о развитии бизнеса в Байкальске. И это еще не учитывая вред окружающей среде.

Конечно, важнее принять правильные решения, чем решения быстрые. Но есть меры, которые можно и нужно принимать как можно скорее, – инвентаризация ущерба, анализ потенциальных альтернатив рекультивации и т.д. Чтобы все это произошло, нужно финансирование, нужен кто-то, кто несет ответственность за результат. И то, и другое в данный момент отсутствует.

Хроника истории БЦБК

1956 – Построена плотина через Ангару; уровень Байкала повысился на 1,2 м. Скачок в развитии промышленности региона.

1958 – В печати опубликованы планы строительства Селенгинского и Байкальского целлюлозных комбинатов. Это инициирует невиданный ранее всплеск экологических протестов в регионе и по всей стране. Некоторые считают их рождением экологического движения в России.

1966 – БЦБК построен и начинает функционировать, хотя его выбросы превышают допустимые нормы, определенные законом 1960 года.

1969, 1971, 1973, 1977 – Принят ряд формальных законов (без конкретных дат введения в действие, подзаконных актов и т.д.) о защите Байкала, содержащих статьи о снижении уровня загрязнения от БЦБК. Закон практически не выполнялся.

1970–1980-е – Период наиболее интенсивного производства на БЦБК, а также пик вредных выбросов в воду и воздух.

1980-е – Начало перестройки и развитие гласности; усиливаются протесты против загрязнения среды от деятельности БЦБК. Формируется Байкальское движение и другие общественные организации.

1987 – Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 434 о комплексном рациональном природопользовании в Байкальском регионе до 1995 года. В нем указываются конкретные сроки прекращения БЦБК выбросов в Байкал. Но план перепрофилирования БЦБК на производство мебели не прошел экономическую экспертизу.

1990 – Согласно Постановлению № 93, БЦБК должен быть перепрофилирован до 1993 года. Сибгипробум разрабатывает 6 вариантов перепрофилирования. Только 2 из них прошли экологическую экспертизу, но и они не получили поддержки на областном уровне.

1992 – Еще одно постановление о перепрофилировании БЦБК, на этот раз 1996 года, включающее статью о рекультивации загрязнений от комбината. Для разработки проектов рекультивации приглашены эксперты из УНИДО и РАН. Но и этот план не прошел экологическую экспертизу в 1997 году.

1996 – Байкал признается объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО.

1999 – Принимается комплексный Закон о Байкале. По содержанию он значительно слабее первого варианта и имеет рамочный характер из-за отсутствия конкретных механизмов, подзаконных актов, финансирования и т.д.

2000 – В. Путин передает полномочия Комитета по охране природы Министерству природных ресурсов. Экологические организации и общественность считают это симптомом ослабления значимости охраны окружающей среды в политике правительства.

2001 – Принят перечень запрещенных видов деятельности (которая включает производство целлюлозы) в Центральной экологической зоне (ЦЭЗ). Но до 2006 года этот перечень оставался только на бумаге, так как границы ЦЭЗ не были определены и обоснованы.

2001 – Разработан проект трехступенчатого перепрофилирования комбината; первая ступень – переход на замкнутый оборот и рекультивация территории – принята.

2002 – Всемирный банк соглашается предоставить кредит в с объеме 22,4 миллиона долларов на конкретный проект, который его эксперты согласовали с комбинатом.

2002 – БЦБК приобретает новый собственник – «Континентал Мэнеджмент».

2005 – Новый собственник отказывается от проекта, согласованного с Всемирным банком, и банк забирает кредит. Тем не менее комбинат принуждают перейти на замкнутый цикл производства. Но новый вариант перепрофилирования минималистичный, без затратных снижений количества воды в цикле производства, которые предполагались проектом, согласованным с Всемирным банком.

2007 – Росприроднадзор подает иск против БЦБК, обвиняя его в нелегальных сбросах. Цель иска – повлиять на БЦБК, чтобы он перешел на замкнутый цикл производства к назначенному сроку.

2008, август – В Байкальске частично построены сооружения, делающие возможным переход на замкнутый цикл.

2008, сентябрь – БЦБК выходит на замкнутый цикл.

2008, октябрь – БЦБК остановлен сначала до ноября, потом до февраля, а затем на неопределенный срок.

2009, июль – Принято решение о возобновлении работы БЦБК.

текст:
Белла Гордон

Развитие горнолыжных комплексов в Сибири

ШЕРЕГЕШ, гора Зеленая

БАЙКАЛЬСК, гора Соболиная

текст и фото
Александра Козак
Артем Арестов

Шерегеш – небольшой поселок горняков, который находится в Горной Шории на юге Кемеровской области. Здесь смыкаются отроги Кузнецкого Алатау, Алтая и Саян (горы Мустаг, Зеленая, Кубез, Патын, Куль-Тайга). Протяженность территории с севера на юг 170 км, с запада на восток 100 км. Административный центр – г. Таштагол, находится в 560 км от Новосибирска, 400 км от Кемерово и в 160 км от Новокузнецка.

Центр Горной Шории г. Таштагол («Камень на ладони») находится в 150 км от Новокузнецка, с которым связан железной дорогой и автотрассой. В 20 км к северо-востоку от Таштагола, у подножья массива Мустаг, расположен горный поселок Шерегеш, основанный в конце 1940-х годов при месторождении магнетитовых руд.

Шерегеш так и остался бы безвестным поселком геологов, если бы лет 15 назад в какой-то светлой голове не родилась мысль открыть здесь горнолыжную базу. Климат и рельеф этого места оказались настолько подходящими, что довольно скоро Шерегеш, в котором из достопримечательностей был только небольшой местный музей, рудник и пара шахт, превратился в один из центров горнолыжного туризма России. На склонах Мустага и его отрогов оборудованы разнообразные трассы, построены подъемники, открыты турбазы и гостиницы. Глухой медвежий угол Горной Шории получил новую жизнь.

В настоящий момент в поселке проживает около девяти тысяч жителей. Горнолыжный комплекс «Гора Зеленая» находится в четырех километрах от поселка.

Современное развитие инфраструктуры горнолыжной базы настолько стремительно, что каждый год приезжая к открытию сезона гору все труднее узнать, открыты новые подъемники, бары, кафе и гостиницы, которые расположены как у подножья горы, так и на всем ее протяжении. Отличительная особенность горнолыжного комплекса «Гора Зеленая» в том, что канатные дороги и вся инфраструктура принадлежат разным собственникам, которые предлагают конкурентоспособные цены на

свои услуги. И каждый стремится к новому сезону предложить более комфортные предложения для отдыхающих. Развитие горнолыжного комплекса дает новые рабочие места для жителей поселка и возможность получить дополнительный доход в сезон, так как большая часть отдыхающих предпочитает останавливаться в самом поселке, снимая квартиры у местных жителей, что значительно дешевле, чем гостиницы у подножья горы. Горнолыжный курорт пользуется большой популярностью у жителей Сибири. Сюда на выходные и праздники съезжаются жители Кемерово, Новокузнецка, Новосибирска, Томска и Красноярска, так как курорт расположен в относительной близости от этих городов, этим и обусловлено большое количество отдыхающих в этом месте. На Зеленой найдется место и для новичков, и для опытных горнолыжников. Останутся довольны и любители острых ощущений, ведь за свои уникальные возможности внетрассового катания Горную Шорию называют «Меккой фрирайда». Курорт по праву считается одним из лучших не только в Сибири, но и в России.

В свою очередь, не только близость расположения Шерегеша играет роль в выборе места для отдыха, но и стоимость абонементов на канатные дороги, которых там в настоящее время около шестнадцати, канатные дороги принадлежат разным собственникам и по своему качеству не уступают европейским курортам.

В Сибири есть еще один горнолыжный центр – «Гора Соболиная», расположенный у подножья горного хребта Хамар-Дабан, вблизи г. Байкальска, на южном побережье Байкала. С середины 90-х годов он стал местом отдыха любителей горнолыжного спорта с развитием горнолыжной базы. Основу этого еще в шестидесятых годах положили энтузиасты Байкальска. В настоящее время это современный горнолыжный центр Сибири и Дальнего Востока, ежегодно принимающий несколько десятков тысяч отдыхающих.

Сравнивать два таких горнолыжных центра, как «Зеленая» и «Соболиная», достаточно трудно, начиная с того, что это курорты для принципиально разного катания, один мекка для любителей фрирайда, второй для комфортного катания по уложенным трассам. Очевиден факт того, что развитие этих курортов идет совершенно разными путями. Одна из основных отличительных черт в разнице развития двух курортов заключается в том, что различен приток инвестиций в эти места. Горнолыжный комплекс «Гора Зеленая» – яркий пример того, как частные инвестиции способствуют развитию того природного ресурса, который им дан в регионе, работа в этом месте строится по принципу равной конкурентной борьбы, в отличие от нашего горнолыжного комплекса «Гора Соболиная», где один собственник. Разница подхода в управлении двумя, по сути, с одинаковыми возможностями местами приводит к тому, что один курорт развивается стремительно и оправдывает ожидания в плане сервиса и качестве предоставляемых услуг, когда другой остановился в развитии из-за монополии на инвестиции в это место со стороны одного собственника. Полноценное развитие инфраструктуры горнолыжного курорта невозможно без привлечения большого количества сторонних инвестиций, как в техническое обеспечение работы курорта, так и в инфраструктуру, созданную для отдыхающих. На «Зеленой» гостиничные комплексы и канатные дороги принадлежат различным собственникам, которые одновременно вкладывают средства в развитие сети гостиниц, подъемников и трасс на горе, что ускоряет развитие курорта. В Байкальске же инвестор один, и он, что очевидно, не способен справиться с развитием всего комплекса, в таком объеме который удовлетворил бы запросы современного потребителя. «Зеленая» за последние годы стала развитым курортом европейского уровня с достойной инфраструктурой для различного отдыха, где возможность катания сочетается с полноценным

отдыхом вне горы. «Соболиная» в свою очередь остановилась в развитии в начале 2000-х, небольшое количество трасс, хоть и ухоженных, с системой искусственного оснеживания, продляющим сезон катания до мая, но полным отсутствием сервиса на горе, в сочетании с необоснованно высокими ценами, когда курорт играет на том, что он монополист в своем роде в нашем регионе. Невозможно не отметить тот факт, что транспортная доступность Байкальска гораздо привлекательнее, чем поселка Шерегеш. Байкальск расположен непосредственно на Транссибе, в 140 километрах от Иркутска, административного центра Иркутской области. Помимо регулярного железнодорожного сообщения, с Байкальском есть и автобусное сообщение, дорога от Иркутска занимает не так много времени – в пределах трех часов. До Шерегеша же от Иркутска добираться довольно-таки проблематично. Но тем не менее, несмотря на две пересадки, иркутяне зачастую делают выбор в пользу отдыха в Горной Шории.

Summary

Page 8

Unesco world heritage list

Thirteen new sites were added to the World Heritage List during the UNESCO World Heritage committee's 33rd session in Seville, Spain. Louise Cox represented the UIA at this session. Stoclet Palace in Brussels, classed in its integrality as a historic monument by the Belgian authorities, was added to the list of properties. Built in 1911 by Austrian architect Joseph Hoffman, it houses major works from the Vienna Secession: Gustav Klimt, Koloman Moser and Fernand Khnopff.

For the second time since the adoption of the World Heritage convention in 1972, a property was taken off the list by the committee, which felt that the Elbe Valley in Dresden has not preserved the universal value that was the basis of its inscription in the list because of the construction of a bridge in the heart of this cultural landscape.

Consult the complete list whc.unesco.org/fr

Page 32

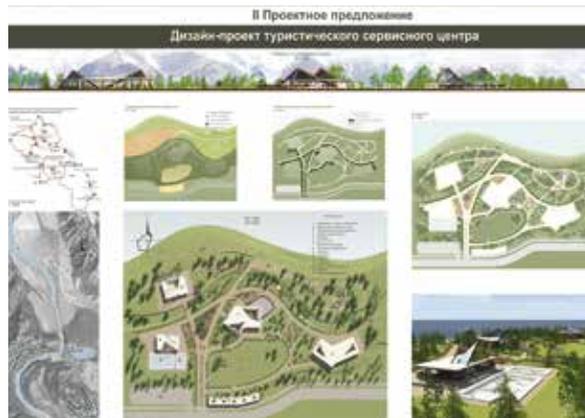
Altay State Technical University by I.I. Polzunov Institute of Architecture and Design Faculty of Architecture and Design. The diploma – 2009

Design-concept of the architectural environment of international tourist route on transboundary territory of great altai

Work has executed: O.A. Chernikova,

Heads: S.B. Pomorov, T.M. Popolzina, M.Y. Shishin

The transboundary territory of Great Altai attracts tourists. But to preserve its uniqueness, one should regulate recreational activities of the region. The project of tourist route on transboundary territory of Great Altai is designed to help in solving the problem.

During the advanced research the theoretical principles of organization of recreational environment and tourist route were studied, the analysis of domestic and foreign experience has been conducted, the complex analysis of territory of Large (Great) Altai is given from the point of physiobiological, climatic, social demographic, cultural and ethnic features.

Taking into account descriptions of region, and also natural, cultural and historical monuments, specially-guarded natural territories and the existent roads, the organization of routes, different in duration and aimed at long or short rest time, was offered.

Along the route, tourist service centers, the basic function of which is entertainment, are offered. Design-conception is directed in the way, that the service centers fits into the natural environment.

For the basis of architectural shaping, the appearance (image) of mountains has been taken. Principle of imposition on each other of simple volumes symbolizes the layers of mountain breeds.

Such architectural decision allows the building elements to be moved on the certain modules, and facilitates the volume to blend with a landscape. The turn of elements allows to create additional forms, gives (dynamism) dynamic quality and sets a certain algorithm.

Within the framework of the offered conception, the basic architectural objects of tourist service center were designed and the architectural environment is created.

The transboundary territory of Large Altai and the architectural environment help in solving problem of the uncontrolled tourism; it is an additional precondition for solving transboundary problems and activation of transboundary collaboration of 4 countries; it is an additional step to steady economic and social development of 4 countries; it is a help in advancement of tourist product in the world market.

Sergey Pomorov

Page 127

I Cannot See the Aim

The problem of sustainable development in the absence of idea

The word "crisis" in terms of contemporary mass media seems to be the most popular. Different people on different levels keep arguing about its causes, kinds of manifestation, its duration and even its existence. Nevertheless, the majority agrees in opinion, that the crisis: a) exists, b) manifests itself in a bad slump in business, and c) altogether it is bad.

Many people oppose the term "sustainability" (sustainable development) to the term "crisis". Sustainability: a) does not exist in the present-day world, b) if it did, it would keep a constant level of activity, and c) it might be good altogether.

In other issues there are no more signs of unanimity. As for the nature of crisis and sustainability, as well as the ways of transition from the first to the second there are a number of uncompromising and contradictory points of view.

Everybody who writes about crisis and sustainable development demands something from the others as necessary conditions for such transition. Let somebody rehabilitate greedy consumerists (or let them rehabilitate themselves somehow), and it will become clear what to do. Or let the government prohibit business from blowing financial bubbles. The government expects business to stop making money at all costs (why should it?) and to exercise more social responsibility. Culture in the person of architectural society expects from business and power a clear program of action, though having no reason for such expectations.

What is the purpose of architectural profession in the crisis and postcrisis world? The years of building boom have obscurely shaped an answer, which is not

aesthetically pleasing, but pragmatic: an architect is needed to make money more effectively on the overheated real estate market. Infill development, “façade-oriented” projects and demolishing of historical image of the cities are side effects of the attempts made by the architect in order to become a businessman. The sense and the aim of architecture is a beautiful and comfort milieu. The aim of business is to make as much money as possible. So, instead of working with images and materials, the architect deals with money. The result is not very good, since the architect has been taught quite differently. A more professional businessman (developer or client) forces an architect to play by his own rules and beats him easily. Together with the same “businessmanlike” officials architects make money for the principal player, while turning cities into ugly anthills.

At the peak of the building boom everything was designed and built for the sake of money. The crisis has clearly and strictly reminded us of the fact, that money cannot be a worthy aim. Money is always mere means. And now professional architectural society is in a difficult situation of a shooter that has lost sight of his aim. There is no point in waiting for the power, business or some other social force to set this aim.

The situation is just perfect for finding the aim. The hysteric of economic boom has been replaced by deep meditation. The time is good for thinking over today’s and tomorrow’s philosophical and methodological fundamentals of architecture.

Konstantin Lidin

Page 143

Peter Zumthor of Switzerland Becomes the 2009 Pritzker Architecture Prize Laureate

Peter Zumthor of Switzerland was chosen as the 2009 Laureate of the Pritzker Architecture Prize. The formal ceremony for what has come to be known throughout the world as architecture’s highest honor was held on May 29 in Buenos Aires, Argentina. At that time, a \$100,000 grant and a bronze medallion was bestowed on the 65-year old architect.

In announcing the jury’s choice, Thomas J. Pritzker, chairman of the Hyatt Foundation, quoted from the jury citation, “Peter Zumthor is a master architect admired by his colleagues around the world for work that is focused, uncompromising and exceptionally determined.”

The following pages contain images of selected works of Peter Zumthor accompanied by descriptive comments on each of the projects in Peter Zumthor’s own words.

2007, Brother Klaus Field Chapel, Wachendorf, Eifel, Germany

The field chapel dedicated to Swiss Saint Nicholas von der Flüe (1417–1487), known as Brother Klaus, was commissioned by farmer Hermann-Josef Scheidtweiler and his wife Trudel and largely constructed by them, with the help of friends, acquaintances and craftsmen on one of their fields above the village.

The interior of the chapel room was formed out of 112 tree trunks, which were configured like a tent. In twenty-

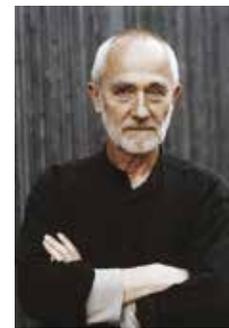
four working days, layer after layer of concrete, each layer 50 cm thick, was poured and rammed around the tentlike structure. In the autumn of 2006, a special smouldering fire was kept burning for three weeks inside the log tent, after which time the tree trunks were dry and could easily be removed from the concrete shell.

The chapel floor was covered with lead, which was melted on site in a crucible and manually ladled onto the floor. The bronze relief figure in the chapel is by sculptor Hans Josephsohn.

2000, Swiss Sound Box, Swiss Pavilion, Expo 2000, Hanover, Germany

We called the Swiss Pavilion for the 2000 Hanover expo “Klangkörper Schweiz”. Instead of showing theoretical or virtual information to promote Switzerland, our basic idea was to offer something concrete to expo visitors, who would be tired from studying all the messages in the other national pavilions: a welcoming place to rest, a place to just be, a place offering a tasty little something from Switzerland for thirsty or peckish visitors, and live music “unplugged”, moving and changing throughout the space, a relaxed atmosphere as well as beautifully dressed attendants.

The idea of creating a Gesamtkunstwerk had fired our imagination. Dramatic music played by musicians moving around, culinary offers, fashion and key words about

Switzerland written in light on the beams and with a light hand: all this was designed to merge with the architecture, a spatial structure of wooden beams.

Taking the expo theme of sustainability seriously, we constructed the pavilion out of 144 km of lumber with a cross-section of 20 x 10 cm, totalling 2,800 cubic metres of larch and Douglas pine from Swiss forests, assembled without glue, bolts or nails, only braced with steel cables, and with each beam being pressed down on the one below. After the closure of the expo, the building was dismantled and the beams sold as seasoned timber.

1997, Kunsthaus Bregenz, Vorarlberger Landesgalerie Museum and Administration Buildings, Bregenz, Austria

The competition brief of 1989 called for a conventional provincial gallery. Step by step, the special format of the house as a Kunsthalle evolved into a four-storey building. Administration, cafe and museum shop were relocated to a separate structure in front of the museum proper.

Initially we planned to direct daylight into the building through obliquely placed facade slats. Tested on models, this solution proved unsatisfactory. The best results were obtained by using etched glass shingles that refract the light before it enters the building. No matter what direction the light is coming from, it is always transmitted horizontally into the interior. Therefore, we placed a cavity above every floor to catch the light coming in from all four sides.

And now, once again, we exploited the ability of the etched glass to diffuse the light; it strikes the glass ceiling and is deflected down into each exhibition gallery. To encourage a special form of concentration on the four stacked exhibition floors, the building was designed without windows. And yet daylight is everywhere.

1996, Thermal Bath Vals, Graubünden, Switzerland

In 1983 the commune of Vals acquired the bankrupt hotel complex, built in the 1960s, for very little money,

but without much enthusiasm. But something had to be done in order to rescue existing jobs. When a larger new building with integrated thermal baths and new guest rooms proved too costly, the authorities opted for the thermal baths as a first step.

We were told it should be something special, unique. It should fit in with Vals and attract new guests. In 1991 the project was presented at a village meeting with a water-filled stone model. Construction started in 1994, and the thermal baths were opened in 1996. Since then, over 40,000 people have visited them every year. Since completion, the overnight stays in the village and in the hotel Therme have increased by about 45 per cent.

The load-bearing composite structure of the baths consists of solid walls of concrete and thin slabs of Vals gneiss broken and cut to size in the quarry just behind the village. The thermal water which comes from the mountain just behind the baths has a temperature of 30°C.

Page 156

The Solar Decathlon 2009 – enduring and sustainable

The Solar Decathlon is an international competition run by the U. S. Department of Energy. The aim is to build a Zero Energy Home, which produces as much energy from renewable sources, as it consumes. Just like the Olympic decathlon this competition consists of 10 contests that center on all the ways in which we use energy in our daily lives. 20 teams of college and university students participate in the Solar Decathlon 2009, among them two teams from Europe.

In 2007 Darmstadt University of Technology took part as „Team Germany” for the first time in the Solar Decathlon and was able to win this competition. Succeeding the team of 2007 we will all have to match with prominent internationally respected competitors in 2009.

The Solar Decathlon design of Darmstadt University of Technology is aimed to demonstrate innovative sustainable architecture design and to make it an object of discussion.

Visitors drawing nearer will discover different „physiognomies” of the building step by step. Systems and functions are reinterpreted and integrated into the design. The concept consists of one single room to provide maximum spaciousness and flexibility in use. To create zones of different ambiances and privacies, the east side floor (bedroom) is lowered, while an open gallery above is an additional space for privacy and leisure. A multifunctional element in the northern part of the building integrates several basic and everyday functions: kitchen, bathroom, stairs, storage space and building services. Consequently the main room is open and provides a maximum of flexibility in use.

The energetic concept combines a high level of comfort with intuitive building control, energy saving and energy producing systems and above all, aesthetic pleasure. The technical systems applied are integrated in a coherent design to reach a complete integration of all functions.

For the reduction of energy demand, the building envelope consists of highly insulated and airtight components; additionally it is, of course, equipped with controlled ventilation and heat recovery. Optimal climate control is achieved by a heat pump, which takes energy from the surrounding air. Controlled air ventilation is necessary, so technical components like radiators are superseded by air conditioning. By this the heat transfer is easily possible.

The building envelope is optimized for energy production, using different kinds of photovoltaic technologies: on the roof and on the facade.

We intended to design new solutions for the integration of photovoltaic cells into the building surface. The PV-modules installed on the facade and on the roof will collect together more energy than necessary to run the electronic equipment. We decided for two different efficient PV-technologies: mono crystalline silicon on the roof. These are

cells with an efficiency of 18%. On the facade we use thin-film CIS cells with an efficiency of 11%. Even though these cells have a lower efficiency, they have fewer problems with increasing temperature and have a better performance in cloudy weather situations. The CIS cells provide extraordinary possibilities of architectural integration, which is one important aim of the energy concept.

The construction of the façade is based on the traditional principle of shingles, which is commonly practiced with slate or wooden plates. We picked up this technique and transferred the principle onto a new appearance and modern materials such as glass PV-modules and acrylic glass.

The 2009 motto chosen by „Team Germany of Darmstadt University of Technology is the same as in 2007: “Future – Made in Germany”. Our building is to demonstrate the high standard of German research and development for renewable energies and energy efficient building design.

Technical University Darmstadt. Germany

Authors of PB21

Marina Abdullina – journalist (Irkutsk)

Andrei Bokov – President of the Union of Architects of Russia, Doctor of Architecture, full member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, full member of the International Academy of Architecture, honoured architect of the Russian Federation, laureate of the national prize in architecture “Crystal Medal”, laureate of the Russian Federation State Prize

Andrei Bolshakov – Doctor of Architecture, Professor at Irkutsk State Technical University, chairman of the architectural section of the Irkutsk regional branch of the All-Russian Society for Protection of Monuments of History and Culture (ARSPMHC)

Olga Vasilieva – architect, senior lecturer of the Department of History of Architecture and Fundamentals of Design at Irkutsk State Technical University

Yuri Volchok – Professor of Moscow Architectural Institute

Sergey Geraschenko – Ph.D. in Architecture, Professor, member of the Union of Architects of Russia (Krasnoyarsk)

Bella Gordon – ecologist, post-graduate student of Yale University (New-York)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), vice-president of the Union of Architects of Russia, director of the RAACS East-Siberian Academcenter, laureate of the Russian Federation State Prize

Natalia Zhukovskaya – II category architect-restorer, director of the restoration school at Irkutsk State Technical University

Andrei Ivanov – city planner, Master of City Management and Development (Erasmus University, Rotterdam, the Netherlands) (Moscow)

Alexander Kartopoltsev – chief architect of OOO “Altera Company”, member of the Union of Designers of Russia

Leonid Kogan – Doctor of Architecture, officer of the State Central Scientific Research and Planning Institute of Town Planning of Russia, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Moscow)

Alexandra Kozak – architect, member of the Club of Young Architects at the Irkutsk regional organization “Union of Architects of Russia”

Nikolai Kradin – Doctor of Architecture, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, professor of Khabarovsk Academy of Construction and Architecture

Nadezhda Krasnaya – architect, head of the Restoration Studio for Research and Design of “Irkutskgrazhdanproject” open JSC

Alexander Levintov – Ph.D. in Geography, expert of the Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Vasily Lisitsyn – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Irkutsk State Technical University, member of the Union of Designers of Russia

Yana Lisitsyna – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Irkutsk State Technical University, member of the Union of Artists of Russia, member of the Union of Journalists of Russia

Andrei Lyapin – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Irkutsk State Technical University, research officer of the Museum of Architecture at the Irkutsk regional organization “Union of Architects of Russia”

Mark Meerovich – Ph.D. in Architecture, Doctor of Historical Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, corresponding member of the International Academy of Architecture (Moscow branch), Professor of the Department of Architectural Engineering at Irkutsk State Technical University

Larisa Melnikova – archeologist, ethnographer, Ph.D. in History, lecturer of Irkutsk Art College

Alla Mironenko – architect as project manager of the Restoration Studio for Research and Design “Traditsiya” (Irkutsk)

Artem Olshevich – student of the Architectural Faculty of Irkutsk State Technical University, member of the Club of Young Architects at the Irkutsk regional organization “Union of Architects of Russia”

Igor Pinaikin – civil engineer, construction engineer, II category restorer, Ph.D. in Engineering, Ass. Professor of the Department of Structural Design at Irkutsk State Technical University

Stanislav Pinaikin – civil engineer (Irkutsk)

Irina Pozdnyakova – architect, post-graduate student of Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Sergey Pomorov – Doctor of Architecture, Professor, Director of Institute of Architecture and Design of Altai State Technical University, member of the Union of Architects of Russia, member of the Union of Designers of Russia (Barnaul)

Patrice de Rendinger – architect, professor, deputy director of Bordeaux High School of Architecture and Landscape (France)

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Moscow Union of Architects, member of the Union of Designers, observer of the internet magazine “Architector” of the MUA website, member of the International Association of Architectural Critics

Massimo Tadi – Professor of the Department of Architecture and Planning of Milan Polytechnic Institute (Italy)

Irina Teplyakova – architect (Irkutsk)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at Baikal State University of Economics and Law, member of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Alexei Chertilov – Ass. Professor of the Department of History of Architecture and Fundamentals of Design at Irkutsk State Technical University, expert of the Rosokhrankultura Federal Service, head of the Cultural Heritage Sector of “Irkutskpromstroiproject” open JSC, laureate of the Irkutsk Regional Governor’s Prize, member of the ICOMOS (International Council of Monuments and Sites), member of the Union of Architects of Russia

Andrei Sholokhov – designer (Irkutsk)

Artem Arestov – public relations consultant of the Club of Young Architects at the Irkutsk regional organization «Union of Architects of Russia»

Авторы ПБ21

Абдуллина Марина Ринатовна – журналист (Иркутск)

Арестов Артем Сергеевич – PR-менеджер Клуба молодых архитекторов при Иркутской региональной организации «Союз архитекторов России»

Боков Андрей Владимирович – президент Союза архитекторов России, доктор архитектуры, действительный член Российской академии архитектуры и строительных наук, действительный член Международной академии архитектуры, заслуженный архитектор Российской Федерации, обладатель национальной премии в области архитектуры «Хрустальный Дедал», лауреат Государственной премии РФ

Большаков Андрей Геннадиевич – доктор архитектуры, профессор Иркутского государственного технического университета, председатель архитектурной секции Иркутского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)

Васильева Ольга Матвеевна – архитектор, старший преподаватель кафедры истории архитектуры и основ проектирования Иркутского государственного технического университета

Волчок Юрий Петрович – профессор Московского архитектурного института

Герашенко Сергей Михайлович – кандидат архитектуры, профессор, член Союза архитекторов России (Красноярск)

Гордон Белла – эколог, аспирант Йельского университета (Нью-Йорк)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, вице-президент Союза архитекторов России, директор ВостокСибАкадемЦентра РААСН, член-корреспондент Международной академии архитектуры (Московское отделение), лауреат Государственной премии РФ

Жуковская Наталья Владимировна – архитектор-реставратор II категории, директор реставрационной школы при Иркутском государственном техническом университете

Иванов Андрей Владимирович – градостроитель, магистр городского менеджмента и развития (Университет Эразма Роттердамского, Роттердам, Нидерланды), (Москва)

Картопольцев Александр Петрович – главный архитектор ООО «Компания Альтера», член Союза дизайнеров России

Козак Александра Игоревна – архитектор, член Клуба молодых архитекторов при Иркутской региональной организации Союза архитекторов России

Коган Леонид Борисович – доктор архитектуры, сотрудник Государственного центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству России, советник Российской академии архитектуры и строительных наук (Москва)

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор Хабаровской академии строительства и архитектуры

Красная Надежда Натановна – архитектор, начальник научно-проектной реставрационной мастерской ОАО «Иркутскгражданпроект»

Левинтов Александр Евгеньевич – кандидат географических наук, эксперт Академии народного хозяйства (АНХ) при Правительстве РФ

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного института путей сообщения

Лисицын Василий Геннадьевич – доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета, член Союза дизайнеров России

Лисицына Яна Юрьевна – доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета, член Союза художников России, член Союза журналистов России

Ляпин Андрей Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета, научный сотрудник Музея архитектуры при Иркутской региональной организации «Союз архитекторов России»

Меерович Марк Григорьевич – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, член-корреспондент Международной академии архитектуры (Московское отделение), профессор кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета

Мельникова Лариса Владимировна – археолог, этнограф, кандидат исторических наук, преподаватель Иркутского художественного училища

Миرونенко Алла Корнеевна – главный архитектор проектов научно-проектной реставрационной мастерской «Традиция» (Иркутск)

Ольшевич Артем Юрьевич – студент архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета, член Клуба молодых архитекторов при Иркутской региональной организации «Союз архитекторов России»

Пинайкин Игорь Петрович – инженер-строитель, инженер-конструктор, реставратор II категории, кандидат технических наук, доцент кафедры строительных конструкций Иркутского государственного технического университета

Пинайкин Станислав Игоревич – инженер-строитель (Иркутск)

Позднякова Ирина Геннадьевна – архитектор, аспирант Сибирского Федерального университета (Красноярск)

Поморов Сергей Борисович – доктор архитектуры, профессор, директор Института архитектуры и дизайна Алтайского государственного технического университета, член Союза архитекторов России, член Союза дизайнеров России (Барнаул)

Рандинжер Патрис де (Patrice de Rendinger) – архитектор, профессор, заместитель директора Высшей школы архитектуры и ландшафта г. Бордо (Франция)

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член Московского союза архитекторов, член Союза дизайнеров, обозреватель интернет-журнала «Архитектор» сайта МСА, член Международной ассоциации архитектурных критиков

Тади Массимо – профессор кафедры архитектуры и планирования политехнического института г. Милана (Италия)

Теплякова Ирина Анатольевна – архитектор (Иркутск)

Тихонов Владимир Викторович – кандидат культурологии, директор архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (Иркутск)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России

Чертилов Алексей Константинович – доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования Иркутского государственного технического университета, эксперт Федеральной службы Росохранкультуры, руководитель сектора культурного наследия ОАО «Иркутскпромстройпроект», лауреат Премии губернатора Иркутской области, член ICOMOS, член Союза архитекторов России

Шолохов Андрей Викторович – дизайнер (Иркутск)

Комплексные инновационные решения

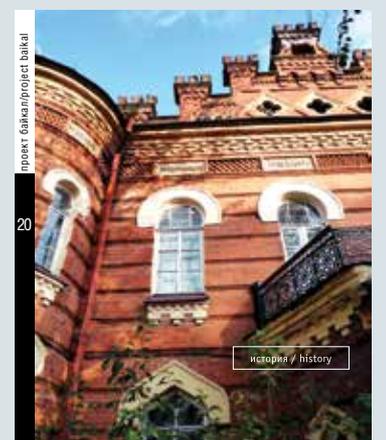
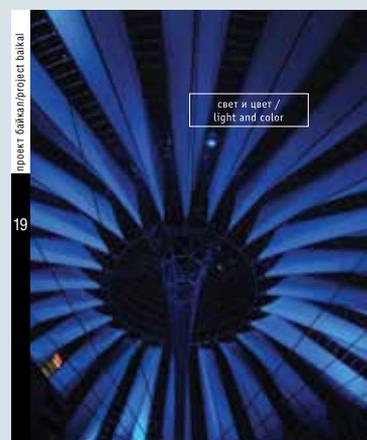
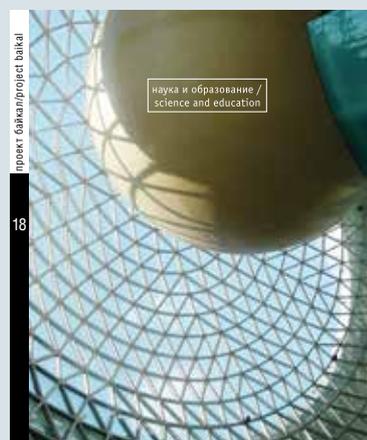
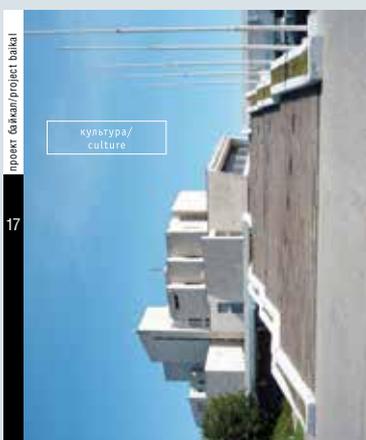
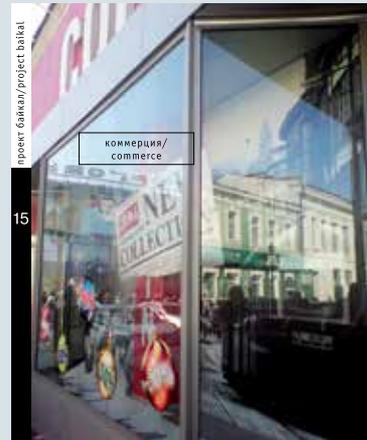
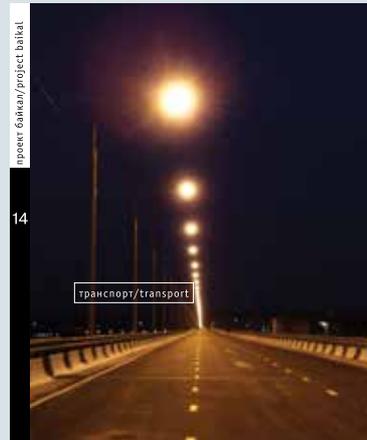
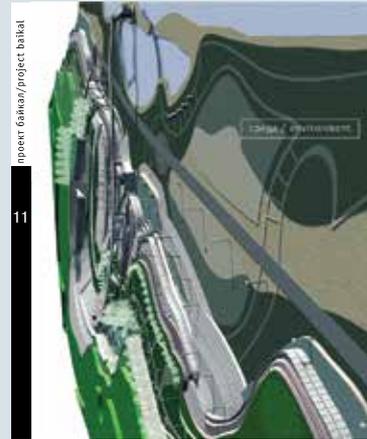
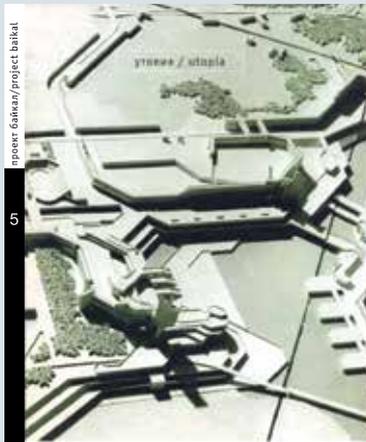
Архитектурные
конструкции
из алюминия

Вентилируемые
фасады

г. Иркутск
К. Маркса, 55,
т.: (3952) 710-453,
710-395

www.demetra.ru

АРХИТЕКТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Приобрести журнал можно: Дом архитектора, пер. Черемховский, 1а
«Иркутскгражданпроект», ул. Степана Разина, 27, оф. 701
ИрГТУ, архитектурный факультет, методический кабинет